

ISSN 1819-4907 (Print)
ISSN 2542-1913 (Online)

ИЗВЕСТИЯ САРАТОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

Новая серия

Серия: История.
Международные отношения

2022

Том 22

Выпуск 4

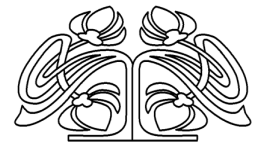
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования
«Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского»

ИЗВЕСТИЯ САРАТОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

Новая серия

Серия История. Международные отношения, выпуск 4

Продолжение «Известий Императорского Николаевского Университета» 1910–1918, «Ученых записок СГУ» 1923–1962,
«Известий Саратовского университета. Новая серия» 2001–2004

Научный журнал
2022 Том 22
ISSN 1819-4907 (Print)
ISSN 2542-1913 (Online)
Издаётся с 2005 года

СОДЕРЖАНИЕ

Научный отдел

Отечественная история

- Солодкин Я. Г.** Потери «дружины» Ермака при завоевании Сибирского ханства 424
Ляпин Д. А. Непризнанный святой Прокопий Устьянский и новые сведения к творческой биографии С. И. Шаховского 430
Марюткин В. В. Поход В. А. Перовского на Ак-Мечеть в 1853 году 436
Лёвин С. В. Обзорные рецензии Н. Г. Чернышевского на историко-географические труды А. С. Норова 443
Кочукова О. В. Визуальная репрезентация освободительной войны России на Балканах в журнальной графике 1870-х годов 449
Варфоломеев Ю. В. Образ адвоката позднимперской России в отечественной художественной литературе (по материалам произведений Максима Горького «Мать» и «Жизнь Клима Самгина») 457
Коновалов И. Н. Влияние столыпинской аграрной реформы на развитие сельскохозяйственной кооперации в России (1906–1914) 464
Мякшев А. П., Гумениук А. А. Неудача создания общества потребления в СССР (1953–1985 гг.) как один из факторов распада единого государства 470
Кирчанов М. В. Визуальные формы политики памяти в тюркских республиках России в 2010 – начале 2020-х годов 477

Всеобщая история и международные отношения

- Смятцкий Д. Г.** Варяги и Русь: особенности военного противостояния и взаимодействия (VI–XIV века) 484
Многолетняя Е. Н. Культурно-историческая роль чешского книгопечатания в XVI – начале XVII веков 490
Креленко Н. С. Русская тема в восприятии Х. Уолпола 497
Нухаилави А. В. Х. Структура Организации Центрального Договора и ее сравнение с другими военно-политическими блоками 505
Хамид М. С. Проблема взаимоотношений власти и шиитских улама в Ираке при Саддаме Хусейне (1970–1980-е годы) 510
Исламов Д. Р. Роль Европейского Союза и евроинтеграционного процесса в становлении независимости Черногории 515

Региональная история и краеведение

- Моргунов Я. В.** Празднование 300-летия Дома Романовых в городах Поволжья 522
Артамонова Л. М., Смирнов Ю. Н. Обобщающие труды о Самарской Луке и Усольской вотчине XVIII – начала XX века как опыт современных исследовательских практик «локальной истории» 529
Гнидо С. В. Деятельность Военного совета Аткарско-Ртищевского укрепрайона в июле – начале августа 1919 года 534
Воейков Е. В. Торфоразработки Саратовской губернии в 1919–1921 годах 542
Кабытов П. С., Протасова А. В. Религиозные практики духовенства в дискурсе реализации антирелигиозной политики в середине 1920-х гг. (на материалах Самарской губернии) 550
Яковлева Ж. В. Роль Емельяна Михайловича Ярославского в антирелигиозной кампании 1930-х гг. (на примере Саратовского Поволжья) 556

Журнал «Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия “История. Международные отношения”» зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций.

Запись о регистрации СМИ ПИ № ФС77–76642 от 26 августа 2019 года

Журнал включен в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук (специальности: 5.6.1; 5.6.2; 5.6.5; 5.6.7)

Журнал выходит 4 раза в год. Подписной индекс издания 36018. Подписку на печатные издания можно оформить в Интернет-каталоге ГК «Урал-Пресс» (ural-press.ru). Цена свободная. Электронная версия находится в открытом доступе (imo.sgu.ru)

Директор издательства

Бучко Ирина Юрьевна

Редактор

Батищева Татьяна Федоровна

Художник

Соколов Дмитрий Валерьевич

Редактор-стилист

Агафонов Андрей Петрович

Верстка

Степанова Наталия Ивановна

Технический редактор

Каргин Игорь Анатольевич

Корректор

Батищева Татьяна Федоровна

Адрес учредителя, издателя и издательства (редакции):

410012, Саратов, Астраханская, 83

Тел.: +7(845-2) 51-29-94, 51-45-49,

52-26-89

E-mail: publ@sgu.ru, izdat@sgu.ru

Подписано в печать 15.12.22.

Подписано в свет 23.12.22.

Формат 60 × 84 1/8.-

Усл. печ. л. 16.3 (17.5).

Тираж 100 экз. Заказ 134-Т

Отпечатано в типографии Саратовского университета.

Адрес типографии:

410012, Саратов, Б. Казачья, 112А

© Саратовский университет, 2022

ПРАВИЛА ОФОРМЛЕНИЯ РУКОПИСЕЙ

Журнал принимает к публикации оригинальные, ранее не публиковавшиеся научные статьи по всеобщей и отечественной истории, региональной истории и краеведению, истории международных отношений, источниковедению и историографии, а также обзорные статьи, рецензии и сообщения.

К рассмотрению принимаются статьи, написанные научными сотрудниками и преподавателями – специалистами по истории, истории международных отношений, докторами и кандидатами наук, аспирантами, соискателями.

Объем статей должен составлять 20–40 тыс. знаков с пробелами через полуторный интервал и содержать до 5 рисунков и 4 таблиц, объем рецензий и сообщений – 10–20 тыс. знаков с пробелами и до 2 рисунков. Рецензии оформляются так же, как статьи. Статья должна быть оформлена строго в соответствии с правилами и тщательно отредактирована. Последовательность предоставления материала:

– на русском языке: тип статьи (научная статья, обзорная статья, рецензия, краткое сообщение), индекс УДК, название статьи, инициалы и фамилия автора, сведения об авторе (фамилия, имя, отчество (полностью), ученая степень, ученое звание, место работы, должность (с указанием структурного подразделения), e-mail, ORCID, Author ID своей странички в e-library), аннотация, ключевые слова (7–10), благодарности и ссылки на гранты (если есть), текст статьи, примечания (при наличии), список литературы;

– на английском языке: тип статьи, название статьи, инициалы и фамилия автора, сведения об авторе (имя, инициал отчества, фамилия, ORCID, Author ID своей странички в e-library, место работы, почтовый адрес организации (с указанием индекса), e-mail), аннотация, ключевые слова.

Требования к аннотации:

– должна отражать краткое содержание статьи;

– оптимальный объем 300–500 знаков;

– не должна содержать сложных формулировок, повторять название статьи, быть насыщена общими словами, не излагающими сути исследования.

Имеющиеся примечания и комментарии помещаются перед списком литературы. Каждое примечание обозначается концевой сноской и нумеруется арабской цифрой.

Список литературы составляется в пронумерованном с [1] по [последняя] ссылке порядке. Библиографические ссылки на приставный список литературы должны быть оформлены в порядке упоминания в тексте, с указанием в строке текста в квадратных скобках цифрового порядкового номера и через запятую номеров соответствующих страниц (листов архивного дела). Каждое архивное дело одного фонда считается отдельным источником в нумерации списка литературы. Более подробную информацию о правилах оформления статей можно найти по адресу: <https://imo.sgu.ru/ru/dlya-avtorev>

Материалы, отклоненные редколлегией, не возвращаются.

Адреса для переписки с редколлегией серии: imo_sgu@mail.ru; 410012, г. Саратов, ул. Астраханская, 83, Саратовский университет, Институт истории и международных отношений, заместителю главного редактора журнала «История Саратовского университета. Новая серия. Серия История. Международные отношения» Л. Н. Черновой.

CONTENTS

Scientific Part

Russian History

- Solodkin Ya. G.** Yermak Cossacks losses during the conquest of the Siberian Khanate 424
- Lyapin D. A.** Unrecognized Saint Procopius Ustyansky and new information about the creative biography of Semyon Shakhovskiy 430
- Maryutkin V. V. A.** Perovsky's campaign to the Ak Mosque in 1853 436
- Lyovin S. V. N. G.** Chernyshevsky's survey reviews on historical and geographical works of A. S. Norov 443
- Kochukova O. V.** Visual representation of Russia's liberation war in the Balkans in the magazine graphics of the 1870s 449
- Varfolomeev Yu. V.** The image of the lawyer of late Imperial Russia in Russian literature (based on the works of Maxim Gorky "Mother" and "The Life of Klim Samgin") 457
- Kononov I. N.** The influence of the Stolypin agrarian reform on the development of agricultural cooperation in Russia (1906–1914) 464
- Myakshev A. P., Gumenyuk A. A.** The failure to create a consumer society in the USSR (1953–1985) as one of the factors of the collapse of a single state 470
- Kyrchanoff M. W.** Visual forms of politics of memory in the Turkic Republics of Russia in the 2010s and early 2020s 477

World History and International Relations

- Smyatckij D. G.** Varangians and Rus: Peculiarities of military confrontation and interaction (VI–XIV centuries) 484
- Mnogoletnyaya E. N.** The cultural and historical role of Czech book printing in the XVI–early XVII centuries 490
- Krelenko N. S.** Russian theme in the perception of H. Walpol 497
- Nukhailawi A. W. H.** The structure of the Central Treaty Organization and its comparison with other military-political blocs 505
- Hamid M. S.** The problem of the relationship between the government and Shiite Ulama in Iraq under Saddam Hussein (1970–1980s) 510
- Islamov D. R.** European integration as a factor in the process of the Montenegrin state-building 515

Regional History and Local Studies

- Morgunov Ya. V.** Celebration of the 300th Anniversary of the House of Romanov in the cities of the Volga region 522
- Artamonova L. M., Smirnov Yu. N.** Generalizing works on the Samara Luka and the Usolskaya Patrimony of the XVIII – early XX centuries as an experience of modern research practices of "local history" 529
- Gnido S. V.** Activities of the Military council of the Atkarsk-Rtishchevo fortification area in July – August 1919 534
- Voeikov E. V.** Peat processing of the Saratov province in 1919–1921 542
- Kabytov P. S., Protasova A. V.** Religious practices of the clergy in the discourse of the implementation of anti-religious policy in the mid-1920s (based on the materials of the Samara Province) 550
- Yakovleva J. V.** The role of Emelyan Mikhailovich Yaroslavsky in the anti-religious campaign of the 1930s (By the example of the Saratov Volga region) 556

**РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ ЖУРНАЛА
«ИЗВЕСТИЯ САРАТОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА. НОВАЯ СЕРИЯ.
СЕРИЯ: ИСТОРИЯ. МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ»**

Главный редактор

Данилов Виктор Николаевич, доктор ист. наук, профессор (Саратов, Россия)

Заместитель главного редактора

Чернова Лариса Николаевна, доктор ист. наук, профессор (Саратов, Россия)

Ответственный секретарь

Рабинович Яков Николаевич, кандидат ист. наук, доцент (Саратов, Россия)

Члены редакционной коллегии:

Барабанов Олег Николаевич, доктор полит. наук, профессор (Москва, Россия)

Голуб Юрий Григорьевич, доктор ист. наук, профессор (Саратов, Россия)

Дённингхаус Виктор, доктор истории, профессор (Люнебург, Германия)

Кабытов Петр Серафимович, доктор ист. наук, профессор (Самара, Россия)

Любичанковский Сергей Валентинович, доктор ист. наук, профессор (Оренбург, Россия)

Мезин Сергей Алексеевич, доктор ист. наук, профессор (Саратов, Россия)

Монахов Сергей Юрьевич, доктор ист. наук, профессор (Саратов, Россия)

Рейли Дональд, доктор истории, профессор (Чапел-Хилл, США)

Репина Лорина Петровна, доктор ист. наук, чл.-корр. РАН (Москва, Россия)

Тисье Мишель, доктор истории, доцент (Ренн, Франция)

Федоров Сергей Егорович, доктор ист. наук, профессор (Санкт-Петербург, Россия)

Цатурова Сусанна Карленовна, доктор ист. наук, ведущий научный сотрудник (Москва, Россия)

Черевичко Татьяна Викторовна, доктор экон. наук, профессор (Саратов, Россия)

**EDITORIAL BOARD OF THE JOURNAL
«IZVESTIYA OF SARATOV UNIVERSITY.
HISTORY. INTERNATIONAL RELATIONS»**

Editor-in-Chief – Victor N. Danilov (Saratov, Russia)

Deputy Editor-in-Chief – Larisa N. Chernova (Saratov, Russia)

Executive secretary – Yakov N. Rabinovich (Saratov, Russia)

Members of the Editorial Board:

Oleg N. Barabanov (Moscow, Russia)

Yury G. Golub (Saratov, Russia)

Victor Dönningkhaus (Lüneburg, Germany)

Pyotr S. Kabytov (Samara, Russia)

Sergey V. Lyubichankovsky (Orenburg, Russia)

Sergey A. Mezin (Saratov, Russia)

Sergey Yu. Monakhov (Saratov, Russia)

Donald J. Raleigh (Chapel Hill, USA)

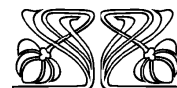
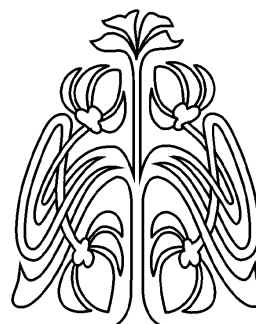
Lorina P. Repina (Moscow, Russia)

Michel Tissier (Rennes, France)

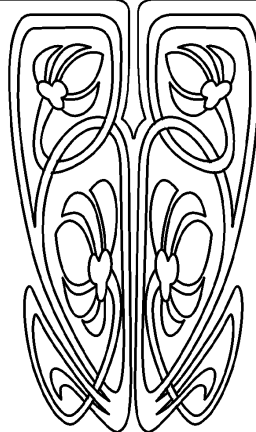
Sergey E. Fyodorov (St. Petersburg, Russia)

Susanna K. Tsaturova (Moscow, Russia)

Tatyana V. Cherevichko (Saratov, Russia)

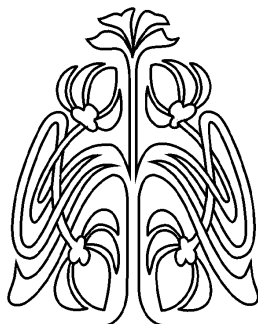

**РЕДАКЦИОННАЯ
КОЛЛЕГИЯ**

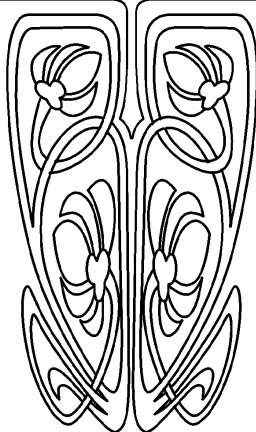

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ИСТОРИЯ

НАУЧНЫЙ
ОТДЕЛ

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2022. Т. 22, вып. 4. С. 424–429

Izvestiya of Saratov University. History. International Relations, 2022, vol. 22, iss. 4, pp. 424–429

<https://imo.sgu.ru> <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2022-22-4-424-429>, EDN: FXIPLW

Научная статья

УДК [94+325](571.1)|15|+929Ермак Тимофеевич

Потери «дружины» Ермака при завоевании Сибирского ханства

Я. Г. Солодкин

Нижевартовский государственный университет, Россия, 628605, Ханты-Мансийский автономный округ-Югра, г. Нижневартовск, ул. Ленина, д. 56

Солодкин Янкель Гутманович, доктор исторических наук, профессор кафедры истории России и документоведения, hist2@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4146-7868>, Author ID: 2465-9167

Аннотация. В статье выясняются размеры потерь «войска» Ермака в ходе «Сибирского взятия». Синодик «ермаковым казакам» и ранние тобольские летописи позволяют определить, что из 540 соратников прославленного атамана вернулись на Русь примерно 200–225 чел. Кроме целиком истребленного отряда Ивана Кольца, самые значительные потери «дружина» понесла в сражениях близ урочища Бабасан и Чувашева мыса, во время экспедиции в Обь-Иртышье и от голода в Искере зимой 1584/85 г.

Ключевые слова: Сибирская экспедиция Ермака, численность казачьей «дружины», сибирские летописи, синодик «ермаковым казакам», битва у Чувашева (Потчевашского) мыса, потери «русского полка», Матвей Мещеряк

Для цитирования: Солодкин Я. Г. Потери «дружины» Ермака при завоевании Сибирского ханства // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2022. Т. 22, вып. 4. С. 424–429. <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2022-22-4-424-429>, EDN: FXIPLW

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

Yermak Cossacks losses during the conquest of the Siberian Khanate

Ya. G. Solodkin

Nizhnevartovsk State University, 56 Lenina St., Nizhnevartovsk 628605, Russia

Yankel G. Solodkin, hist2@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4146-7868>, Author ID: 2465-9167

Abstract. The author ascertains the death toll among Yermak Cossacks during their acquisition of Siberia. The Synodik to Yermak Cossacks and the early Tobolsk chronicles make it possible to determine that out of 540 associates of the famous ataman, about 200–225 returned to Russia. Apart from Ivan Koltso's detachment that perished completely, the heaviest losses were inflicted to Yermak's troops in the battles near Basaban and Chuvashhev Cape, during the expedition to the Ob-Irtysh area and from the famine in Isker in the winter of 1584/85.

Keywords: Ermak's Siberian expedition, the size of the Cossack "retinue", Siberian chronicles, synodic "Ermakov Cossacks", battle near Chuvashhev cape, losses of the "Russian regiment", Matvey Meshcheryak

For citation: Solodkin Ya. G. Yermak Cossacks losses during the conquest of the Siberian Khanate. *Izvestiya of Saratov University. History. International Relations*, 2022, vol. 22, iss. 4, pp. 424–429 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2022-22-4-424-429>, EDN: FXIPLW

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC0-BY 4.0)

Прологом присоединения Западной Сибири к России явилась экспедиция нескольких казачьих сотен под предводительством Ермака в «царство» Кучума, начавшаяся в конце лета 1582 г. и продолжавшаяся после гибели «ратоборного» атамана в первых числах августа 1584 г. еще около 10 месяцев.

Вопрос о размерах потерь «единомысленной и предоблей дружины», сумевшей быстро «сбить с куруня» считавшегося могущественным хана, издавна остается дискуссионным в силу или противоречивости, или молчания источников – почти исключительно нарративных.

В созданных на протяжении 1630-х гг. Основных редакциях Есиповской и Строгановской летописей (далее – ОЕЛ и ОСЛ соответственно) сказано, что «русский полк», двинувшийся во владения Кучума, насчитывал 540 казаков [1, с. 50; 2, с. 10]. Про это автор протографа самых известных «исторических повестей» о «Сибирском взятии», вероятно, как полагал Р. Г. Скрынников, ранней тобольской летописи, скорее всего, узнал от ветеранов прославленной зауральской экспедиции [3, с. 6; 4, с. 158]. Многие исследователи, хотя безосновательно, округляли данную цифру до 500 или 600, а Э. Л. Дубман находил, что отряд «воровских» казаков такой численности составил костяк «русского полка», двинувшегося в 1582 г. за Урал [5, с. 95]. В ОСЛ сказано о том, что «Ермакова дружина» включала и 300 ратников из строгановских владений в Прикамье, большей частью немцев, литовцев, татар, попавших в плен к русским в годы Ливонской войны, а ее общая численность, о чем говорится в Ремезовской летописи рубежа XVII–XVIII вв. и включенном в ее состав Кунгурском летописце, составляла всего 1500, 1650, даже 5000 чел. Эти известия давно сочтены баснословными, хотя нередко еще принимаются отдельными историками на веру [цит. по.: 6, с. 536; 7, с. 537; 8, с. 28 и др.].

В сохранившемся десятке уникальных сведений (очевидно, документального происхождения) о «Ермаковой эпопее» Погодинском летописце сообщается, что под началом головы И. В. Глухова «на лето (1585 г. – Я. С.), как «вода (в реках. – Я. С.) вскрылась», «ис Сибири через Камень (Урал. – Я. С.) Собыю рекою» и Пустоозеро на Русь вернулись «осталцы» – 90 уцелевших казаков, а также немногие «вои» из отряда князя С. Д. Болховского – первого воеводы, направленного в Сибирь, когда московские власти узнали об успехах ермаковцев; подавляющее же большинство «присыльных людей», у которых «запасу ... не было никакого», скончалось «от скудости хлебные» [1, с. 133–135]. Источником данного рассказа может считаться какой-то документ, сохранивший свидетельства участников знаменитого «пошества» «христианских воев» против «кучумлян», скорее всего, отложившиеся в архиве Посольского приказа «расспросные

речи» И. В. Глухова, а также сподвижников легендарного атамана [4, с. 158; 9, с. 103, 113]. Голова И. В. Глухов, вероятно, не письменный, как порой считалось, а стрелецкий, был сослуживцем князя С. Д. Болховского, умершего вскоре после прибытия в Искер – недавнюю столицу «Кучумова царства». При выступлении из Пермского края в «Сибирскую землю» молодой воевода, принадлежавший к Звенигородскому княжескому дому, располагал тремя сотнями стрельцов и даточных людей, но несколько десятков из них под началом Р. Языкова, как допускал А. Т. Шашков, остались в городке, «срубленном» на Тагильском волоке [10].

Иногда авторы, в частности Н. И. Никитин, цифру, трижды приведенную в строках Погодинского летописца, посвященных возвращению казаков из Искера, увеличивают до сотни [11]; А. С. Зуев же считал ее приблизительной [6, 7]. Мнение А. Г. Нестерова, будто 90 «ермаковых казаков» уцелели к 1585 г. [цит. по: 12, с. 209], не отличается точностью. Как считают Д. М. Исхаков и З. А. Тычинских, малочисленность побудила казаков вернуться на Русь [цит. по: 13, с. 129].

Многие историки, следуя Ремезовской летописи, указывали на возвращение из Сибири на Русь 150 ермаковцев. Учитывая, что почти все цифры, имеющиеся только в повествовании С. У. Ремезова, не заслуживают доверия [4, с. 179; 14, с. 202], процитированное сообщение Погодинского летописца явно предпочтительнее. Исходя из него и принимая во внимание свидетельства первых тобольских и сольвычегодских книжников о численности «товарства», появившегося в юрте Кучума, ранее говорилось о гибели 450 атаманов и казаков в ходе их «храбрствования» в Сибири [4, с. 163, 213; 15, с. 157]. Однако вскоре после смерти Ермака и прибытия в Искер (Кашлык) 250–270 стрельцов и даточных людей под началом князя С. Д. Болховского, возможно, в середине августа – сентября 1584 г. этот город оставила станица Матвея Мещеряка [4, с. 59, 61, 75, 76, 162–163], двинувшись на Волгу и Яик. Ранее многие исследователи полагали, что Матвей Мещеряк покинул Сибирь вместе с И. В. Глуховым, о чем сказано в ОСЛ [6, с. 536; 13, с. 129; 16, с. 262; 17, с. 42].

Не исключено, что в распоряжении бестрашного Матвея Мещеряка (которого, забывая про Ивана Грозу, подчас объявляли единственным атаманом, пережившим «велеумного» предводителя «дружины»), находилось до сотни казаков. Стало быть, немало ермаковцев, оставшись без своего «наставника», в середине 1580-х гг. вернулись из-за Урала в «Поле», тогда как другие – на «Русь» и в Сибирь. Кроме того, благодаря Погодинскому летописцу мы узнаем о том, что как только в Искере очутился отряд князя С. Д. Болховского, его «товарищ» И. С. Кирев с ермаковцами, очевидно, выполняя царский

приказ, повез в Москву захваченного русскими в плен еще весной 1583 г. ханского племянника Маметкула (Мухаммед-Кула) [1, с. 40, 133, 233, 247, 248, 310, 363; 2, с. 33, 78, 301]. Сколько было этих казаков, остается неясным, но едва ли 50, как считал А. Т. Шашков [цит. по: 18, с. 118; 10, с. 38]. Казачьи станицы в Москву обычно состояли из 10–25 чел. [19, с. 115, 153; 15, с. 60, 62, 67]. Быть может, во главе с И. С. Киреевым именно столько «бесстрашных воинов», потерявших своего «наставника», – от 10 до 25 – осенью 1584 г. и выехали к «царскому порогу» с султаном, являвшимся лучшим военачальником Кучума. Несколько казаков И. В. Глухов предположительно отправил к прикамским «магнатам» Строгановым (снаряжавшим «дружину» в зауральский поход) или в Москву весной следующего года. В таком случае довелось уцелеть и этим ермаковцам.

В экспедиции, открывшей русским дорогу «на простор», стало быть, могло пасть примерно 320–340 атаманов и казаков, а посчастливилось выжить около 200–220 их «товарищам». Р. Г. Скрынников считал, что «с Ермаком сложили головы не менее трехсот казаков или более того» [20, с. 85]. По утверждению Н. А. Миненко, к весне 1585 г. уцелели как минимум 50 стрельцов и около 200 «воинских людей», «согнавших» Кучума «с царства», в том числе их предводитель [17, с. 38]. Первая из этих цифр должна считаться произвольной. Атаман же, которого на века прославил зауральская экспедиция, утонул или был убит в начале августа 1584 г. Утверждение, будто «Ермак в 1582–1585 гг. совершил ряд походов в южные районы Сибири» [21, с. 546], лишено каких-либо оснований.

Судя по синодику, «ермаковым казакам» редакции начала 1620-х гг., инициатором создания которого явился «первопрестольный» тобольский архиепископ Киприан, больше всего «православных воев» за один раз – сразу 40 – полегли с атаманом Иваном Кольцом, выступив согласно «приговору всего товариства» к прежнему ханскому визирю (караче), чтобы «оборонити» его якобы от Казахской Орды. Этого визиря звали Маметом или Мухаммадом [22, с. 368; 23, с. 43, 87, 400–401].

Без атамана Никиты Пана и 15 его сподвижников с их «дружиною» (численность ее, как и позднее, не определяется) «войско» осталось в пору «хождения» к Назимскому и другим остяцким городкам Обь-Иртышья. 7 казаков, опять-таки «с дружиною» (одним из них был Богдан Брязга или Брюзга, названный в Погодинском летописце есаулом), пали близ Абалацкого озера – и отправившиеся туда рыбачить, и в бою. Там ермаковцы разбили не хана [22, с. 19], а его племянника Маметкула. Не приходится считать [13, с. 128], что он близ Абалака, причем, в ноябре 1582 г., лишь попытался напасть на казаков. Свидетельство С. У. Ремезова, видимо, почерпнутое

из синодика тобольского Софийского (Успенского) собора о гибели у Абалацкого озера 19 или 20 «православных воев», едва ли достоверно [4, с. 11, 159–160]. Как минимум 7 русских, включая Ермака, но без «дружины», не стало на перекопи (водотоке) чуть ниже устья Вагая, в большой излучине Иртыша [24, с. 529, 533, 536, 537, 542]. Опрометчиво доверять известию Кунгурского летописца, сложившегося в казачьей среде, по-видимому, во второй половине XVII в., будто в роковым для «храброго смлада» атамана и многих его сподвижников походе – «на усть Ишиму», в «бою великом», – смерть приняли еще 5 «христианских воев» [2, с. 341–342, 432–433].

В одной рукописи «отца сибирской истории» Г. Ф. Миллера сохранился перечень атаманов и казаков, погибших от рук «кучумлян», очевидно, зависимый от протографа текста, имевшегося в распоряжении и создателя раннего синодика. В этом перечне умалчивается о «дружине» (дважды) и численности отряда И. Кольца, истребленного «зломмысленным» карачей, а также о «подчювашской брани» возле Искера, которую летописцы изображали решающей в ходе «Сибирского взятия». В «киприановском» же синодике утверждается, что у Чувашева (Потчевашского) мыса вместе «с дружиною» пали Окул (Окол), Иван Карчига и Богдан Брязга (возможно, десятники), хотя следом они названы среди убитых под Абалаком [1, с. 78, 132, 380–381]. Маловероятно, что в битве, открывшей казачьему «воинству» беспрепятственный путь к Искеру, – упорной и ожесточенной [1, с. 53, 71; ср. с. 92, 122; 2, с. 23–24] – среди ермаковцев, как представлялось Р. Г. Скрынникову [16, с. 218, 225], не было жертв; на них прямо указывал анонимный сольвычегодский книжник, писавший по заказу Строгановых [2, с. 24; ср. с. 67, 69]. Содержащийся в ОЕЛ и Погодинском летописце рассказ про «сечу злую» большей частью дословно заимствован из Хронографа Русского [цит. по: 14, с. 132–133, 185].

Видимо, упоминание о 3 сподвижниках Ермака, убитых в «побойце» у главной, в оценке большинства историков, резиденции Кучума, принадлежит редактору того синодика, который обнаружившая его Е. К. Ромодановская считала первоначальным. Затем о тех же самых казаках говорится как об «избиенных» вблизи Абалака. Ведь иначе бы выходило, что «дружина» не понесла в той битве потерь [15, с. 51–52]. Участники же беспримерной экспедиции, составившие посвященное ей «написание» [1, с. 70], легшее в основу ранних синодиков, или не могли вспомнить, кого из их «товарищей» убили в «великом бою» близ засеки под Искером, или находились в рядах станиц, оставшихся там невредимыми, или, вероятнее, свидетельства доживших до начала 1620-х гг. ветеранов оказались столь противоречивыми, что «слогатели» «помянника» из окружения первого тобольского

владыки, приказавшего расспросить ермаковцев, отказались воспользоваться этими показаниями.

Сообщение синодика из ремезовской «Истории Сибирской» о гибели под «Чювашею» 107 казаков, думается, нельзя признать достоверным [4, с. 83, 160; 9, с. 47].

По допущению Д. Н. Маслюженко и Е. А. Рябиной, к концу октября 1582 г., когда «дружина» Ермака заняла Искер, она осталась как минимум без сотни своих «товарищей» [25, с. 257; 26, с. 140; 11, с. 130, 138]. Скорее, к тому времени или зиме – первой, которую оно провело в Сибири, – казачье «воинство» насчитывало до 500 чел. [16, с. 241].

В перечне ермаковцев, сохранившемся в миллеровской копии, и «помяннике» первых лет существования Сибирской епархии, видимо, подобно «написанию», умалчивается о «брани велией (великой)», состоявшейся около урочища Бабасан на Тоболе, хотя об этой «брани» можно найти сведения в сибирских летописях [1, с. 52, 131, 240; 2, с. 20]. Считать это сражение всего лишь стычкой с татарами [6, с. 536] не приходится.

У Миллера и в «помяннике» также ничего не говорится о гибели затем нескольких сподвижников Ермака на берегу Иртыша, об убийствах казаков, вероятно, ясагчиков, «по волостем и по улусом» вслед за умерщвлением Ивана Кольца с его отрядом, о блокаде Маметом Искера, во время которой, в том числе в бою у Саускана, казаки лишились многих своих соратников, о смерти атамана Якова Михайлова, отправленного «в подсмотр», т. е. разведку [1, с. 61–62, 125; 2, с. 21, 34; 11, с. 129], о казаке Сергее Зиновьеве, павшем при захвате в плен Маметкула, ермаковце Теофилакте, которого, судя по приходной книге Чудова монастыря за 1585/86 г., убили в Сибири [16, с. 67, 187; 27, с. 380; 11, с. 60], да и голоде (унесшем жизни многих казаков и ратных людей, прибывших с князем С. Д. Болховским) в Искере зимой 1584/85 г. [1, с. 60, 133–135, 138, 189, 258, 315, 345, 368]. Перечисленные эпизоды «Ермакова взятия» Сибири заставляют расстаться с сомнениями в том, что ее завоевание несколькими сотнями вольных казаков сопровождалось жестокими и кровопролитными столкновениями [28, с. 18].

Во время упомянутой экспедиции немало казаков, вероятно, скончалось от болезней, к примеру цинги. Тогда, по-видимому, татары и нападали на русских, отправлявшихся рыбачить (как соратники Ермака двумя годами прежде) и охотиться, на сборщиков ясака, старались воспрепятствовать его доставке в Искер. Некоторых «товарищей» казаки, возможно, потеряли уже в предшествовавших «Сибирскому взятию» боях у Епанчина, при взятии «улуса» Мамета и городка мирзы Атика [1, с. 33, 38, 52–53, 110, 130, 240]. «Абалацкую брань», хотя летописцы назы-

вали ее «велией» и многочасовой, нельзя отнести к крупным сражениям [4, с. 15, 52–55, 107].

Кроме того, в синодике из Черепановской летописи середины XVIII в. сравнительно с другими «помянниками» упоминаются Иоахим (вероятно, Иоаким) и Савва, еще по одному Андрею и Федору, но свыше 10 имен не названы [29, с. 36].

По словам одного из редакторов «Сказания» Саввы Есипова, пельмский князь, когда в его землях появились «ермаковы казаки», стал их «переимати на приметных местех» [1, с. 120], т. е. устраивая засады. Вероятно, процитированное сообщение Лихачевского летописца запечатлело предание, бытовавшее в XVII в. среди жителей Северного Зауралья [4, с. 79; 9, с. 68–69], и следовать этому известию, как поступили В. В. Трепавлов и Я. В. Пилигчук [22, с. 56–57; 30, с. 22, 25], думается, опрометчиво.

Согласно раннему синодику и многим сибирским летописям в поход, из которого Ермаку не суждено было вернуться, этот «великий ратоборец» выступил с «невеликою дружиною» [1, с. 63, 125, 185, 249, 310, 364, 381]. В ряде же нарративных сочинений московского происхождения, ставших вскоре известными и на востоке России, при этом говорится о 150 вернувшихся казаках, а в хранившемся в соборном храме Тобольска «помяннике», которым располагал С. У. Ремезов, в его «Истории» и Кунгурском летописце – про 300 [2, с. 341, 353–354, 432, 444; 4, с. 116–117, 119]. Ранее в Ремезовской летописи в данной связи сказано о 50 казаках. Предпоследнюю цифру (300 чел.) нужно признать недостоверной [4, с. 212; 14, с. 201].

В представлении В. И. Петрова и В. А. Добрыднева к моменту гибели Ермака в его «дружине» осталось 300 казаков. Более вероятно, что такой была ее численность сразу после смерти атамана, прослывшего среди сподвижников Токмаком [31, с. 63]. В этом случае зимой 1584/85 г. от голода и болезней, к примеру цинги, могло умереть до сотни казаков. И. В. Щеглов писал о том, что судьбу Ермака в походе, как были уверены его участники, на выручку бухарским купцам (их Кучум отказывался пропускать к Искеру) разделили 50 русских «воев», с точки зрения Е. А. Рябиной, большинство, а на взгляд Н. А. Миненко, почти все [17, с. 38; 23, с. 256; 29, с. 42]. Р. Г. Скрынников упоминал о сотне, а затем (о чем, вспомним, речь идет в синодике, открытом Е. К. Ромодановской) всего нескольких казаках. Ю. С. Худякову казалось, что с Ермаком в засаду попала небольшая группа воинов [12, с. 727; 16, с. 260, 262; 29, с. 42; 23, с. 256]. В ОЕЛ и ОСЛ сообщается о спасении близ устья Вагая одного соратника Ермака, возможно, по их общему протографу, если только это не литературный штамп. В синодике из концовки ОЕЛ мы читаем, что в «деле» на перекопи «вси избиены быша».

Возможно, редактор «помянника» времени «святительства» Киприана (где утверждается, будто русские «ужаснушася от нечестивых и в бегство предложишася, а инем на станех побитым») узнал об этом от какого-то ветерана «пошествия» казачьей вольницы за Урал [1, с. 63, 72–74, 78, 87, 95–96, 125, 128, 135, 250, 381; 15, с. 111–113].

Итак, экспедиция, непосредственно предшествовавшая «взятию» Сибири – ее присоединению к России (начавшемуся с прибытия в Искер отряда князя С. Д. Болховского), унесла жизни около 320–340 атаманов и казаков, т. е. более половины среди тех, кто в конце лета 1582 г. двинулся во главе с «прехрабрым» Ермаком из строгановских владений на Чусовой в бескрайнюю «страну солнечного восхода».

Список литературы

1. Полное собрание русских летописей : в 43 т. М. : Наука, 1987. Т. 36, ч. 1. 382 с.
2. Сибирские летописи. Краткая сибирская летопись (Кунгурская). Рязань: Александрия, 2008. 645 с.
3. Очерки истории белорусов в Сибири в XIX–XX вв. / под ред. Д. Я. Резуна. Новосибирск : Редакционно-издательский центр Новосибирского государственного университета, 2000. 237 с.
4. Солодкин Я. Г. «Ермаково взятие» Сибири. Дискуссионные проблемы истории и источниковедения. Нижневартовск : Издательство Нижневартовского государственного университета, 2015. 234 с.
5. Дубман Э. Л. Поволжский фронт в середине XVI–XVII вв. Очерки истории // Юго-Восток Европейской России. Ч. I. Самара : Издательство Самарского университета, 2012. 236 с.
6. Зуев А. С. Ермак // Историческая энциклопедия Сибири : в 3 т. / под ред. В. А. Ламина, В. А. Ильиных, А. Х. Элерта. Новосибирск : Издательский дом «Историческое наследие Сибири», 2009. Т. 1 : А–И. С. 535–536.
7. Зуев А. С. Ермаковы казаки // Историческая энциклопедия Сибири : в 3 т. / под ред. В. А. Ламина, В. А. Ильиных, А. Х. Элерта. Новосибирск : Издательский дом «Историческое наследие Сибири», 2009. Т. 1 : А–И. С. 537–538.
8. Борисенко А. Ю., Худяков Ю. С. Немецкие военные специалисты в составе российских войск в Западной Сибири в эпоху позднего средневековья и начале нового времени // AUS SIBIRIEN – 2017. Научно-информационный сборник / под ред. А. Г. Еманова, А. П. Яркова. Тюмень: Издательство Тюменского государственного университета, 2017. С. 28–31.
9. Солодкин Я. Г. «Беседуя к вашей любви ...». Спорные проблемы истории сибирского летописания XVII века. Нижневартовск : Издательство Нижневартовского государственного университета, 2017. 330 с.
10. Шашков А. Т. Начало присоединения Сибири // Проблемы истории России. Екатеринбург : Издательство Уральского государственного университета, 2001. Вып. 4 : Евразийское пограничье / под ред. А. Т. Шашкова. С. 8–51.
11. Никитин Н. И. Соратники Ермака после «Сибирского взятия» // Проблемы истории России. Екатеринбург : Издательство Уральского государственного университета, 2001. Вып. 4 : Евразийское пограничье / под ред. А. Т. Шашкова. С. 51–87.
12. История татар с древнейших времен : в 7 т. Казань : Издательство Института истории им. Ш. Марджани Академии наук Республики Татарстан, 2014. Т. IV : Татарские государства XV–XVIII вв. / под ред. Р. Хакимова, И. Миргалеева. 1180 с.
13. История татар с древнейших времен : в 7 т. Казань : Издательство Института истории им. Ш. Марджани Академии наук Республики Татарстан, 2014. Т. V : Татарский народ в составе Российского государства (вторая половина XVI–XVIII вв.) / под ред. Р. Хакимова, И. Гилязова, Б. Измайлова. 1031 с.
14. Ромодановская Е. К. Сибирь и литература. XVII век. Новосибирск : Издательство РАН, 2002. 391 с. (Избранные труды).
15. Солодкин Я. Г. «Ермаково взятие» Сибири: загадки и решения. Нижневартовск : Издательство Нижневартовского государственного гуманитарного университета, 2010. 170 с.
16. Скрынников Р. Г. Сибирская экспедиция Ермака. 2-е изд., испр. и доп. Новосибирск : Наука, Сибирское отделение, 1986. 318 с.
17. Миненко Н. А. Тюмень. Летопись четырех столетий. СПб. : Русь, 2004. 512 с.
18. Очерки истории Югры / под ред. Н. Б. Патрикеева, Д. А. Редина. Екатеринбург : НПМП «Волот», 2000. 407 с.
19. Солодкин Я. Г. Становление сибирской летописной традиции (спорные источниковедческие проблемы). Нижневартовск : Издательство Нижневартовского государственного гуманитарного университета, 2009. 177 с.
20. Скрынников Р. Г. Ранние сибирские летописи // История СССР. 1979. № 4. С. 82–99.
21. Рынков В. М. Омская область // Историческая энциклопедия Сибири: в 3 т. / под ред. В. А. Ламина, В. А. Ильиных, А. Х. Элерта. Новосибирск : Издательский дом «Историческое наследие Сибири», 2009. Т. 2 : К–Р. С. 543–549.
22. Трепавлов В. В., Беляков А. В. Сибирские царицы в истории России. СПб. : Издательство Олега Абышко, 2018. 496 с.
23. Тюменское и Сибирское ханства / под ред. Д. Н. Масложенко, А. Г. Ситдикова, Р. Р. Хайрутдинова. Казань : Издательство Казанского университета, 2018. 560 с.
24. Матвеев А. В. В поисках Ермаковой перекопи // Альманах Тобольск и вся Сибирь. Тобольск : Издательство Общественного фонда «Возрождение Тобольска», 2012. № 18 : 425 лет Тобольску. С. 526–545.
25. Масложенко Д. Н., Рябина Е. А. Почему Кучум не стал защищать Искер? // Присоединение Сибири к России : новые данные : материалы Всероссийской научно-практической конференции с международным участием (Тюмень, 9–10 декабря 2014 г.) / под ред. Н. П. Матвеевой, А. П. Яркова. Тюмень : Издательство Тюменского государственного университета, 2014. С. 139–144.
26. Копылов Д. И. Ермак. Иркутск: Восточно-Сибирское книжное издательство, 1989. 239 с.

27. Преображенский А. А. У истоков народной историографической традиции в освещении проблемы присоединения Сибири к России // Проблемы истории общественной мысли и историографии. К 70-летию академика М. В. Нечкиной / под ред. Л. В. Черепнина. М. : Наука, 1976. С. 376–384.
28. Резун Д. Я. Куда и с кем ушли казаки после гибели Ермака? // Известия Сибирского отделения Академии наук СССР. Серия : Общественные науки. 1981. № 11. Вып. 3. С. 17–20.
29. Хронологический перечень важнейших данных из истории Сибири / сост. И. В. Щеглов. 1032–1882 гг. Сургут : Северный дом, 1993. 463 с.
30. Пилипчук Я. В. Пельмское княжество манси в средневековой истории Сибири // Миллеровские чтения. Финно-угорский мир в древности, в средневековье и в новое время : тезисы докладов и сообщений Всероссийской научно-практической конференции с международным участием, посвященной 310-летию со дня рождения Г. Ф. Миллера / под ред. Я. Г. Солодкина, М. М. Чорефа (Нижневартовск, Нижневартовский государственный университет, 18–22 октября 2015 г.). Нижневартовск : Издательство Нижневартовского государственного университета, 2015. Вып. 1. С. 22–25.
31. Солодкин Я. Г. Что заставило Кучума покинуть свою столицу без боя? (о некоторых источниковедческих аспектах изучения начала крушения Сибирского ханства) // История, экономика и культура средневековых тюрко-татарских государств Западной Сибири : материалы III Всероссийской (с международным участием) научной конференции (г. Курган, 21–22 апреля 2017 г.) / под ред. Д. Н. Маслюженко, С. Ф. Тагаурова. Курган : Издательство Курганского государственного университета, 2017. С. 60–65.

Поступила в редакцию 11.04.2022; одобрена после рецензирования 20.04.2022; принята к публикации 30.06.2022
The article was submitted 11.04.2022; approved after reviewing 20.04.2022; accepted for publication 30.06.2022

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2022. Т. 22, вып. 4. С. 430–435

Izvestiya of Saratov University. History. International Relations, 2022, vol. 22, iss. 4, pp. 430–435

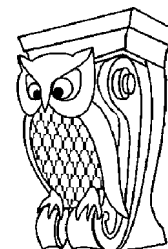
<https://imo.sgu.ru>

<https://doi.org/10.18500/1819-4907-2022-22-4-430-435>, EDN: FJUQBE

Научная статья

УДК [821.161.1.09-1+271.2(470.12)]|16|+929[Шаховской+Дмитрий Вологодский+Прокопий Устьянский]

Непризнанный святой Прокопий Устьянский и новые сведения к творческой биографии С. И. Шаховского

Д. А. Ляпин

Елецкий государственный университет им. И. А. Бунина, Россия, 399770, г. Елец, ул. Коммунаров, д. 28

Ляпин Денис Александрович, доктор исторических наук, заведующий кафедрой истории и историко-культурного наследия, lyapin-denis@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2078-2404>, Author ID: 57191040130

Аннотация. В статье сравниваются два произведения XVII в.: стихотворная молитва князя С. И. Шаховского, посвященная святому Дмитрию Вологодскому, и непризнанное официальной церковью моление местночтимому вологодскому подвижнику Прокопию Устьянскому, которые почти идентичны. Доказывается, что первичным было стихотворение С. И. Шаховского и, следовательно, оно стало основой для создания моления Прокопию Устьянскому. Данный вывод позволяет получить новые сведения о творческой биографии С. И. Шаховского, которые связаны с его опалой в 1620-х гг.

Ключевые слова: С. И. Шаховской, Прокопий Устьянский, русская поэзия XVII в., Вологодский край, вирши, патриарх Филарет

Для цитирования: Ляпин Д. А. Непризнанный святой Прокопий Устьянский и новые сведения к творческой биографии С. И. Шаховского // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2022. Т. 22, вып. 4. С. 430–435. <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2022-22-4-430-435>, EDN: FJUQBE

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

Unrecognized Saint Procopius Ustyansky and new information about the creative biography of Semyon Shakhovskoy

D. A. Lyapin

Bunin Yelets State University, 28 Kommunarov St., Yelets 399770, Russia

Denis A. Lyapin, lyapin-denis@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2078-2404>, Author ID: 57191040130

Abstract. The article compares two works of the 17th century: the poetic prayer of Prince S. I. Shakhovskoy, dedicated to St. Demetrius of Vologda, and the prayer to the locally venerated Vologda ascetic Procopius Ustyansky, which was not recognized by the official church. These texts are almost identical. The author proves that the first was a poem by Shakhovskoy, and it became the basis for creating a prayer to Procopius Ustyansky. This conclusion allows us to obtain new information about the creative biography of Shakhovskoy, which are associated with problems with the authorities in the 1620s.

Keywords: Semyon Shakhovskoy, Procopius Ustyansky, Russian poetry of the 17th century, Vologda region, verses, Patriarch Filaret

For citation: Lyapin D. A. Unrecognized Saint Procopius Ustyansky and new information about the creative biography of Semyon Shakhovskoy. *Izvestiya of Saratov University. History. International Relations*, 2022, vol. 22, iss. 4, pp. 430–435 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2022-22-4-430-435>, EDN: FJUQBE

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Весной 1641 г. в с. Верюги Вологодского уезда возле храма Введения у самого берега р. Устья в земле крестьянами был обнаружен гроб, сплетенный из ивовых прутьев. Открыв его, люди увидели нетронутое тлением тело неизвестного человека «с головою, приклоненною несколько набок, и руками, сложенными не по общепринятому обычаю и без савана». Жители села были растеряны и решили, что это явление какого-то святого подвижника. Весь день они обсуждали, как им надлежит поступить, и, ничего не придумав,

оставили гроб возле церкви. В ту же ночь к одному из местных жителей во сне явился покойный и, назвавшись Прокопием, попросил сделать для него новый хороший гроб, указав необходимые для этого размеры. На следующий день люди выполнили просьбу и торжественно перезахоронили нетленное тело, а прутья из старого гроба разобрали как священные реликвии.

Новости о случившемся быстро распространились по Вологодскому краю. Новоявленного святого стали именовать Прокопием Устьян-

ским по названию протекавшей здесь р. Устья. В 1652 г. набожный торговец из Соли Вычегодской Иван Ермолаев заказал местному иконописцу написать образ Прокопия. В это же время кто-то из жителей Верюги составил моление неизвестному святому, записав его в небольшую «книжицу». Моление переписывалось и хранилось почти у всех жителей села, считавших Прокопия своим заступником. Со временем у места захоронения святого стали происходить различные чудеса [1, с. 545–549].

Однако официальная церковь не признала Прокопия святым, поскольку о его жизни не было никаких сведений. В 1802 г. епископ Вологодский и Великопермский Арсений распорядился прекратить исполнение молитвы в церкви с. Верюги и запретил всякое почитание Прокопия Устьянского. Хотя это запрещение было подтверждено Священным Синодом, жители села продолжали исполнять моления в своих домах [2, с. 36–41].

В конце XIX в. вологодский краевед М. И. Романов, ознакомившись с преданием об обретенной мощей Прокопия Устьянского, выразил к нему весьма скептическое отношение. Он указал на то, что никто из жителей не знал святого лично и никогда не видел его живым, смущало и наличие гроба из ветвей при обилии дерева в этом лесном крае, наконец, не существовало никакой достоверной биографии святого. В итоге М. И. Романов взялся объяснить «подлинную» версию событий. По его мнению, в конце XVII в. жители Важского края (т. е. земель по р. Ваге – левому притоку Северной Двины) решили подчеркнуть свою экономическую независимость от Устюга и придумали собственный культ: вместо Прокопия Устюжского (популярного блаженного чудотворца, умершего в 1303 г.) – Прокопия Устьянского, установив даже один и тот же день памяти – 8/21 июля. Происхождение «мощей» краевед объяснял, тем что р. Устья якобы размывла в половодье старое кладбище и вынесла на берег обветшалый гроб с покойником, который стал почитаться как святой Прокопий Устьянский.

В годы советской власти непризнанный святой на долгое время оказался за пределами внимания Церкви и запрет на его почитание оказался забыт. В конце XX в. имя Прокопия Устьянского вошло в православные календари (правда, ошибочно как юродивого). Ему был составлен официальный канон почитания, включающий и молитвенное песнопение, но не то, которое исполнялось в храме с. Верюги (сегодня с. Бестужево Архангельской области), а совершенно новое. Тем не менее и старое молитвенное пение, появившееся согласно преданию в 1650-е гг., продолжает употребляться в наше время и даже попало в обобщающий сборник православных молитв (2009) [3].

Вся эта история так и осталась бы малоизвестным эпизодом местного значения, если бы

не одно обстоятельство. Моление Прокопию Устьянскому по своему содержанию и композиции почти полностью совпадает со стихотворным произведением С. И. Шаховского «Молитва преподобному Димитрию, Вологодскому Чудотворцу». Данное обстоятельство ставит перед нами ряд вопросов, ответы на которые помогут получить новые сведения из биографии этого выдающегося человека.

Князь Семен Иванович Шаховской (1585 – ок. 1655) – поэт и писатель первой половины XVII в., занимался стихотворством в досиллабической виршевой традиции, составлял обширные послания, молитвы, исторические и религиозные сочинения на протяжении всей своей жизни. Митрополит Макарий отмечал его большую начитанность и обширный кругозор, считая одним из самых авторитетных знатоков Священного писания в допетровской Руси [4, с. 65, 227–231]. Значение исторических сочинений князя подчеркнул С. Ф. Платонов [5], а Д. Корсаков назвал его «замечательным писателем по обилию и разнообразию сочинений» [6, с. 65, 586]. Биография С. И. Шаховского изучалась М. П. Лукичевым, установившим приблизительное время смерти писателя [7]. Жизнь опального князя в Сибири была в центре внимания современного исследователя А. В. Полетаева [8]. Творчеству С. И. Шаховского также посвящена часть кандидатской диссертации Е. П. Семенов [9].

В 1971 г. американский ученый Э. Кинан предположил, что именно С. И. Шаховской был настоящим автором «Первого послания Курбского Ивану Грозному» [10]. Эта точка зрения была встречена критикой со стороны научного сообщества. В разгар дискуссий в 1988 г. Э. Кинан опубликовал обстоятельную статью о писателе и его месте в культурной жизни допетровской Руси [11]. В данной работе будет показан один эпизод из творческой жизни С. И. Шаховского, относящийся к 1620-м гг. и связанный с конфликтом между ним и патриархом Филаретом. По нашему мнению, именно в это время поэт создает сразу несколько своих произведений полемического характера, одним из которых стала «Молитва преподобному Димитрию, Вологодскому Чудотворцу» (далее – МДВ). Но прежде необходимо разобраться с текстологической взаимосвязью этого стихотворения и молитвы непризнанному святому Прокопию Устьянскому (далее – МПУ), о чем говорилось выше. Сравнительный анализ позволит понять смысловую нагрузку текста С. И. Шаховского и примерное время его написания. Отметим также, что в текстологическом плане оба произведения почти в равной степени связаны с молитвой Николаю Чудотворцу из православного служебного канона (далее – 1МНЧ). Следовательно, сравнивать необходимо сразу три текста.

Для наглядности представим все три произведения.

Молитва преподобному Димитрию, Вологодскому Чудотворцу (МДВ)	Молитва праведному Прокопию (МПУ) Устьянскому, чтмая в Верюжской Введенской церкви Вологодской епархии	Молитва первая Святителю Николаю, архиепископу Мир Ликийских, чудотворцу (1МНЧ)
<p>О, преблагий наш пастырю и учитель! О, великий чудотворец Димитрий! Услыши мя, грешного, молящего тия, призывающе имя твое святое на ся. Вижди мя, убогово, в толице беде суще погружаема, вижди мя, немощного и уловляема отвсюду, и всякого блага лишена, и умом от малодушия помраченна. Потщися, святче Божий, плененного свободити мя, не оставимя, грешного, врагом в радость быти и лукавых моих деяний умрети. Моли о мне, грешнем и блуднем, Содетеля моего и Владыку, Ему же ты со безплотными предстоиши лики. Молитва ко мне сотвори Бога моего. В нынешнем веце и в будущем, да не воздаст ми по делом моим и по нечистоте сердца моего, но по Своей благодсти воздаст ми. На твое бо милосердие уповаю и тобою ся хвалю, и имя твое святое на помощь призываю, и к цельбоносному гробу твоему недостойный аз припадаю, и исцеления прошу избави мя, светильниче Христов, от злых бед, находящихся на мя, и востающая волны укроти. Отвсюду да не обьет мя напасть за имя твое святое, и не погрязну в пучине глубоце, в тимении греховне Моли, преподобие Димитрие, даровати мне, грешному, от Христа Бога велию милость [12].</p>	<p>О великий чудотворче, святыи праведный Прокопие! Услыши мя, грешного, молящегося тебе и имя твое святое призывающе-го. Виждь мя убогаго, в толицей беде сущаго: виждь мя немощнаго, отвсюду уловляема и всякого блага лишена и умом от малодушия помраченна. Потщися, святче Божий, плененного мя свободити: не остави мя грешного врагом в радость быти и в лукавых моих деяниях умрети. Моли о мне недостойнем Содетеля моего и Владыку, Ему же ты со безплотными лики предстоиши: милостива ко мне сотвори Бога моего в нынешнем веце и в будущем, да не воздаст ми по делом моим злым и по нечистоте сердца моего, но по Своей благодсти да сотворит ми. На твое бо ходатайство уповаю, и тобою хвалюся, и имя твое святое на помощь призываю, и к цельбоносному гробу твоему припадаю, помощи прошу. Избави мя, угодниче Христов, от зол, находящихся на мя, и отвсюду возстающия на мя волны укроти, да не обьет мя напасть до конца, и да не погрязну в пучине греховней и в тине страстей моих. Моли, святыи праведный Прокопие, Христа Бога нашего, даровати мне грешному велию милость, да славлю великое имя Отца и Сына и Святаго Духа ныне и присно и во веки веков. Аминь.</p>	<p>О добрый наш пастырю и Богомудрый наставниче, святителю Христов Николае! Услыши нас грешных, молящихся тебе и призывающих в помощь скорое предстательство твое: виждь нас немощных, отвсюду уловляемых, всякого блага лишенных и умом от малодушия помраченных: потщися, угодниче Божий, не оставити нас в греховнем плену быти, да не будем в радость врагом нашим и не умрем в лукавых деяниях наших: моли о нас недостойных Содетеля нашего и Владыку, Ему же ты со безплотными лики предстоиши: милостива к нам сотвори Бога нашего в нынешнем житии и в будущем веце, да не воздаст нам по делом нашим и по нечистоте сердец наших, но по Своей благодсти воздаст нам: на твое бо ходатайство уповающе, твоим предстательством хвалимся, твое заступление на помощь призываем, и ко пресвятому образу твоему припадающе, помощи просим: избави нас, угодниче Христов, от зол, находящихся на нас, и укроти волны страстей и бед возстающих на нас, да ради святых твоих молитв не обьет нас напасть и не погрязнем в пучине греховней и в тине страстей наших: моли, святителю Христов Николае, Христа Бога нашего, да подаст нам мирное житие и оставление грехов, душам же нашим спасение и велию милость, ныне и присно и во веки веков [13].</p>

Теперь перейдем к анализу тех фрагментов в рассматриваемых текстах, которые различаются между собой. Следует отметить, что и в МДВ, и в МПУ эти места совершенно одинаковы относительно 1МНЧ, что подчеркивает их текстологическую взаимосвязь.

Первое различие находим во вступлении, что не удивительно, поскольку данные произведения посвящены разным лицам.

МДВ	МПУ	1МНЧ
<p>О, преблагий наш пастырю и учитель! О, великий чудотворец Димитрий!</p>	<p>О великий чудотворче, святыи праведный Прокопие!</p>	<p>О добрый наш пастырю и богомудрый наставниче, святителю Христов Николае!</p>

С. И. Шаховской, придавая своим строкам ритмическую форму, почтительно называет святого Димитрия Вологодского пастырем и учителем, подчеркивая его значение как заслуженного

подвижника православия. Автор МПУ не мог назвать своего святого таким же образом, так как сведений о его проповедях или подвижнической деятельности не сохранилось.

Следующее существенное отличие связано с упоминанием в пятой строке МДВ слова «погружаема»:

МДВ	МПУ	1МНЧ
<p>Виждимя, убогово, в толице беде суще погружаема, Вижди мя, немощного и уловляема</p>	<p>Виждь мя убогаго, в толицей беде сущаго: виждь мя немощнаго, отвсюду уловляема</p>	<p>Виждь нас немощных, отвсюду уловляемых</p>

Как видим, это слово помогает С. И. Шаховскому реализовать рифму со словом «уловляема», а также усилить впечатление от бедствий, в которые просящий погружается, как в пучину вод. Автор МПУ почти полностью повторяет

текст МДВ, но не использует слово «погружаема», добавляя наречие «отвсюду», заимствуя его из 1МНЧ.

Следующий интересующий нас эпизод связан с обращением автора к святому.

МДВ	МПУ	1МНЧ
Моли о мне, грешнем и блуднем, Содетеля моего и Владыку	Моли о мне недостойнем Содетеля моего и Владыку	Моли о нас недостойных Содетеля нашего и Владыку

С. И. Шаховской называет себя грешным и блудным (вполне обычные для его текстов эпитеты, обращенные к собственной персоне) человеком, но автор МПУ вновь предпочел воспользоваться текстом 1МНЧ, взяв из нее слово «недостойный».

Существенные различия между МДВ и МПУ встречаем в конце рассматриваемых текстов:

МДВ	МПУ	1МНЧ
избави мя, светильниче Христов, от злых бед, находящихся на мя, и востающая волны украти Отовсюду	избави мя, угодниче Христов, от зол, находящихся на мя, и отвсюду востающия на мя волны украти	избави нас, угодниче Христов, от зол находящихся на нас, и украти волны страстей и бед востающих на нас

Как видим, в обращении к святому Димитрию Вологодскому С. И. Шаховской называет его «светильником Христовым», а в МПУ Прокопий именуется «угодником», так же, как и в 1МНЧ. Это же относится и к слову «зол»: С. И. Шаховской использует вместо него словосочетание «злых бед».

Наконец, самые существенные отличия встречаем в следующих отрывках:

МДВ	МПУ	1МНЧ
да не обымет мя напасть за имя твое святое, и не погрязну в пучине глубоце, в тимении греховне	да не обымет мя напасть до конца, и да не погрязну в пучине греховней и в тине страстей моих	да ради святых твоих молитв не обымет нас напасть и не погрязем в пучине греховней и в тине страстей наших

Следует отметить, что «тимение» – тина, болото. С. И. Шаховской, как видим, предпочитает это слово, которое в XVII в., возможно, уже вышло из употребления, вместо слова «тина».

Судя по тексту, С. И. Шаховской выражает надежду на то, что его «не обымет напасть» за святое имя Димитрий, а вот автор моления Прокопию Устьянскому записал совершенно другую строку: «Да не обымет мя напасть до конца». Если логика изложения в МДВ выглядит композиционно стройной (С. И. Шаховской опасается

пострадать за имя Димитрий и погрязнуть в грехах, как в болоте), то создатель МПУ, повторяя текст МДВ («да не обымет мя»), вставил от себя фразу «да не обымет напасть до конца». В этом текстологическом расхождении следует видеть вторичность МПУ по отношению к МДВ: автора молитвы верюжскому святому явно смущала строка С. И. Шаховского о возможности пострадать за имя Димитрий и, не найдя параллелей в 1МНЧ (что ранее ему удавалось), он не совсем удачно заменил ее фразой «до конца». Если бы создатель МПУ написал свой текст раньше стихотворения С. И. Шаховского, то он просто заимствовал бы эту строку из молитвы Николаю Чудотворцу.

Таким образом, текст МДВ и МПУ отличается в пяти местах: первый раз – в обращении, затем трижды автор МПУ использовал слова из молитвы Николаю Чудотворцу, и один раз добавил к строке «да не обымет мя напасть» фразу «до конца». Последнее из разночтений свидетельствует в пользу того, что МДВ была написана ранее МПУ. Полагаем также, что целенаправленный отказ автора молитвы от словосочетаний и фраз, которые были важны С. И. Шаховскому, но не вписывались в концепцию создаваемого произведения (например, отказ от эпитетов «грешный» и «блудный») также свидетельствуют о первичности МДВ.

Известно, что С. И. Шаховской часто писал стихотворные произведения, в основе которых лежали канонические молитвы. В тексте составленных им перед смертью двух сборников насчитывается 26 произведений такого рода [14]. Нет ничего удивительного, что, создавая моление Димитрию Вологодскому, он взял за основу 1МНЧ, добавив в ее текст инверсии и несколько важных для него фраз, – все это было вполне в его манере. Нет никаких оснований полагать, что вместо этого, обычного для себя, творческого приема он решил переделать текст молитвы малоизвестному непризнанному святому Прокопию Устьянскому.

Следующий вопрос, который встает перед нами, связан со временем и обстоятельствами написания МДВ.

С. И. Шаховской активно участвовал в событиях Смутного времени, помогал народному ополчению под руководством Д. М. Пожарского и К. Минина освобождать Москву, но в 1615 г. оказался в опале за отказ явиться на службу. В 1619 г. он вновь обрел расположение властей и получил вотчину в Вологодском уезде. С этого времени князь владел здесь землями до самой смерти (около 1655 г.), о чем свидетельствует земельная тяжба между его детьми, начавшаяся впоследствии [15]. Вся долгая жизнь С. И. Шаховского была связана с опалами и возвышениями, которые случались с ним в зависимости от различных политических обстоятельств. В 1652 г., будучи уже в преклонном возрасте,

он заказал переписчику сделать два рукописных сборника своих работ [16, с. 336], в первый из которых включил текст интересующего нас стихотворения – «Молитва Димитрию, Вологодскому Чудотворцу». В 1665 г. эти сборники были переданы в библиотеку Троице-Сергиевой лавры известным книжником Симоном Азарьиным, с которым С. И. Шаховской был хорошо знаком [17, с. 244–245].

Вопрос о времени написания МДВ в науке остается открытым. Его публикаторы В. К. Былинин и А. А. Илюшин предположили, что оно могло быть написано в момент опалы поэта в 1620 или 1649 г. [18, с. 408]. Д. М. Буланин выдвинул версию о том, что это случилось во время патриаршей немилости к С. И. Шаховскому, наступившей после получения им вологодского имения (т. е. после 1620 г.) [19, с. 282]. Действительно, судя по логике текста, его автор обращается к святителю с просьбой о помощи. Однако при его чтении нельзя не обратить внимания на непонятное, на первый взгляд, опасение автора, пострадать «за имя святое» Димитрий. Как уже отмечалось, эта строка отсутствует и в МПУ, и в 1МНЧ. Очевидно, что С. И. Шаховскому было важно почеркнуть это обстоятельство в своем произведении.

Какая же «напасть» из-за имени «Димитрий» могла случиться с поэтом? Понять это возможно, если допустить, что речь идет не о подвижнике XIV в. Димитрии Вологодском, а, собственно, о «святом» имени «Димитрий». За это имя С. И. Шаховской действительно однажды пострадал.

В 1620 г. поэт женился в 4-й раз (предыдущее его жены умерли), чем вызвал большое недовольство патриарха Филарета: глава русской церкви отказался признать брак законным, как и рожденных в нем детей, поскольку по православному канонам жениться можно было только 3 раза [20, с. 588–589]. Тридцатипятилетний С. И. Шаховской проявил упрямство – отказался развестись с супругой и обречь себя на пожизненное вдовство. Так начался сложный для поэта период, связанный с новой опалой. В эти трудные дни он обратился к творчеству и написал небольшую «Молитву против разлучения супружества» [21].

Затем С. И. Шаховской взялся за написание повести о святом царевиче Димитрии Углицком, где прославлялись добродетели этого знатного отрока, в канонизации которого в 1606 г. принимал активное участие сам Филарет [22, с. 386–387]. Произведение подчеркивало тот факт, что Димитрий был рожден от седьмой жены Ивана Грозного, и никаких сомнений в его законности у церкви не возникает, более того, он признан святым. Разумеется, реакция Филарета на появление этой повести была крайне негативной. Полагаем, что именно в эти трудные дни патриаршей

немилости поэт решил написать свое стихотворное моление. Затем противостояние с патриархом закончилось ссылкой в Сибирь.

Итак, считаем вероятным, что текст поэтической молитвы Димитрию Вологодскому был написан С. И. Шаховским после обострившегося конфликта с патриархом Филаретом. Само произведение следует рассматривать как часть творческой реакции на очередные жизненные трудности. И в этой связи оно входит в единый цикл произведений 20-х гг. XVII в. вместе с «Молитвой против разлучения супружества» и повестью о Димитрии Углицком (ее датируют обычно временем до 1628 г.).

Поэтическое моление святому Димитрию Вологодскому пользовалось популярностью среди образованных людей. Во всяком случае оно было известно жителям с. Верюги, недалеко от которого поэт имел поместье. Один из местных почитателей творчества С. И. Шаховского в 1650-е гг. решил позаимствовать его текст для создания моления новоявленному святому Прокопию Устьянскому. Так, стихотворные строки опального поэта, написанные по причине очередного конфликта с московскими властями, случайно сохранились до нашего времени благодаря местному религиозному культу.

Список литературы

1. *Верюжский И.* Исторические сказания о жизни святых, подвизавшихся в Вологодской епархии, прославляемых всею Церковью и местно чтимых. Вологда : Типография В. А. Гудкова-Белякова, 1880. 695 с.
2. *Вережкина Г. А.* О судьбе мощей праведного Прокопия Устьянского // Святые и святыни северорусских земель (по материалам VII науч. региональной конф.) / сост. и науч. ред. Н. И. Решетникова. Каргополь : Каргопольский государственный историко-архитектурный и художественный музей, 2002. С. 36–41.
3. Молитва праведному Прокопию Устьянскому, чтомая в Верюжской Введенской церкви Вологодской епархии // Помощь небесных покровителей. Полный сборник молитв на каждый день года (лето) / сост. Т. С. Олейникова. М. : ДАРЪ, 2009. С. 22.
4. *Макарий, митрополит Московский.* История русской церкви : в 9 т. Т. 9. СПб. : Типография Императорской академии наук, 1882. 414 с.
5. *Платонов С. Ф.* Древнерусские сказания и повести о Смутном времени XVII в. как исторический источник. СПб. : Типография В. С. Балашова, 1888. 372 с.
6. *Корсаков Д.* Шаховской, князь Семен Иванович, по прозванию Харя // Русский биографический словарь : в 25 т. Т. 22. СПб. : Типография И. Н. Скороходова, 1905. С. 586–589.
7. *Лукичев М. П.* Новые материалы к биографии С. И. Шаховского // Исследования по источниковедению истории СССР дооктябрьского периода. М. : Институт истории АН СССР, 1982. С. 99–107.
8. *Полетаев А. В.* Князь Семён Шаховской и его сибирские «знакомцы» : Сергей Андреевич Котов // Проблемы

- истории России. Екатеринбург : Волот, 2005. Вып. 6 : От Средневековья к Современности. С. 39–58.
9. Семенова Е. П. Русская общественная мысль первой половины XVII в. (творчество С. И. Шаховского и И. А. Хворостинина) : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Л., 1982. 19 с.
10. Keenan E. L. The Kurbskii Groznyi apocrypha. The seventeenth century genesis of the "Correspondence" attributed to prince A. M. Kurbskii and tsar Ivan IV. Cambridge : Harvard University Press, 1971. 241 p.
11. Keenan E. L. Semen Shakhovskoi and the Condition of Orthodoxy // Harvard Ukraine Studies. 1988. Vol. 12/13. P. 795–815.
12. Шаховской С. И. Молитва преподобному Димитрию, Вологодскому Чудотворцу // *Виршевая поэзия (первая половина XVII века)* / сост. В. К. Былинин, А. А. Илюшин. М. : Советская Россия, 1989. С. 93–94.
13. Молитвы святителю и Чудотворцу Николаю, архиепископу Мир Ликийских. Молитва первая // *Лагутина Т. В. Молитвы Николаю Чудотворцу*. М. : Рипол Классик, 2012. С. 39.
14. Сочинения князя Семена Шаховского (рукопись) // Отдел рукописей РГБ. Ф. 173.1. Фундаментальное собрание библиотеки МДА № 213, 214.
15. Записные книги московского стола // Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. 210. Столбцы Московского стола. Оп. 6 а. Д. 12.
16. Семенова Е. П. Об источниках «Повести преславной» С. И. Шаховского // *Труды отделения древнерусской литературы (ТОДРЛ)*. Л., 1985. Т. 39. С. 335–340.
17. Леонид (Кавелин) Сведения о славянских рукописях, поступивших из книгохранилища Троице-Сергиевой Лавры в библиотеку Троицкой духовной семинарии (рукописи на бумаге). М. : Университетская типография, 1887. 589 с.
18. Былинин В. К., Илюшин А. А. Комментарии // *Виршевая поэзия (первая половина XVII века)* / сост. В. К. Былинин, А. А. Илюшин. М. : Советская Россия, 1989. С. 387–464.
19. Буланин Д. М. Шаховской Семен Иванович, по прозвищу Харя // *Словарь книжников и книжности Древней Руси* / под ред. Д. С. Лихачева. Вып. 3 (XVII в.), ч. 4. СПб. : Дмитрий Буланин, 2004. С. 275–286.
20. Дергачева-Скоп Е. И. Семен Иванович Шаховской. Летописная книга // *Памятники литературы Древней Руси : первая четверть XVII в.* / сост. Л. А. Дмитриев, Д. С. Лихачев. М. : Художественная литература, 1987. С. 358–427.
21. Шаховской С. И. Молитва против разлучения супружества // *Виршевая поэзия (первая половина XVII века)* / сост. В. К. Былинин, А. А. Илюшин. М. : Советская Россия, 1989. С. 93.
22. Ульяновский В. *Смутное время*. М. : Европа, 2006. 448 с.

Поступила в редакцию 11.04.2022; одобрена после рецензирования 15.04.2022; принята к публикации 30.06.2022
The article was submitted 11.04.2022; approved after reviewing 15.04.2022; accepted for publication 30.06.2022

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2022. Т. 22, вып. 4. С. 436–442

Izvestiya of Saratov University. History. International Relations, 2022, vol. 22, iss. 4, pp. 436–442

<https://imo.sgu.ru>

<https://doi.org/10.18500/1819-4907-2022-22-4-436-442>, EDN: CUCCEH

Научная статья

УДК [94:327+355.432.1](470+571:575)|1853|+929Перовский

Поход В. А. Перовского на Ак-Мечеть в 1853 году

В. В. Марюткин

Башкирский государственный университет, Россия, 450076, Республика Башкортостан, г. Уфа, ул. Карла Маркса, д. 3/2

Марюткин Виталий Вячеславович, аспирант кафедры истории России, историографии и источниковедения Института истории и государственного управления, vitalij-maryutkin@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0603-2367>

Аннотация. Статья посвящена военной экспедиции Оренбургского и Самарского генерал-губернатора В. А. Перовского против ключевой кокандской крепости Ак-Мечеть, стоявшей у р. Сырдарья в 1853 г., результатом которой стало взятие кокандской твердыни и стабилизация обстановки на среднеазиатских караванных путях в середине XIX столетия. Выявляются причины и предпосылки операции, определяется историческое значение этого похода, ставшего частью предыстории завоевания Средней Азии Российской империей во второй половине XIX в. Автор основывается в том числе и на неопубликованных архивных источниках.

Ключевые слова: Оренбургская губерния, среднеазиатская политика России, И. Ф. Блаرامберг, В. А. Перовский, Кокандское ханство, Ак-Мечеть, Сырдарьинская операция 1853 г.

Для цитирования: Марюткин В. В. Поход В. А. Перовского на Ак-Мечеть в 1853 году // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2022. Т. 22, вып. 4. С. 436–442. <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2022-22-4-436-442>, EDN: CUCCEH

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

V. A. Perovsky's campaign to the Ak Mosque in 1853

V. V. Maryutkin

Bashkir State University, 3/2 Karl Marx St., Ufa 450076, Republic of Bashkortostan, Russia

Vitaliy V. Maryutkin, vitalij-maryutkin@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0603-2367>

Abstract. This article focuses on the military expedition of Orenburg and Samara Governor-General V. A. Perovsky against important Kokand fortress AK-Mosque that stood by the river Syrdarya in 1853, which resulted in the capture of the Kokand fortresses and the stabilization of the situation in the Central Asian caravan routes in the middle of the XIX century. The article also presents the causes and preconditions of operation, determined by the historical significance of this campaign, which became part of the prehistory of the large-scale seizure of Central Asia by the Russian Empire in the second half of the XIX century, based, among other things, on unpublished archival sources.

Keywords: Orenburg region, Central Asian policy of Russia, I. F. Blaramberg, V. A. Perovsky, the Kokand khanate, the AK-Mosque, the Syrdarya, the operation in 1853

For citation: Maryutkin V. V. V. A. Perovsky's campaign to the Ak Mosque in 1853. *Izvestiya of Saratov University. History. International Relations*, 2022, vol. 22, iss. 4, pp. 436–442 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2022-22-4-436-442>, EDN: CUCCEH

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

В 1853 г. под руководством Оренбургского и Самарского генерал-губернатора Василия Алексеевича Перовского проводится знаменитая Сырдарьинская операция, ставшая началом завоевания Россией среднеазиатских государств, направленной против Кокандского ханства. Штурм Ак-Мечети, сильнейшей кокандской цитадели, стал, пожалуй, ее кульминацией. Каковы же были причины этой операции, в которой приняли участие башкиры и оренбургские казаки? Их было несколько. Во-первых, к середине XIX в. в Казахстане и Средней Азии сложилась неблагоприятная для России геополитическая обстанов-

ка. Среднеазиатские государства и подвластные им племена проводили недружественную политику по отношению к Российской империи. Российская торговля в этих регионах испытывала большие трудности, торговые караваны часто грабили, караванщиков уводили в рабство или вообще убивали [1, с. 34].

На территории среднеазиатских государств создавались неблагоприятные условия для пребывания и торговли российских купцов немусульманского вероисповедания. Среднеазиатские власти проводили такую политику с целью ограничить приезд туда российских купцов и добиться

того, чтобы среднеазиатские купцы преимущественно сами бы ездили в Россию для проведения там торговых операций. Это экономически было для них очень выгодно, тем более что российские власти не проводили по отношению к ним никакой дискриминационной политики [2, с. 9]. Естественно, российские власти это не могло устраивать, и потому вплоть до середины XIX в. между Россией и среднеазиатскими государствами постоянно происходили трения по данному вопросу, иногда перераставшие в открытые конфликты.

Конечно, объективности ради нельзя сбрасывать со счетов и тот факт, что зачастую именно агрессивность среднеазиатских «хищников» служила лишь формальным обоснованием экспансионистских желаний царской России. Причем необходимо отметить тот факт, что подчас русские генералы на местах – в приграничных губерниях – сами решали, когда и как кого атаковать, руководствуясь своими конъюнктурными и карьерными соображениями. Порой их действия были уж слишком самостоятельными и даже, хоть и неявно, шли вразрез с решениями высшего чиновничества Санкт-Петербурга. Трудно не согласиться с выводом Э. Аллворта, согласно которому взгляды министра иностранных дел графа К. В. Нессельроде по этому вопросу нередко игнорировались, о чем свидетельствуют царские военные акции 1846–1865 гг. [3, с. 29]. В. А. Перовский же – доверенное лицо Николая I, которого, как известно, в николаевские времена называли «тенью императора», и вовсе слыл человеком, позволявшим себе слишком многое. Так что, не сбрасывая со счетов неординарность его характера и личности, можно утверждать, что это касалось, может быть, даже более, чем других его современников из генералитета на границах империи!

Как и Э. Аллворт, Е. Ю. Сергеев отмечал, что во многом ход и мотивация обеих сторон в Большой игре обуславливались личным характером и амбициями ее участников, т. е. факторами субъективными, а не объективными [4, с. 37]. То, что поход В. А. Перовского под Ак-Мечеть – это и есть одна из страниц Большой игры, у автора этих строк не вызывает никаких сомнений, хотя, конечно же, не надо преувеличивать этот фактор. Ситуация на пограничных линиях и караванных путях, грабежи караванов и захваты пленников, нападения, иногда целые полноценные набеги степняков и среднеазиатских феодалов беспокоили российские приграничные власти, ибо на кону была среднеазиатская торговля России и серьезный рынок сбыта для русской промышленности, ориентированной, как и в наши дни, на экспорт именно на восток, учитывая ее слабую конкурентоспособность с западными производителями. Задачей русских приграничных властей, и в частности лично генерал-губернаторов, бы-

ло обеспечение бесперебойности и безопасности этой торговли.

В середине XIX в. обострились отношения России с Кокандским ханством, кокандцы часто нападали на принявших подданство России казахов. Именно это обстоятельство, по крайней мере формально, и стало причиной Сырдарьинской операции [5, л. 76]. Однако были и другие причины, вызвавшие проведение этой операции. Немаловажную роль в решении В. А. Перовского совершить поход на крепость Ак-Мечеть, оплот Кокандского ханства в районе Аральского моря, и затем укрепить российское влияние на Сырдарье сыграли и его личные амбиции. В период своего предыдущего управления оренбургским краем в 1833–1842 гг. он, как известно, совершил очень неудачную хивинскую военную экспедицию 1839–1840 гг. Хотя распространено мнение об инициативе похода на Ак-Мечеть в 1853 г. со стороны В. А. Перовского, тем не менее саму идею занять Ак-Мечеть для «успокоения степи» и безопасности караванной торговли выдвинул еще его предшественник (если считать «второе пришествие» в Оренбург В. А. Перовского в 1851 г.) В. А. Обручев [6, с. 383]. В. А. Перовский, кстати, изначально подверг обручевский проект разгромной критике, и, учитывая вес Перовского при дворе в николаевской России, именно из-за этого В. А. Обручев и «слетел» с должности Оренбургского военного губернатора, во всяком случае, по словам М. Ниязматова [6, с. 383]. И надо же такому случиться, что сменивший Обручева Перовский вдруг сразу же изменил свое отношение к его проекту прямо на 180° и загорелся идеей операции против кокандской твердыни! Что это было? Очевидно, чистой воды интрига. Когда В. А. Перовский оценил саму обручевскую идею и ее перспективы в случае успеха предприятия, он явно захотел осуществить ее сам и потому интриговал перед Государем, учитывая его доверие к нему, склонив Николая к смещению В. А. Обручева и назначению его самого, а как только это состоялось, сразу же поддержал обручевскую идею [6, с. 383].

Будучи честолюбивым человеком, Перовский очень переживал из-за хивинской неудачи и, возглавив Оренбургский край во второй раз, решил взять реванш [7, с. 109]. Думается, именно этим и была вызвана данная интрига. Он почувствовал реальную возможность теперь же взять желаемый реванш. В марте 1851 г. Перовский получил Высочайшее назначение генерал-губернатором Оренбургской и Самарской губерний, одновременно став и командиром Отдельного Оренбургского корпуса. Уже вскоре после своего прибытия 29 мая 1851 г. в Оренбург он принялся готовить военную операцию против Кокандского ханства, которое располагалось на территории Ферганы, вело свою историю с начала XIX в. и появилось благодаря объединению отдельных бекств этого региона.

В устье р. Сырдарьи располагалась сильнейшая кокандская крепость Ак-Мечеть. Там жил кокандский бек, собиравший зякет – своего рода налог – с казахов. Благодаря своему выгодному географическому положению она стала прекрасной базой для контроля над среднеазиатскими торговыми путями. Перовский хорошо понимал, что взятие российскими войсками этого ключевого пункта в районе Аральского моря резко изменит геополитическую ситуацию в этом регионе в пользу России, сильно ослабит позиции Кокандского ханства, что стабилизирует ситуацию на караванных путях, облегчит российскую торговлю в Средней Азии и уменьшит угрозу для юго-восточных российских границ. К середине XIX в. в России созрел план расширения ее владений в казахских степях на юго-восток и строительства для их прикрытия от беспокойных среднеазиатских соседей новой линии, фланги которой должны были опереться в крайние фланги Оренбургской и Сибирской линий. Именно в средней части будущей линии оказывалась цепочка кокандских укреплений вдоль Сырдарьи во главе с Ак-Мечетью [8, л. 1–3]. Понятно, что реализация этого плана была немыслима без занятия российскими войсками Ак-Мечети и всех этих укреплений. Полагаем, что это и стало причиной операций России против кокандцев на Сырдарье в 1852–1853 гг.

Важно отметить, что взятие такой мощной крепости, как Ак-Мечеть, явилось бы акцией устрашения для среднеазиатских правителей и демонстрацией российского военного могущества перед Англией накануне Крымской войны 1853–1856 гг. В 1852 г. В. А. Перовский направляет для проведения геодезических работ в голодной степи 3 отряда из Оренбургского, Уральского и Аральского укреплений. Отряд из 80 чел. под командованием Корпуса топографов прапорщика Голова, выступивший 18 апреля из Аральского укрепления для рекогносцировки правого берега Сырдарьи вверх по течению до Ак-Мечети и части степи до окрестностей Сары-Су, т. е. до границ казахов Сибирского ведомства, очевидно и был послан в рамках подготовки захвата Ак-Мечети.

Дойдя до урочища Кизыл-Джансил в 35 верстах от Ак-Мечети, он был встречен кокандцами, среди которых был и ее комендант. Последний не дал Голову со своими людьми двигаться дальше под угрозой физической расправы. Голова получил от В. А. Перовского предписание не ввязываться в боестолкновение. Он был тогда за 500 верст от Аральского укрепления и потому вступать в бой с кокандцами одному его отряду было опасно. Голова отправился назад. В. А. Перовский, как только узнал об этом, решил, что несопротивление отряда Голова кокандцы сочтут трусостью русских и активизируют свои «хищнические» действия. К тому же, видимо, он реально не оценил вверенные ему воинские силы и решил

немедленно взять Ак-Мечеть, не только показав кокандцам силу России, но и урегулировав важную проблему безопасности ее границ в Казахстане и Средней Азии [9, л. 16–17].

Теперь, в 1852 г., можно было начать претворение в жизнь вышеупомянутого проекта расширения российских владений. Как видим, все причины операций 1852–1853 гг. российских войск против кокандцев, кроме, пожалуй, личных мотивов В. А. Перовского, так или иначе взаимосвязаны и потому должны рассматриваться в едином комплексе. Для того, чтобы «наказать» кокандцев за угрозы физической расправы в адрес отряда Голова, была снаряжена военная экспедиция полковника генштаба Ивана Федоровича Бларамберга, в которой участвовали 2 сотни уральских казаков при 5 орудиях с прислугой, всего 470 чел. Операция готовилась в крайней спешке, что и предрешило ее исход. М. Ниязатов даже допускает мысль, что В. А. Перовский мог специально тем самым пытаться скомпрометировать И. Ф. Бларамберга как потенциального соперника [6, с. 383], учитывая, что последний был видным офицером и исследователем, а также одним из героев русской дипломатической миссии в Персии во время гератского кризиса 1837–1838 гг.

Бларамберг выступил 3 июля, а уже 19 июля он был под стенами Ак-Мечети. Комендант крепости Батыр-бассы выслал к нему письмо, в котором, по данным А. И. Макшеева, предлагал очистить крепость к 6 ч утра. Однако Бларамберг, помня о предписании В. А. Перовского не идти ни на какие соглашения с кокандцами, отверг это предложение [10, с. 182]. На другой день Бларамберг пытался взять ее, однако это не удалось, поскольку сил оказалось недостаточно. Очевидно, что организаторы экспедиции явно переоценили свои силы и недооценили силы кокандцев. Кроме того, сказалась спешка, с которой готовился данный поход. Потеряв под Ак-Мечетью 15 чел. убитыми и 57 ранеными, Бларамберг отступил [7, с. 109]. 3 августа его отряд взял кокандское укрепление Шим-Курган (у А. И. Макшеева – Чим-Курган) [10, с. 183], в котором защищалось всего 8 кокандцев, и разрушил укрепления Кош-Курган и Кумыш-Курган, брошенные кокандцами без обороны. Однако, все это, естественно, не могло компенсировать неудачу с попыткой Бларамберга взять Ак-Мечеть. 21 августа он вернулся в Аральск [10, с. 183].

Перовский, видимо, опасаясь обвинений в очередной после хивинской экспедиции 1839–1840 гг. военной неудаче, выставил дело так, что экспедиция Бларамберга была лишь своего рода разведкой боем. В то же время он начинает готовить новый поход против кокандцев, чтобы, наконец, добиться того, чего не удалось достичь экспедиции И. Ф. Бларамберга. В начале 1853 г. Перовский излагает свой «Проект о занятии

Сырдарьи, предлагаемый г. Военному министру 27 января 1853 года», адресованный графу А. И. Чернышеву. Есть сведения, что этот план составил уже упомянутый капитан А. И. Макшеев, известный ученый-географ, талантливый офицер, служивший тогда в Оренбурге, который потом принял активное участие в этом походе [11]. В нем Перовский предлагает овладеть берегом Сырдарьи и построить вдоль него новую, сырдарьинскую линию, предварительно овладев Ак-Мечетью. «Доколе этот важный пункт останется в руках кокандцев, он будет служить опорной точкой их скопищам, и они не перестанут грабить наших киргиз (казахов. – В. М.) на правом берегу реки. По занятии же Ак-Мечети кокандцы не отважатся оставаться в промежуточных крепостцах или переправлять отряды на правый берег между нашими фланговыми укреплениями», – пишет Перовский [5, л. 76]. Он также предлагает захватить и всю цепь мелких кокандских фортов вдоль Сырдарьи, оговариваясь, что «значительность предстоящих расходов и недостаток перевязочных средств не позволяют занять в один год все пункты сырдарьинской линии». Отсюда Перовский делает вывод, который и является общим планом сырдарьинской операции: «Поэтому необходимо в нынешнем же 1853 году овладеть Ак-Мечетью, устроить там укрепление, оставить в нем гарнизон и в то же время возвести Казалинский форт, отложив занятия Каш-Кургана и Чим-Кургана (места предполагаемого Перовским строительства русских укреплений на Сырдарье. – В. М.) до 1854 года» [5, л. 76]. Таким образом, по плану Перовского, взятие Ак-Мечети должно было стать главным делом кампании 1853 года. План был принят и приведен в исполнение.

Относительно состава отряда Перовского в историографии и источниках приводятся разные сведения. Сам Перовский в проекте сырдарьинской операции планировал задействовать 2 роты линейных батальонов Отдельного Оренбургского корпуса, 2 сотни уральских казаков и 1 сотню башкир, 12 орудий с полубатареей артиллерийской прислуги. В операции им планировалось также задействовать сенокосную команду из 400 башкирских троеконных подвод [5, л. 76]. Однако известный военный историк русского зарубежья А. А. Керсновский в своей «Истории Русской армии» приводит другие цифры: 5000 чел. с 36 орудиями [12, с. 285]. Как видим, разница с данными проекта Перовского очень большая. По другим данным, у него было не 5000, а 6000 чел. всего лишь с 12 орудиями [7, с. 109]. Наиболее достоверными, на наш взгляд, являются данные А. И. Макшеева, поскольку он сам был участником ак-мечетской экспедиции. Он пишет, что в поход были назначены следующие силы. Из пехоты в поход был отправлен Оренбургский линейный батальон № 4 в составе 4 рот; из кавалерии выступило 5 с половиной сотен уральских казаков,

2 сотни Оренбургского казачьего войска и 5 конных сотен Башкиро-Мещерякского войска, итого 12 с половиной сотен всадников. Артиллерийских орудий было все-таки 36, их прислуга была составлена из гарнизонных артиллеристов Аральска и Орска, а также конной бригады Оренбургского казачьего войска. Специально для участия в этой боевой операции из Санкт-Петербурга прибыла ракетная команда под командой гвардейской конной артиллерии прапорщика Иогансона. Инженерные войска в походе В. А. Перовского на Ак-Мечеть были представлены саперной командой с гальванической батареей, также прибывшей из Санкт-Петербурга под начальством гвардейского саперного батальонного штабс-капитана Орловского. Обоз включал в себя сенокосную команду в 400 чел. [10, с. 184]. Очевидно, что это совпадает с упомянутым планом В. А. Перовского иметь в походе сенокосную команду из 400 башкирских троеконных подвод, если считать по одному человеку на подводе. Кроме того, по словам А. И. Макшеева, в обозе было 1700 верблюдов, взятых по найму, при которых находились 300 вожатых киргиз (казахов. – В. М.) [10, с. 184].

Согласно плану Перовского отряд должен был выступить на Ак-Мечеть из Оренбурга не позднее 1 мая, прибыть в Аральск, российский форпост на побережье Аральского моря, 25 мая, не позднее 5 июня оставить там часть отряда и потом двигаться к Ак-Мечети [5, л. 76].

Однако в реальности начало операции задержалось, и выступил Перовский в поход только 15 или 16 мая, так как первое письмо его из похода датировано 18 мая [13, с. 164–165], а писал он их оттуда каждые несколько дней [13, с. 164–176]. Перовский осуществлял общее руководство операцией, непосредственно же отрядом командовал атаман Оренбургского казачьего войска генерал-майор Иван Васильевич Подуров. Кроме всего прочего, отряд Перовского вез с собой также и несколько понтонных лодок [14, с. 144]. В этом походе принимали участие известные ориенталисты В. В. Григорьев и В. В. Вельяминов-Зернов [7, с. 109]. До Аральска отряд двигался по подконтрольным России казахским степям в тяжелых условиях. Кокандцы отряд Перовского не беспокоили, но движение сильно осложняли жара и зной. Степной климат очень непривычен для жителей южного Урала и Оренбуржья и довольно трудно переносится. По предварительным расчетам начальника штаба Отдельного Оренбургского корпуса, отряд Перовского должен был проходить по 70 верст в сутки, однако сам Перовский в одном из писем сетует, что это невозможно [13, с. 164–165]. Письма его оренбургскому губернатору Н. В. Балкашину, введенные в научный оборот более 100 лет назад в Трудах Оренбургской ученой архивной комиссии силами ее подвижников – замечательных оренбургских историков и краеведов рубежа XIX – XX вв., безусловно,

являют собой важный источник, аутентичность информации в которых весьма высока – буквально из первых рук.

Несмотря на неудачный опыт хивинской операции, всего опять не предусмотрели. Запаса сухарей не хватало даже на один день пути. В письме оренбургскому губернатору Н. В. Балкашину Перовский отмечает, что под Ак-Мечетью недостаток трав, и кается, что он не предусмотрел этого заранее [13, с. 164–165]. Поход проходил медленнее, чем задумывалось, движение отряда замедлял громоздкий обоз, в котором везли принадлежности для осады Ак-Мечети [14, с. 143].

В Аральск экспедиция пришла в 10-х числах июня. В начале июня 1853 г. туда были стянуты войска из Орска, Оренбурга, Верхнеозерской станицы, составившие так называемый экспедиционный отряд. Он включал три роты 4-го Оренбургского линейного батальона, 5 сотен уральских и оренбургских казаков, 3 сотни кавалеристов Башкиро-мещерякского войска, 17 орудий (в том числе 5 кегерновых мортир), гальваническую команду и специально присланную из Санкт-Петербурга ракетную команду. Всего в поход отправилось около 2350 солдат и офицеров и 500 казахов, служивших разведчиками и перевозивших на лошадях грузы. К Ак-Мечети отряд двигался четырьмя эшелонами: 1-й под началом полковника Марка (2 сотни казаков, 3 орудия, ракетная и гальваническая команды); 2-й – генерал-майора Подурова (рота пехоты, 1,5 сотни казаков); 3-й – подполковника Ионя (такого же состава, как и 2-й); 4-й – войскового старшины Филатова (2 сотни казаков, 2 орудия и обоз) [15, с. 341–342].

По плану же Перовского в Аральске должна была остаться часть его отряда, который должен был идти на Ак-Мечеть в следующем составе: 2 роты пехоты, 2 сотни уральских казаков и 50 башкир, 16 орудий с полубатальоном артиллерийской прислуги [5, л. 76]. Очевидно, что часть своих сил В. А. Перовский действительно оставил в Аральске. Оттуда экспедиция двигалась в юго-восточном направлении вдоль побережья Аральского моря до устья Сырдарьи. Интересен тот факт, что здесь отряд Перовского использовал передовой для того времени транспорт – пароходы Аральской флотилии.

Аральская флотилия – формирование Российского флота. Она была создана в 1847 г. по инициативе А. И. Бутакова для содействия войскам в колониальных экспедициях, торговых и воинских перевозок, защиты прибрежных районов р. Сырдарьи. Первыми судами флотилии стали доставленные в 1852 г. в разобранном виде в Аральск пароход «Перовский» (140 т, 40 л.с.) и железный паровой баркас «Обручев» (16 т, 12 л.с.). И вот именно теперь, в 1853 г., А. И. Бутаков совершил первое плавание на «Перовском» для поддержки войск при взятии Ак-

Мечети. Пароход «Перовский» имел артиллерийское вооружение [16, с. 1, 3], другие суда этой экспедиции, возможно, тоже его имели и в этом случае могли использоваться не только как транспортные, но и как боевые средства. Экспедиция разделилась на 2 части. Одна ее часть шла по берегу, другая – плыла на пароходах.

Между тем кокандское правительство, осознав, что Россия собирается нанести серьезный удар по ханству, оперативно отреагировало на события в районе крепости. Вскоре после того, как отряд Перовского стал сосредотачиваться под Ак-Мечетью, 17 июня 1853 г. в Омске появился посланец хана Худояра Юлдашбай Мирзаджанов с письмом от Мухаммеда Касыма к генерал-губернатору западной Сибири Г. Х. Гасфорту. Кокандское руководство хотело решить дело миром, однако российские власти не пошли на соглашение с кокандцами. Прождав, по сути дела, без всякой пользы почти 3 месяца, кокандский посланец уже после падения Ак-Мечети, 16 сентября 1853 г. покинул Омск [17, с. 343–344].

Тем временем 20 июня, по данным А. А. Керновского, Перовский уже стоял под стенами Ак-Мечети [12, с. 285]. По сведениям же А. А. Михайлова, пройдя 410 км в 16 переходов за 18 дней, головные эшелоны прибыли к вражеской крепости 3 июля 1853 г. Последние эшелоны подтянулись через 2 дня. 5 июля по Сыр-Дарье пришел пароход «Перовский» под командованием капитан-лейтенанта А. И. Бутакова [15, с. 341–342] и баркас «Обручев» под командованием лейтенанта Эрдели [10, с. 182].

Ак-Мечеть находилась на Сырдарье, немного выше по течению устья реки. Началась ее правильная осада. Крепость Ак-Мечеть была построена на расстоянии четверти версты от правого берега р. Сырдарьи и имела вид редута квадратной формы с башнями на углах и на серединах фасов. Каждый из фасов был более 50 саженей длиной. Глиняные стены имели до 5 саженей высоты и столько же толщины у основания и были окружены глубоким и широким водяным рвом [18, с. 3]. Взятие крепости с ходу привело бы к большим потерям со стороны штурмующих. Поэтому войска Перовского начали осадные работы. Руководство ими было возложено на прибывшего из столицы по указанию Государя Николая Павловича генерал-майора С. А. Хрулева, а общее командование осуществлял сам В. А. Перовский. Строительство батарей осуществляли преимущественно по ночам, так как днем кокандский гарнизон, численность которого достигала 300 чел., очень метко обстреливал осаждающих из ружей. Артиллерия крепости, напротив, сразу же показала свою слабость. У кокандцев было всего три пушки небольшого калибра, которые они переносили с башни на башню [15, с. 341–342].

Перовский решил вести осаду по всем правилам тогдашней фортификации. 4 июля была проложена дорога к осадным батареям. Ночью

6 июля была заложена батарея № 1 в 250 саженях от крепости, 7 июля заложена батарея № 2 в 215 саженях от Ак-Мечети. 8 июля были устроены батареи: № 3 в 250 саженях, № 4 ракетная и № 5, вооруженная мортирами, в 140 саженях. 11 июля ночью было начато строительство соединительной траншеи между батареями № 4 и № 5. 13 июля была построена батарея № 6 и начат доступ туровою сапой на западный угол крепости.

К 18 июля подступы, веденные на западный, северный и восточный углы крепости, подошли к гласису, и российские войска приступили к венчанию гласиса*. 20 июля был устроен спуск в ров. 21 июля была построена батарея № 7 и начат переход через водяной ров, который загружался фашинами с привязанными к ним земляными мешками. 25 июля переход через ров был закончен, и начато возведение подземной галереи из голландских рам через берму шириной в 5 саженей [18, с. 5]. 28 июля оно завершилось, и под крепостную стену была заложена мина [18, с. 5]. В ночь на 28 июля, через 25 дней после начала осады, назначили генеральный штурм. В 3 ч 50 мин, а А. Гребнер утверждает, что в 3 ч пополудни [18, с. 5] раздался мощный взрыв, и часть северо-восточной стены рухнула. В образовавшуюся брешь размером в 40 саженей [18, с. 5–6] немедленно был направлен картечный огонь батарей № 4 и № 7, а затем туда бросилась 1-я рота линейного батальона, которая после жестокой схватки заняла стены. На помощь ей подоспела 2-я рота, но, увлекшись погоней за отступавшими кокандцами, она ворвалась внутрь крепости, где попала под огонь самих штурмующих [15, с. 344]. Колонны российских войск все же вошли через это отверстие в крепость, несмотря на яростный обстрел кокандцев [12, с. 285].

По мнению А. А. Керсновского, ее гарнизон насчитывал 20000 чел., что в 3–4 раза превосходило численность отряда Перовского [12, с. 285]. Однако А. А. Михайлов пишет о 300 чел. гарнизона Ак-Мечети [15, с. 342]. Думается, что последнее утверждение правдоподобнее первого, учитывая не слишком большие ее размеры. Вполне возможно, что 300 чел. были воинами, но, кроме них, в крепости находилось большое количество мирного населения, и даже в этом случае общая численность осажденных вряд ли достигала 20000 чел. Территория Ак-Мечети была довольно значительной, и из-за многочисленных построек внутри там началась ожесточенная рукопашная схватка, в ходе которой кокандцы отчаянно обороняли каждую пядь земли. По словам А. А. Керсновского, бой продолжался 5 дней [12, с. 285]. Очевидно, овладев уже 28 июля крепостными стенами Ак-Мечети, войска Перовского несколько дней подавляли очаги сопротивления

кокандцев внутри цитадели. В итоге ее штурм завершился полной победой русского войска.

Российские потери в этом сражении составили, по мнению А. А. Керсновского, 11 офицеров и 164 нижних чина. Кокандцев пощажено лишь 74 чел. [12, с. 285]. А. А. Михайлов пишет, что потери русских во время штурма составили 13 чел., а за все время осады – 17 чел. [15, с. 344–345]. А. И. Макшеев приводит более подробные данные. По его словам, во время штурма с российской стороны 1 чел. был смертельно ранен, 12 нижних чинов убито, 35 чел., в том числе 2 офицера, были ранены. Во время осады убито 17 нижних чинов, ранены 1 офицер и 23 нижних чина, контужены 3 офицера и 7 нижних чинов. За всю экспедицию убитых и умерших насчитывалось 37 чел., а раненых и контуженных – 77 чел. Пало 465 лошадей [10, с. 203].

Кокандцев, находившихся в Ак-Мечети, по данным А. И. Макшеева, было убито 212 чел., в том числе 206 мужчин, 4 женщины и 2 ребенка, а взято в плен ранеными 35 мужчин, 7 женщин, 10 детей, здоровыми 39 мужчин, 73 женщины и 53 ребенка [10, с. 203]. Естественно, речь идет не только о воинах гарнизона Ак-Мечети, но и о мирном населении, находившемся в крепости. В штурме принимал участие молодой тогда еще поэт А. Н. Плещеев, произведенный за это в прапорщики [7, с. 109]. Еще до начала штурма Ак-Мечети, когда появились слухи о том, что от Ташкента идет помощь к осажденному российскими войсками в крепости гарнизону, генерал Подуров и капитан Макшеев были посланы для рекогносцировки и для взятия и разрушения кокандской крепости Джулек. Капитан А. И. Макшеев, бывший в авангарде, обнаружил, что кокандцы из крепости убежали. Крепость Джулек была А. И. Макшеевым оккупирована [15, с. 345].

Вскоре после взятия Ак-Мечеть была Высочайше переименована в форт Перовский в честь своего покорителя (ныне это город Кызыл-Орда в Казахстане). Там был оставлен российский гарнизон, возведен православный храм [19, л. 1–2]. Генерал-губернатор Перовский поручил Макшееву наладить дело управления местным населением [11]. После взятия Ак-Мечети войска Перовского, как и планировалось, отбили у кокандцев мелкие укрепления, располагавшиеся вдоль берега Сырдарьи, и основали новую, сырдарьинскую линию. Кокандцы, однако, уже во второй половине года попытались отбить у русских крепость, учитывая ее геостратегическую важность, но затея эта провалилась [2, с. 20]. Она стала, по словам А. А. Керсновского, «как бы авангардом Оренбургской линии и связалась с этой последней кордоном укреплений от Аральского моря до нижнего течения Урала (защищавшим

*Гласис (фр. glacis, лат. Glatia – покатошь, гладкая длинная отлогость) – пологая земляная насыпь перед наружным рвом крепости. Возводили с целью улучшения условий обстрела впереди лежащей местности маскировки и защиты укрепления.

киргизскую (казахскую. – В. М.) степь от туркмен пустыни Усть-Урт)» [12, с. 285].

В результате цели Сырдарьинской операции Перовского были достигнуты, военное могущество и влияние Кокандского ханства были подорваны, угроза юго-восточным российским приграничным территориям резко уменьшилась. На среднеазиатских караванных путях стало гораздо спокойнее. Российская империя продемонстрировала свое военное могущество в регионе, вплотную подошла к рубежам среднеазиатских государств, ранее отделенных степными просторами, а заодно и своей давней сопернице по Большой игре – другой великой империи – Британской, тем более в преддверии Крымской войны 1853–1856 гг., где Британская империя, как известно, станет одним из ключевых противников Российской империи. Однако хотелось бы отметить, что изучение источников не выявило прямой корреляции между Ак-Мечетской операцией и начавшейся как раз на ее фоне Крымской войной. Тем более, что как уже указывалось, сама идея занятия Ак-Мечети и строительства Сыр-Дарьинской линии была высказана В. А. Обручевым еще в 1851 г., когда о большой войне с Османской империей и союзной ей коалицией западных держав никакой речи не шло. Полагаем, самое большее – Россия хотела продемонстрировать Британии свое усиление в регионе в контексте Большой игры, а не конкретно назревающей тогда между ними войны. Однако, думается, этот аспект нуждается в более пристальной проработке и уточнении на исследовании нашей и британской источниковой базы как уже введенной, так и еще не введенной в научный оборот. Благодаря занятию Ак-Мечети так или иначе открылась реальная возможность для полного подчинения Средней Азии, а верховная власть Российской империи убедилась в слабой военно-технической оснащенности армий среднеазиатских правителей.

Список литературы

1. Небольсин П. Очерки торговли России со странами Средней Азии, Хивой, Бухарой и Коканом (со стороны Оренбургской линии). СПб. : б. и., 1856. 378 с.
2. Турсунов Б. Р. Начало покорения Российской империей Кокандского ханства // Ученые записки Худжандского государственного университета им. академика Б. Гафурова. Серия гуманитарно-общественных наук. 2019. № 4 (61). С. 17–23.
3. Аллворт Э. Россия: Прорыв на Восток. Политические интересы в Средней Азии. М. : Центрполиграф, 2016. 212 с.
4. Сергеев Е. Ю. Большая игра, 1856–1907: мифы и реалии российско-британских отношений в Центральной и Восточной Азии. М. : Товарищество научных изданий КМК, 2012. 463 с.
5. Государственный архив Оренбургской области (ГАОО). Ф. 6. Канцелярия Оренбургского генерал-губернатора. Оп. 6. Д. 13230.
6. Ниязматов М. Россия на Востоке : противостояние великих держав (XIX век). СПб. : Петербургское востоковедение, 2014. 460 с.
7. Известия Оренбургского отдела Императорского Русского географического общества : в 23 выпусках. Вып. 17. Тверь, 1902. 281 с.
8. Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). Ф. 483. Военные действия в Средней Азии. Оп. 1. Д. 4.
9. РГВИА. Ф. 483. Оп. 1. Д. 30.
10. Макиев А. И. Исторический обзор Туркестана и поступательного движения в него русских. СПб. : Военная типография, 1890. 384 с.
11. Поздеев А. А. А. И. Макшеев, русский географ, исследователь Средней Азии (1822–1892) // Устюжна : историко-литературный альманах. Вып. 2 / гл. ред. и сост. М. А. Безнин. Вологда : Русь, 1993. С. 239–249.
12. Керсновский А. А. История русской армии : в 4 т. Т. 2. М. : ГОЛОС, 1993. 332 с.
13. Перовский В. А. Письма Перовского Н. В. Балкашину // Труды Оренбургской ученой архивной комиссии. Оренбург : Типо-лит. Губ. правления, 1911. Вып. XXIII. С. 164–176.
14. Чернов И. В. Записки генерал-майора Ивана Васильевича Чернова // Труды Оренбургской ученой архивной комиссии. Вып. XVIII. Оренбург : Типо-лит. Губ. правления, 1907. 224 с.
15. Михайлов А. А. Первый бросок на юг. М. : АСТ ; Северо-Запад Пресс, 2003. 432 с.
16. Аральская флотилия // Военная энциклопедия / под ред. полковника В. Ф. Новицкого : в 18 т. Т. 3 : Аральская флотилия – Афонское сражение. СПб. ; М. : Т-во И. Л. Сытина, 1911. С. 1–3.
17. Халфин Н. А. Россия и ханства Средней Азии (первая половина XIX века). М. : Наука, 1974. 404 с.
18. Гребнер А. Осады и штурмы средне-азиатских крепостей и населенных пунктов. СПб. : Типография и Литография В. А. Тиханова, 1897. 78 с.
19. ГАОО. Ф. 6. Канцелярия Оренбургского генерал-губернатора. Оп. 6. Д. 13215.

Поступила в редакцию 20.03.2022; одобрена после рецензирования 15.04.2022; принята к публикации 30.06.2022
The article was submitted 20.03.2022; approved after reviewing 15.04.2022; accepted for publication 30.06.2022

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2022. Т. 22, вып. 4. С. 443–448
Izvestiya of Saratov University. History. International Relations, 2022, vol. 22, iss. 4, pp. 443–448
<https://imo.sgu.ru> <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2022-22-4-443-448>, EDN: CMXVLX

Научная статья
УДК 913:821.161.1.09-96+929[Чернышевский+Норов]

Обзорные рецензии Н. Г. Чернышевского на историко-географические труды А. С. Норова

С. В. Лёвин

Московский государственный областной университет, Россия, 141014, Московская область, г. Мытищи, ул. Веры Волошиной, д. 24

Лёвин Сергей Владимирович, доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры истории, культуры и социального развития Московской области, serg.lewin@yandex.ru, <http://orcid.org/0000-0001-5689-1349>, Author ID: 786851

Аннотация. Научно-публицистическое и литературное наследие Н. Г. Чернышевского представлено широким спектром разноплановых работ, среди которых видное место занимают рецензии и обзоры исторических трудов. В статье предпринята попытка анализа двух таких обзоров на исторические исследования министра народного просвещения А. С. Норова. Формулируется вывод, согласно которому Н. Г. Чернышевский подробно рассмотрел его научные публикации, показав глубокое знание изложенных там вопросов. Аналитические обзоры Н. Г. Чернышевского можно считать дополнением проблематики работ А. С. Норова.

Ключевые слова: Атлантида, восток, историческая география, источник, книга, обзор, путешествие

Для цитирования: Лёвин С. В. Обзорные рецензии Н. Г. Чернышевского на историко-географические труды А. С. Норова // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2022. Т. 22, вып. 4. С. 443–448. <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2022-22-4-443-448>, EDN: CMXVLX

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

N. G. Chernyshevsky's survey reviews on historical and geographical works of A. S. Norov

S. V. Lyovin

Moscow region State University, 24 Vera Voloshina St., Mytishchi 141014, Russia

Sergei V. Lyovin, serg.lewin@yandex.ru, <http://orcid.org/0000-0001-5689-1349>, Author ID: 786851

Abstract. A wide range of diverse works represents the scientific, journalistic and literary heritage of N. G. Chernyshevsky. Reviews and surveys of historical works occupy a prominent place among them. The paper attempts to analyse two such surveys on the historical studies of the Minister of Public Education A. S. Norov. The author of the paper concludes that N. G. Chernyshevsky thoroughly reviewed his scientific publications showing a deep knowledge of the issues presented there. N. G. Chernyshevsky's analytical reviews can be considered as some addition to the problems of A. S. Norov's works.

Keywords: Atlantis, east, historical geography, source, book, survey, journey

For citation: Lyovin S. V. N. G. Chernyshevsky's survey reviews on historical and geographical works of A. S. Norov. *Izvestiya of Saratov University. History. International Relations*, 2022, vol. 22, iss. 4, pp. 443–448 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2022-22-4-443-448>, EDN: CMXVLX

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Н. Г. Чернышевский всегда проявлял пристальный интерес к историческим работам. «Ужели, в самом деле, историческая литература не нашла бы у нас ни поддержки, ни сочувствия со стороны публики, – задавался он вопросом. – Но ведь этот вопрос совершенно равняется другому: неужели любознательность не привилась еще к нашей публике? Потому что, какую отраслью знания может интересоваться публика, которую не интересуется история? Можно не знать, не чувствовать влечения к изучению математики, греческого или латинского языков, химии,

можно не знать тысячи наук, и все-таки быть образованным человеком; но не любить истории может только человек, совершенно не развитый умственно» [1, с. 546]. Он внимательно следил за выходящей в России исторической литературой. Образно говоря, пик его обзорных рецензий работ по истории пришелся на 1850-е гг. Среди них – обзоры нескольких исторических сочинений уроженца Балашовского уезда Саратовской губернии А. С. Норова, занимавшего с 1854 по 1858 г. пост министра народного просвещения. Н. Г. Чернышевский подверг детальному

рассмотрению описания путешествий своего земляка по странам Востока и его исследование об Атлантиде.

Первое, что бросается в глаза, в обзорных рецензиях Н. Г. Чернышевского – хорошее знание им историографии и источников по рассматриваемой теме. Так, разбирая описания путешествий А. С. Норова, он предпринимает критический анализ тех работ, которые, по его мнению, этого заслуживают, например, путевые заметки антиохийского монаха, паломника В. Григоровича. «Василий Григорович – путешественник наблюдательный и любящий подробно описывать всё виденное; потому записки его, особенно первый том <...>, представляют чтение разнообразное и занимательное, тем более, что, путешествуя по большей части пешком и Христарди, он испытывал много приключений, придающих иногда живой драматизм рассказу», – пояснял Н. Г. Чернышевский свой выбор данной книги для критического разбора [2, с. 519].

Очевидно, критериями для более глубокого изучения содержания путевых записок Н. Г. Чернышевскому служили их содержательно-информативная насыщенность и увлекательный, но в то же время научный, стиль изложения материала. Это он и ставит в заслугу А. С. Норову. Сравнивая его «Путешествие по святой земле в 1835 году» [3, 4] «Путешествие по Египту и Нубии в 1834–1835 гг., служащее введением к путешествию по святой земле» [5, 6] и книгу путешественника, архивиста, поэта и искусствоведа А. Н. Муравьева «Путешествие ко святым местам в 1830 году» [7, 8], Н. Г. Чернышевский констатировал: «Существенное различие между этими сочинениями можно обозначить вернее всего так: «Путешествие ко святым местам» было прочитано с удовольствием, как отчет в благочестивых впечатлениях образованного русского писателя, возвышающегося часто в благоговении своем до истинного красноречия; «Путешествие по святой земле» и «Путешествие по Египту и Нубии», отличаясь теми же достоинствами, тем же красноречием, тем же благочестивым одушевлением, заняли, сверх того, почетное место в ученом отношении между всеми сочинениями по этому предмету, как произведения равно благочестивого и ученого исследователя-путешественника, коротко знакомого со всеми изысканиями своих предшественников, как произведения исследователя, самостоятельного поверяющего, объясняющего, дополняющего результаты, которых достигла наука» [2, с. 520–521]. Приоритет А. С. Норова как путешественника по странам Востока перед его предшественниками состоял в том, что до него никто из соотечественников «не плывал вверх по Нилу далее Каира» [2, с. 521]. Маршрут, по которому следовал А. С. Норов, был составлен им задолго до поездки. М. А. Корф свидетельствовал: конкретный

план путешествия на Восток А. С. Норов показывал ему еще в 1820 г. [9, с. 354]. Маршрут, разработанный им, оказался востребованным современниками. По нему, в частности, путешествовали педагог и публицист В. К. Каминский, египтолог В. С. Голенищев, врач А. А. Рафалович, востоковед Л. С. Ценковский, шотландский художник и путешественник Д. Робертс, оформлявший замечательными иллюстрациями книги А. С. Норова [10, с. 104]. Английский писатель, историк и путешественник В. Г. Диксон для своей поездки по святым местам воспользовался составленным А. С. Норовым планом Иерусалима с обозначением христианских святынь [11]. По разработанному А. С. Норовым маршруту в дальнейшем следовали поклониться святым местам религиозные паломники. Можно сказать, что А. С. Норов стоял у истоков российского религиозного туризма.

Отметив маршрут А. С. Норова в качестве несомненного достоинства его путешествия, Н. Г. Чернышевский показал хорошее знание библейской географии, а это было одной из целей поездки А. С. Норова на Восток: дать исчерпывающие пояснения географии и топографии Библии, которые, по его глубокому убеждению, «есть вернейший путеводитель по святой земле...» [3, с. IV]. Другой светской и практической целью путешествия являлось поручение «при проезде через Александрию, войти в непосредственное сношение с ген[еральным] консулом полк[овником] Дюгамелем о способах к выгоднейшему приобретению и доставлению из тех мест в Россию некоторых аптечных материалов и сделать по этому предмету подробный доклад» [12, с. 468].

Анализируя описание А. С. Норовым Египта, Н. Г. Чернышевский продемонстрировал хорошее знание египтологии. Так, он поддерживает его предположение о зарождении цивилизации в Нижнем Египте и ее «переходе в Верхний Египет», о том, что «столицей фараонов в эпоху Моисея был Цаон, а не Мемфис», а также «определение местности земли Гесем» и доказательства того, что «Но-Аммон – не Фивы (Диасполь Великий), а Диасполь Малый, в нижнем Египте...» [2, с. 525]. Не оставил без внимания Н. Г. Чернышевский и гипотезу А. С. Норова о построении пирамид не египтянами, а «народом чужеземным», поскольку зодчество сих громад не имеет отпечатка зодчества собственно египетского, оно есть подражание первым диким памятникам мира, каковы суть столп Вавилонский или богиня Белуса» [3, с. 200–201]. Выводы А. С. Норова повторили в своих трудах известный американский богослов, археолог, основатель библейской географии как научной дисциплины Э. Робинсон и английский лексикограф, издатель У. Смит [цит. по: 13, р. 26].

Не оставлены без внимания Н. Г. Чернышевским и встречи А. С. Норова с «замечатель-

нейшими людьми нового Египта»: правителем страны Мухаммедом-Али и одним из его сыновей Ибрагимом, французским офицером, полковником, находившимся на службе у Мухаммеда-Али, Джозефом Севом, известным под именем Солимана (Сулеймана)-паши. Н. Г. Чернышевский приводит большой отрывок из описания путешествия А. С. Норова, с его аудиенции у правителя Египта. Думается, это неслучайно. Мухаммед-Али, будучи широкообразованным человеком, проводил реформы во всех сферах жизнедеятельности государства: стабилизировал финансовую систему страны, развивал промышленность, реорганизовал сухопутные вооруженные силы, построил флот. Египетский паша вызывал интерес у русского правительства, поскольку в его борьбе с Османской империей Россия поддержала последнюю. Учитывая этот факт, можно предположить, что А. С. Норов как бывший военный имел и какое-либо поручение относительно выяснения состояния боеготовности вооруженных сухопутных и военно-морских сил, фортификационных сооружений, стратегических планов египетского паши. По сути А. С. Норов ехал во враждебную страну и аудиенция у главы государства требовала от него личного мужества и твердой гражданской позиции, а, зная суровый и сложный характер Мухаммеда-Али, также дипломатического такта и просто человеческой деликатности.

Путешественник также обратил внимание на натянутые отношения между мусульманами и христианами. «Христианство и ислаимизм разделены ужасною бездною, и кто знает, когда она будет засыпана» [3, с. 403], – вопрошал он. Безусловно, сохранение религиозного мира на Востоке очень волновало его. В одной из своих статей, вышедших в 1858 г., А. С. Норов призывает соблюдать веротерпимость, толерантность с целью сохранения религиозного мира на Востоке. «Рука помощи, – писал он, – нужна как для наших единоверных братьев греков, так и для арабов. Не пришло ли, наконец, то время, чтобы все народы, исповедующие тресвятое имя Бога, обнялись на месте их искупления, забыли бы свои вражды, перестали бы противуставлять друг другу козни» [14, с. 157]. Н. Г. Чернышевский не дал комментарий по этому аспекту: «Оставляем неприкосновенную чисто религиозную часть его, придающую, конечно, наибольшую привлекательность книге, но не подлежащую нашему разбору» [2, с. 529]. Напротив, он акцентировал свое внимание на приведенных в книге «замечательные статистических сведениях о Египте», подчеркнув, что они составляют важное дополнение к историко-географической характеристике этой страны и имеют не только научное, но и практическое значение [2, с. 529]. Также рецензент указал на богатое оформление книг иллюстрациями (литографиями) и рисунки самого автора.

Подводя итог обзору «Путешествие по Египту и Нубии в 1834–1835 гг., служащее введением к путешествию по святой земле», Н. Г. Чернышевский отметил важность этой книги в научном смысле: «Не говорим уж о том, что автор вполне знакомит нас с важнейшими результатами открытий, сделанных новейшими учёными: мы видели, что на каждом шагу он исправляет и дополняет их собственными открытиями, собственными исследованиями» [2, с. 527].

Описания путешествий А. С. Норова на Восток получили положительные отзывы историков-востоковедов, публицистов, дипломатов, государственных и общественных деятелей, священнослужителей и были переведены на немецкий и французский языки [10, с. 104–107]. Среди читающей образованной публики описания путешествий А. С. Норова пользовались большой популярностью. Например, экстраординарный академик Российской Академии наук М. А. Коркунов предлагал попечителю Казанского учебного округа В. П. Молоствову награждать ими особо отличившихся учащихся гимназий. «Надеюсь, что воспитанникам гимназий и других учебных заведений будет лестно получать в награду за успехи в науках сочинения г. министра народного просвещения», – подчеркивал он в своем письме от 22 декабря 1855 г. [15, л. 23 об.]. Американский историк П. Вайзенсел указал на факт отправки автором книги «Путешествие по святой земле в 1835 году» императору Николаю I «с надеждой на то, что на неё обратят внимание» [13, р. 23]. Дополняя П. Вайзенсела, следует заметить, что не только Николай I обратил внимание на книгу А. С. Норова, одарив его золотой табакеркой и «высочайшим соизволением», но и император Александр II высоко отзывался о его научных трудах [16, с. 44].

«Первой книгой о Малой Азии» «для большинства русской публики» назвал Н. Г. Чернышевский работу А. С. Норова «Путешествие к семи церквам, упоминаемым в Апокалипсисе» [17]. «И здесь, – отмечал он, – учёность автора даёт ему средства объяснить много вопросов, которые прежде были темными или понимались неправильно, заметить много нового, еще бывшего неизвестным» [2, с. 537]. Сравнивая книгу А. С. Норова с книгой о Малой Азии востоковеда, географа и военного геодезиста М. П. Вронченко [18, 19], Н. Г. Чернышевский отдаёт явное предпочтение первой.

Еще одной работой А. С. Норова, привлечшей к себе внимание Н. Г. Чернышевского, стало его обстоятельное научное исследование, посвященное Атлантиде, которое вышло в 1854 г. отдельным изданием и было переведено на немецкий язык. Опираясь на широкий спектр античных источников, А. С. Норов выдвинул предположение, что загадочная цивилизация располагалась в восточной части Средиземного моря между островами Кипром и Сицилией.

«Атлантида по нашему предположению, – писал он, – занимала всё пространство Средиземного моря от острова Кипр до Сицилии, возле которой на севере было Тиррейское море и Тиррения. Это пространство совершенно соответствует тому, которое Платон определяет для Атлантиды, а именно: 3000 стадий в длину и 2000 ширины» [20, с. 25]. Ссылаясь на рассказ афинского политического деятеля, мыслителя и поэта VI в. до н. э. Солона, который приведен у древнегреческого философа Платона, жившего в конце V – начале IV в. до н. э., А. С. Норов указывает, что «царство атлантов состояло из главного острова, или правильнее, из большого полуострова и из других меньших островов или полуостровов (нынешний архипелаг), которые, более или менее сближенные и даже соединённые, достигали до столпов Геркулесовых, или Босфора Фракийского» [20, с. 25].

Описания путешествий на Восток отразили взгляды самого автора на ближневосточный вопрос, а именно: положение русской православной церкви в регионе, усиление ее роли в культурной и общественной жизни христианского населения восточных стран как проводника влияния Российской империи. В этом отношении точка зрения А. С. Норова созвучна взглядам императора Николая I на «восточный вопрос» во внешней политике. Крымская война 1853–1856 гг. актуализировала его. В 1859 г. при самом активном участии А. С. Норова, а возможно, и по его инициативе, создается Палестинский комитет, задачей которого было «улучшение быта наших (русских. – С. Л.) паломников» [21, л. 2 об.]. Как утверждал в своих воспоминаниях академик А. В. Никитенко, близко знавший А. С. Норова, «идея единства православной церкви всегда была близка сердцу Авраама Сергеевича. Она соединялась в уме его с значением нравственной силы и влияния России на Востоке – и так, как греческий элемент в церковном отношении представлялся весьма важным, то он думал оказать значительную услугу восточному и русскому православию изданием текста Нового Завета на греческом и русском языках вместе» [22, с. 78].

Логично предположить, что А. С. Норов участвовал и в организации при Азиатском департаменте российского Министерства иностранных дел Палестинской комиссии, пришедшей на смену комитету в 1864 г.

Исследование А. С. Норова об Атлантиде не было столь популярно среди читающей публики, как описания его путешествий на Восток, но получило высокую оценку в научных кругах. «Таким образом, в настоящее время нужно считать доказанным, что Атлантида действительно существовала некогда, что расположена она была в восточном углу Средиземного моря, а в начале исторических времён погрузилась в море, и я весьма счастлив, что мне удалось некоторыми

естественно-историческими соображениями подтвердить весьма основательную гипотезу нашего соотечественника А. С. Норова, а вместе с тем, и восстановить приоритет данного им решения великой научной загадки», – резюмировал кристаллограф, доктор минералогии, приват-доцент Санкт-Петербургского университета А. Н. Карножицкий [23, с. 38–39]. Работа А. С. Норова не утратила своей научной значимости и почти 100 лет спустя. В 1949 г. советский ихтиолог и географ академик Л. С. Берг писал: «Платоновская Атлантида привлекала и до сих пор привлекает к себе внимание исследователей. Здесь я хотел бы обратить внимание на забытую статью нашего соотечественника А. С. Норова (1795–1869), дающего, по моему мнению, единственно правильное разрешение этой загадки, волнующей мыслящих людей уже более двух тысяч лет» [24, с. 316]. Данный научный труд А. С. Норова оказался востребованным и современными исследователями [25].

Работе А. С. Норова об Атлантиде Н. Г. Чернышевский уделил несколько меньше внимания, чем описаниям его путешествий на Восток, но его анализ представляет собой своего рода самостоятельное исследование данной темы. Как бы проверяя и подтверждая выводы автора, Н. Г. Чернышевский предпринимает тщательный разбор античных источников: «Естественной истории» Плиния Старшего, данные арабских историков, писателей, географов и путешественников Абуль-Хасана Али ибн аль-Хусейна аль-Масуди и Шихабуддина Абу Абдуллаха Якута ибн Абдуллаха аль-Хамави, персидского ученого-энциклопедиста Абу-Мухаммеда Рейхана Мухаммеда ибн Ахмеда аль-Бируни, «Исторической библиотеки» древнегреческого историка и мыслителя Диодора Сицилийского. Следует отметить, что Н. Г. Чернышевский отлично знал античные источники, и не только древнегреческие, но и арабские, о чем, например, свидетельствует его обзор сборника статей («Прописки») по классической древности. Он дал высокую оценку историческому исследованию А. С. Норова об Атлантиде: «Нельзя не согласиться, что это «Исследование» удовлетворительнейшим образом разрешает столь затруднявший всех объяснителей вопрос о положении «Платоновой Атлантиды» и тем оказывает важную услугу древнейшей географии» [2, с. 543].

Свой обзор Н. Г. Чернышевский завершает констатацией того значения, которое имеют историко-географические исследования А. С. Норова не только для российской, но и европейской науки, «насколько они двинули науку вперед и с какою верностью представили решение многих важнейших и затруднительнейших вопросов древней истории, географии и археологии» [2, с. 543].

Итак, можно констатировать: Н. Г. Чернышевский предпринял содержательный обзор

нескольких научных трудов А. С. Норова. Он показал, что они имели не только научно-теоретическое, познавательное, но и практическое значение. По его мнению, описания путешествий А. С. Норова на Восток существенно обогатили знания ученых в области египтологии, библейской археологии, географии, топонимики и мифологии. Его самого с полным основанием можно назвать ученым паломником. Составленные им маршруты путешествий с подробнейшими пояснениями оказались востребованными не только у соотечественников, но и у зарубежных путешественников, исследователей Востока, христианских паломников. Н. Г. Чернышевский первым из отечественных исследователей, публицистов указал на междисциплинарный характер научных работ А. С. Норова, а также на возможность их использования в качестве источников по египтологии, библейской археологии и топонимике.

Знал ли А. С. Норов об отзывах Н. Г. Чернышевского на свои работы – неизвестно. Но нелишним будет заметить, что А. С. Норов под воздействием недоброжелателей Н. Г. Чернышевского выступил категорически против утверждения его магистерской диссертации «Эстетическое отношение искусства к действительности», защита которой состоялась в Санкт-Петербургском университете в мае 1855 г., и присуждения автору ученой степени [26, с. 19]. В результате диссертация была утверждена только после отставки А. С. Норова с поста министра народного просвещения его преемником Е. П. Ковалевским.

Так судьба заочно свела двух известных исторических личностей, ученых, общественного и государственного деятелей, хотя и противоположных политических взглядов, земляков. Думается, несмотря на различие в общественно-политических взглядах и занимаемое положение в обществе, Н. Г. Чернышевского и А. С. Норова объединяла искренняя любовь к науке, преданность ей, стремление к новым знаниям и открытиям. Оба внесли определенный вклад в историческую науку.

Список литературы

1. Чернышевский Н. Г. Пропилеи. Сборник статей по классической древности, издаваемый П. Леонтьевым. Кн. III и IV. Москва. 1853–1854 // Полное собрание сочинений : в 15 т. Т. 2 : Статьи и рецензии 1853–1855 / под ред. В. Я. Кирпотина. М. : Государственное издательство художественной литературы, 1949. С. 544–598.
2. Чернышевский Н. Г. Путешествия А. С. Норова // Полное собрание сочинений : в 15 т. Т. 2 : Статьи и рецензии 1853–1855 / под ред. В. Я. Кирпотина. М. : Государственное издательство художественной литературы, 1949. С. 517–543.
3. Норов А. С. Путешествие по святой земле в 1835 году : в 2 ч. СПб. : В типографии А. Смирдина, 1844. Ч. 1. 334 с.
4. Норов А. С. Путешествие по святой земле в 1835 году : в 2 ч. СПб. : В типографии А. Смирдина, 1844. Ч. 2. 309 с.
5. Норов А. С. Путешествие по Египту и Нубии в 1834–1835 гг., служащее введением к путешествию по святой земле. Ч. I–II. СПб. : В типографии III отделения собственной его императорского величества канцелярии, 1840. Ч. I. 378 с.
6. Норов А. С. Путешествие по Египту и Нубии в 1834–1835 гг., служащее введением к путешествию по святой земле. Ч. I–II. СПб. : В типографии III отделения собственной его императорского величества канцелярии, 1840. Ч. II. 388 с.
7. Муравьев А. Н. Путешествие ко святым местам в 1830 году : в 2 ч. СПб. : В типографии III отделения собственной его императорского величества канцелярии, 1832. Ч. 1. 298 с.
8. Муравьев А. Н. Путешествие ко святым местам в 1830 году : в 2 ч. СПб. : В типографии III отделения собственной его императорского величества канцелярии, 1832. Ч. 2. 244 с.
9. [Корф М. А.] Авраам Сергеевич Норов. Из дневника барона М. А. Корфа (1820) // Русский архив. 1895. Кн. III, вып. 11. С. 346–353.
10. Левин С. В., Левина О. С. А. С. Норов: образ государственного и общественного деятеля дореформенной России. Саратов : Техно-Декор, 2018. 188 с.
11. Диксон В. Святая земля / пер. с англ. ; под ред. Н. С. Кутейникова. СПб. : Печатня В. Головина, 1869. 337 с.
12. Шилов Д. Н. Государственные деятели Российской империи 1802–1917. СПб. : Дмитрий Буланин, 2001. 830 с.
13. Weisensel P. R. Prelude to the Great Reforms. Avraam Sergeevich Norov and Imperial Russia in Transition. Minneapolis, Minnesota : University of Minnesota Press, 1995. 219 p.
14. Норов А. С. Несколько мыслей старого паломника // Морской сборник. 1858. Т. XXXIV, № 4. С. 155–158.
15. Национальный архив Республики Татарстан (НАРТ). Ф. 92 (Попечитель Казанского учебного округа). Оп. 1. Д. 7102.
16. Выписка из протоколов заседаний Археографической комиссии. Приложение к протоколу от 4 мая 1868 г. // Летопись занятий Археографической комиссии. Вып. 5 : За четыре года. СПб. : Типография Замысловского и Бобылева, 1871. С. 1–58.
17. Норов А. С. Путешествие к семи церквам, упоминаемым в Апокалипсисе. СПб. : Типография III отделения собственной его императорского величества канцелярии, 1847. 298 с.
18. Вронченко М. П. Обзорение Малой Азии, в нынешнем её состоянии, составленной русским путешественником : в 2 ч. СПб. : Типография К. Крайя, 1839. Ч. 1. 286 с.
19. Вронченко М. П. Обзорение Малой Азии, в нынешнем её состоянии, составленной русским путешественником : в 2 ч. СПб. : Типография К. Крайя, 1840. Ч. 2. 315 с.
20. Норов А. С. Исследования об Атлантиде. СПб. : В типографии императорской Академии наук, 1854. 44 с.
21. Российский государственный архив литературы и искусства (РГАЛИ). Ф. 349 (Норов Авраам Сергеевич (1795–1869)). Оп. 1. Д. 2.

22. *Никитенко А. В.* А. С. Норов. Биографический очерк, читанный в торжественном собрании Академии наук 29 декабря 1869 г. ординарным академиком А. В. Никитенко // Записки императорской Академии наук. СПб., 1870. Т. XVIII, кн. 1. С. 59–82.
23. *Карножицкий А. Н.* Атлантида // Научное обозрение. 1897. № 2. С. 12–39.
24. *Берг Л. С.* Очерки по истории русских географических открытий. 2-е изд., испр. и доп. М.; Л.: Издательство Академии наук СССР, 1949. 465 с.
25. *Крайко Ю. В.* Античный миф об Атлантиде : опыт фольклористического рассмотрения : дис. ... канд. филол. наук. М. : Институт мировой литературы им. А. М. Горького, 2006. 192 с.
26. *Лёвин С. В.* Министр народного просвещения А. С. Норов в воспоминаниях и письмах русских профессоров середины XIX века // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия : История. Международные отношения. 2021. Т. 21, вып. 1. С. 17–21. <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2021-21-1-17-21>

Поступила в редакцию 12.05.2022; одобрена после рецензирования 16.05.2022; принята к публикации 30.06.2022
The article was submitted 12.05.2022; approved after reviewing 16.05.2022; accepted for publication 30.06.2022

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2022. Т. 22, вып. 4. С. 449–456
Izvestiya of Saratov University. History. International Relations, 2022, vol. 22, iss. 4, pp. 449–456
<https://imo.sgu.ru> <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2022-22-4-449-456>, EDN: AYLDMS

Научная статья
УДК [[76:070]:355.48(470+571+560)]|1877/1878|+929

Визуальная репрезентация освободительной войны России на Балканах в журнальной графике 1870-х годов

О. В. Кочукова

Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, Россия, 410012, г. Саратов, ул. Астраханская, д. 83

Кочукова Ольга Викторовна, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории России и археологии, kochukovasgu@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9595-7571>, Author ID: 354832

Аннотация. Статья посвящена визуальной репрезентации внешнеполитических целей и национальных интересов России накануне и в период Русско-турецкой войны 1877–1878 гг. Автор анализирует исторический контекст произведений графики в российских иллюстрированных журналах 1870-х гг. Выявляются историко-культурные особенности формирования концепции освободительной войны России на Балканах средствами журнальной графики. Подчеркивается совместный вклад периодической печати и изобразительного искусства (военных корреспондентов, художников, редакций и издателей журналов) в создание концепции освободительной войны.

Ключевые слова: Российская империя, внешняя политика, Русско-турецкая война 1877–1878 гг., освободительная война, визуальные исторические источники, иллюстрированные журналы, журнальная графика, гравюры

Для цитирования: Кочукова О. В. Визуальная репрезентация освободительной войны России на Балканах в журнальной графике 1870-х годов // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2022. Т. 22, вып. 4. С. 449–456. <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2022-22-4-449-456>, EDN: AYLDMS

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

Visual representation of Russia's liberation war in the Balkans in the magazine graphics of the 1870s

O. V. Kochukova

Saratov State University, 83 Astrakhanskaya St., Saratov 410012, Russia

Olga V. Kochukova, kochukovasgu@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9595-7571>, Author ID: 354832

Abstract. The article is devoted to the visual representation of the foreign policy goals and national interests of Russia on the eve and during the Russian-Turkish war of 1877–1878. The author analyzes the historical context of graphics works in Russian illustrated magazines of the 1870s. The article reveals the historical and cultural features of the formation of the concept of Russia's liberation war in the Balkans by means of magazine graphics. The joint contribution of periodical and fine art (military correspondents, artists, editorial offices and magazines) in creating the concept of liberation war is emphasized.

Keywords: Russian Empire, foreign policy, Russian-Turkish war of 1877–1878, liberation war, visual historical sources, illustrated magazines, magazine graphics, engravings

For citation: Kochukova O. V. Visual representation of Russia's liberation war in the Balkans in the magazine graphics of the 1870s. *Izvestiya of Saratov University. History. International Relations*, 2022, vol. 22, iss. 4, pp. 449–456 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2022-22-4-449-456>, EDN: AYLDMS

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Русско-турецкой войне 1877–1878 гг. принадлежала ключевая историческая роль в разрешении Великого Восточного (Балканского) кризиса 1875–1878 гг., а обретение балканскими народами национальной независимости в значительной мере являлось результатом внешней политики России и того большого отклика, кото-

рый славянский вопрос имел в российском общественном мнении. Восприятие целей, интересов и ценностей внешней политики России на Балканах было поставлено в центр общественных дискуссий. В российском общественном мнении была необыкновенно востребованной идея «славянской взаимности», которая понималась

в смысле этноконфессионального братства и являлась одной из базовых ценностей, определивших конкретные внешнеполитические интересы балканской политики России [1, с. 150]. Представление об особой исторической миссии России в освобождении православных славянских народов от владычества Османской империи было положено в основу концепции освободительной войны России на Балканах.

В формировании общественных представлений об освободительной миссии России по отношению к православному славянскому населению Балкан особое место принадлежало изобразительному искусству. Визуальные исторические источники периода Русско-турецкой войны 1877–1878 гг. представлены произведениями живописи и графики, фотоальбомами, гравюрами и карикатурами, опубликованными в периодических изданиях. Российская пресса во время этой войны впервые получила возможность отправить на театры военных действий аккредитованных представителей – военных корреспондентов, среди которых были и художники, и фотографы. Профессиональные иллюстраторы-журналисты содействовали популяризации творческой темы, связанной с событиями на Балканах, активно развиваемой выдающимися русскими живописцами [2, с. 151]. Среди художников, принимавших личное участие в войне за освобождение славян, были В. Верещагин, П. Соколов, Н. Каразин, П. Ковалевский, Н. Дмитриев-Оренбургский, В. Поленов, Н. Ольховский, М. Загоров, Е. Макаров и др.

Художественные и общественные искания мастеров искусства той поры сближали, прежде всего, сами мотивы, приводившие их на войну. Гражданская позиция художников проявлялась в патриотическом отклике на глубоко волновавший все российское общество призыв о помощи братьям-славянам. Большинство из них разделяло представление о том, что Россия осуществляла на Балканах свою историческую миссию абсолютно бескорыстно. В основе гражданского чувства, подвигавшего русских людей отправиться на войну, было стремление к защите угнетенных, поработанных людей, права которых грубо попираются и жизнь которых подвержена опасности [3, с. 156].

Способ конструирования визуального образа войны определялся не только общественно-политическими взглядами, но и художественными предпочтениями, свойственными эпохе. Противостояние академической живописи и творчества передвижников формировало ситуацию выбора между академическими традициями батальной живописи и реалистическими принципами военной жанровой картины [4, с. 133]. Соответственно, масштабному и зрелищному, «картинному» изображению войны противопоставлялась визуальная презентация казарменного и лагерного

быта. В немалой степени популярности реалистического принципа содействовал начавшийся век фотографии. Русско-турецкая война 1877–1878 гг. получила всестороннее отражение в фотографиях [5, с. 83], запечатлевших виды лагерей, укреплений, колонны войск в походах, полевые госпитали, сцены штабной жизни, картины природы и типы местного населения. Но совершенно особое место в визуализации «балканского вектора» внешней политики России, целей и основных событий войны России за национальную свободу славян принадлежало журнальной иллюстрации. В тех условиях, когда возможности фотографии были еще достаточно ограничены, а батальные произведения живописи требовали для создания много времени, именно журнальная репортажная графика являлась основным, оперативным и эффективным способом создания убедительной визуальной картины войны. Сотрудничество прессы и художников-иллюстраторов, выступивших накануне и в период Русско-турецкой войны 1877–1878 гг. в роли специальных корреспондентов периодических изданий, стало историческим новым явлением, благодаря которому можно говорить о совместном вкладе периодической печати и изобразительного искусства (военных корреспондентов, художников, редакций и издателей журналов) в создание концепции освободительной войны России на Балканах.

Гравюры, опубликованные на страницах российской прессы накануне и в период войны 1877–1878 гг., являются результатом сложной и нередко в прямом смысле слова героической работы большого количества мастеров, имена которых далеко не всегда становились известными общественности (зачастую журналы публиковали иллюстрации без указания их авторства). Среди этих мастеров – специальные художники-корреспонденты, отправлявшие свои наброски в редакции газет и журналов непосредственно с театров военных действий; профессиональные художники-рисовальщики, дорабатывавшие сюжеты и образы; и наконец, художники-граверы, без труда которых была бы невозможна журнальная публикация репортажной графики.

Журнальная графика обладала преимуществом в связи с возможностями тиражирования и поэтому заняла свое место в информационной войне, сопровождавшей основные события Балканского кризиса 1870-х гг. Как известно, информационные войны в период крупных военных конфликтов во многом определяют успешность репрезентации внешнеполитических целей государств, принимающих в них участие. Борьба за информационное преимущество разворачивается в средствах массовой информации – для XIX столетия это была периодическая печать. Важным орудием прессы являлись стратегии визуализации – как в отношении создания «образа врага», так и в отношении пропаганды

национальных внешнеполитических интересов и целей.

В российской прессе в период войны 1877–1878 гг. была развернута масштабная кампания в поддержку общечеловеческих ценностей и национальных интересов России и братских славянских народов. В то же время Балканский кризис 1875–1878 гг. находил свое выражение в столкновении различных подходов к разрешению Восточного вопроса, разделявших политическими силами и интеллектуальными элитами заинтересованных «великих держав». На страницах периодических изданий России, Великобритании, Австро-Венгрии, Германии, Франции в ходе основных событий Великого Восточного (Балканского) кризиса развернулись самые настоящие «журнальные войны». Особенно важным представляется тот факт, что для России Балканский кризис 1875–1878 гг. в сущности послужил первым опытом масштабного участия в информационных противостояниях международного уровня, и этот опыт оказался достаточно плодотворным.

Великий Восточный кризис был вызван подъемом национально-освободительного движения на Балканах. В 1875 г. началось восстание в Боснии и Герцеговине, а в 1876 г. – в Болгарии. Апрельское восстание в Болгарии было подавлено с небывалой жестокостью, и «турецкие зверства» стали самой волнующей темой европейских известию. Весь 1876 год российское общество России было охвачено заветной мечтой об освобождении «братьев-славян», и славянская тема не покидала страницы периодической печати. Российская пресса в 1876 г. была переполнена не только сообщениями о ситуации на Балканах и призывами к деятельной помощи южным славянам, но и возмущением по поводу политики европейских держав, и прежде всего, Британской империи. Английский кабинет министров с Б. Дизраэли во главе ратовал за усиление и сохранение прежних позиций Турции на Балканском полуострове, так как это одновременно означало противодействие России в данном регионе. России в войне 1877–1878 гг. приходилось преодолевать не только боевое упорство турок, но и вести идеологическую войну на страницах газет и журналов. Турецкая и западноевропейская пресса рассказывала об агрессивных замыслах и планах России. Сначала раздавались заявления, что «болгарская резня» и «турецкие зверства» спровоцированы российской стороной. Потом, уже в ходе самой войны, стали распространяться мифы о «русских ужасах войны» [6, с. 33].

Российская пресса была одним из серьезных факторов, который формировал отношение современников к войне на Балканах. В ходе войны она выполняла информационную, мемориальную, идеологическую и пропагандистскую функции. Предыстория Русско-турецкой войны,

идейное обоснование ее целей, восприятие хода и последствий войны получили широчайшее отражение на страницах периодической печати. Сначала славянская тема, а затем прославление подвига русской армии в ходе войны 1877–1878 гг. стали ведущими в политических разделах периодических изданий и их непременно сопровождала публикация произведений журнальной графики. Образно-художественная репрезентация войны обладала огромным потенциалом влияния на общественное мнение. Среди средств формирования общественного мнения особо проявило себя изобразительное искусство. В журнальной графике утверждался образ справедливой, благородной и жертвенной, освободительной войны России за братьев-славян и за православную веру.

Ведущая роль в формировании художественных образов освободительной войны России на Балканах средствами журнальной графики принадлежала иллюстрированным журналам. «Тонкие» иллюстрированные журналы еженедельники во второй половине XIX в. пришли на смену «толстым» общественно-политическим журналам и с самого начала были рассчитаны на массовую читательскую аудиторию, а иллюстративная часть в них играла подчас определяющую роль. Иллюстрированные издания быстро приобретали популярность и активно использовались как инструмент влияния на общественное мнение. В поле зрения их редакций оказывались самые разные злободневные темы политики, культуры и международной дипломатии.

В Российской империи, как и в европейских странах, иллюстрированные периодические издания возникли во второй четверти XIX в., но их настоящий расцвет пришелся на вторую половину столетия. С 1856 по 1874 г. число иллюстрированных еженедельников в России не превышало десяти, а уже к 1882 г. их количество достигло двадцати. События Русско-турецкой войны 1877–1878 гг. и ее предыстория получили широкое отражение в журнальной графике иллюстрированных еженедельников «Всемирная иллюстрация» и «Иллюстрированная хроника войны» (специальное приложение к первому изданию, выходившее непосредственно в период войны), «Живописное обозрение», «Нива», «Пчела», «Газета А. Гатцука», «Иллюстрированная неделя».

Еженедельный иллюстрированный журнал «Всемирная иллюстрация» издавался в России с 1869 г. Его редактор и основатель Г. Д. Гоппе позиционировал журнал как издание для семейного чтения. В нем был открыт специальный отдел «Политика и современные политические события». Известия о событиях на Балканском полуострове публиковались в специальной рубрике «Славянский обзор» [7, с. 157]. Высокий

уровень иллюстративной части рубрики обеспечивали гравюры Эдуарда Даммюллера и Августа Даугеля, которые сотрудничали с «Всемирной иллюстрацией» с момента ее основания. Кроме того, в журнале помещали свои гравюры, посвященные борьбе славян за национальную свободу, К. Вейерман и О. Май. В роли специальных корреспондентов издания на Балканы отправились художники М. П. Федоров, А. Гоффман, Н. Н. Каразин. Материалы для «Всемирной иллюстрации» поставлял также сербский художник Стеван Тодорович, сотрудничавший в качестве корреспондента и военного художника в ряде отечественных и зарубежных изданий. Художественные материалы, полученные «Всемирной иллюстрацией» от ее специальных корреспондентов, дорабатывались художниками-рисовальщиками, среди которых были С. Л. Шамота, А. Бальдингер, П. Ф. Борель, К. О. Брож.

С началом Русско-турецкой войны издатель «Всемирной иллюстрации» Г. Гоппе пришел к выводу о необходимости учредить специальное приложение к «Всемирной иллюстрации», которое бы полностью было посвящено войне с Турцией. Новый издательский проект получил название «Иллюстрированная хроника войны». Редакция «Иллюстрированной хроники» командировала на театры военных действий художников Л. Х. Штейнмана, Н. Н. Каразина и М. П. Федорова. Они выступили уже в качестве официально аккредитованных военных корреспондентов.

Среди русских иллюстрированных журналов второй половины XIX в. видное место занимал журнал «Нива» [8, с. 38]. Издателем «иллюстрированного журнала современной жизни» был А. Ф. Маркс. Журнальная графика «Нивы» отражала ведущие события современности и в том числе события 1870-х гг. на Балканском полуострове. И дело даже не в том, что издатель журнала поддерживал «славянское движение» в России; откликнуться на популярные общественные настроения заставляли также и соображения коммерческой выгоды. Основными художниками-корреспондентами «Нивы», которые отправились на Балканы, были Н. Н. Каразин, П. П. Соколов и К. Н. Филиппов, которые уже имели имя и определенный опыт работы в войсках. К. Н. Филиппов обучался в Академии художеств у Б. П. Виллевалде, а в ходе Крымской войны, находясь в армии, отправлял в «Русский художественный листок», издававшийся В. Ф. Тиммом, свои батальные наброски. Художник П. П. Соколов первоначально был известен как иллюстратор книг. Особенно известны его репродукции к произведениям И. С. Тургенева. Когда с началом Русско-турецкой войны 1877–1878 гг. был создан корпус военных корреспондентов, он был командирован «Нивой» на Дунайский фронт, где находился непосредственно на передовой, собирая

материал для публикации в иллюстрированном журнале, за что получил Георгиевский крест. Особое место в журнальной графике «Нивы» принадлежит творчеству Н. Н. Каразина, который, как и К. Н. Филиппов, обучался в Академии художеств у Б. П. Виллевалде. Каразина постоянно тянуло туда, где «пахло порохом», поэтому он, не заканчивая курс, отправился в Среднюю Азию, участвовал в походе на Бухару и Самарканд, за что получил орден Св. Владимира 4-й степени. Первоначально Каразин довольно тесно сотрудничал с журналом «Всемирная иллюстрация». С началом Сербо-турецкой войны 1876 г. он отправился на Балканы от журнала «Нива» как корреспондент-иллюстратор. По сути Каразин являлся основным художником-баталистом этого журнала.

В целом в художественном осмыслении балканских событий накануне и в период Русско-турецкой войны 1877–1878 гг. легко выделить круг преобладавших тем. Это, прежде всего, создание образов, вокруг которых строилась концепция освободительной войны России за братьев-славян: объект освобождения (славяне); враг (Турция и поддерживающие ее европейские политики); герои-освободители (армия, общество, власть Российской империи). В создании образа славян под турецким игом использовалось несколько приемов, таких как гендеризация (поэтизация родственных, семейных чувств русских к братским народам), возбуждение эмпатии (осознанного сопереживания гонимым, страдающим людям) и в то же время возмущения и нетерпимости к тем, кто причиняет эти страдания (т. е. к туркам и в иной мере – к поддерживающим их европейским политикам). Красной нитью через художественно-поэтическую эпопею войны проходит сюжет о «турецких зверствах» и преступном европейском «невмешательстве», прикрывающем равнодушие и корыстные интересы большой политики.

Отправной точкой подъема «славянского движения» в России стало восстание в Боснии и Герцеговине 1875 г. Иллюстрированные журналы откликнулись на взволновавшую русское общество тему публикацией очерков, стихотворений, изобразительных материалов, из которых русское общество могло себе составить портрет героев-герцеговинцев. Среди гравюр «Всемирной иллюстрации» выделяются работы А. Даугеля и Э. Даммюллера. На гравюре «Турецкие башибузуки в кофейной в Требинье» [9, с. 161] изображены представители иррегулярных военных отрядов Османской империи, готовые к подавлению восстания. В сюжете гравюры «Платеж боснийскими райями турецкому чиновнику» сделан акцент на внутренней жизни герцеговинцев и их взаимоотношениях с турецкой администрацией. Художники журнала «Всемирная иллюстрация» уделяли много внимания непосредственным участникам событий, создавая галерею образов

руководителей герцеговинских инсургентов [10, с. 385]. В 1876 г. основной темой «Всемирной иллюстрации» стали «турецкие зверства» в Болгарии после Апрельского восстания. Редакция «Всемирной иллюстрации» старалась показать трудную жизнь болгарских инсургентов и беспрецедентную жестокость их турецких карателей. Ярким примером являются гравюры К. Вейермана «Головы болгарских инсургентов» [11, с. 436], «Черкесы ведут на казнь пленных болгар» [12, с. 96], «Казнь болгарских инсургентов на улицах Филиппополя» [13, с. 125], «Турецкие варварства» [14, с. 216], «Разгром болгарской деревни башибузуками» [15, с. 164]. Главной задачей художников было изображение народной войны и героизма восставших. Особенно показательно гравюры А. Даугеля «Турецкая колонна, атакованная инсургентами врасплох при монастыре Дужи» [16, с. 133] и К. Крыжановского «Взятие сербами обратно южного редута» [17, с. 151].

В период активного участия русских добровольцев в Сербско-турецкой войне 1876 г. и впоследствии на протяжении всего периода боевых действий Русско-турецкой войны 1877–1878 г. на страницах «Всемирной иллюстрации» печатались рисунки и гравюры, которые рассказывали о героизме русской армии. Одним из самых популярных сюжетов было изображение героев войны. В период Сербско-турецкой войны 1876 г. внимание художников притягивал, прежде всего, военный лидер и вдохновитель борьбы против турок русский генерал М. Г. Черняев, возглавивший сербскую армию, которому посвящена гравюра художника О. Майя «Битва при Алексинаце. Генерал Черняев лично руководит действием артиллерии на шумадском редуте» [18, с. 241] и рисунок К. Брожа «Чтение генералом Протичем адреса генералу Черняеву» [19, с. 269]. Кроме генерала М. Г. Черняева, на страницах журнала «Всемирная иллюстрация» была выделена фигура Н. Н. Раевского, внука генерала и героя Отечественной войны 1812 г. Н. Н. Раевского. На гравюре художника А. Даугеля «Перенесение тела полковника Раевского с поля сражения» [20, с. 212] изображена траурная процессия, провожавшая в последний путь героя войны. Но самыми популярными на страницах «Всемирной иллюстрации» были батальные сцены с массовым участием русских добровольцев. Художественными достоинствами и содержательной информативностью отличаются гравюры «Ночная охота русских добровольцев за башибузуками на Мораве» [21, с. 305], «Эпизод из атаки турками сербских и русских шанцев при Зайчаре» [22, с. 61].

Одним из самых ярких произведений журнальной графики «Нивы» является цикл произведений, созданный Н. Н. Каразиным, объединенный под названием «Между войной и миром». Он был опубликован уже на момент окончания

Русско-турецкой войны, в 1878 г., но вызывает особый интерес именно потому, что представляет собой логическое выстроенное отражение самой концепции освободительной войны России в изобразительном искусстве. Структурно данный цикл состоит из трех рисунков: «Награбленное добро – торговля дозволенная и беспощиплиная»; «Письмо с далекой родины»; «Идиллия после кровавой драмы». Поразительно, что художник, не прибегая к батальным рисункам, которыми изобиловали все иллюстрированные издания того времени, смог блестяще визуализировать концепцию освободительной войны России на Балканах. Первая гравюра «Награбленное добро» изображала ситуацию, совершенно показательную для восприятия событий 1876 г., когда сербы, черногорцы и болгары поднимали анти-турецкое движение. Каразин представил сцену бойкой уличной турецкой торговли, предметы которой награблены карательными войсками в ходе подавления славянского восстания: тут и черкес, выбирающий себе новое оружие, и представительница гарема, рассматривающая красивую заколку для волос, но самое главное то, что среди них есть и представитель цивилизованного мира – англичанин, задержавший внимание на винтовке. Именно на фигуре англичанина, по мысли художника, должен был сконцентрироваться зритель. Представитель западной цивилизации показан вовлеченным в разгул «турецкого зверства» и безразсудной алчности. Читатель должен был обратить особое внимание на церковную утварь из православного храма (иконы и кадила), которые поруганы «дозволенной и беспощиплиной торговлей». Гравюра передавала образ Стамбула-Константинополя, превращенного не без помощи цивилизованного Запада в орудие и центр деспотического угнетения православного славянства. Отвращение к турецкому произволу Каразин усиливал художественно убедительными образами. В сопровождающем рисунок тексте он старался передать ощущение «воздуха» турецкой столицы: «А в воздухе, если можно только этот смрад назвать воздухом, смесь трупной вони с пряным запахом розового масла. Таков современный Константинополь» [23, с. 593].

Следующая гравюра «Письмо с далекой родины» переносила зрителя уже непосредственно в период Русско-турецкой войны. На первом плане больные и покаленные русские воины, кто-то без ноги, у кого-то перебита рука, а кто-то прикован к больничной койке. Солдаты стараются отогреть душу чтением писем из далекого дома. Сестра милосердия, читая письма, приближает воинов к любимой Родине. Каразин сопроводил гравюру небольшим рассказом, в котором есть слова: «В самую последнюю минуту жизни провидение послало ему, страдальцу, светлую радость – письмо с далекой родины. Не может уже сам читать дорогие строки, страдалец. Бледный, исхудалый, пластом он лежит

на госпитальной койке; только в этих больших, окруженных глубокими, темными провалами глазах светится еще остаток жизни, последним блеском перед ними милые сердцу далекие образы носятся» [24, с. 634].

Финальным эстампом из цикла Каразина «Между войной и миром» является гравюра «Идиллия после кровавой драмы». Художник показал короткий момент небольшой передышки после боя, когда части русской армии остановились в болгарском селении. Гравюра увековечивает историческую миссию России в освобождении славян. Изображены болгарская женщина, вынесшая освободителям своего малолетнего сына, и русский генерал, еще несколько часов назад отдававший приказ идти на смерть, а теперь играющий с ребенком. Русские герои-освободители подарили этому ребенку возможность счастливой и свободной жизни.

Можно сказать, что три гравюры Н. Н. Каразина стали квинтэссенцией и художественно выразительным обобщением всей журнальной графики периода Русско-турецкой войны, в содержании которой выделяются в качестве основных три темы: изображение «турецких зверств» на Балканах; создание картины национально-освободительного движения православных славян; репрезентация освободительного подвига российской армии и бескорыстной помощи российского общества.

Журнал «Нива» нередко размещал на своих страницах гравюры западноевропейских корреспондентов-иллюстраторов. Делалось это в тех случаях, когда их содержание отражало прославляющие настроения в европейском общественном мнении: такие настроения были важным фактором воздействия на туркофильские позиции правительств западных государств. Ярким примером служит гравюра с наброска английского корреспондента (не названного редакцией по фамилии) «Сербские раненные, заживо сожженные турками». Пояснительная записка к гравюре «Нивы» с наброска безымянного английского корреспондента достаточно эмоциональна: «И это война!? И после этого можно вести переговоры о мире!? Нет, это не война, это зверства исконных врагов христианства, и великий грех возьмут на себя те, кто в интересах злобы дня смягчит этот потрясающий факт и не придаст ему того ужасного значения, какое он имеет» [25, с. 282]. В Англии были люди, смотревшие на балканские события иначе, нежели официальный Лондон. Далеко не все западноевропейские корреспонденты были негативно настроены к России и к ее миссии на Балканах, и позиция таких корреспондентов была особенно важна для российской прессы. Так, результатом поездки независимого журналиста газеты «Daily News» Я.-А. Мак Гахана, который решил на месте проверить истинность той информации, которую распространяло правительство Дизраэли, стали

его корреспонденции, вызвавшие взрыв возмущения английского общества в 300-х митингах протеста [26, с. 282]. Его работа под названием «Зверства в Болгарии» была опубликована в России в 1877 г.

Примечательно, что на страницах «Нивы» нашлось место и иностранцам, так или иначе принимавшим участие в Русско-турецкой войне, причем как на стороне России, так и Турции. Примером может служить гравюра К. Р. Вейермана «Генерал Кембелл и капитан Норман, спасающиеся от преследования казаков, после сражения при Даяре». Ни для кого не было секретом, что Туманный Альбион посредством своих эмиссаров оказывал турецкой армии услуги. В письме к своей жене от 31 мая 1877 г. российский посол в Константинополе П. Н. Игнатьев писал: «Решительные события приближаются, дай-то бог, чтобы все пошло хорошо, и чтобы потери наши не были так значительны, как можно, как должно ожидать по турецким приготовлениям. Дело в том, что между турками заметили на многих пунктах англичан-офицеров в красных мундирах и куртках и что противникам нашим дали все нужное время, чтобы вполне подготовиться и построить множество укреплений» [27, с. 30]. Несмотря на то, что генерал Кембелл выступал в Русско-турецкой войне как противник России, он тем не менее признавал, что русские дерутся по всем правилам военного искусства и что обвинять их в жестокости не имеет под собой никаких оснований. Между тем журнал «Нива» отмечал: «Хотя Кембелл должен был бы знать, что, несмотря на этот факт, в добродетель подобного ему человека как-то плохо верится...» [28, с. 519].

Иностранные корреспонденты также были изображены в ряде гравюр. Самая примечательная из них – эстамп К. Р. Вейермана «Английский военный агент полковник Уэллслей и корреспонденты иностранных газет, осматривающие Гривицкий редут (при Плевне) после взятия его русскими и румынскими войсками». Полковник Уэллслей был хорошо известен в русском штабе Дунайской армии и прославился тем, что замалчивал массовые убийства русских военнопленных турками, за что и получил предупреждение. На рисунке изображены корреспонденты британской еженедельной иллюстрированной газеты «The Graphic» и шотландской газеты «The Scotsman», которые занимаются сбором материала для своих изданий.

Главной темой иллюстрированных еженедельников, издававшихся непосредственно в период войны 1877–1878 гг. (среди которых «Иллюстрированная хроника войны», «Газета А. Гатцук», «Нива», «Пчела», «Иллюстрированная неделя»), было прославление подвига героев-освободителей, выполнявших историческую миссию России в борьбе за освобождение славян. Основная масса гравюр периода Русско-турецкой

войны 1877–1878 гг. посвящена подвигу русской армии. Среди них преобладают батальные зарисовки, создававшиеся художниками и граверами по материалам набросков, полученных от специальных корреспондентов. Стремление представить боевые действия «по горячим следам» сочеталось с использованием традиций как академической батальной живописи, так и реалистического направления в изображении военной повседневности. Гравюры русских иллюстрированных еженедельников следует рассматривать как составную часть богатейшего корпуса визуальных источников Русско-турецкой войны. В своей совокупности они представляют полномасштабную иллюстрированную хронику войны, всех ее этапов, важнейших событий и исторических моментов. В зеркале журнальной графики нашли отражение мобилизация русской армии, ее переход через Дунай, взятие русскими войсками Никополя и вступление в Тырново, взятие Ардагана и Карса на Кавказском театре войны, оборона Шипки, осада Плевны, зимний переход через Балканы. Главной задачей художников всегда оставалось прославление подвига героев войны. Гравюры иллюстрированных журналов представляют богатую и сложную картину, составленную из созданных современниками визуальных образов войны и ее героев.

В битве под Шипкой, как и при Баязете, Плевне, Горном Дубняке, только героизм русской армии решил исход сражения в пользу русских. Поэтому особой значимостью обладала визуализация подвигов русских солдат и офицеров. Таких эстампов на страницах иллюстрированных еженедельников больше всего. Фактически все они создавались на один манер – главный или главные персонажи, т. е. русские солдаты и офицеры совершают героические поступки на полях сражений. К таким эстампам можно отнести рисунки «Дело Дубасова и Шестакова» и «Геройская смерть майора Гарталова, в отряде Скобелева под Плевной». Эти гравюры совершенно типичны для того периода и всегда в большом количестве публиковались в русских иллюстрированных журналах, таких как «Нива», «Пчела», «Иллюстрированная хроника войны», «Газета А. Гатцука».

В русской прессе и иллюстрированных изданиях в целом доминировало торжественно-героическое изображение боевых действий. Вместе с тем художники внесли немалый вклад в формирование общественных представлений о сущности самого понятия героизма применительно к войне, которая была представлена не только в виде череды военных сражений, но и в качестве трудной и не всегда «живописной» реальности военной повседневности. Иллюстрированные журналы помещали эстампы, на которых можно было видеть обычные бивачные моменты. Это гравюры, изображавшие

полевую кухню и полевую почту, перевязку раненых, госпитали и бараки.

В визуальной репрезентации войны России за свободу славян заметно выделяются две темы, общие для всех иллюстрированных изданий, в каком-то смысле образующие самостоятельные смысловые пространства: это образы Александра II (Царя-Освободителя) и русских сестер милосердия, позволявшие иллюстрировать идею о единстве власти и общества Российской империи в выполнении исторической миссии освобождения балканских славян. Образы Царя-Освободителя и сестры милосердия (своего рода женской персонификации России) символически отсылали к представлению о единстве государства и нации.

Гравюры русских иллюстрированных журналов представляют исторически убедительную и эстетически совершенную галерею образов героев-освободителей (представителей армии, власти, общества Российской империи), подвиг которых имел решающее значение в обретении балканскими народами национальной независимости. Вклад периодической печати и изобразительного искусства (военных корреспондентов, художников, редакций и издателей журналов) в создание концепции освободительной войны России на Балканах трудно переоценить.

Список литературы

1. Гришина Р. П. Российское общественное мнение и Балканы (1870-е гг.) // Человек на Балканах глазами русских / отв. ред. Р. П. Гришина, А. Л. Шемякин. СПб. : Алетей, 2011. 336 с.
2. Федотова В. Н. Русско-турецкая война 1877–1878 гг. в живописи, графике и воспоминаниях русских художников // Славянский мир в глазах России. Динамика восприятия и отражения в художественном творчестве, документальной и научной литературе / отв. ред. Л. Н. Будагова. М. : Институт славяноведения РАН, 2011. 448 с.
3. Кочукова О. В. Визуальные образы войны в творчестве В. Д. Поленова // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия : История. Международные отношения. 2018. Т. 18, вып. 2. С. 156–160. <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2018-18-2-156-160>
4. Садовень В. В. Русские художники-баталисты XVIII–XIX веков. М. : Искусство, 1955. 370 с.
5. Морозов С. А. Русская художественная фотография. Очерки из истории фотографии. 1839–1917. М. : Искусство, 1955. 184 с.
6. Кочукова О. В., Кочуков С. А. Поэтическое слово и голос общества в Освободительной войне России на Балканах // Русско-турецкая война 1877–1878 гг. в поэтической публицистике (по страницам периодической печати). М. : Русский мир, 2020. 384 с.
7. Кочукова О. В., Кочуков С. А. «Всемирная иллюстрация» в создании художественных образов Русско-турецкой войны 1877–1878 гг. // История и историческая память. 2018. № 17. С. 157–175.

8. Кочукова О. В., Кочуков С. А. Иллюстрированный еженедельник «Нива» накануне и в период Русско-турецкой войны 1877–1878 г. // Внешнеполитические интересы России : история и современность : сборник материалов IX Всероссийской научной конференции (Самара, 30 апреля 2021 г.) / отв. ред. А. Н. Сквозников. Самара : Самара, 2021. С. 38–46.
9. Турецкие башибузуки в кофейной в Требинье // Всемирная иллюстрация. 1875. № 347. С. 160–161.
10. Главные вожди герцеговинцев. Лазарь Социца. Архимандрит Мелентий Перович. Пейко Павлович // Всемирная иллюстрация. 1876. № 383. С. 384–385.
11. Головы болгарских инсургентов // Всемирная иллюстрация. 1876. № 397. С. 436.
12. Черкесы везут на казнь пленных болгар // Всемирная иллюстрация. 1876. № 396. С. 96.
13. Казнь болгарских инсургентов на улицах Филиппополя // Всемирная иллюстрация. 1876. № 398. С. 125.
14. Турецкие варварства // Всемирная иллюстрация. 1876. № 403. С. 216–217.
15. Разгром болгарской деревни башибузуками // Всемирная иллюстрация. 1876. № 400. С. 164–165.
16. Турецкая колонна, атакованная инсургентами врасплох при монастыре Дужи // Всемирная иллюстрация. 1876. № 371. С. 133–134.
17. Взятие сербами обратно южного редута // Всемирная иллюстрация. 1876. № 401. С. 151.
18. Битва при Алексинаце. Генерал Черняев лично руководит действием артиллерии на шумадском редуте // Всемирная иллюстрация. 1876. № 404. С. 241–242.
19. Чтение генералом Протичем адреса генералу Черняеву // Всемирная иллюстрация. 1876. № 406. С. 269–270.
20. Перенесение тела полковника Раевского с поля сражения // Всемирная иллюстрация 1876. № 403. С. 212.
21. Ночная охота русских добровольцев за башибузуками на Мораве // Всемирная иллюстрация. 1876. № 408. С. 305–306.
22. Эпизод из атаки турками сербских и русских шанцев при Зайчаре // Всемирная иллюстрация 1876. № 394. С. 60–61.
23. Каразин Н. Н. Между войной и миром // Нива. 1878. № 33. С. 593–596.
24. Каразин Н. Н. Письмо с далекой родины // Нива. 1878. № 35. С. 634–636.
25. Сербские раненные, заживо сожженные турками // Нива. 1876. № 42. С. 704.
26. Шипка и Плевна – слава русского оружия : Из истории Балканской войны 1877–1878 гг. / сост. Ю. Н. Сенчуков, В. А. Серганова. М. : Современник, 2003. 287 с.
27. Игнатьев Н. П. Походные письма 1877 года. Письма к Е. Л. Игнатьевой с балканского театра военных действий. М. : РОССПЭН, 1999. 336 с.
28. Генерал Кембелл и капитан Норман, спасающиеся от преследования казаков, после сражения при Даяре // Нива. 1877. № 32. С. 518–519.

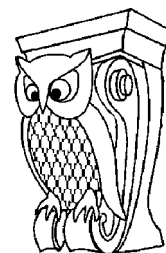
Поступила в редакцию 10.05.2022; одобрена после рецензирования 25.05.2022; принята к публикации 30.06.2022
The article was submitted 10.05.2022; approved after reviewing 25.05.2022; accepted for publication 30.06.2022

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2022. Т. 22, вып. 4. С. 457–463
Izvestiya of Saratov University. History. International Relations, 2022, vol. 22, iss. 4, pp. 457–463
<https://imo.sgu.ru>

<https://doi.org/10.18500/1819-4907-2022-22-4-457-463>, EDN: AJMJBE

Научная статья
УДК 821.161.1.09-31+929[ГОРЬКИЙ+МУРАВЬЕВ+МАКЛАКОВ]

Образ адвоката позднеимперской России в отечественной художественной литературе (по материалам произведений Максима Горького «Мать» и «Жизнь Клима Самгина»)

Ю. В. Варфоломеев

Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, Россия, 410012, г. Саратов, ул. Астраханская, д. 83

Варфоломеев Юрий Владимирович, доктор исторических наук, профессор кафедры истории России и археологии, ybartho@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4488-6582>, Author ID: 285433

Аннотация. В статье исследуются различные трактовки образа адвоката в художественных произведениях позднеимперской России. В качестве примеров художественной интерпретации при создании образа присяжного поверенного начала XX в. автор избрал произведения А. М. Горького «Мать» и «Жизнь Клима Самгина». В ходе сравнительного анализа текстов этих художественных произведений, а также источников личного происхождения адвокатов Н. К. Муравьева и В. А. Маклакова как вероятных прототипов горьковских литературных героев автор выявляет и сопоставляет характерные морально-психологические черты и особенности деятельности вымышленных персонажей и реальных представителей русской адвокатуры.

Ключевые слова: адвокат, художественный образ Максим Горький, Н. К. Муравьев, В. А. Маклаков

Для цитирования: Варфоломеев Ю. В. Образ адвоката позднеимперской России в отечественной художественной литературе (по материалам произведений Максима Горького «Мать» и «Жизнь Клима Самгина») // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2022. Т. 22, вып. 4. С. 457–463. <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2022-22-4-457-463>, EDN: AJMJBE
Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

The image of the lawyer of late Imperial Russia in Russian literature (based on the works of Maxim Gorky “Mother” and “The Life of Klim Samgin”)

Yu. V. Varfolomeev

Saratov State University, 83 Astrakhanskaya St., Saratov 410012, Russia

Yuri V. Varfolomeev, ybartho@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4488-6582>, Author ID: 285433

Abstract. The article explores various interpretations of the image of a lawyer in the works of art of late Imperial Russia. As examples of artistic interpretation when creating the image of a sworn attorney at the beginning of the XX century, the author chose the works of A. M. Gorky “Mother” and “The Life of Klim Samgin”. In the course of a comparative analysis of the texts of these works of art, as well as sources of personal origin of lawyers N. K. Muravyov and V. A. Maklakov the author identifies and compares the characteristic moral and psychological features and features of the activities of fictional characters and real representatives of the Russian legal profession as possible prototypes of Gorky literary heroes.

Keywords: lawyer, artistic image, Maxim Gorky, N. K. Muravyev, V. A. Maklakov

For citation: Varfolomeev Yu. V. The image of the lawyer of late Imperial Russia in Russian literature (based on the works of Maxim Gorky “Mother” and “The Life of Klim Samgin”). *Izvestiya of Saratov University. History. International Relations*, 2022, vol. 22, iss. 4, pp. 457–463 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2022-22-4-457-463>, EDN: AJMJBE

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC0-BY 4.0)

С момента учреждения в Российской империи института присяжных поверенных роль и значение адвокатов на судебных процессах, особенно по делам о политических преступлениях, значительно возросли. Со второй поло-

вины 60-х гг. XIX в. в периодической печати, беллетристике и в социально-политическом дискурсе наблюдается всплеск внимания к фигуре защитника. Этот интерес постепенно трансформировался в создание художественных интер-

претаций представителя российской корпорации присяжных поверенных. При этом необходимо всегда иметь в виду проблему аутентичного и объективного отображения личности адвоката в художественном произведении. В свое время еще Аристотель заметил, что вымысел правдоподобнее действительности. При реконструкции исторических портретов исследователь, как правило, испытывает дефицит информации личностного характера, которая к тому же несет еще и отпечаток противоречивости человеческой натуры. Впервые в научной литературе по истории политических судебных процессов к образу адвоката в общественном восприятии, на страницах художественных произведений и в публицистике обратился Н. А. Троицкий в своем фундаментальном труде по истории адвокатуры и политических процессов поздней имперской России [1].

На протяжении нескольких столетий в России формировался институт частных поверенных («стряпчих», ходатаев), а параллельно с ним в сознании русских людей складывался, как правило, негативный образ адвоката. В пореформенной России в первые годы существования присяжной адвокатуры и примерно до конца 70-х гг. XIX в. по-прежнему доминировали нелестные характеристики адвокатского сословия. Научная задача Н. А. Троицкого осложнялась не только инновационным концептуальным и методологическим характером предпринятых исследований, но и преодолением сформировавшегося за долгие годы XVIII–XIX вв. во взглядах аристократии и в массовом сознании россиян стойкой антипатии к фигуре адвоката (в европейском понимании этого слова) и отечественного защитника-ходатая по судебным тяжбам.

В создании неприглядного образа адвоката заметный и весомый вклад внесли литераторы второй половины XIX столетия, публиковавшиеся на страницах ряда изданий. Рупорами этого направления, несомненно, являлись «Московские ведомости» и журнал В. П. Мещерского «Гражданин». Так, например, М. Н. Катков, рассматривая речи присяжных поверенных на политических процессах, обличал «трескучий дифирамб защиты» [цит. по: 1, с. 188], а князь Мещерский еще жестче припечатывал «гнусное сословие» адвокатов как «присяжное жулье» и «блудливый адвокатский язык» [цит. по: 1, с. 188]. В критике и карикатуризации образа новоявленных российских адвокатов отметился также и журнал «Отечественные записки», на страницах которого печатались и остротатирические очерки М. Е. Салтыкова-Щедрина, и несколько статей и заметок Г. З. Елисеева, и анонимный фельетон «Перехваченные письма петербургского адвоката» [2, с. 8]. Следует отметить, что подобная репрезентация персоны русского адвоката была характерна и для многих других отечественных периодических изданий. В течение нескольких

лет усилиями публицистов разных направлений сформировался уничижительный новояз по отношению к присяжным поверенным. В народное сознание были запущены хлесткие прозвища адвокатов: «прелюбодеи мысли», «брехунцы», «прокаты», «двукаты», «рыцари наживы» и т. п. [1, с. 190]. Даже признанные классики русской литературы, такие как Ф. М. Достоевский, Л. Н. Толстой, А. П. Чехов, А. М. Горький весьма критично, а порой и нелицеприятно отображали образ адвоката на страницах своих произведений.

В начале прошлого века в среде присяжной адвокатуры сформировалось новое направление, представители которого специализировались на политических защитах. Это неформальное общественно-правовое объединение получило название «Молодая адвокатура» и громко заявило о себе благодаря ярким выступлениям молодого поколения присяжных поверенных на политических судебных процессах. Таким образом, можно подытожить все вышесказанное и зафиксировать, что синергия (содружество) «Молодая адвокатура» – уникальное политико-правовое явление политической юстиции, отражавшее особенности формирования и деятельности внутрисловных объединений присяжной адвокатуры поздней имперской России.

Общественно-политическая значимость деятельности неформального объединения «Молодая адвокатура» подтверждается обширными связями политических защитников с известными писателями, в том числе с А. М. Горьким. В свою очередь, пристальный интерес родоначальника соцреализма вызвали громкие судебные процессы 1902 г. по делам сормовских (28–29 октября) и нижегородских (30–31 октября) демонстрантов, проходившие в Нижнем Новгороде. Совместная работа на процессе по оказанию помощи подсудимым рабочим сблизила писателя с получившими уже в то время широкую известность и популярность московскими младоадвокатами – В. А. Маклаковым, Н. К. Муравьевым, Н. В. Тесленко и П. Н. Малянтовичем. Особенно тесные отношения у Горького сложились с Муравьевым и Маклаковым. Под впечатлением нижегородских политических процессов Горький еще в 1903 г. сделал первые наброски будущего романа «Мать», в котором упоминались и представители «Молодой адвокатуры», защищавшие рабочих-демонстрантов на судебном процессе, однако написание этого произведения пришлось на период пребывания писателя в США. На страницах горьковского романа «младоадвокаты», пожалуй, впервые стали не только героями публикаций в периодической печати и общественном дискурсе, но и персонажами литературного произведения.

В октябре 1902 г. в Нижнем Новгороде один за другим состоялись два судебных разбирательства по делу нижегородских и сормовских де-

монстрантов. Следует подчеркнуть, что это были первые политические процессы, возобновившиеся в российском судопроизводстве через несколько лет после знаменитых судебных процессов 70–80-х гг. XIX в. После окончания предварительного следствия по этому делу 14 сормовских и 9 нижегородских демонстрантов были преданы суду на основании ч. 1 и 2 ст. 252 Уложения о наказаниях уголовных и исполнительных. Узнав об этом и желая помочь подсудимым рабочим, А. М. Горький заручился поддержкой своих опекунов со стороны опытного нижегородского присяжного поверенного Александра Ивановича Ланина, который считался одним из лучших ораторов в среде местной адвокатской корпорации. Писатель не просто очень хорошо знал этого защитника, но и относился к нему с глубоким уважением, подчеркивая, что «это высокообразованный и благороднейший человек, коему я обязан больше всех», а также признавался, что «влияние его на мое образование было неизмеримо огромно» [3, с. 95]. Горький не случайно посвятил Ланину первый том своих «Очерков и рассказов» 1898 г., сопроводив книгу надписью «Моему дорогому учителю А. И. Ланину от М. Горького, глубоко благодарного ему и любящему его» [3, с. 95]. Их знакомство состоялось задолго до описываемых событий. Начиная с 1889 по 1893 г. (с перерывами) работал письмоводителем в канцелярии присяжного поверенного Ланина [3, с. 95]. Александр Иванович был известен в Нижнем Новгороде не только как хороший юрист, но и как активный общественник. Так, например, он стал одним из учредителей первого в городе просветительного Общества грамотности, переименованного впоследствии в Общество распространения начального образования, был одним из инициаторов постройки в Нижнем Новгороде Народного дома, а также работал во многих благотворительных обществах [3, с. 95].

Одновременно с этим, понимая особую значимость и масштабность громкого политического дела и принимая во внимание грозившее подсудимым серьезное наказание, А. М. Горький обратился также с просьбой о защите рабочих-демонстрантов к московскому присяжному поверенному Н. К. Муравьеву, хорошо знакомому ему еще с 1891 г., когда последний отбывал ссылку в Нижнем Новгороде за участие в студенческих беспорядках. Весну и лето 1891 г. он прожил у своего троюродного брата С. В. Щербакова. Родственник Муравьева, закончив в 1884 г. физико-математический факультет Московского университета, приехал в Нижний Новгород и стал преподавать физику и математику в мужской и женской гимназиях. В 1895 г. по инициативе Щербакова впервые в России был издан «Русский астрономический календарь». Наряду с этим

он вел большую общественную работу: участвовал в ряде общественно-культурных начинаний, был одним из организаторов и активным участником, а в 1891–1906 гг. – председателем кружка любителей физики и астрономии, который стал городским центром распространения астрономических знаний среди широких масс населения. Деятельностью кружка как высококультурной просветительской организации заинтересовался Максим Горький, который вошел в его состав и с увлечением посещал его заседания. Знакомство Горького с Щербаковым произошло во второй половине 1890-х гг. и в дальнейшем переросло в большую дружбу [3, с. 169]. В семье Щербакова не раз бывал не только Горький, но и известный писатель, журналист и общественный деятель В. Г. Короленко. По свидетельству внучки адвоката Муравьева Т. А. Угримовой Короленко был крестным отцом одного из детей С. В. Щербакова (Личный архив Ю. В. Варфоломеева).

Накануне судебного процесса жена писателя Екатерина Павловна специально ездила из Нижнего Новгорода в Москву и встречалась с лидером московского кружка «Молодая адвокатура» Н. К. Муравьевым. Она передала ему просьбу Горького о том, чтобы он и его коллеги взяли на себя защиту рабочих-демонстрантов. Муравьев с пониманием отнесся к просьбе писателя и вместе с коллегами принял участие в обоих судебных процессах по делам участников Сормовской и Нижегородской демонстраций. Наряду с этим жена адвоката Е. И. Муравьева, являясь сотрудником нелегального Политического Красного Креста, «приняла горячее участие» в дальнейшей судьбе подсудимых рабочих [4, с. 236].

В научной литературе и в мемуарах деятелей революционного движения о процессах над демонстрантами существует определенный перекос. Усилиями социал-демократов растиражированы революционные речи подсудимых, обвинительные акты, комментарии партийных публицистов, в то время как о противостоянии на процессе сторон обвинения и защиты, а также о всесторонней помощи адвокатов своим опекунам, как до, так и после суда, практически не упоминается. «К сожалению, – справедливо указывает Н. А. Троицкий, – данных о поведении защиты на этих процессах у нас немного» [1, с. 340]. В целом объективной информации (таковой, безусловно, нельзя считать конъюнктурно-политизированную информацию «Искры» и заграничных социал-демократических изданий) о процессе крайне мало. Поэтому восполнить отчасти этот пробел, особенно в плане представления общей картины суда над рабочими-демонстрантами и психологических портретов участников процесса, позволяют фрагменты из романа М. Горького «Мать». Писатель присутствовал на всех судебных заседаниях, а затем

в романе в художественной форме изложил авторский взгляд на это громкое общественно-политическое событие. Несмотря на то, что художественные зарисовки Горького небеспристрастны, а в некоторых случаях даже необъективны и классово предвзяты, тем не менее они дают нам хоть и субъективные, но внешне фотографичные портретные характеристики и в какой-то степени воссоздают атмосферу заседаний суда.

В нескольких строках, крупными мазками Горькому удалось запечатлеть всю панораму процесса: «Толстый судья зевал, прикрывая рот пухлой рукой, рыжеусый побледнел еще более, иногда он поднимал руку и, туго нажимая на кость виска пальцем, слепо смотрел в потолок жалобно расширенными глазами. Прокурор изредка черкал карандашом по бумаге и снова продолжал беззвучную беседу с предводителем дворянства, а тот, поглаживая седую бороду, выкатывал огромные красивые глаза и улыбался, важно сгибая шею. Городской голова сидел, закинув ногу на ногу, бесшумно барабанил пальцами по колену и сосредоточенно наблюдал за движениями пальцев. Только волостной старшина, утвердив живот на коленях и заботливо поддерживая его руками, сидел, наклонив голову и, казалось, один вслушивался в однообразное журчание голосов, да старичок, воткнувший в кресло, торчал в нем неподвижно, как флюгер в безветренный день. Продолжалось это долго, и снова оцепенение скуки ослепило людей» [5, с. 276].

Между тем особое внимание Горький уделил положительным персонажам – героям судебного процесса – подсудимым демонстрантам. Антиподами «героев»-демонстрантов представлены судьи и прокурор. Они выведены отрицательными, почти карикатурными персонажами процесса: «По одну сторону старичка (председательствующего А. Н. Попова. – Ю. В.) наполнял кресло своим телом толстый, пухлый судья, с маленькими, заплывшими глазами, по другую – сутулый, с рыжеватыми усами на бледном лице» [5, с. 277]. А вот председатель суда крупным планом: «Он спрашивал, не глядя на подсудимых, и голова его лежала на воротнике мундира неподвижно...», и через весь процесс звучала, как ее услышал Горький, «тусклая речь старшего судьи» [5, с. 277]. В то же время писатель вложил в слова Ниловны свое впечатление от Попова и его коллег: «...Казалось, что старший судья и все его товарищи не могут быть злыми, жестокими людьми» [5, с. 274], а это уже всеяло обвиняемым и всем, кто им сочувствовал, определенную надежду на благополучный исход дела.

Несмотря на то, что Горький сам пригласил лучших представителей московской «Молодой адвокатуры» для защиты демонстрантов, а с лидером адвокатской группы Н. К. Муравьевым даже был в очень хороших, можно сказать, приятельских отношениях, зная его более 10 лет,

Горький, как и его подопечные-рабочие, дистанцировался от своих защитников, несмотря на искреннее и бескорыстное желание последних помочь подопечным. «Все они сочувствовали обвиняемым, – пишет об адвокатах Н. А. Троицкий, – и старались их поддержать, но подсудимые здесь, как и годом ранее на обуховском процессе, не проявили заинтересованности в их поддержке» [1, с. 341]. Одно из немногих упоминаний писателя об адвокатах в романе, к сожалению, ничего не говорит об их роли на процессе: «Четверо адвокатов тихо, но оживленно разговаривали с подсудимыми, все они двигались сильно, быстро и напоминали собой больших, черных птиц» [5, с. 276]. Очевидно, что образно подмеченное Горьким внешнее сходство адвокатов с «большими черными птицами» было связано, наряду с его богатым писательским воображением, также и с черными форменными фраками присяжных поверенных, в которые они были одеты.

Так, кто же на самом деле эти «большие, черные птицы»? У подзащитного П. А. Заломова на их счет было свое пролетарское мнение: «Исключительное внимание со стороны знаменитых адвокатов меня несколько не обманывало, – писал много лет спустя бдительный знаменосец. – Я крепко помнил “урок” студента Кузнецова, относил защитников и судей к одной социальной группе и знал, что защитники с легкостью могут превратиться в наших судей, прокуроров. Я не забыл, что мы, рабочие, являемся для них средством для осуществления их собственных целей. Они хотели, чтобы мы, рабочие, «подсадили их на первый сук каштана», а мы хотели революции» [6, с. 99].

Действительно, зачем нужны по логике революционера адвокаты? Правозащитники не вписывались в стратегическую дислокацию боевых порядков непримиримых радикалов, для которых не было законов, а был только враг – монархия и ее «служители» – жандармы, прокуроры, судьи и, как ни странно, в этот список попали и адвокаты. Защитники работали в правовом поле и по законам царского режима и они были, по мнению Заломова и К°, частью этого режима. «Здесь нет преступников, нет судей <...> здесь только пленные и победители...» – недвусмысленно выразил позицию подсудимых Петр Заломов [5, с. 275].

Между тем осознание того, что высокопрофессиональные московские адвокаты, живо и безвозмездно откликнувшиеся на просьбу Горького о защите подсудимых революционных горлопанов, остались запечатлены на страницах его романа всего лишь как «большие черные птицы». Очевидно, что писатель с годами все более остро осознавал, что он незаслуженно обошел вниманием участие и роль адвокатов на «заломовском» процессе. Думается, что понимание этого упущения наряду с другими самокритичными оценками произведения привели Горького к однозначному

выводу: «Я думаю, что моя книга мне не удалась. Она хаотична, лишена внутренней гармонии, сделана с очевидной небрежностью и без должного уважения к стилю» [7, с. 479]. Причину того, что книга, по его мнению, получилась плохая писатель видел в ее явной идеологической мотивированности. Он признавался, что написана она была «в состоянии запальчивости и раздражения, с намерениями агитационными, после 906 года» [7, с. 479]. И еще один важный самокритичный пассаж: «Мать» – вещь неудачная, не только внешне, потому что длинно, скучно и небрежно написана, но, главное – она недостаточно демократична...» [7, с. 480]. Самоупрёк писателя в недостаточной демократичности романа, на мой взгляд, как раз и подтверждает его сожаление о том, что он объективно и всесторонне не отобразил, в частности, всех участников судебного процесса и, прежде всего, личности адвокатов. Впоследствии Горький, очевидно, понял, что талантливые «младоадвокаты» не только, безусловно, заслуживали этого как персонажи художественного произведения, но и были весьма интересны как личности и как видные деятели общественно-политической жизни поздней имперской России.

В конце 20-х гг. прошлого века М. Горький приступил к созданию своего главного, как он считал, литературного произведения. Задумав написать «нечто» «прощальное некий роман-хронике сорока лет русской жизни...» [8, с. 464], он избрал героем своего повествования типичного русского интеллигента, личная судьба которого оказалась органично вкраплена в судьбу России переломной эпохи. Так появился на свет роман «Жизнь Клим Самгина». И. А. Груздев – биограф и исследователь творчества Горького, размышляя об этом романе в связи с книгой В. Поссе «Мой жизненный путь», высказал предположение, что «В Самгине есть какая-то частица и Поссе, и Амфитеатрова, и Ляцкого, по-видимому, многих-многих Ваших современников» [цит. по: 9, с. 56]. В ответном письме писатель подтвердил догадку Груздева относительно Поссе и уточнил: «Есть в Самгине и частица Бунина... Василий Алексеев <ич> Маклаков – тоже Самгин» [цит. по: 9, с. 57].

Между тем среди прототипов героя горьковского романа угадываются черты еще одного их современника, друга и соратника Маклакова – Николая Константиновича Муравьева. Думается, что некоторые особенности характера и психологические черты главного героя Горький как раз и «списал», «просчитал» с хорошо знакомого ему лидера «Молодой адвокатуры» – Н. К. Муравьева. Этот выдающийся человек как нельзя лучше подходил к замыслу писателя в изображении главного героя задуманного произведения. Действительно, Муравьев был яркой и самобытной личностью своего времени, и о нем, очевидно, вполне справедливо можно сказать так же, как и о

Климе Самгине, словами Горького, что он «красный цветок, желтые цветы – скучные» [10, с. 56]. В данном случае писатель иллюстрирует характерные черты персонажей своих произведений красками цветовой гаммы символов Серебряного века. Например, красный цвет в произведениях символистов воспринимался и транслировался как символ жизни, чего-то созидательного, необузданной и противоречивой стихии чувств, в то время как желтый цвет у поэтов Серебряного века пронизан настроениями угасания и чаще всего связан с эстетикой печали и грусти, вызванной увяданием, старением. Именно поэтому «нескучные», деятельные и самобытные личности становятся героями горьковского повествования.

Горькому важно показать процесс становления и формирования своего героя. На страницах романа гимназический период жизни Клим Самгина приобретает особое звучание. Здесь писатель вырисовывает его особость, показывает, как уже в ранние годы в характере и поступках Клим протупает красный цвет: сверстники «смотрели на него с любопытством, как на чужого <...> Клим догадывался, что они завидуют его славе, – славе мальчика исключительных способностей» [10 с. 56]. Обращая внимание на выдающиеся способности своего героя, писатель отмечает, что подобная репутация юноши «вызывала обостренное и недоверчивое внимание учителей и любопытство учеников» [10, с. 45]. Между тем те же самые особенности мы наблюдаем и в гимназисте Николае Муравьеве: «С первого дня в гимназии он стал отделяться от нас совершенно всем, – вспоминал его одноклассник П. И. Корженевский. – И он прошел всю гимназию первым учеником <...> его знания были абсолютны, его изложение предмета во многих случаях было выше некоторых наших Млинаричей, Збраславских (преподаватели гимназии. – Ю. В.)» [11, л. 23]. При этом соученики Муравьева по гимназии «чувствовали, что он не ихний, что он скорее нужный нам свидетель всего, что было гнусного с “их” стороны, а себя мы, конечно, считали правыми, даже в незнании» [10 с. 56]. А вот как Максим Горький изобразил в своем произведении гимназиста Клим Самгина: «Он ходил солидной походкой, заложив руки за спину <...> имея вид мальчика, который занят чем-то очень серьезным» [10, с. 45]. Таким же не по годам серьезным, обладающим высокой степенью внутренней независимости был и гимназист Муравьев: «Ясно, что мы в большинстве были чужды ему, – констатировал П. И. Корженевский. – Двух станов гость случайный, он был далек от нас и от наших врагов» [11, л. 23]. Однако при всем при этом и вымышленный персонаж Клим Самгин, и реальный Николай Муравьев в юности отличались хорошими манерами и были подчеркнута вежливы. Так, например, Клим

Самгин «подкупал учителей благовоспитанностью и благонаравием» [10, с. 45], а Муравьев запомнился соученикам по гимназии как человек, поведение которого «было до презрения изысканным» [11, л. 24].

Даже во внешности героя романа и известного московского адвоката мы наблюдаем сходные черты. «Клим Самгин был стройным юношей среднего роста, – описывает его Горький, – говорил не много, стараясь выражать свои мысли точно и просто, подчеркивая слова умеренными жестами очень белых рук с длинными кистями и тонкими пальцами музыканта. Его суховатое, остроносое лицо украшали дымчатого цвета очки, прикрывая недоверчивый блеск голубоватых, холодных глаз» [10, с. 67]. А вот каким запомнился одноклассникам по 1-й Московской гимназии Николай Муравьев: «Он был блондин с голубыми глазами <...> с прекрасной фигурой <...> с мягкими жестами. Среди нашей безалаберной братии он был совсем иной, казалось, он жеманничал» [11, л. 26]. Однако для Муравьева, как оказалось, «гимназия была эпизод, а жизнь уже имела свое широкое и захватывающее дело» [11, л. 28]. «Замечателен он был тем, что открыл Америку. Не ту Америку, которую открыл Колумб, а другую. Именно он первый открыл себя <...> Да, он первый открыл себя, и как это не странно, но это было так» [11, л. 2]. Очевидно, что это «открытие» человека с его глубиной и разносторонностью очень важно и для Горького. В романе он стремится показать Клима Самгина как человека с неординарным мышлением и широтой мировоззрения. «Струна разума его настроена благозвучно и высоко, – подчеркивает писатель. – Особенно же ценно в нем осторожное и скептическое отношение к тем пустякам, коими наше юношество столь склонно увлекаться во вред себе» [10, с. 67].

Горький психологически тонко передает любовные переживания Клима Самгина. На страницах романа переливается всеми красками и никак не может сложиться в единое целое мозаика мыслей и чувств главного героя. «Может я вовсе и не влюблен, а незаметно для себя поддался атмосфере влюбленности и выдумал все, что чувствую?» [10, с. 101], – задается трудноразрешимым вопросом Клим. Произошло то, к чему, очевидно, он не был готов со своим рациональным и взвешенным восприятием окружающего мира. В стройные ряды его размышлений о себе «вторглась странная девушка и властно заставляла думать о ней, а это было трудно. Она не поддавалась его стремлению понять смысл игры ее чувств и мыслей. А необходимо, чтоб она и все люди были понятны, как цифры» [10, с. 131]. Однако в его душе очень скоро наступает отрезвление от хмельных чар любви. «Мужчина должен поглощать женщину так, что все тайные думы ее и ощущения ее полностью передавались ему», решает он для

себя [12, с. 230] и делает вывод, что «в сущности, она несчастная <...> Пустоцвет. Бездушна она. Умствует, но не чувствует» [12, с. 405]. После этого Клим почувствовал «легкий приступ презрения к Лидии. Это очень утешило его. Он заснул с уверенностью, что узел, связывавший его с Лидией, развязался» [12, с. 331]. Подобная любовная драма произошла и в молодые годы Василия Маклакова. В 1901–1902 гг. талантливый и популярный московский адвокат пережил бурный роман с красавицей-актрисой Марией Андреевой (М. Ф. Желябужской). Их сохранившаяся переписка через пожелтевшие страницы писем передает нешуточный накал страстей, бушевавших в сердцах [13]. Однако ярко вспыхнувшая страсть очень скоро превратилась в пепел любви, а место Маклакова в жизни артистки надолго и уверенно занял Максим Горький, легко потеснивший при этом страстно влюбленного в Андрееву миллионера-мецената Савву Морозова. Маклаков же до конца своих дней так и не женился, хотя в его жизни всегда было место для настоящей любви. Для себя, как видно, он вывел ту же формулу любви, что и Клим Самгин: «Счастье с женщиной возможно лишь при условии полной искренности духовного общения» [12, с. 239], но такой женщины, судя по всему, В. А. Маклаков так и не встретил.

В изображении профессиональных качеств Клима Самгина как адвоката Горький постарался отобразить, на его взгляд, самые существенные. Среди них он выделял способность Самгина «искусно ставить свое мнение между да и нет, и это укрепляло за ним репутацию человека, который умеет думать независимо, жить на средства своего ума» [10, с. 69]. При этом его герой «отсеивал непонятное, неяркое, как шелуху, бережно сохраняя в памяти наиболее крупные зерна разных мудростей, чтоб при случае, воспользоваться ими» [10, с. 72]. А «зерна разных мудростей», как известно, в ораторском искусстве адвоката всегда востребованы и актуальны. Писатель, очевидно, беря во внимание деятельность своих знакомых адвокатов Н. К. Муравьева и В. А. Маклакова, однозначно заявлял амплуа присяжного поверенного Клима Самгина, который «не представлял себя адвокатом, произнося речи в защиту убийц, поджигателей, мошенников» [10, с. 122]. Действительно, и Маклаков, и Муравьев также не позиционировали себя в роли защитников по общеуголовным делам, а стали пионерами нового направления русской адвокатуры Серебряного века – политической защиты рабочих, крестьян и деятелей оппозиционных движений России в конце XIX – начале XX в. Этот профессиональный выбор, по словам Н. К. Муравьева, стал ответом на «социальный заказ, предъявленный к тогдашней адвокатуры новыми, выдвинувшимися тогда на авансцену истории общественными слоями рабочих и крестьянской массы» [4, с. 15]

Думается, что художественная интерпретация характерных образов адвокатов Серебряного века – современников Максима Горького, запечатленная на страницах его произведений «Мать» и «Жизнь Клима Самгина», является оригинальным, вспомогательным историко-психологическим источником в реконструкции деловых качеств, внутреннего мира, жизненных позиций и душевных переживаний реальных акторов общественной и политической жизни поздней имперской России, лидеров неформального объединения политической защиты «Молодая адвокатура» Н. К. Муравьева и В. А. Маклакова.

Список литературы

1. Троицкий Н. А. Адвокатура в России и политические процессы : 1866–1904 гг. Тула : Автограф, 2000. 456 с.
2. Щенников Г. К. Проблема правосудия в публицистике Достоевского 70-х годов // Русская литература 1870–1890-х годов. Сб. 4 / отв. ред. И. А. Дергачев. Свердловск : [б. и.], 1971 (Учен. зап. Урал. гос. ун-та им. А. М. Горького ; № 121. Сер. филол. ; вып. 19). С. 3–23.
3. Нижегородское окружение А. М. Горького. 1889–1904. Библиографический справочник / под ред. Л. М. Фарбера ; сост. В. Н. Блохина, Э. И. Зеленева, Е. Н. Олех, В. М. Райковская, В. Е. Успенская, Л. М. Фарбер. Горький : Волго-Вятское книжное издательство, 1968. 176 с.
4. «Стой в завете своём...» : Николай Константинович Муравьев адвокат и общественный деятель : воспоминания, документы, материалы / сост., авторство некоторых разделов и примечаний Т. А. Угримовой. М. : ООО «АМА-Пресс», 2004. 343 с.
5. Горький М. Собрание сочинений : в 18 т. М. : Гослитиздат, 1960. Т. 4. 424 с.
6. Заломов П. А. Воспоминания. Горький : Горьковское областное издательство, 1947. 116 с.
7. Горький М. Полное собрание сочинений : художественные произведения : в 25 т. М. : Наука, 1970. Т. 8. 508 с.
8. Летопись жизни и творчества А. М. Горького : в 4 вып. М. : Издательство Академии наук СССР, 1958. Вып. 2. 623 с.
9. Литературное наследство. Т. 95 : Горький и русская журналистика начала XX века : неизданная переписка / отв. ред. И. С. Зильберштейн, Н. И. Дикушина. М. : Наука, 1988. 1079 с.
10. Горький А. М. Собрание сочинений : В 18 т. М. : Гослитиздат, 1962. Т. 12. 424 с.
11. Отдел рукописей Российской государственной библиотеки (ОР РГБ). Ф. 436 (Корженевский Петр Иванович). Оп. 1. Д. 9. 5.
12. Горький А. М. Собрание сочинений : в 18 т. М. : Гослитиздат, 1962. Т. 13. 503 с.
13. Отдел письменных источников Государственного исторического музея (ОПИ ГИМ). Ф. 31 (Маклаков Василий Алексеевич). Оп. 1. Д. 5.

Поступила в редакцию 11.05.2022; одобрена после рецензирования 25.05.2022; принята к публикации 30.06.2022
The article was submitted 11.05.2022; approved after reviewing 25.05.2022; accepted for publication 30.06.2022

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2022. Т. 22, вып. 4. С. 464–469
Izvestiya of Saratov University. History. International Relations, 2022, vol. 22, iss. 4, pp. 464–469
<https://imo.sgu.ru> <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2022-22-4-464-469>, EDN: ASTWUFU

Научная статья
УДК [338.436:332.021.8](470+571)|1906/1914|

Влияние столыпинской аграрной реформы на развитие сельскохозяйственной кооперации в России (1906–1914)

И. Н. Коновалов

Саратовская государственная юридическая академия, Россия, 410056, г. Саратов, ул. Вольская, д. 1

Коновалов Иван Николаевич, доктор исторических наук, профессор кафедры истории, политологии и социологии, i.n.konovalev@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7359-9160>, Author ID: 169403

Аннотация. В статье исследуется воздействие аграрной реформы П. А. Столыпина на развитие сельскохозяйственной кооперации России в условиях рыночных отношений. Не пытаясь в одной статье дать ответы на все главные вопросы оценки влияния реформы на сельскохозяйственную кооперацию, автор останавливается на некоторых факторах, которые либо не учитываются исследователями, либо остаются неправильно понятыми, что принижает значение реформы. Так, недостаточно изучено влияние столыпинской аграрной реформы на развитие различных видов сельскохозяйственной кооперации, а именно сельскохозяйственных обществ и артелей, кредитных и ссудо-сберегательных товариществ, потребительской, промысловой кооперации. Для достижения этой цели проведен анализ историографии, изучена деятельность землеустроенных, кооперированных хозяйств; проанализированы показатели, характеризующие уровень их материального благосостояния и агрикультуры. В основу статьи положены общенаучные принципы познания, такие как историзм и объективность. Указанные принципы помогли оценить суть исследуемой проблемы, учесть различные точки зрения как ученых, так и современников изучаемых событий. Динамика процессов, характеризовавших кооперативное сельскохозяйственное движение России в начале XX в., изучалась с помощью статистического метода.

Ключевые слова: столыпинская аграрная реформа, кооперация, кооперативное движение, сельскохозяйственные общества и артели, кредитные и ссудо-сберегательные товарищества, потребительская кооперация, промысловая кооперация

Для цитирования: Коновалов И. Н. Влияние столыпинской аграрной реформы на развитие сельскохозяйственной кооперации в России (1906–1914) // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2022. Т. 22, вып. 4. С. 464–469. <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2022-22-4-464-469>, EDN: ASTWUFU

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

The influence of the Stolypin agrarian reform on the development of agricultural cooperation in Russia (1906–1914)

I. N. Konovalev

Saratov State Law Academy, 1 Volskaya St., Saratov 410056, Russia

Ivan N. Konovalev, i.n.konovalev@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7359-9160>, Author ID: 169403

Abstract. The article examines the impact of the agrarian reform of P. A. Stolypin on the development of agricultural cooperation in Russia in the conditions of market relations. Without pretending in one article to give answers to all the main questions of assessing the impact of the reform on agricultural cooperation, let us dwell on some factors that either were not taken into account by the authors or remain misunderstood, which diminishes the significance of the reform. Thus, the influence of the Stolypin agrarian reform on the development of various types of agricultural cooperation, namely, agricultural societies and artels, credit and savings and loan associations, consumer and industrial cooperation, remains insufficiently studied.

To achieve this goal, an analysis of historiography was carried out, the activities of land-organized, cooperative farms were studied, indicators characterizing the level of their material well-being and agriculture were analyzed. The article is based on general scientific principles of cognition, such as historicism and objectivity. These principles helped to assess the essence of the problem under study, taking into account the different points of view, both scientists and contemporaries of the events under study. The dynamics of the processes that characterized the cooperative agricultural movement in Russia at the beginning of the 20th century was studied using the statistical method.

Keywords: Stolypin agrarian reform, cooperation, cooperative movement, agricultural societies and artels, credit and savings partnerships, consumer cooperation, industrial cooperation

For citation: Kononov I. N. The influence of the Stolypin agrarian reform on the development of agricultural cooperation in Russia (1906–1914). *Izvestiya of Saratov University. History. International Relations*, 2022, vol. 22, iss. 4, pp. 464–469 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2022-22-4-464-469>, EDN: ASTWFW

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC0-BY 4.0)

В крестьянской России со второй половины прошлого века основным средством модернизации и ускорения социально-экономического развития стали аграрные преобразования – реформы и революции. С начала 1860-х гг. они заняли (и сохранили до сих пор) совершенно особенное место в историческом процессе: стали определять не только характер аграрной эволюции, но и общий ход истории России.

Россия вступила в XX в. с полукрепостническим режимом в деревне и, следовательно, с нараставшей необходимостью новых реформ, промедление которых делало неизбежным революционный взрыв.

Вполне закономерно, что автором аграрной реформы явился П. А. Столыпин, имевший к этому времени удачный практический опыт реформирования в Ковенской, Гродненской и Саратовской губерниях. Назначенный премьер-министром в июле 1906 г., П. А. Столыпин уже 9 ноября того же года издал первый указ, положивший начало реформе. Разработка основных законодательных актов, обсуждение в Государственной Думе и принятие потребовали еще немало усилий и времени: законы о крестьянском землевладении, землепользовании и землеустройстве были приняты позже. Эти три законодательных акта и составили юридическую основу аграрной реформы.

Столыпинская аграрная реформа действительно стала одним из важнейших событий в истории России начала XX в. Она активно содействовала уже происходившему в стране становлению рыночных отношений, но итоги революции в деревне не исчерпывались только этим.

Первые работы, которые затрагивали вопросы влияния столыпинской аграрной реформы на развитие деревенской кооперации, принадлежали представителям кооперативной мысли русского зарубежья. В созданном в 1922 г. в Праге Русском институте сельскохозяйственной кооперации эту тему исследуют такие ученые, как А. Н. Анцыферов [1], А. Д. Билимович [2], И. В. Емельянов [3].

О влиянии столыпинской реформы на процесс становления кооперации говорил в свое время крупный экономист Б. Д. Бруцкус. Результатом этой реформы он считал «рост русской кооперации после 1905 года даже на западноевропейскую меру... необычайным» [4, с. 98, 99, 109, 110].

В советский период вплоть до середины 80-х гг. имя Столыпина являлось символом карательной политики самодержавия, а сельскохо-

зяйственная кооперация как общественная организация была практически полностью подчинена государству. Исследования проблем ее развития были свернуты. Вновь интерес к столыпинской реформе и кооперативной тематике наметился в 80–90-е гг.

Примером может служить фундаментальная монография В. Г. Тюкавкина, в которой детально рассматривается процесс ее осуществления, влияние этого процесса на трансформацию кооперативного движения в русской деревне, социальные и экономические результаты реформирования аграрной сферы [5].

Выводы В. Г. Тюкавкина фактически совпадают со взглядами другого исследователя реформы Столыпина и кооперации Э. М. Щагина, в статьях которого делается акцент на изучении итогов столыпинских аграрных преобразований и их влиянии на кооперацию [6, 7].

Известно, что А. В. Чаянов также позитивно оценивал результаты столыпинского землеустройства, в ходе которого земствами создавалась инфраструктура, обеспечивающая потребности как крупных, так и мелких хозяйств.

Отдельные сюжеты влияния столыпинской аграрной реформы на развитие крестьянского хозяйства и рост кооперации рассматривал авторитетный исследователь кооперации Л. Е. Файн [8].

Влияние столыпинской реформы на становление сельскохозяйственного кредита раскрывается в монографиях А. П. Корелина. Автор отмечает позитивное воздействие политических и социально-экономических преобразований Столыпина на сельскохозяйственное кооперативное движение в целом. [9, 10].

Также следует отметить работу исследователя новейшей аграрной истории России П. С. Кабытова, в которой воссоздан исторический портрет последнего реформатора Российской империи и рассмотрено влияние реформы на развитие крестьянской кооперации [11].

Качественно новый этап в изучении аграрной реформы Столыпина и ее воздействия на кооперацию связан с 2000–2020 гг., когда резко возросло число публикаций, в которых отмечалось, что активному кооперативному строительству в губерниях способствовала начавшаяся столыпинская аграрная реформа. Это монографии и статьи А. В. Лубкова [12], О. А. Безгиной [13], Е. Ю. Болотовой [14], А. Н. Кураева [15] и др.

Таким образом, историками проделана большая работа по изучению влияния столыпинской аграрной реформы на развитие отдельных видов крестьянской кооперации в регионах России.

В то же время, на наш взгляд, в разработке проблемы остаются определенные пробелы, заполнение которых и является целью данного исследования. Прежде всего, в настоящее время нет ни одного самостоятельного исследования, комплексно рассматривающего значение стольпинской аграрной реформы в развитии различных видов сельскохозяйственной кооперации, а именно сельскохозяйственных обществ и артелей, кредитных и ссудо-сберегательных товариществ, потребительской, кустарно-промышленной кооперации в масштабах всей России.

Долгое время в отечественной историографии существовало мнение о том, что народохозяйственный эффект у реформы был небольшой, и, что помимо того, сумятица и неразбериха, внесенные ею в жизнь общины, сильно задержали распространение многопольных севооборотов на крестьянские земли. Чтобы полнее определить тот заряд общественного прогресса, который несла в себе стольпинская реформа, есть смысл коснуться вопроса о влиянии, оказанном ею, на кооперирование крестьянских хозяйств.

В этой связи рассмотрим материалы сплошного подворного обследования землеустроенных хозяйств 12 уездов Европейской России, проведенные в 1911–1912 гг. представителями Берлинского сельскохозяйственного института, и впервые проанализированные Э. М. Щагиным [6, с. 136–137]. Материалы обследования убеждают в том, что выход крестьянина из общины и превращение его в собственника земли, будучи действенным импульсом во всей его хозяйственной деятельности, не только не гасили, а, наоборот, стимулировали рост тяги мелкого землевладельца к объединению в кооперативы. Итоги этого обследования отражены в табл. 1 [16, с. 22, 28, 35–36].

Как свидетельствуют материалы обследования и данные табл. 1, из общего числа хуторских и отрубных хозяйств состояли членами кооперативных учреждений до землеустройства 18,6%, а после – 42,2%. При этом число хозяйств, кооперированных хуторян увеличилось с 6,8% до 22,3% и отрубников с 24,7% до 52,4%. Кроме того, после землеустройства свыше 3/4 всех хозяйств получили полевые угодья (не считая,

усадеб) в одном участке, тогда как раньше, наоборот, 3/4 дворов имели землю не менее, чем в 6 полосах. До землеустройства будущие хуторяне и отрубники пользовались наделами, отстоящими дальше одной версты от усадьбы, причем каждый третий из них – дальше 5 верст; после укрепления земли в собственность каждый второй хозяин получил ее ближе одной версты от усадьбы.

Наконец (и это особенно важно) даже за сравнительно небольшой срок в новых условиях показатели работы хозяйства хуторян и отрубников смогли существенно превзойти те показатели, которые характеризовали уровень их материального благосостояния и агрикультуры до землеустройства. К примеру, общая стоимость построек и инвентаря у них в среднем выросла на 27,7%, в том числе только инвентаря – на 40,4% у хозяйств, располагавшихся на бывшей наделной, и в два с лишним раза у тех, которые находились на казенной и банковской землях. Свыше 40% хозяев произвели на своих участках мелиоративные работы стоимостью в среднем около 53 руб. на двор, а количество хозяйств с травопольным и многопольным севооборотами увеличилось в 4 раза, что привело и к росту урожайности.

Существенное увеличение за несколько пре-реформенных лет удельного веса кооперированных хозяйств среди тех, которые реализовали предоставившуюся им возможность получить землю в собственность, вполне объяснимо. Порывая с общиной, являвшейся для крестьянина традиционной формой социальной защиты, выделенец искал и находил в кооперации новую и притом более устраивающую его как мелкого собственника и товаропроизводителя форму защиты своей самостоятельности в рыночных отношениях.

Да и крестьяне-общинники, в массе своей ведущие трудовое хозяйство, по мере вовлечения в рыночные отношения тоже нуждались в кооперации как объединении, способном отстоять их самостоятельность в рыночных связях, и как товаропроизводителей, и как потребителей. Во многом по этой причине стольпинская реформа, подтолкнув развитие товарного рынка

Таблица 1

Итоги сплошного подворного обследования землеустроенных хозяйств 12 уездов Европейской России, проведенного в 1911–1912 гг.

Разновидности выделившихся из общины хозяйств	Общее число хозяйств	Состояли членами кооперативных учреждений			
		До землеустройства		После землеустройства	
		Число хозяйств	% к общему числу	Число хозяйств	% к общему числу
Хуторяне	4625	327	6,8	1078	22,3
Отрубники	9358	2308	24,7	4902	52,4
Итого	14183	2635	18,6	5980	42,2

внутри страны и способствуя вовлечению сельского хозяйства страны в мировые рыночные связи, во времени совпала с периодом невиданно быстрых темпов становления кооперативной сети в России в целом и в ее деревне в особенности.

Примечательно и то, что в годы столыпинской аграрной реформы в России формируется государственно-кооперативная система сельскохозяйственного кредита, обеспечившая в канун первой мировой войны столь высокий уровень инвестиций в аграрную среду экономики, который в дальнейшем уже никогда не был превзойден. В табл. 2 представлена динамика развития различных видов кредитной кооперации [17, с. 40–53].

Таким образом, с 1 января 1907 г. по 1 января 1914 г. количество всех товариществ увеличилось с 2 189 до 13 080, т. е. в 6 раз, членов в них – с 932,9 тыс. до 8 262 тыс. чел., т. е. почти в 9 раз. Это можно рассматривать как свидетельство качественно нового этапа в истории кооперации, когда кредитные кооперативы становятся достаточно распространенными и массовыми организациями сельского населения.

Внутри кредитной кооперации происходят существенные изменения. Движение получает могучую поддержку, опору «снизу». За организацию кредитных товариществ отныне берется само крестьянство. Кооперативы более не являются предметом исключительной заботы представителей земско-либеральной общественности, насаждавших их «сверху», а становятся плодом народной самодеятельности и творчества. И там, где потребность в кооперации была более высокой, участие в ней населения было более активным, что прослеживается и в связи с анализом социально-экономического положения членов кредитных товариществ. По мнению А. П. Корелина, «товарищества не обслуживали ни низы, ни верхи деревни, их костяк составляли в основном середнячко-зажиточные слои» [18, с. 229].

С началом проведения столыпинской аграрной реформы бурными темпами начинает

развиваться и сельскохозяйственная кооперация малого района действия. На ее развитие повлияло принятие нового устава, утвержденного 18 ноября 1908 г. Он разрешал учреждение сельскохозяйственных товариществ более мелкого типа, с значительно (до пределов одной деревни) ограниченным районом деятельности и рассчитанных преимущественно на небогатую крестьянскую среду [19].

По данным О. А. Безгиной, если в 1898–1906 гг. открывалось менее 10 товариществ в год, то за период 1907–1909 гг. было организовано уже 106 (т. е. примерно по 35 товариществ в год), а за 1910–1912 гг. – еще 769 товариществ (или по 256 товариществ в год). В результате к 1 января 1914 г. в стране насчитывалось 1 254 сельскохозяйственных общества. Из них 386 имели статус «общих» и 868 – «специальных», из которых 3/4 были связаны с молочным делом, 132 – с покупкой машин и орудий, 22 – с пчеловодством, 18 – с виноделием и садоводством. В начале XX в. сельскохозяйственные товарищества начали приносить прибыль. Их оборот перед войной составлял около 20 млн руб. [13, с. 117].

Следует отметить, что в Сибири, Прибалтике, Вологодской губернии широкое распространение получили маслодельные артели, которые представляли собой особый вид кооперации для совместной хозяйственной деятельности на базе частичного обобществления средств производства. В 1907 г. в них участвовали 30% дворов из хозяйств с одной коровой, 69% дворов с двумя коровами и 96%(!) дворов с 10 и более коровами [2, с. 158].

Активно сельскохозяйственная кооперация развивалась на Кубани, в Киевской и Подольской губерниях, Поволжье.

Положив начало развитию кредитной кооперации в деревне, сельскохозяйственные общества сыграли важную роль в эволюции крестьянской кооперации и, как следствие, в развитии хозяйственной инициативы и самостоятельности крестьян. При этом сами сельскохозяйственные общества с течением времени не претерпевали

Таблица 2

Динамика развития ссудо-сберегательных и кредитных товариществ в 1908–1915 гг.

Годы	Количество товариществ		Количество членов в товариществах, тыс. чел.	
	Ссудо-сберегательные	Кредитные	Ссудо-сберегательные	Кредитные
1908	979	1210	431,5	501,4
1909	1225	1920	544,9	838,7
1910	1560	2701	673,7	1272,0
1911	1786	3610	822,3	1767,7
1912	2134	4545	1067,7	2379,3
1913	2593	5940	1394,3	3352,7
1914	3062	7964	1740,0	4870,0
1915	3528	9552	2038,0	6224,0

существенных изменений, за исключением социального состава, который стал более демократичным, расширяясь за счет крестьян. Основными стимулами к их существованию были инициатива отдельных людей и материальная помощь со стороны земства и государственных органов. Нельзя говорить о прямом влиянии сельскохозяйственной кооперации на изменение жизни крестьян. Скорее роль простых сельскохозяйственных обществ заключалась в том, что они послужили толчком для развития других форм кооперации (потребительской и кредитной), где крестьянин чувствовал большую заинтересованность в их деятельности.

К началу 1914 г. сельскохозяйственные товарищества малого района действия значительно выросли в численном отношении, но они не смогли догнать ушедшие вперед кредитные и потребительские кооперативы.

Для потребительской кооперации период столыпинских реформ стал определяющим в ее развитии. Главной причиной роста потребительской кооперации стал ее активный подъем в сельской местности.

К 1 января 1904 г. в России насчитывалось более 950 потребительских обществ, в которые входили несколько сот тысяч членов. Кооперативы приносили прибыли не менее 2 млн руб. в год (табл. 3).

Таблица 3

Динамика развития потребительской кооперации Европейской России в 1904–1916 гг.

Год	1904	1905	1908	1909	1910	1913	1914	1916
Количество обществ	951	1116	2164	2292	3233	6823	6874	13596

Сост. по: [21, с. 15.].

Из табл. 3 видно, что за период с 1904 по 1916 г. количество потребительских обществ в Европейской России увеличилось в 14 раз. Исследователи отмечают быстрый рост числа потребительских обществ после модернизационных процессов в стране. Темпы роста числа потребительских кооперативов в России были таковы, что если за 1904 г. возникло 951 потребительское общество, то в последующем за год возникало свыше 1000 кооперативов, только за один 1916 г. – около 2000 обществ. Следует отметить, что более 70% кооперативов представляли собой сельские потребительские общества [22, с. 28].

В 1907–1914 гг. в России возникали в среднем 3 тыс. кооперативов в год. Всего в них участвовали 11,6 млн чел. Страна вышла на 1-е место в мире по темпам развития кооперативного движения. Число кооперативов в России к 1914 г. составило 32 975: из них 13 839 кредитных, 10 000 потребительских, 8 576 сельскохозяйственных, 500 ремонтных и пр. По общему числу кооперативных организаций Россия уступала только Германии. В 1914 г. кооперативы обеспечивали 7% товарооборота России [10, с. 176, 191, 369].

По мнению В. П. Данилова, Россия к 1917 г. подошла к развитой системе кооперации и с идеей кооперативного будущего всей страны, особенно деревни. Казалось, что русское общество в кооперации нашло пути преодоления тех социальных трудностей, которые неизбежно сопровождают модернизацию экономики на основе индустриализации [23, с. 11–12].

За жизнь только одного поколения перед октябрём 1917 г. кооперативное движение в Рос-

сии благодаря столыпинским аграрным преобразованиям достигло крупномасштабных успехов. По разным подсчетам в это время свыше 50 тыс. разного рода кооперативных организаций охватывали от 10 до 20 млн членов. России принадлежало мировое первенство по числу кооперативных организаций, а по оборотам и числу участников она находилась в лидирующей тройке стран [24, с. 52].

Процесс кооперирования позволял, не разрушая мелкого семейного хозяйства, выделить и организовать на началах крупного производства те отрасли или работы, которые давали несомненный экономический эффект. Создавалась такая система кооперативного хозяйства, где сами крестьяне в своих интересах и в меру реальных возможностей определяли степень и формы крупного общественного производства. Это был реальный преобразовательный процесс, который мог послужить действительной альтернативой первоначальному накоплению капитала «сильными» за счет «слабых».

Список литературы

1. Анцыферов А. Н. Кооперативный кредит и кооперативные банки. Прага : Издательство Русского института сельскохозяйственной кооперации, 1922. 115 с.
2. Билимович А. Д. Кооперация в России до, во время и после большевиков. М. : Наука, 2005. 190 с.
3. Емельянов И. В. Кооперативные организации среди земледельцев. Прага : Издательство Русского института сельскохозяйственной кооперации, 1923. 132 с.
4. Бруцкус Б. Д. Аграрный вопрос и аграрная политика. Прага : Издательство Русского института сельскохозяйственной кооперации, 1922. 231 с.

5. Тюкавкин В. Г. Великоорусское крестьянство и Столыпинская аграрная реформа. М. : Издательство Московского педагогического государственного университета, 2001. 304 с.
6. Щагин Э. М. Столыпинская аграрная реформа : ее результаты и судьба // Формы сельскохозяйственного производства и государственное регулирование : XXIV сессия симпозиума по аграрной истории Восточной Европы / отв. ред. Л. В. Милов. М. : Издательство Московского педагогического государственного университета, 1995. С. 130–150.
7. Щагин Э. М. Об опыте и уроках столыпинской аграрной реформы // Власть и общественные организации России в первой трети XX столетия / ред. В. П. Данилов. М. : Магистр, 1994. С. 40–65.
8. Файн Л. Е. Российская кооперация: историко-теоретический очерк. 1861–1930. Иваново : Ивановский государственный университет, 2002. 600 с.
9. Корелин А. П. Сельскохозяйственный кредит в России в конце XIX – начале XX в. М. : Наука, 1988. 262 с.
10. Корелин А. П. Кооперация и кооперативное движение в России 1860–1917 гг. М. : РОССПЭН, 2009. 391 с.
11. Кабытов П. С. Последний реформатор Российской империи. 2-е изд., испр. и доп. М. : РОССПЭН, 2007. 192 с.
12. Лубков А. В. Солидарная экономика. Кооперативная модернизация России (1907–1914 гг.). М. : Московский педагогический государственный университет, 2019. 300 с.
13. Безгина О. А. Кооперативное движение Поволжья в конце XIX – начале XX века: взаимодействие власти и общества. Тольятти : Издательство ТГУ, 2018. 306 с.
14. Болотова Е. Ю. «В единении сила» Потребительская кооперация в России в конце XIX – начале XX в. Волгоград : Издательство ВГСПУ, 2003. 303 с.
15. Кураев А. Н. Развитие кооперации в России в 1907–1914 гг. // Власть. 2019. № 3. С. 212–216.
16. Землеустроенные хозяйства. Сводные данные сплошного по 12 уездам подворного обследования хозяйственных изменений в первые годы после землеустройства. Пг. : Канцелярия Комитета по землеустроительным делам, 1915. 77 с.
17. Зак Л. С. Кредитная кооперация в России за 10 лет в цифрах // Вестник кооперации. 1916. № 6. С. 40–53.
18. Корелин А. П. Социальный состав кредитной кооперации в России в конце XIX – начале XX в. // Социально-экономическое развитие России : сборник статей к 100-летию со дня рождения Н. М. Дружинина / отв. ред. С. Л. Тихвинский. М. : Наука, 1986. 302 с.
19. Собрание узаконений и распоряжений правительства. 1909. 22 апр. № 60. Ст. 496.
20. Хейсин М. Л. История кооперации в России. Все виды кооперации с начала ее существования до настоящего времени. Посмертное издание. Л. : Время, 1926. 327 с.
21. Николаев А. А. Кооперация. СПб. : Издание редакции журнала «Русское богатство», 1906. 262 с.
22. Тотомианц В. Ф. Кооперация в России. Прага : Издательство Русского института сельскохозяйственной кооперации, 1922. 368 с.
23. Данилов В. П. Аграрные реформы и крестьянство в России (1861–1994) // Формы сельскохозяйственного производства и государственное регулирование. XXIV сессия симпозиума по аграрной истории Восточной Европы. М. : Издательство Московского педагогического государственного университета, 1995. С. 11–12.
24. Билимович А. Д. Кооперация в России до, во время и после большевиков. М. : Наука, 2005. 190 с.

Поступила в редакцию 10.06.2022; одобрена после рецензирования 20.06.2022; принята к публикации 30.06.2022
The article was submitted 10.06.2022; approved after reviewing 20.06.2022; accepted for publication 30.06.2022

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2022. Т. 22, вып. 4. С. 470–476

Izvestiya of Saratov University. History. International Relations, 2022, vol. 22, iss. 4, pp. 470–476

<https://imo.sgu.ru>

<https://doi.org/10.18500/1819-4907-2022-22-4-470-476>, EDN: NRELZZ

Научная статья

УДК [330.567.4:316.334.3](47+57)|1953/1985|

Неудача создания общества потребления в СССР (1953–1985 гг.) как один из факторов распада единого государства

А. П. Мякшев[✉], А. А. Гуменюк

Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, Россия, 410012, г. Саратов, ул. Астраханская, д. 83

Мякшев Анатолий Павлович, доктор исторических наук, профессор кафедры отечественной истории и историографии, myakshev@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2997-2618>, Author ID: 391367

Гуменюк Алексей Анатольевич, доктор исторических наук, профессор кафедры отечественной истории и историографии, GumenukAA@rambler.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7024-2142>, Author ID: 681822

Аннотация. В статье анализируются этапы становления общества потребления в СССР в 1953–1985 гг. Рассматриваются основные направления социальной политики советского государства по удовлетворению материальных потребностей населения. Делается вывод о нарастании противоречий между потребительскими устремлениями масс и ограниченными возможностями советской экономики как причине распада единого Советского Союза.

Ключевые слова: социальная политика, государство социальных услуг, советский народ, советские элиты, общество потребления, социалистические ценности, идеология потребительства

Для цитирования: Мякшев А. П., Гуменюк А. А. Неудача создания общества потребления в СССР (1953–1985 гг.) как один из факторов распада единого государства // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2022. Т. 22, вып. 4. С. 470–476. <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2022-22-4-470-476>, EDN: NRELZZ

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

The failure to create a consumer society in the USSR (1953–1985) as one of the factors of the collapse of a single state

А. П. Myakshev[✉], А. А. Gumenyuk

Saratov State University, 83 Astrakhanskaya St., Saratov 410012, Russia

Anatoly P. Myakshev, myakshev@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2997-2618>, Author ID: 391367

Alexey A. Gumenyuk, GumenukAA@rambler.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7024-2142>, Author ID: 681822

Abstract. The article analyzes the stages of the formation of consumer society in the USSR in 1953–1985. The main directions of the social policy of the Soviet state to meet the material needs of the Soviet population are considered. The conclusion is made about the growing contradictions between the consumer aspirations of the masses and the limited capabilities of the Soviet economy as the reason for the collapse of the unified Soviet Union.

Keywords: social policy, state of social services, Soviet people, Soviet elites, consumer society, socialist values, ideology of consumerism

For citation: Myakshev A. P., Gumenyuk A. A. The failure to create a consumer society in the USSR (1953–1985) as one of the factors of the collapse of a single state. *Izvestiya of Saratov University. History. International Relations*, 2022, vol. 22, iss. 4, pp. 470–476 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2022-22-4-470-476>, EDN: NRELZZ

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Сегодняшние геополитические трансформации, имеющие целью создание совершенно новой исторической реальности, экспертным сообществом зачастую оцениваются как «третья мировая война». Успехи строительства «социализма с китайской спецификой», неудача с попыткой

интеграции российской экономики и ее элит в западноевропейскую общественно-экономическую модель, крах проекта однополярного мира актуализируют новую дискуссию по проблеме причин и предпосылок «крупнейшей геополитической катастрофы века», коей являлось «круше-

ние Советского Союза» [1]. Анализ перечисленных аспектов современной истории заставляет отказаться от поиска причин неудачи «советского проекта» во внешнеполитических, социально-экономических, общественно-политических, этноконфессиональных процессах периода «горбачевской» перестройки. Сомнительно с научной точки зрения «перекладывание» исторической ответственности как на «внешнего врага» в лице агрессивного Запада, так и на внутренних «национал-предателей», в качестве которых в исторической литературе выступают М. С. Горбачев, Б. Н. Ельцин либо национальные элиты в целом. Предлагаемый в данной статье подход, согласно которому главной причиной распада СССР, а также отказа от социалистических ценностей и идеалов является незавершенность построения социального государства и невозможность создания потребительского общества, на наш взгляд, позволит яснее представить специфику советской истории и еще больше актуализировать проблему альтернативности применительно к современным российским реалиям.

Следует указать, что «советская империя» рассматривается нами как «уникальная сложно-организованная этносоциальная система», в основе которой находилась «особая форма этатизации, вызванная культурологическими, геополитическими и социопатерналистскими установками ее населения» [2, с. 30], не имеющая ничего общего как с внешнеполитической экспансией, так и с известными ее определениями «колониальная империя», «тюрьма народов». Более того, народам, вошедшим разными путями в разное время и по разным причинам, советская империя дала «импульс модернизации их социальной структуры, экономики, инициировала процессы нациестроительства», в основном подготовила «к более или менее оптимальному существованию в мире модерна и глобализации» [3, с. 112]. Из множества близких по смыслу теоретических понятий, как то: «социальное государство», «социальное правовое государство», «государство благосостояния», «государство всеобщего благоденствия», для обозначения контуров создаваемой в СССР в 1950–1980-е гг. формы государственности наиболее приемлемым мы посчитали «государство социальных услуг». «Социальным можно считать такое государство, которое не только устанавливает порядок и равенство всех перед законом (правовое государство), но и способно обеспечить общественный и государственный контроль за экономическим и социальным развитием общества, а также, учитывая фактическое неравенство людей, способно нивелировать его путем социальной политики» [4].

И, наконец, категория «потребительское общество» рассматривается нами в двух смыслах: как «общество материального комфорта и избытка материальных благ», а также как «совокуп-

ность общественных отношений, в которых главную роль играет индивидуальное потребление». В историографии уже давно высказана мысль о том, что «экономика общества потребления опирается на новый тип личности», ключевой характеристикой которой является «склонность к потреблению как способу конструирования своей идентичности» и для которой «потребление выступает как основное содержание его жизни» [5, с. 8].

Анализ причин краха советского проекта в контексте неудачи попытки завершить строительство государства социальных услуг, безусловно, требует пересмотра периодизации всей советской истории, которая, на наш взгляд, может быть поделена на четыре периода. Великая Российская революция 1917–1922 гг. провозгласила не только задачу переустройства страны на принципах социальной справедливости, но и открывала эру советского варианта глобализации, предлагая построить «коммунизм в мировом масштабе». В ходе второго этапа, который условно можно назвать «восстановительным» (1922–1928 гг.), прошла апробацию «компромиссная» («нэповская») экономическая модель, была воссоздана империя и все ее структуры в советской форме, т. е. Советский Союз с внутренним национально-территориальным делением. В результате победы сталинского большинства в СССР в 1929–1953 гг. была проведена ускоренная модернизация экономики, в ходе которой была создана мобилизационная общественно-экономическая модель. Мобилизационный проект позволил одержать победу в Великой Отечественной войне, превратить советскую империю в «сверхдержаву», заложить основы новой исторической общности – советский народ. Временной отрезок 1929–1953 гг. условно можно обозначить как третий, «мобилизационный» этап советской истории.

С 1953 г. в СССР, на наш взгляд, начал реализовываться проект создания государства социальных услуг (бесплатные и всеохватывающие системы образования и здравоохранения, общественные фонды и фонды социального развития на предприятиях, жилищная программа и внедрение принципов социальной справедливости в сфере услуг и досуга). Собственно, вплоть до 1985 г. советское руководство безуспешно пыталось реализовать свой вариант западной модели «общества благоденствия». Период утверждения новой общественно-экономической системы, совпавший по времени с отказом от российского имперства и распадом Советского Союза, вполне резонно вывести за формальные хронологические рамки советской истории. Начальной гранью этого периода можно считать 1985 год – провозглашение и начало «перестройки», а конечной – 1999 год, когда в России и на всем постсоветском пространстве, превратившемся в своеобразную «историческую

периферию», утвердился так называемый «олигархический» капитализм и был провозглашен принципиальный отказ от реставрации принципа единства на бывшей советской территории.

Вплоть до начала 1950-х гг. советская модель социализма была «враждебна» самой идеологии потребительства, рассматриваемой как «пережиток капитализма». В экономической области социализм ассоциировался с приоритетным развитием производства средств производства, в идеологической сфере – с духовными ценностями и новой моралью, в социальной политике – с курсом на преодоление социального неравенства и достижением социальной однородности общества. Именно эти реальные преимущества советской системы сразу после окончания Второй мировой войны позволили распространить ее влияние на страны Центральной и Юго-Восточной Европы и заставили западный мир заимствовать рациональные звенья социалистической модели для реформирования, развития и совершенствования капитализма.

В ряде стран к власти пришли социал-демократы, национализировавшие здравоохранение, транспорт, энергетику, тяжелую и добывающую промышленность. Победы и достижения Советского Союза на практике подтвердили продуктивность кейнсианства, обретшего огромное влияние в экономической политике западных стран еще со второй половины 1930-х гг. своими призывами к государству усиливать экономическое регулирование с целью поддержания хозяйственного и социального равновесия. Так, в конституции ФРГ 1949 г. государство впервые было названо социальным, а отдельные фрагменты социальности нашли отражение в конституциях Франции, Италии, Швеции и других государств. Социалистическая идея становилась привлекательной сама по себе. В СССР, где не было гражданского общества, правового государства в его «западном» понимании, частной собственности, в кратчайшие исторические сроки была восстановлена разрушенная войной экономика, созданы атомная бомба, ракетное оружие, реактивная авиация, первые электронно-вычислительные машины.

На наш взгляд, идея «интенсификации» социальных функций советского государства и перехода к строительству общества потребления возникли в ходе резкого обострения борьбы за власть в высших эшелонах власти в канун и после смерти И. В. Сталина. В исторической литературе уже было высказано мнение о том, что с конца 1930-х до начала 1950-х гг. заметную роль в управлении Советским Союзом играла русская элита в виде «русской староверческой партии технократов» во главе с Г. М. Маленковым, правда, с переменным успехом, поскольку Сталин благоволил к этой группе не всегда [6, с. 318]. Самым большим успехом данной элитной группы можно считать иницируемую Сталиным

и Маленковым еще с 1944 г. попытку «сужения» реальной власти до «сферы пропаганды и агитации» партийной бюрократии, лишенной к тому же летом 1953 г. существенных материальных льгот и привилегий. В августе 1953 г. новый политический лидер страны Маленков после ряда популистских мер (первоапрельское снижение цен на мясо, картофель, овощи, 3%-ное увеличение зарплат) провозгласил курс на приоритетное развитие промышленности, производящей товары народного потребления, а также существенное увеличение производства продовольствия путем увеличения капиталовложений в легкую и пищевую промышленность, реформирования сельского хозяйства, прежде всего, отмены натуральных налогов для колхозников.

Стремясь восстановить монопольное положение партийного аппарата и достичь личной власти, Н. С. Хрущев настоял в феврале–марте 1954 г. на решении о значительном увеличении производства зерна путем освоения целинных и залежных земель. За 1954–1960 гг. было поднято 41,8 млн га целины, уже с середины 1950-х гг. на этих землях собирали от половины до трети производимого в СССР зерна. Продовольственная проблема в плане надежного и бесперебойного снабжения населения основными продуктами питания была решена (не стоит забывать, что всего десятилетием ранее страна пережила масштабный голод!), потребление в стране приблизилось к передовым стандартам, свидетельством чему стали лозунги о возможности догнать Америку по душевому производству продовольствия.

Окончательно задача максимального удовлетворения все возрастающих потребностей советского населения была провозглашена «основным законом коммунистического способа производства» в 1961 г. при принятии третьей программы КПСС. С этого времени образ коммунизма, который предлагался советскому народу, сводился к «потребительскому раю», где бесплатно «удовлетворялись бы» все потребности населения. Сдвиги в уровне жизни с этого времени были превращены в ключевые индикаторы, по которым советским людям предлагалось оценивать политику государства в целом и ее социальную составляющую в частности.

Мощнейшим импульсом в создании общества потребления в СССР стала экономическая реформа 1965 г. Именно эта реформа, проводившаяся под лозунгом «Лучше работаешь, больше получаешь!», фактически представляла из себя механизм реализации главной цели хозяйственного развития страны «... наиболее полное удовлетворение растущих материальных и культурных потребностей трудящихся» [7, с. 343]. Замена вала как основного показателя экономического развития страны на прибыль, позволила архитектору этой реформы А. Н. Косыгину переориентировать экономику страны с количественных показателей на качественные посредством

учета спроса населения на товары и услуги. Расширение же в рамках реформы финансовых возможностей (посредством формирования поощрительных фондов) непосредственных производителей (промышленные, сельскохозяйственные предприятия, учреждения транспорта) для решения социальных проблем членов своих трудовых коллективов являлось эффективным инструментом (в условиях сохранявшегося отставания в развитии предприятий группы «Б» от группы «А») наиболее полного удовлетворения спроса и потребностей советских людей. Для решения указанной задачи относительно населения, незанятого в производственной сфере, в рамках реформы предусматривалась закупка современного и модернизация существующего оборудования на предприятиях легкой и пищевой промышленности.

В результате в одной только Саратовской области за 1966–1970 гг. выпуск продукции легкой промышленности возрос в 1,9 раза [8, л. 23], что было больше, чем в годы семилетки (рост в 1,3 раза) [9, л. 27], в периоды девятой [10, л. 111.] и десятой [11] пятилеток (рост в 1,7 раза и 1,5 раза соответственно). А в Калмыцкой АССР, где были более низкие стартовые возможности, в 1970 г. предприятия легкой промышленности выпустили продукции даже в 2,5 раза больше, чем в 1965 г. [12, с. 138]. Это позволило полнее удовлетворять спрос населения на широкий спектр товаров для народа и вывести уровень их потребления на новый качественный уровень.

В 1966–1970 гг., когда проводились в жизнь ключевые мероприятия реформы, уровень потребления населением Астраханской области основных продуктов питания возрос в 1,3 раза, в первой половине 1970-х гг. – в 1,1 раза [13, с. 138]. Практически в таких же пропорциях варьируются показатели потребления промышленных товаров населением Астраханской области: в 1969–1971 гг. оно возросло в 1,5 раза [14, л. 86], (в 1980–1983 гг.) – в 1,1 раза [15, с. 671].

Важным инструментом повышения уровня потребления являлась система премий, учрежденная в ходе реформы 1965 г. в рамках расширения хозрасчета. Например, премиальные доплаты к заработной плате в 1969 г. у сотрудников Саратовского областного производственно-технического управления связи достигли размеров должностного оклада [16, л. 24].

В начале 1970-х гг. для советского общества стали в основном доступными новые потребительские товары – радиоприемники, холодильники, телевизоры, стиральные машины, импортный ширпотреб и др. Переломом на пути к созданию общества потребления стало массовое приобретение автомобилей после того как 24 марта 1971 г. Госкомиссия приняла в эксплуатацию первую очередь Волжского автозавода в Тольятти, что позволило производить к концу 1970-х гг. 660 тыс. «народных» автомобилей в год, а к

концу 1980-х – 740 тыс. Следует отметить, что в феврале 1976 г. со сборочного конвейера сошел первый грузовой автомобиль КамАЗ, через 3 года, в июне 1979 г. – 100-й грузовик, что значительно улучшало «потребительскую логику». Оба автомобильных завода, как и ряд химических предприятий, в 1970-е гг. были построены с помощью международной кооперации. Запад активно поощрял создание общества потребления в СССР (причины этого явления требуют самостоятельного исследования), причем саму западную экономику поразил в это время мировой кризис. «Взлетевшие цены на нефть спровоцировали виток инфляции», в 1974 г. экономическая ситуация в Великобритании «была откровенно критической» [17, с. 354]. В США кризис развивался почти во всех отраслях промышленности. «Особенно остро он повлиял на инвестиционную деятельность и жилищное строительство (спад более 50%) и производственное строительство (спад был еще глубже)... Продовольственный кризис был вызван недостатком продовольствия, особенно зерновых. Сказались неурожаи 1972 и 1974 гг. Запасы зерновых сократились в 2 раза, а цены в середине 70-х повысились на 70–90%» [18, с. 207].

В этих условиях общество потребления в Советском Союзе демонстрировало в первой половине 1970-х гг. тенденции роста, в том числе относительно продуктов питания. В Нижнем Поволжье в 1971–1975 гг., данные по которому приведены выше, сохранялись достаточно высокие темпы развития сельскохозяйственного производства во многом за счет реализации масштабных мелиоративных мероприятий. Наиболее перспективными зонами для осуществления этой программы были территории Саратовской и Волгоградской областей, где удачно сочетались наличие плодородных почв, источников воды и опыт строительства оросительных систем. Именно в этих субъектах РСФСР площадь мелиоративных сельхозугодий только в период с 1966 г. по 1975 г. увеличилась в 2,8 раза, в то время как в СССР только в 1,7 раза [19, с. 9–10, 36, 105]. Это стало одним из факторов, способствовавших росту валового сбора овощей в этом экономическом районе в 1965–1985 гг. в 27 раз, зерновых – в 26 раз, картофеля – в 2,7 раза [20, с. 124].

В целях более полного обеспечения потребностей населения Саратова и Энгельса в цельномолочных продуктах вокруг этих городов в 1972 г. создается молочная зона, где осуществляются крупные мероприятия по укреплению материальной базы поголовья коров и производству молока. За 1972–1975 гг. в колхозах и совхозах Саратовского района построено 105, Энгельсского – 113 животноводческих объектов. Это позволило увеличить поголовье коров с 40,3 тыс. до 50,8 тыс. голов, производство молока – с 83,3 тыс. до 97,3 тыс. т [21, с. 285]. Вокруг этих городов была создана также «овощная база».

В Астраханской области в первой половине 1970-х гг. наряду с рыбообработывающей промышленностью получили развитие заводы, перерабатывающие овощи. Были модернизированы Астраханский, Владимирский, Харабалинский, Лиманский, Красноярский, Николаевский консервные заводы, что дало возможность довести «выработку» овощных консервов до 250 млн банок в год [15, с. 589]. Если среднегодовое производство риса в Астраханской области в седьмой пятилетке составляло 3,3 тыс. т, в восьмой – 30,8 тыс. т, то в девятой возросло до 100 тыс. т. Производство овощей возросло до 300 тыс. т, арбузов соответственно с 210 тыс. т до 300 тыс. т [22, л. 16]. Формируется и региональная специфика общества потребления. Так, в Астраханской области «близость к крупнейшему району рыболовства» способствовала возникновению у астраханцев «прочных навыков к потреблению рыбы», «южное положение» – «возможность более широкого использования в рационе производимых здесь овощей и бахчевых культур». Потребление овощей и бахчевых в Астраханской области было почти в 1,5 раза, а рыбы – на 26% выше, чем в Приволжском экономическом районе и на 10% по сравнению с РСФСР. «Широкое использование рыбы и овощей» стимулировало и «относительно высокое потребление растительного масла» [23, с. 172].

Руководство Волгоградской области в январе 1976 г. констатировало, что ее жители «стали лучше питаться и одеваться, больше тратить средств на покупку различных товаров. Потребление мясопродуктов, например, увеличилось на 47,5 процента, животного масла – на 25 процентов. Особенно возросла продажа товаров длительного пользования: телевизоров, холодильников, автомобилей, швейных и стиральных машин и т. д. Только продажа легковых автомобилей увеличилась в 5 раз» [24, л. 30]. В Калмыцком обкоме партии тогда же отмечали, что «за девятую пятилетку потребление мяса и мясопродуктов возросло в 1,8 раза, молока и молочных продуктов на 31,4 и тканей на 24 процента. ... Населению продано в 1975 г. товаров на 58,2 млн. рублей больше, чем в 1970 г.» [25, л. 222].

Представляется, что период с середины 1950-х до первой половины 1980-х гг. в СССР стал «временем существенного повышения благосостояния народа». Если в 1950 г. советский человек съедал в год 26 кг мяса, 60 яиц, 7 кг рыбы, 11,6 кг сахара, выпивал 172 литра молока [26, с. 597], то в 1985 г. – 61,4 кг мяса, 260 яиц, 17,7 кг рыбы, 42 кг сахара и 323 литра молока [27, с. 217]. Если потребление тканей на душу населения в год составляло 16,5 кв. м, обуви – 1,1 пар [26, с. 597], то в 1985 г. эти показатели возросли и составили – 37,1 кв. м ткани и 3,2 пар обуви [28, с. 446]. Обеспечение населения из расчета

на 100 семей увеличилось с 1960 г. по 1985 г. часами с 286 до 530 штук, радиоприемниками – с 46 до 96, телевизорами – с 8 до 97, магнитофонами – с 0,5 до 37, холодильниками с 4 до 91, стиральными машинами – с 4 до 70, электропылесосами – с 3 до 39 [27, с. 220].

Среднемесячная заработная плата рабочих и служащих, занятых в 1970 г. в промышленности, равнялась 133,3 руб. в месяц, в сельском хозяйстве 100,9 руб., что соответственно в 2,2 и 1,6 раза превышала прожиточный минимум [29, с. 569]. Огромную роль в становлении общества потребления в СССР играли общественные фонды: «Социальное обеспечение существенно влияет на распределение национального дохода и, в частности, на формирование общественных фондов потребления». При этом доля расходов на социальное обеспечение в середине 1970-х гг. составляла «более 38% общественных фондов потребления» [30, с. 393]. Общественные фонды потребления, безусловно, стали мощным источником благосостояния советских людей. С 1965 г. по 1985 г. они увеличились с 41,9 млрд руб. до 147 млрд руб. По данным на 1985 г. эти фонды были использованы на бесплатные и льготные услуги (45,2%), из них затраты на просвещение (без стипендий) и культуру составили 24,3%, расходы на здравоохранение и физическую культуру – 13,7%, расходы на содержание жилищного фонда (в части, не покрываемой квартирной платой) – 6,3%. Большая часть общественных фондов (54,5%) шла на денежные социальные выплаты, из них на пенсии – 30,6%, пособия – 9,8%, стипендии – 1,8% [29, с. 570].

К 1980-м гг. советское государство начинает утрачивать способность наращивать насыщение рынка потребительскими товарами. На наш взгляд, главную роль в резком сужении возможностей советской экономики удовлетворять постоянно растущие материальные потребности населения сыграли западные элиты, принудившие советское руководство сократить капиталовложения в отрасли, «отвечавшие» за потребление, и увеличить расходы на развитие военно-промышленного комплекса. Западные идеологи в утвердившейся, по их мнению, своеобразной «культуре советского потребительства» усматривали один из главных факторов отказа от социалистических ценностей. Новый виток гонки вооружений, Афганская война, «затухание» импульса реформы 1965 г. все больше расширяли разрыв между общественными настроениями «жить как при капитализме» и нарастающей дефицитной экономикой. Этому разрыву способствовали как рост заработной платы, стимулировавший потребление масс, так и сравнение в силу учащения и расширения контактов с «процветающим» Западом. Общество потребления, достигшее к 1980-м гг. относительной зрелости в странах Запада, для советских потребителей «представляло собой мощное социокультурное

поле, губительно действовавшее на коммунистическую систему», порождало «модели желаний и интересов», вызывая «неразрешимое противоречие между потребительскими устремлениями масс и ограниченными возможностями советского производства» [5, с. 15].

Силовое поле западного общества потребления притягивало в первую очередь правящую советскую элиту, которая, имея широкие возможности выезжать на Запад в составе разнообразных делегаций, очень быстро прониклась поклонением перед всем «американским» сама и «заразила» своих детей. Нельзя не учитывать и довольно тесные связи советской элиты с правящими кругами Восточной Европы, гораздо более открытыми перед Западом, нежели Советский Союз. Советские элиты, по сути превратившиеся в привилегированное сословие в социалистическом государстве, предали забвению главное преимущество «государства социальных услуг»: социальное равенство и справедливость. Особенно наглядно это демонстрировали национальные элиты в Средней Азии, практически возродившие байские порядки в своих вотчинах. В целом советской элите, осознававшей «убожество номенклатурных привилегий», западное общество потребления представлялось на излете «развитого социализма» идеалом социального устройства.

Идеология потребительства, в значительной степени заместившая социалистические ценности, способствовала тому, что в момент «пустых полок магазинов» (дефицит организовывался в период «перестройки» во многом искусственно) значительная часть советского населения оказалась равнодушной как к реальным завоеваниям государства социальных услуг, так и к судьбе советской империи. Советские элиты, разочаровавшиеся советским вариантом общества потребления и воодушевленные возможностью конвертации власти в собственность и ее «интеграции» в более привлекательный для них западный вариант потребительского общества, понимали, что достичь этого без разрушения единого государства и единой общности – советского народа было невозможно.

Список литературы

1. Путин В. В. Послание Президента Федеральному собранию : Стенограмма. 2005. URL: http://archive.kremlin.ru/appears/2005/04/25/1223_type63372type63374type82634_87049.shtml (дата обращения: 20.09.2021).
2. Волобуев П. В., Булдаков В. П. Октябрьская революция : новые подходы к изучению // Вопросы истории. 1996. № 5–6. С. 28–38.
3. Нольде Б. Э. История формирования Российской империи. СПб. : Дмитрий Буланин, 2013. 848 с.
4. Пахарь Л. И. К вопросу о российской модели социального государства // Электронный научный рецензируемый журнал «Abyss (Вопросы философии, политологии и социальной антропологии)». URL: <http://abyss.su/>

_media/issue/3/paxar_k_voprosu_o_suschnosti_socialnogo_gosudarstva.pdf (дата обращения: 20.09.2021).

5. Ильин В. И. Общество потребления: теоретическая модель и российская реальность // Мир России. 2005. № 2. С. 3–40.
6. Пыжиков А. В. Корни сталинского большевизма. М. : Концептуал, 2019. 368 с.
7. XXIII съезд КПСС (29 марта – 8 апреля 1966 г.) : стенографический отчет : в 2 т. М. : Политиздат, 1966. Т. 1. 672 с.
8. Государственный архив новейшей истории Саратовской области (далее – ГАНИСО). Ф. 594 (Саратовский областной комитет КПСС). Оп. 11. Д. 3.
9. ГАНИСО. Ф. 594. Оп. 6. Д. 2.
10. ГАНИСО. Ф. 594. Оп. 18. Д. 1.
11. Товарам быта – комсомольскую заботу! // Заря молодежи. 1981. 23 июня.
12. Акугинова С. Д. Промышленность Калмыцкой АССР в период развитого социализма (1959–1970 гг.) // Политические и социально-экономические аспекты социалистического строительства в Калмыкии : сборник статей / отв. ред. М. Л. Кичиков. Элиста : КНИИЯЛИ, 1977. С. 136–146.
13. Народное хозяйство Астраханской области в девятой пятилетке : статистический сборник. Волгоград : Нижне-Волжское книжное издательство, 1976. 179 с.
14. Государственный архив Астраханской области (ГАО). Ф. Р-2729 (Астраханский областной Совет профессиональных союзов). Оп. 5. Д. 264.
15. Очерки истории Астраханской областной организации КПСС / гл. ред. И. Г. Астафьев. Волгоград : Нижне-Волжское книжное издательство, 1985. 752 с.
16. ГАНИСО. Ф. 6187 (Саратовский областной комитет профсоюза работников связи). Оп. 2. Д. 17.
17. Дженкинс С. Краткая история Англии. М. : КоЛибри, Азбука-Аттикус, 2020. 416 с.
18. Всемирная история : учебник для вузов / под ред. Г. Б. Поляка, А. Н. Марковой. М. : Культура и спорт, ЮНИТИ, 2000. 496 с.
19. Захаров А. В. Мелиоративный комплекс Нижнего Поволжья в 1966–1975 гг.: опыт развития. Саратов : Издательство Саратовского государственного социально-экономического университета, 2007. 106 с.
20. Гуменюк А. А. Социальная стратегия Советского государства и практики повседневности населения российской провинции во второй половине 1950-х – середине 1980 гг. (на материалах Нижнего Поволжья). Саратов : Техно-Декор, 2021. 453 с.
21. Очерки истории Саратовской организации КПСС : в 3 ч. / редкол. : В. А. Родионов [и др.]. Ч. 3 : 1938–1980 гг. Саратов : Приволжское книжное издательство, 1982. 368 с.
22. Государственный архив современной документации Астраханской области (ГАСДАО). Ф. 325 (Астраханский областной комитет КПСС). Оп. 72. Д. 10.
23. Основные направления развития производительных сил Астраханской области на период до 1990 года. Научный доклад / Госплан РСФСР. Центральный научно-исследовательский экономический институт (ЦЭНИИ). М. : [б. и.], 1978. 243 с.

24. Центр документации новейшей истории Волгоградской области (ЦДНИВО). Ф. 113 (Волгоградский (Сталинградский) областной комитет КПСС). Оп. 98. Д. 1.
25. Национальный архив республики Калмыкия (НАРК). Ф. 1 (Калмыцкий областной комитет КПСС). Оп. 22. Д. 1.
26. Народное хозяйство СССР за 1965 г. : статистический ежегодник / ЦСУ СССР. М. : Статистика, 1966. 910 с.
27. СССР в цифрах в 1985 году : краткий статистический сборник / ЦСУ СССР. М. : Финансы и статистика, 1986. 253 с.
28. Народное хозяйство СССР за 1985 г. : статистический ежегодник / ЦСУ СССР. М. : Финансы и статистика, 1986. 665 с.
29. Вдовин А. И. СССР. История великой державы (1922–1991 гг.). М. : РГ-Пресс, 2018. 768 с.
30. Соловьев А. Проблемы совершенствования социального обеспечения (1978 г.) // Антология социальной работы : в 3 т. М. : Сварогъ ; НВФ СПТ, 1995. Т. 3. С. 392–400.

Поступила в редакцию 06.05.2022; одобрена после рецензирования 25.05.2022; принята к публикации 30.06.2022
The article was submitted 06.05.2022; approved after reviewing 25.05.2022; accepted for publication 30.06.2022

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2022. Т. 22, вып. 4. С. 477–483
Izvestiya of Saratov University. History. International Relations, 2022, vol. 22, iss. 4, pp. 477–483
<https://imo.sgu.ru> <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2022-22-4-477-483>, EDN: LIUFZW

Научная статья
УДК [[94:316.347]:791.43](470.344+470.41+470.57)|20|

Визуальные формы политики памяти в тюркских республиках России в 2010 – начале 2020-х годов

М. В. Кирчанов

Воронежский государственный университет, Россия, 394000, г. Воронеж, ул. Пушкинская, д. 16

Кирчанов Максим Валерьевич, доктор исторических наук, доцент кафедры регионоведения и экономики зарубежных стран, maksymkyrchanoff@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0003-3819-3103>, Author ID: 57193934324

Аннотация. Цель статьи – изучение исторической политики как политики памяти в современных тюркских республиках Поволжья в контекстах визуализации памяти средствами кинематографа. Автор анализирует роль политики памяти в формировании мемориального канона как формы развития национальных идентичностей в Татарстане, Башкортостане и Чувашии. Методологически статья основана на принципах, предложенных в рамках мемориального поворота и анализа политики памяти, принадлежащих к парадигме интеллектуальной истории и истории идей. Новизна исследования состоит в сравнительном анализе политики памяти в трех тюркских республиках России в визуальном контексте, в то время как большинство других исследований игнорируют визуальность, будучи сфокусированными на дискурсивности и нарративности политики памяти. В статье проанализированы особенности официальных форм исторической политики в контекстах ее визуализации, системные и структурные характеристики визуализации мемориального канона как элемента политики памяти, различные актуальные стратегии и практики коммеморации в рамках визуальности в современных тюркских республиках; показан потенциал визуальности как одной из форм исторической политики для консолидации национальных идентичностей.

Ключевые слова: тюркские республики, историческая политика, политика памяти, мемориальный канон, идентичность, кинематограф, интеллектуальные сообщества

Для цитирования: Кирчанов М. В. Визуальные формы политики памяти в тюркских республиках России в 2010 – начале 2020-х годов // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2022. Т. 22, вып. 4. С. 477–483. <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2022-22-4-477-483>, EDN: LIUFZW

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

Visual forms of politics of memory in the Turkic Republics of Russia in the 2010s and early 2020s

M. W. Kyrchanoff

Voronezh State University, 16 Pushkinskaya St., Voronezh 394000, Russia

Maksym W. Kyrchanoff, maksymkyrchanoff@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0003-3819-3103>, Author ID: 57193934324

Abstract. The purpose of the article is to study historical politics as politics of memory in the modern Turkic republics of the Volga region in contexts of visualization of memory by means of cinematography. The author analyzes the role of the politics of memory in the formation of the memorial canon as a form of development of national identities in Tatarstan, Bashkortostan and Chuvashia. Methodologically, the article is based on the principles proposed in the memorial turn and the analysis of the politics of memory in intellectual history and the history of ideas. The novelty of the research lies in the comparative analysis of the politics of memory in the three Turkic republics of Russia in its visual contexts, while most other studies ignore the visual dimensions of memory, being focused on the discursiveness and narrative of the memorial politics. The article analyzes 1) the features of the official forms of historical politics in the context of its visualization, 2) the systemic and structural characteristics of the visualization of the memorial canon as an element of the politics of memory, 3) various current strategies and practices of commemoration within the framework of visibility in modern Turkic republics. The article shows the potential of visibility as one of the forms of historical politics for the consolidation of national identities.

Keywords: Turkic republics, historical politics, politics of memory, memorial canon, identity, cinematography, intellectual communities

For citation: Kyrchanoff M. W. Visual forms of politics of memory in the Turkic Republics of Russia in the 2010s and early 2020s. *Izvestiya of Saratov University. History. International Relations*, 2022, vol. 22, iss. 4, pp. 477–483 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2022-22-4-477-483>, EDN: LIUFZW

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Политические элиты современной Европы активно используют символические мобилизационные ресурсы, важнейшим из которых является история. Различные идеологически санкционированные практики использования прошлого известны как историческая политика или политика памяти. Единая дефиниция этого явления в современной историографии отсутствует. Суммируя основные особенности политически мотивированного применения истории, они могут быть сформулированы следующим образом: 1) растущее значение в обществе общественных активистов как новых форматоров памяти и мемориального канона, которые оспаривают эту функцию у академической историографии; 2) смена локализации функционирования исторической памяти в направлении СМИ и массовой культуры; 3) продвижение определенных политически выгодных для элит интерпретаций прошлого; 4) организация специальных институций; призванных контролировать историческую память; 5) контроль и ограничение доступа к архивам для минимизации значения альтернативных интерпретационных моделей прошлого того или иного общества. Эти характеристики политики памяти универсальны на уровне большинства стран, где политические элиты практикуют идеологический контроль над национальной исторической памятью, но на региональном и национальном уровнях историческая политика может отличаться. В целом применение политики памяти ограничено решением задач элит, если они нуждаются в собственной легитимации или консолидации общества с применением символических ресурсов прошлого. Современная Российская Федерация не является исключением из универсальной тенденции актуализации идеологических функций прошлого в форме исторической политики. Поэтому различные версии политики памяти реализуются как на федеральном уровне, так и в национальных тюркских субъектах РФ.

В центре представленной статьи – историческая политика в тюркских республиках Поволжья. Цель статьи – анализ политики памяти в современных культурных и общественных пространствах Республики Татарстан (РТ), Республики Башкортостан (РБ) и Чувашской Республики (ЧР), так как историческая политика региональных элит актуализирует общие тенденции и уникальные особенности политически санкционированного использования прошлого. Задачи статьи заключаются в следующем: анализ визуализации национальных памятней в рамках исторической политики; выявление общих тенденций визуализации мемориального канона; изучение национальных особенностей манипуляций с коллективной памятью при помощи визуализации исторической политики в изучаемых республиках.

В основе представленной статьи лежат идеи, сформулированные в международной историографии мемориального поворота как фактора развития идентичностей и политических культур в национальных версиях исторической политики [1]. Принципы, предложенные для анализа трансформации памятней (национальных, социальных и культурных) в современных нациях как воображаемых сообществах, позволяют выделить общие и частные версии функционирования исторической памяти. Кроме того, подобная историография сфокусирована на изучении формирования мемориальных канонов и применения различных коммеморативных практик.

В современной научной литературе показано, что активность интеллектуалов может быть направлена на конструкцию, деконструкцию или ревизию нарративов, составляющих основу той или иной национальной памяти. Пересмотр оснований коллективной памяти происходит в тех случаях, если они становятся неэффективными для социальной консолидации или не гарантируют легитимность элит. В подобной ситуации центральными категориями анализа становятся понятия «историческая память» и «исторический миф». Изучение этих явлений позволяет выделить как общие, так и национальные особенности «вспоминения», исторической амнезии, забвения различных фактов прошлого. Обращение к подобным сюжетам актуализирует такое явление, как фальсификация исторической памяти, изучение которой обретает особую значимость в современных условиях [2]. Таким образом, в международной историографии памяти изучается широкий спектр закономерностей и особенностей ее развития и функционирования, что позволяет выделять как национальные подходы к конструированию или демонтажу коллективного прошлого, так и особенности мемориальной культуры различных обществ [3].

Современная историография памяти характеризуется рядом особенностей. Значительное число работ сфокусировано на анализе исторической памяти на теоретическом уровне. Политика памяти ее исследователями локализуется в контекстах истории национализма или интеллектуальной истории. Большинство публикаций по данной тематике сосредоточено на анализе отдельных версий исторической политики [4]. Поэтому для историографии характерна ситуация географической неравномерности в изучении мемориальных практик в пользу европейского опыта при незначительном числе работ об этом явлении в восточных и азиатских обществах [5]. Анализ российской политики в историографии также имеет свои особенности. На фоне стабильного исследовательского интереса к исторической политике как форме (ре)актуализации, например, имперского или советского наследия [6] на общегосударственном уровне [7] другие темы изучены в меньшей степени. Поэтому сохра-

няется дефицит работ, направленных на изучение национальных форм политики памяти в республиках Российской Федерации, что указывает на важность и актуальность изучения этой проблематики.

Все три тюркские республики Поволжья – Татарстан, Башкортостан и Чувашия – в своей исторической политике используют ресурсы такой составляющей современной культуры как кинематограф. Наибольшую активность в этом направлении политики памяти проявляет Башкортостан. Политические элиты республики поощряют применение символических ресурсов как средства консолидации коллективной памяти.

Одним из лидеров использования визуального искусства как инструмента исторической политики является РБ. Первые шаги, направленные на использование визуальности как элемента формирования и укрепления коллективной памяти в РБ, были предприняты в начале 2000-х гг. Булат Юсупов в 2005 г. выпустил фильм «Озон-озак бала сак» («Долгое-долгое детство»), посвященный Мустаю Кариму – одной из центральных фигур в башкирской культурной памяти. Фильм «Озон-озак бала сак» визуализирует национальную память в ретроспективе будучи уникальным «большим нарративом». Картина Б. Юсупова «Сәмбөлдөң етенсе йәйе» («Седьмое лето Сюмбель»), 2002) актуализирует историческое прошлое в контекстах виктимизации, обращаясь к травматическому опыту коллективной памяти. Репрессированная память в фильме редуцирована до трагедии одной башкирской семьи как жертвы тоталитарного государства, что символизирует историю башкирской нации в целом.

Мотивы вытеснения и маргинализации памяти представлены в короткометражном фильме «Визит», снятом в 2013 г. В центре картины – визит королевы Иордании в Уфу с целью посещения матери Р. Нуриева. «Визит», с одной стороны, затрагивал тему невозвращения Р. Нуриева в СССР и функционирование памяти о нем в режиме маргинализации и забывания. С другой стороны, актуализировалась множественность исторических памятней в контексте фрагментации сообщества, когда одна часть оказывается интегрированной в официальный идеологический и мемориальный канон, в то время как другая культивирует альтернативные образы прошлого на уровне семьи. В рамках такого восприятия семейная память становится отражением коллективной памяти сообщества.

В 2019 г. РБ отметила столетний юбилей, что сопровождалось использованием визуальности в качестве одной из форм актуализации исторической памяти. Мемориальная политика, посвященная столетию Башкортостана, не ограничивалась только 2019 г., но была продолжена в 2020 г., когда в рамках III Международного музыкального фестиваля Ильдара Абдразакова

была поставлена опера «Аттила» [8], воспринятая как попытка актуализировать образы древней истории, вообразенной в башкирской системе координат. Именно поэтому особенностью современной политики памяти в тюркских республиках является ее смыкание с культурой, в первую очередь – с национальным кинематографом, так как визуальные формы искусства фактически стали пространством не только актуализации идентичности, но и бытования коллективной памяти. Фильм как культурное явление в обществе потребления может выполнять не только развлекательные функции, но и играть свою роль в «проработке прошлого», продвижении одних его восприятий и маргинализации других. Поэтому исторические фильмы актуализируют ассимилированные обществом потребления версии национальной памяти, адаптированные под нужды функционирования мемориального канона, редуцируя коллективную память только до тех ее моментов, которые могут быть интерпретированы при помощи визуальных средств массовой культуры.

Ресурсы кино в политике памяти соседние тюркские республики – Татарстан и Чувашия – используют в меньшей степени, чем Башкортостан. На региональном уровне важность исторической политики признается местными интеллектуалами. Айрат Файзрахманов, например, подчеркивает, что «любой нации, государству, региону жизненно важно подкреплять право на существование, обосновывая это особым прошлым. Именно для этого выстраивается государственная политика памяти, создается свой пантеон героев, перечень важных событий, свои мемориалы. Отсюда – войны памяти, разные интерпретации прошлого, разделенного по государственным границам. При этом государственная память где-то интегрирует, где-то побеждает разные народные памяти, где-то оставляет все как есть» [9].

В такой ситуации политические элиты на уровне национальных республик используют прошлое в качестве мобилизационного ресурса для собственной легитимации. Это применение истории может обретать разные формы – от продвижения официальных историографических нарративов до визуализации опыта прошлого, что в той или иной степени интегрируется в мемориальные каноны, призванные содействовать консолидации нации как воображаемого сообщества.

Аналогичные практики «проработки прошлого» характерны и для некоторых фильмов современного Татарстана, где склонны актуализировать национальную память через призму виктимизации, насилия и подавления. Среди наиболее значимых татарских фильмов, которые можно рассматривать как элементы политики памяти, особое место занимает «Зулейха» (2004) Рамиля Тухватуллина, снятая по мотивам пьесы

Гаяза Исхаки – классика татарской литературы. Фильм «Зулейха» актуализирует несколько эмоционально значимых и болезненных тем в татарской национальной памяти, включая гендерное неравенство, русификацию и принудительное обращение мусульман в православие. В этом контексте формируется образ сопротивляющейся памяти, а символом нации становится женщина, что в определенной степени придает фильму постколониальное звучание.

Эти процессы актуализировали изменения среди групп-форматоров исторической памяти. Немецкий исследователь Штефан Бергер полагает, что историография перестала быть единственным источником представлений и тем более знания о прошлом, так как «историки скорее должны рассматриваться в качестве влиятельной группы авторов, которые играют заметную роль в формировании памяти любого отдельно взятого общества» [10, с. 12], но не выполняют эту функцию монополично. Фактически историки уступают эту прерогативу идеологически мотивированным общественным активистам и современной массовой культуре, формирующим коллективную память более эффективно, чем историки-профессионалы. На современном этапе в рамках постепенной миграции памяти из традиционных нарративных и дискурсивных практик исторического воображения политика памяти начинает более активно прибегать к мобилизационному потенциалу визуального искусства.

Степень визуализации коллективной памяти в рамках исторической политики, проводимой в тюркских республиках, различна. Практически все визуальные попытки актуализируют важность национализма и его центрального значения в формировании как идентичностей, так и обслуживающих их памятей. Комментируя роль национализма именно в такой системе координат, французский историк М. Ларюэль полагает, что именно национализм является «нормальной» составляющей общественной жизни, и было бы наивно думать, что он подобен болезни, которую можно излечить. Национализм является выражением общественной озабоченности, которой должно уделяться серьезное внимание, он ни в коем случае не должен рассматриваться как «ошибка», овладевшая некоторыми частями общественного организма» [11, с. 9]. В такой ситуации становится неизбежной сервильность со стороны участников политики памяти, которые фактически оказываются вовлеченными в производство националистического дискурса, но не нарративными, а визуальными методами, о чем свидетельствуют некоторые фильмы, вышедшие в тюркских республиках Российской Федерации.

В 2017 г. вышел фильм «Бабич» Булата Юсупова, ранее пытавшегося актуализировать башкирскую национальную память визуальными средствами, фактически содействуя боль-

шей актуализации идентичности в пространствах современной культуры. Это фильм был снят при финансовой поддержке Главы РБ и Министерства культуры РБ, что свидетельствует о различных формах финансирования исторической политики со стороны элит. Картина, подготовленная в рамках мероприятий в связи со столетием Республики в 2019 г., стала одной из первых попыток ревitalизации исторической памяти средствами современной массовой культуры. Именно на подобную перспективу фильма указывал Б. Юсупов, который подчеркивал, что «кинематограф – это форма популярная. Мы старались гармонично соблюсти художественную составляющую с исторической правдой. Конечно, некоторые предложения шли вразрез с линией повествования, с творческими идеями. Но мы много внесли туда исторических фактов. Это была очень интересная работа. Мы затронули только часть огромнейшего океана. Это такая величайшая эпоха» [цит. по: 12]. В данном контексте заметно стремление авторов подобных фильмов не только основывать их сюжетно и композиционно на исторических событиях, но и соотносить с основными направлениями развития коллективной памяти.

В центре сюжета – фигура башкирского поэта и деятеля национального движения, члена первого правительства Шайхзады Бабича (1895–1919). В рамках кинофильма «Бабич» были сделаны шаги, направленные на консолидацию культуры исторической памяти в такой ее форме, как визуализация пантеона отцов-основателей башкирской политической нации. Поэтому среди героев фильма – Заки Валиди, Абдельхай Иркабаев, Валиулла Муртазин, Газиз Альмухаметов, Мажит Гафури, Зариф Башири, Галимджан Ибрагимов, Сайфи Кудаш, Габдулла Кариев, Мирсаид Султан-Галиев. Эти деятели интегрированы в исторический нарратив как на академическом, так и на массовом уровне. Такой «подбор» героев не случаен, так как в современных обществах «память воспринимается не как набор вещей, которые надо сохранить в неприкосновенности, но как практика отбора» [13, с. 21] не только моментов национального прошлого, но и отцов-основателей нации. Среди героев не только башкиры, но и татары, в чем заметны тенденции актуализации и башкирской, и татарской исторической памяти, а также ее общетюркских проявлений.

Фильм «Бабич» стал попыткой ревизии мемориального канона не только на уровне Башкортостана, но и соседнего Татарстана. Центральная фигура фильма Шайхзада Бабич – герой компромиссный, в то время как в его тени оказывается Заки Валиди – фигура более важная в истории национального движения и отягощенная идеологическими стереотипами. Тем не менее эта картина стала удачной попыткой актуализации

национальной компоненты в современной политике, так как основное послание сводится до идеи «Мы не красные, мы не белые. Мы – башкиры» [14]. По мнению Б. Юсупова, создатели фильма стремились отразить «всю палитру того времени, все краски быта, культуры, языка, политических и культурных событий» [цит. по: 15], что в целом соотносится с запросом современного социума на такие компоненты идентичности, как история и память, интегрированные в контексты общества потребления.

Превращение Заки Валиди в одного из центральных героев национального пантеона современной национальной памяти в Башкортостане невозможно. Поэтому участники политики памяти выбрали компромиссный вариант, актуализируя его значение, но делая это в контексте Ш. Бабича. Последняя фигура столь же важная, но менее противоречивая и более компромиссная для функционирования коллективной памяти на уровне республики. В этом контексте фильм «Бабич» стал формой проработки прошлого, его мифологизации, несмотря на то, что сам Б. Юсупов указывал на важность соблюдения «исторической правды» [цит. по: 16], хотя в политике памяти она обычно оказывается второстепенной, так как перед ее участниками стоят содержательные и иные задачи.

Комментируя особенности функционирования исторической памяти, украинский историк Г. Касьянов полагает, что она представляет собой «конструкт, проект, у нее есть конструкторы... именно они и формируют запрос на «общую» память, актуализируют его и внедряют в общество, значительная часть которого охотно им верит, поскольку эта самая общая «коллективная память» представлена им как необходимая, жизненно важная часть их существования как индивидов» [17, с. 36]. Поэтому в ряде случаев политические элиты становятся монополистами политики памяти, формируя ее и связанные с ней мемориальные каноны при помощи права, финансирования и лояльных им групп историков, что ведет к фрагментации памяти в обществе, вынуждая акторов исторической политики «экспроприировать символический капитал», оперируя «симулякрами, создавая эрзацы гражданских культов и религий» [17, с. 44].

Историческая политика, проявлением чего и стала тенденция визуализации и актуализации башкирской памяти при помощи массовой культуры, содействовала трансформации отдельных периодов истории и образов их активных участников в конструкты, стимулируя процессы мифологизации коллективной памяти.

Память в рамках современной культуры подвержена фрагментации. Последняя ведет к формированию альтернативных ее версий, которые могут в реальных коммеморативных практиках общества проявляться в меньшей степени, чем

в пространствах визуальности. В такой интеллектуальной ситуации дискурс памяти постепенно переместился в сферу истории культуры и литературы. Эти сферы оказались более удобными и формально дозволенными площадками развертывания государственного нарратива, преподнесенного в культурной системе координат. В подобной ситуации национальная кинематография в России является элементом культурной памяти как «внешнего выражения и объективации индивидуальной и коллективной памяти, находящихся воплощение в таких символах, как тексты, изображения, ритуалы, пейзажи и другие lieux de mémoire» [18, с. 10]. Поэтому в рамках подобного восприятия памяти можно воспринимать кинокартины на тюркских языках как форму актуализации различных измерений национальной истории. Такие фильмы становятся визуализированными «местами памяти», актуализирующими различные версии и формы восприятия прошлого методами, характерными для общества потребления.

Фильм «Бабич» стал попыткой визуализации тех моментов национальной памяти, которые связаны с образами Первой мировой войны, распада Российской империи и борьбой за создание башкирской автономии. В этом контексте визуальные формы политики памяти мало чем отличаются от других версий исторической политики, так как фактически содействуют мифологизации одних событий и приданию им символического или сакрального значения в рамках мемориального канона. Фильм вышел в прокат, территория которого ограничивалась Башкортостаном, что указывает на целевую аудиторию подобных методов политики памяти, суженной представителями одного сообщества.

Другие республики – Татарстан и Чувашия – не предпринимали столь масштабных кинематографических проектов в своей политике памяти, что вполне объяснимо для ЧР как дотационного региона, не обладающего достаточными ресурсами, но странно в случае с РТ, политические элиты которой стремятся позиционировать себя в качестве лидера российского тюркского пространства.

В ЧР в 2018 г., в преддверье столетия республики в 2020 г., был снят фильм «В красном море», посвященный проблемам становления чувашской государственности. Авторы фильма, созданного по заказу Министерства культуры и Правительства ЧР, использовал формат документалки. Этот подход позволил реконструировать события чувашской истории при помощи актеров. Фильм апеллировал одновременно к различным измерениям чувашской национальной памяти. С одной стороны, в центре сюжета проблемы политической истории и создания государственности. С другой, авторы стремились визуализировать наследие Сеспеля Мишши, так как

название фильма отсылает к строкам поэта «Плывем, плывем в страну коммун. Товарищи, мы в красном море!». Создатели фильма «В красном море» стремились актуализировать различные моменты национальной памяти, включая, например, одно из первых исполнений «Марсельезы» на чувашском языке, что визуализировало различные изменения коллективной памяти. В центре сюжета – события, связанные с чувашским национальным движением, весны – осени 1918 г., когда комиссар по чувашским делам выступает с инициативой организации чувашского съезда в условиях роста и усиления национальных движений татар и башкир, которые, руководствуясь собственными национальными и религиозными лозунгами, игнорировали интересы чувашей.

Кинокартины «Бабич» в Башкортостане и «В красном море» в Чувашской Республике актуализируют общие закономерности в политике памяти региональных элит. Национальные республики на протяжении всего периода после распада СССР были вынуждены «выстраивать собственную политику памяти, стараясь дополнить своим дискурсом историю «старшего брата». В некоторых вопросах мягко удается развернуть москвоцентричную историю» [9] в направлении истории республик как национальных версий прошлого, хотя, как правило, региональные интеллектуальные сообщества вынуждены воспринимать собственные национальные истории в контекстах российской истории как государственной. Именно поэтому принудительное лавирование между национальными и государственными историческими нарративами содействовало изменению модусов восприятия прошлого. Такая эволюция мемориального пространства превратила деятелей культуры и литературы в основных «узнаваемых лиц» той или иной истории, так как татарский, чувашский или башкирский государственный нарратив маргинализирован и заменен российским. Национальные исторические политики вынуждены оперировать концептом «цивилизация», интегрируя в ее состав и свои собственные версии государственной истории, в которой нерусские этнические группы фигурируют в статусе политических сообществ.

После кинокартины «Бабича» политические элиты, осознав важность символических мобилизационных ресурсов, запустили другой проект, который привел к созданию фильма «Первая Республика» Б. Юсупова, который посвящен становлению башкирской государственности в 1920–1930-е гг., претендуя на статус центрального элемента в визуализированной политике памяти Башкортостана. Этот фильм визуализировал историческую память, содействуя большему проникновению мемориального канона в пространство современного общества.

Критики в попытке режиссера зафиксировать наиболее важные моменты национальной

истории заметили не художественный замысел, а выполнение политического заказа, так как «из-за неадекватности замысла хронометражу» картина «не показывает события, как это обычно принято в кино, а рассказывает о них, заполняя реплики героев все новыми историческими фактами» [19]. Поэтому фильм превратил современную культуру в форму актуализации и ретрансляции в общество исторических нарративов. Именно последние формируют коллективную память сообщества, ограничивая ее событиями, вписанными в мемориальный канон. Кинокартина «Первая Республика» актуализировала одновременно и проблемы истории башкирской государственности, ее роли в исторической памяти, и места в мемориальном каноне современного Башкортостана. Вероятно, отталкиваясь именно от такой конъюнктуры «проработки прошлого», Рамиль Рахматов подчеркивает, что «тема исторической памяти остается для башкир главной идеологией» [20]. Поэтому специфика политики памяти в Башкортостане состоит в использовании культурных пространств для актуализации идеологически значимых образов истории.

Таким образом, визуализация исторических образов в рамках кинематографа стала важным компонентом современной политики памяти в тюркских республиках России. Актуализация памяти при помощи культуры стала следствием постепенной миграции национального из политического пространства в культурное. Основным актором политики памяти в культурной сфере является государство, что придает национальным интеллектуальным сообществам сервиллистское значение роли, так как они фактически работают в рамках государственного заказа, актуализируя те версии исторической памяти, которые соотносятся с потребностями правящих элит. Государство как основной форматор мемориального канона и культуры памяти определяет возможные границы интерпретаций и ревизии прошлого не только в политической сфере, но и в пространстве кино, формулируя те моменты, которые нуждаются в большей визуализации в целях усиления коллективной памяти.

Национальные исторические политики основаны на продвижении нарративов, которые актуализируют идеи государственности, а современное кино в тюркских республиках ассимилирует государственный миф, переводя его в сферу визуальности. Визуальные методы проработки прошлого оказались эффективны и для формирования и усиления в современной исторической памяти образов отцов-основателей соответствующих наций, что актуализирует идеи континуитета и непрерывности в развитии тюркских республик. Политические элиты национальных республик при помощи регионального кинематографа формируют дискурсивное пространство, в рамках которого актуализируется не нарративность и дискурсивность исторической памяти,

а ее визуальные проявления. Поэтому визуализация образов национальной памяти стала важным компонентом в «воображении» и «изобретении» истории как коллективного прошлого. Кроме того, работы национальных режиссеров способствуют усилению мемориального канона, так как они, будучи заинтересованными в сохранении этничности, содействуют большей национализации исторической памяти, визуализируя в ее рамках одновременно государственный и культурный опыт как этнический. Вместе с тем национальная кинематография актуализирует образы татар, башкир и чувашей как политических наций.

Таким образом, политика памяти является важным элементом функционирования современных обществ в национальных тюркских республиках, что указывает на необходимость ее дальнейшего изучения в широкой сравнительной перспективе на уровне Российской Федерации и в контекстах зарубежного опыта развития и функционирования мемориальных культур, формируемых в рамках различных манипуляций с прошлым в контекстах визуальности.

Список литературы

1. Hillberg R. Politics of Memory: The Journey of a Holocaust Historian. New York : Ivan R. Dee Publishers, 2002. 208 p.
2. Carroll Ch. The Politics of Imperial Memory in France, 1850–1900. Ithaca, New York : Cornell University Press, 2022. 300 p.
3. Grua D. W. Surviving Wounded Knee: The Lakotas and the Politics of Memory. Oxford : Oxford University Press, 2015. 288 p.
4. Hattem M. D. Past and Prologue: Politics and Memory in the American Revolution. New Haven : Yale University Press, 2020. 320 p.
5. Denton K. A. The Landscape of Historical Memory: The Politics of Museums and Memorial Culture in Post-Martial Law Taiwan. Hong Kong : Hong Kong University Press, 2021. 284 p.
6. Cohen A. War Monuments, Public Patriotism, and Bereavement in Russia, 1905–2015. New York : Lexington Books, 2020. 271 p.
7. Kuposov N. Memory Laws, Memory Wars: The Politics of the Past in Europe and Russia. Cambridge : Cambridge University Press, 2017. 338 p.
8. Аралбаева Л. «Служу Башкортостану!» – Ильдар Абдразаков награжден юбилейной медалью республики // Башинформ. 2020. 19 февр. URL: <https://www.bashinform.ru/news/culture/2020-02-19/sluzhu-bashkortostanu-ildar-abdrakov-nagrazhden-yubileynoy-medalyu-respubliki-2099990> (дата обращения: 15.04.2022).
9. Файзрахманов А. Последнее столетие в пространстве памяти Татарстана и Казани зафиксировано обрывочно // Бизнес Online. 2018. 18 марта. URL: <https://www.business-gazeta.ru/blog/375709> (дата обращения: 15.04.2022).
10. Бергер Ш. Агонистическая память открыта для бесконечного диалога в бахтинском смысле // Историческая экспертиза. 2020. № 1. С. 9–23.
11. Ларюэль М. Национализм является «нормальной» составляющей общественной жизни, и было бы наивным думать, что он подобен болезни, которую можно излечить // Историческая экспертиза. 2019. № 1. С. 7–12.
12. Гайнатуллина И. В прокат выходит исторический художественный фильм «Бабич» режиссера Булата Юсупова // Культурный мир Башкортостана. 2017. 17 апр. URL: <https://kulturarb.ru/ru/news/v-prokat-vyhodit-istoricheskij-hudozhestvennyj-film-babich-rezhissera-bulata-yusupova> (дата обращения: 15.04.2022).
13. Ригни Н. Воспоминание как преобразование: пересмотр памяти нации // Историческая экспертиза. 2020. № 4. С. 17–41.
14. Савельев И. «Бабич»: соединить вместе краткий курс истории Башкортостана и выжимку стихов молодого поэта. «Мы не красные и не белые, мы башкиры»: кинорецензия «Реального времени» на фильм режиссера Булата Юсупова // Реальное время. 2017. 3 мая. URL: <https://realnoevremya.ru/articles/64219-kinorecenzija-na-film-rezhissera-bulata-yusupova-babich> (дата обращения: 15.04.2022).
15. Королев А. За героическим пафосом в кинообразе Бабича не удалось увидеть человека. Фильм Булата Юсупова оказался экранизацией учебника по башкирской литературе // Московский комсомолец. Уфа. 2017. 26 апр. URL: <https://ufa.mk.ru/articles/2017/04/26/za-geroicheskim-pafosom-v-geroe-babicha-ne-udalos-uvidet-cheloveka.html> (дата обращения: 15.04.2022).
16. Гайнатуллина И. «Каждая картина – опыт, победа и поражение...». Беседа с кинорежиссером Булатом Юсуповым // Культурный мир Башкортостана. 2017. 17 апр. URL: <https://kulturarb.ru/ru/spetsproekty/intervyu/kazhdaya-kartina-opyt-pobeda-i-porazhenie-beseda-s-kinorezhisserom-bulatom-yusupovym> (дата обращения: 15.04.2022).
17. Касьянов Г. К счастью, профессиональный диалог между историками продолжается. Но кто будет слушать и слышать историков, не желающих подвергаться под политический заказ? // Историческая экспертиза. 2019. № 2. С. 35–45.
18. Ассман Я. Глобализация, универсализм и эрозия культурной памяти // Историческая экспертиза. 2018. № 1. С. 9–27.
19. Королев А. Учебник вместо фильма: в уфимский прокат выходит «Первая республика» Булата Юсупова // Медиакорсет. 2019. 7 марта. URL: <https://mkset.ru/news/culture/07-03-2019/uchebnik-vmesto-filma-v-ufimskiy-prokat-vyhodit-pervaya-respublika-bulata-yusupova> (дата обращения: 15.04.2022).
20. Рахматов Р. Тема исторической памяти остается для башкир главной идеологией // Миллиард татар. 2021. 4 июня. URL: <https://milliard.tatar/news/nuzno-novoe-ponimanie-sebya-a-my-seplyaemya-za-staroe-658> (дата обращения: 15.04.2022).

Поступила в редакцию 17.04.2022; одобрена после рецензирования 20.04.2022; принята к публикации 30.06.2022
The article was submitted 17.04.2022; approved after reviewing 20.04.2022; accepted for publication 30.06.2022

ВСЕОБЩАЯ ИСТОРИЯ И МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2022. Т. 22, вып. 4. С. 484–489

Izvestiya of Saratov University. History. International Relations, 2022, vol. 22, iss. 4, pp. 484–489

<https://imo.sgu.ru> <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2022-22-4-484-489>, EDN: KNONQW

Научная статья

УДК [94+355.48](470+48)|5/13|

Варяги и Русь: особенности военного противостояния и взаимодействия (VI–XIV века)

Д. Г. Смятцкий

Пензенский государственный университет, Россия, 440026, г. Пенза, ул. Лермонтова, д. 37

Смятцкий Дмитрий Георгиевич, аспирант кафедры всеобщей истории и обществознания, dg.smyatckij@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9171-6984>, Author ID: 1078168

Аннотация. Статья посвящена изучению средневековых скандинавских и отечественных источников нарративного характера на предмет сведений об особенностях военного противостояния и взаимодействия варягов с Древней Русью. На основе проанализированных материалов сделаны выводы о необходимости применения метода компаративного анализа при рассмотрении средневековых скандинавских нарративных источников, а также об особенностях и содержательных изменениях русско-скандинавских взаимоотношений в период VI–XIV вв. Боевые действия между варягами и Русью велись как на суше, так и на море, в пределах обширной географической области. Проанализированные источники отражают факты, свидетельствующие о военном взаимодействии варягов и Древней Руси посредством найма отдельных отрядов, военной помощи, династических союзов. Прослеживается развитие характера военного противостояния между варягами и Русью по мере изменения принципов ведения боевых действий к XIV столетию.

Ключевые слова: варяги, Русь, военное противостояние, военное взаимодействие, хроники, саги, летописи

Благодарности: исследование выполнено под руководством доктора исторических наук, профессора кафедры «Всеобщая история и обществознание» Пензенского государственного университета В. П. Митрофанова.

Для цитирования: Смятцкий Д. Г. Варяги и Русь: особенности военного противостояния и взаимодействия (VI–XIV века) // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2022. Т. 22, вып. 4. С. 484–489. <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2022-22-4-484-489>, EDN: KNONQW

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

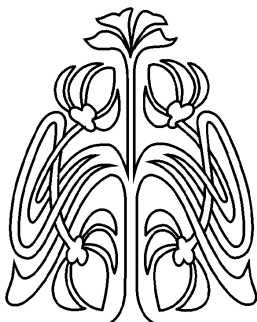
Varangians and Rus: Peculiarities of military confrontation and interaction (VI–XIV centuries)

D. G. Smyatckij

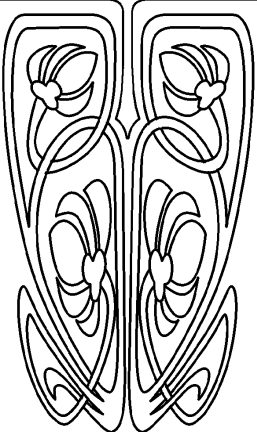
Penza State University, 37 Lermontova St., Penza 440026, Russia

Dmitry G. Smyatckij, dg.smyatckij@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9171-6984>, Author ID: 1078169

Abstract. The article is devoted to the study of medieval Scandinavian and domestic narrative sources for information about the peculiarities of the military confrontation and interaction

НАУЧНЫЙ
ОТДЕЛ

between the Varangians and Ancient Rus. On the basis of the analyzed materials conclusions have been made about the necessity of applying the method of comparative analysis when considering medieval Nordic narrative sources, and also about the peculiarities and substantive changes of Russian-Scandinavian relations during the period VI–XIV centuries: the battles between the Varangians and Rus were fought both on land and at sea, across a vast geographical area; the analyzed sources show evidence of military interaction between the Varangians and Ancient Rus through the recruitment of individual detachments, military aid and dynastic alliances; the character of the military confrontation between the Varangians and Rus is traced as the principles of warfare change by the XIV century.

Keywords: varangians, Russia, military confrontation, military interaction, chronicles, sagas, annals

Acknowledgments: The study was supervised by Professor V. P. Mitrofanov, Doctor of History, Professor at the Department of "General History and Social Sciences", Penza State University.

For citation: Smyatckij D. G. Varangians and Rus: Peculiarities of military confrontation and interaction (VI–XIV centuries). *Izvestiya of Saratov University. History. International Relations*, 2022, vol. 22, iss. 4, pp. 484–489 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2022-22-4-484-489>, EDN: KNONQW

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Современное развитие исторической науки, в частности ее раздела медиевистики, позволяет исследователям уделять особое внимание вопросам международного взаимодействия ранних государств периода Средневековья, которые формируются и эволюционируют в различные хронологические промежутки со времени падения Западной Римской империи. В настоящее время даже на уровне учебного курса «История Средних веков», изучаемого на исторических факультетах российских вузов, в последнем учебнике уделено значительное место проблеме нормандских завоеваний в Европе и государствам, образованным норманнами [1].

В связи с этим целесообразно по-новому подходить к рассмотрению обозначенных проблем, используя все больший спектр объективных методов, в числе которых особое место занимает компаративный анализ. Его применение позволяет историкам-медиевистам обнаружить большое количество новой и полезной информации, которая содержится в средневековых нарративных источниках. При комплексном изучении подобного рода материалов и сравнительном анализе полученной из них информации представляется возможным формулировать современные научные гипотезы и выводы.

Проведенный в настоящем исследовании компаративный анализ нарративных источников скандинавского и отечественного происхождения на предмет наличия в них материалов, описывающих особенности военного противостояния и взаимодействия варягов и Древней Руси, не является единственным. Данными проблемами в разное время занимались отечественные и зарубежные исследователи, в первую очередь историки, специализирующиеся по медиевистике и скандинавистике. Так, А. Я. Гуревич анализировал феномен викингских походов [2]; Е. А. Мельникова изучала особенности русско-скандинавских связей в период правления древнерусского князя Владимира Святославича [3]; Т. Н. Джаксон рассматривала деятельность норвежских конунгов на Руси в период X–XI вв. [4]; Г. С. Лебедев занимался исследованием русско-скандинавских отношений в период образования

древнерусского государства (IX–XI вв.) [5]; британский историк Питер Сойер в своих работах также изучал процессы проникновения скандинавов в Восточную Европу, в частности на Русь [6, р. 134–155]; Лесли Абрамс, канадский историк, обращал внимание на расселение варягов по территории Западной Европы и Руси, а также на степень сохранения ими культурной и языковой идентичности [7]; наконец, датский археолог и историк Эльсе Роэсдал в одной из своих работ посвятила главу изучению экспансии скандинавов на Руси [8, р. 277–294].

В ходе исследования обозначенной проблемы особое внимание было уделено скандинавским средневековым хроникам, имеющим специфические черты: хронике «Деяния данов» Саксона Грамматика [9], написанной в XII в.; «Шведской хронике» Олауса Петри XVI в. [10]; собранию саг Снорри Стурлусона «Круг Земной» [11], которое является одним из крупнейших памятников скандинавской литературы XIII в. в исландской традиции, а также некоторым самостоятельным сагам и прядям, зачастую не имеющим автора [12]. В совокупности указанные источники дают возможность взглянуть на одну и ту же проблему с различных позиций, так как каждый из них в отдельности может описывать и оценивать одни и те же события субъективно, являясь историческими источниками различных традиций – датскими, шведскими, исландскими и норвежскими. Этим подчеркиваются актуальность и целесообразность применяемых сравнительных методов исследования вопроса об особенностях военного противостояния и взаимодействия варягов и Древней Руси в обозначенном круге материалов.

В свою очередь, отечественные источники нарративного характера, подвергнутые анализу, чаще всего выступали в качестве летописей и их списков. Так, основным летописным сводом в исследовании стала известная «Повесть временных лет» XII в. [13], которая позволила осветить данную проблему со стороны Руси.

Все указанные источники были написаны разными людьми, представителями различных сословий, государств, эпох, однако в общем виде,

за редким исключением, их можно хронологически обозначить как источники XII–XIII столетий, которые описывают в большей степени события, происходившие задолго до жизни их авторов – VI–XI вв. – и в ходе исследования этот факт необходимо было учитывать. Кроме того, специфика средневековых источников, в первую очередь саг, дает основание с большей осторожностью относиться к содержащейся в них информации, если историк-исследователь претендует на объективные научные результаты [14, р. 1–94]. Обозначенные положения относятся как к отечественным, так и к скандинавским источникам нарративного характера [15, с. 79].

По мнению современных ученых-скандинавистов, продвижение варягов на восток имеет глубокие корни, уходящие в V в., которое постепенно увеличивало связи восточнославянских племен со скандинавами по мере расселения первых в области Приильменя и Поволжья и большего охвата территории последними [16, с. 26].

В вопросе особенностей военного противостояния и взаимодействия варягов и Древней Руси хронологический аспект особенно важен, в силу изменчивости форм и интенсивности взаимовлияний варягов и Руси в период IX–XI вв., который представляется наиболее интересным, так как именно в это время подобные явления усиливаются. Это связано, в первую очередь, с наступившей эпохой викингов, во время которой многие скандинавы отправлялись в викингские походы и путешествия в разные уголки известного им мира для стяжания богатства и славы [17].

Обращая внимание на процессы взаимовлияния Скандинавии и Древней Руси, следует отметить, что они сильно зависели не только от внутренней эволюции общества древних скандинавов, но и от характера их деятельности на территории формирующегося Древнерусского государства [18, с. 279–298].

Исследуя вопрос об особенностях военного противостояния и взаимодействия варягов и Древней Руси, стоит обратить внимание на описание необычных религиозно-мистических или колдовских обрядов, которые должны были помочь отрядам воинов победить в предстоящей битве. В частности, Саксон Грамматик в «Деяниях данов» подробно описывает магический обряд, который якобы помогал им управлять погодой [9, с. 53]. Этот обряд совершался жителями страны «*Viarmia*» (Бьярмия или Бьярмаланд – «Земля бьярмов» – название исторической области на севере Восточной Европы, часто упоминающейся в скандинавских сагах) [19]. Вопрос о конкретной локализации данной области до сих пор является спорным в научном сообществе [20, 21]. Подобные сверхъестественные мотивы можно наблюдать при описании некоторых легендарных сражений скандинавских героев

и богатырей, проживших в стране «*Ruscia*» (Русция – данный топоним обозначает Древнюю Русь в латинской традиции, наиболее часто в сагах употребляется топоним «*Garðaríki*» [9, с. 13]).

Так, скандинавские источники зачастую наделяют русских воинов магическими способностями, тем самым прославляя собственных легендарных персонажей, победивших в неравном бою с помощью различных хитростей, недюжинной силы и отваги. Именно в таком ключе датский хронист описывает бой «прославленного богатыря» из Руссии Висинна (*Wisinnus*) со скандинавским легендарным персонажем по имени Старкадер (*Starcatherus*) [9, с. 207]. Причем для хроники «Деяния данов», написанной Саксоном Грамматиком, характерно вплетение в повествование эпизодов сражений, отражавших легендарную традицию столкновения отдельных героев-богатырей варягов и рутенов перед основным сражением, которые могли решить весь предстоящий исход битвы: «Воин Альвера по имени Хильдигер, сын Гуннара, вызвал богатырей из числа рутенов на поединок» [9, с. 259–261].

Исследуя подобные заверения авторов средневековых хроник, стоит помнить, что они являлись представителями духовного сословия, поэтому наделение противника сверхъестественными силами позволяло «очернить» их в глазах людей христианского мировоззрения, составлявших большинство населения средневековой Европы. Такие мотивы характерны для описания событий вне зависимости от хронологического периода, что позволяет скандинавам-язычникам представлять в лучшем свете перед другими языческими народами.

Упомянутый датский хронист повествует об одном любопытном сюжете противостояния легендарных предводителей скандинавов и рутенов (*rutheni, rhtuni*): «Фродо отправился дальше и напал на правителя народа рутенов Трано. <...> Победив таким образом рутенов, Фродо возвратился на родину. Однако, когда он узнал, что отправленные им в Русцию за данью послы из-за вероломства местных жителей были жестоко убиты, он пришел в сильное негодование...» [9, с. 61–63]. Прибегая к анализу соответствующего отрывка, можно прийти к выводу о том, что военное противостояние между варягами и Русью имеет глубокие корни. Уже в легендарный период средневековой истории (III–IX вв.), описываемой в древних сагах и мифах, упоминаются морские и сухопутные столкновения между указанными народами в период V–VII вв.

При подробном описании этого противостояния авторы скандинавских хроник часто используют различного рода «украшения», с одной стороны, восхваляя смекалку скандинавских предводителей и отвагу данов, а с другой стороны, умаляют силу армии противников, объясняя их успехи количественным преимуществом. Подобные изречения нередко встречаются в сред-

невековых хрониках, в какой-то степени являясь их характерной чертой. Однако несмотря на это, целесообразно обратить внимание на особенности морских и сухопутных столкновений между скандинавами и рутенами в легендарной мифической традиции. Так, в частности Саксон Грамматик, в том же отрывке своей хроники дает краткую характеристику военных кораблей рутенов VI–VII вв., оценивая их как не слишком подходящие для морских сражений из-за медлительности и больших размеров [9, с. 177].

В хронике «Деяния данов» встречаются эпизоды, раскрывающие особенности военного противостояния скандинавов и Древней Руси, когда Саксон Грамматик описывает военные хитрости, применяемые обеими сторонами, которые должны были им помочь в предстоящем сражении или обороне города: «Местные жители, мало доверяя стенам своих городов и оружию, попытались сдержать продвижение врага, разбросав на его пути необычайно острые колючки <...> даны надели «деревянную обувь», благодаря которой они смогли, не причиняя себе вреда, спокойно ступать по разбросанным под их ногами остриям» [9, с. 205–206].

Между подробными описаниями столкновений варягов с Русью в нарративных источниках часто встречается сухое повествование грабительских набегов отрядов викингов, разорявших прибрежные русские земли. Варяги использовали для этого русла рек, передвигаясь преимущественно на кораблях вглубь страны. Иногда, выходя на берег в поисках военной добычи и оставляя корабли на постой, скандинавы грабили встречающиеся на их пути поселения: «Моряки разбрелись по прибрежным пастбищам и принялись резать скот <...> Забитый скот они освежевали, после чего уже ободренные туши отнесли на корабль» [9, с. 151]; «жестоко разоряя все встречавшиеся на их пути земли, напали на Русцию, намереваясь поступить так же и с ней» [9, с. 206].

Нередко в источниках скандинавского происхождения можно встретить описание нападения племен восточных славян или финно-угров непосредственно на территорию Скандинавии: «В старину язычники, эсты и карелы, а также, вероятно, прусы и венды часто наносили Швеции немалый урон <...> они хозяйничали на море, нападая то на Швецию, то на Данию» [10, с. 50]; «эсты, русские, ингры и многие другие чужеземцы то и дело проникали на своих кораблях в Меларен и чинили немалый ущерб жителям прибрежных местностей. Поэтому Биргер ярл построил Стокгольмский замок и город Стокгольм» [10, с. 56]. Подобные упоминания дают основания полагать, что грабительские походы могли совершаться не только викингами, но и некоторыми представителями восточнославянских племен, вошедших в состав Древнерусского

государства. Такие набеги с целью грабежа, судя по материалам скандинавских саг и хроник, совершались по морю и длились несколько лет. О продолжительности викингских походов также упоминается в собрании саг Снорри Стурлусона: «Весной ярл снарядил свое войско и поплыл в Восточные Страны <...> он стал воевать и убивать людей, и жег жилье всюду, где он проходил, и опустошал страну <...> всего Эйрик провел в этом походе пять лет» [11, с. 153].

Кроме того, в хронике «Деяния данов» упоминаются некоторые земли «Русции» (Ruscia), «Хольмгардии» (Holmgardia) и «Кенугардии» (Cōnogardia), т. е. Древней Руси – Новгорода и Киева как зависимые или подчиненные скандинавским вождям территории: «Он назначил Олимара править Хольмгардией, Онева – Кенугардией <...> каждого из них он обязал платить ему определенную законом дань, сделав их покорность условием обладания этими земельными пожалованиями. Таким образом, теперь королевство Фродо включало в себя Русцию на востоке» [9, с. 180]. Эта зависимость часто была выражена в выплате дани, которая назначалась в результате победы на поединке или в военном противостоянии: «Он вызвал на поединок правителя Бьярмии Эгдера и победил его, обязав бьярмов выплатить по одной шкуре за голову каждого мужчины в качестве дани» [9, с. 187].

Подобные изречения можно встретить и в источниках отечественного происхождения, в частности в «Повести временных лет». Летописец обращает внимание на то, что некоторые восточнославянские племена, расселенные в пределах северной части пути «Из варяг в греки», выплачивают скандинавам дань: «Варяги из заморья взымали дань с чуди, и со словен, и с мери, и с кривичей» [цит. по: 12, с. 6–7].

Помимо этого, известные и до сих пор обсуждаемые в научных кругах слова автора летописи об «изгнании варяг за море» и приглашении их же обратно на княжение также отражают некоторые особенности взаимоотношений и взаимовлияний скандинавов и восточнославянских племен: во-первых, они позволяют выдвигать предположения о тесных взаимосвязях Скандинавии и Древней Руси посредством установления языковых контактов, а во-вторых, по мнению Е. А. Мельниковой, в древнерусских и скандинавских нарративных источниках находятся свидетельства как о самих фактах усвоения скандинавами элементов древнерусской культуры, так и о путях проникновения этих элементов на Север, формах и характере их проявления [18, с. 279–298].

Более позднее противостояние варягов и Древнерусского государства характеризуется в скандинавских источниках в соответствии с меняющимися методами ведения войны. Так, уже описываемые в шведской традиции столкновения русских и скандинавов в XIII в. в первую

очередь связаны с борьбой за стратегически важные точки, контролирующие определенную территорию; с основанием и обороной крепостей, установленных в подобных местах, и т. д. В частности, такие сюжеты нередко встречаются в «Шведской хронике» XVI в. при описании противостояния Руси и Швеции за контроль над Карелией и выходом к Балтийскому морю: «Шведы одолели и подчинили себе карел и основали Выборг; чтобы усмирить карел и русских» [10, с. 70]; «шведы построили на берегу Невы замок под названием Ландскруна, и нанесли русским большой урон в Ингрии и других тамошних землях» [10, с. 71]. Следует уточнить, что описанные в хронике события отмечены 1293 г. и 1298 г., а значит в более поздних столкновениях (XIII–XIV вв.) целесообразнее утверждать, что указанное противостояние русских было уже со шведами, у которых в XIII в. наблюдается процесс национальной консолидации.

Помимо военного противостояния, характер взаимоотношений варягов и древнерусских князей часто сменялся на взаимодействие, основанное на общих интересах или корыстных побуждениях отдельных субъектов. Так, во многих источниках скандинавского происхождения можно встретить описание выступления одних варяжских отрядов против других на стороне Древней Руси: «Узнав о том, что между королем Светии Альвером и рутенами разгорелась война, он по следам Альвера отправился в Русцию, где предложил её жителям свою помощь и был принят ими с величайшим почтением» [9, с. 259–260]. А другие саги и пряди упоминают о готовности варягов поступать на службу древнерусским князьям для того, чтобы стяжать славу и богатство, что может быть неразрывно связано с их принадлежностью к родовой аристократии и стремлением легитимировать свою власть на родине: «Они снарядили корабли и летом отплыли в Гардарики к Ярицлейву конунгу <...> конунг Ярицлейв хорошо принял Харальда с его людьми. Харальд сделался предводителем над людьми конунга, которые охраняли страну» [11, с. 402]; «<...> пришли сюда на восток в Гардарики к вам, трем братьям. Собираемся мы служить тому из вас, кто окажет нам больше почета и уважения, потому что мы хотим добыть себе богатства и славы и получить честь от вас» [12, с. 107].

Как в скандинавских, так и в славянских источниках нарративного характера, встречаются сюжеты, в которых викинги используют жителей Руси для ведения собственных войн и наоборот. Такая взаимная традиция наемничества или служения между двумя политическими образованиями может свидетельствовать о тесной связи между правящими элитами и сходной тактике ведения боевых действий варягов и Руси: «Ярослав, послав за море, привел варягов» [13, с. 41].

Наем варяжских отрядов древнерусскими князьями для ведения боевых действий не всегда осуществлялся непосредственно во время похода. Часто описание подобных случаев позволяет полагать, что древнерусские князья могли отправлять послов в Скандинавию с просьбой собрать отряд варягов для помощи в военном столкновении с другими государствами и племенами: «Пришел Ярослав в Новгород, и послал за море за варягами» [13, с. 46].

Исходя из изложенного, можно сделать следующие выводы.

Во-первых, история русско-скандинавского военного противостояния и взаимодействия в основном представлена в древних источниках, мифологизированных и написанных в различных традициях, а также в средневековых хрониках, которые обладают специфическими чертами: морализмом, драматизацией, гиперболизацией, недостатком исторической критики, искажением событий и фактов, и т. п.

Во-вторых, одной из особенностей военного противостояния варягов и Руси является ведение боевых действий как на суше, так и на море. Причем географически эти столкновения могли происходить на весьма обширной территории – от Черного (Русского) моря до Скандинавского полуострова, в районе торговой артерии «Из варяг в греки» в тот хронологический период, когда указанный путь являлся наиболее актуальным, т. е. в начале X – первой половине XIII столетия.

В-третьих, скандинавские и отечественные источники нарративного характера упоминают о взаимодействии древнерусских князей с отдельными отрядами варягов и их предводителями, часто выражавшемся в военной помощи или найме. Это позволяет выдвинуть предположение о тесной связи представителей родовой аристократии скандинавов и русских в период XI–XIII вв., что доказывается наличием династических браков древнерусских князей и скандинавских конунгов. Ярким примером такого политического союза является брак князя Ярослава и Ингигерд, дочери короля Швеции Олава Шётконунга: «Они вместе отправились на восток в Гардарики. Ингигерд вышла замуж за Ярицлейва конунга» [11, с. 235].

В-четвертых, более поздние военные столкновения скандинавов с Русью представляют собой осады и захваты крепостей с целью стратегического контроля территории, так как к XIII–XIV столетию изменяется сам характер ведения боевых действий.

Список литературы

1. История Средних веков : учебник для академического бакалавриата / под ред. И. Н. Осинского, Г. А. Ртищевой, Н. В. Симоновой. М. : Юрайт, 2018. 463 с.
2. Гуревич А. Я. Походы викингов. М. : Книжный дом «Университет», 2005. 200 с.

3. Мельникова Е. А. Русско-скандинавские связи в эпоху Владимира Святославича // Россия в мире : образы и грани взаимодействия / под ред. А. О. Чубарьяна и О. В. Воробьевой. М. : Весь мир, 2019. С. 231–251.
4. Джаксон Т. Н. Четыре норвежских конунга на Руси. Из истории русско-норвежских политических отношений последней трети X – первой половины XI в. М. : Языки русской культуры, 2000. 435 с.
5. Кирпичников А. Н., Лебедев Г. С., Булкин В. А., Дубов И. В., Назаренко В. А. Русско-скандинавские связи в эпоху образования Древнерусского государства (IX–XI вв.) // Scando-Slavica. 1978. Т. 24. С. 63–89.
6. Sawyer P. The Oxford illustrated history of the Vikings. Oxford : Oxford University Press, 1997. 320 p.
7. Abrams L. Diaspora and identity in the Viking age // Early Medieval Europe. 2012. № 20 (1). P. 17–38.
8. Roesdahl E. The Vikings. London : Penguin books, 1987. 323 p.
9. Грамматик Саксон. Деяния данов : в 2 т. Т. 1 : кн. I–X / пер. с лат. и коммент. А. С. Досаева ; под ред. И. А. Настенко. М. : Русская панорама, 2017. 608 с.
10. Петри Олаус. Шведская хроника / пер., послесл., коммент. А. Д. Щеглова ; отв. ред. А. А. Сванидзе. М. : Наука, 2012. 421 с.
11. Стурлусон Снорри. Круг земной / пер. с норв. А. Я. Гуревич [и др.]. М. : Наука, 1980. 688 с.
12. Джаксон Т. Н. Исландские королевские саги о Восточной Европе (первая треть XI в.) / тексты, пер., коммент. Т. Н. Джаксон. М. : Научно-издательский центр «Ладомир», 1994. 254 с.
13. Повесть временных лет / пер. с древнерусск. Д. С. Лихачева, О. В. Творогова ; коммент. А. Г. Боброва, С. Л. Николаева, А. Ю. Чернова при участии А. М. Введенского и Л. В. Войтовича. СПб. : Вита Нова, 2012. 507 с.
14. Ghosh Sh. Kings' sagas and Norwegian history. Problems and Perspectives. Leiden-Boston : BRILL, 2011. 272 p.
15. Литвина А. Ф., Успенский Ф. Б. Судьбы варягов на Руси XI–XII вв. (Якун Слепой, Шимон / Симон и его сын Георгий) // Вестник РГГУ. Серия «Литературоведение, языкознание, культурология». 2020. № 1. С. 76–101.
16. Мельникова Е. А. Норманны и даны, русь и варяги : скандинавы на западе и востоке Европы // Исторический вестник. 2012. Т. 1, № 148. С. 24–39.
17. Лебедев Г. С. Эпоха викингов в Северной Европе и на Руси. СПб. : Евразия, 2005. 639 с.
18. Мельникова Е. А. Древняя Русь и Скандинавия. Избранные труды / под ред. Г. В. Глазыриной, Т. Н. Джаксон. М. : Университет Д. Пожарского, 2011. 474 с.
19. Тиандер К. Ф. Поездки скандинавов в Белое море. СПб. : Тип. И. Н. Скороходова, 1906. 464 с.
20. Древнерусские города в древнескандинавской письменности : Тексты. Перевод, комментарий, сост. Г. В. Глазырина, Т. Н. Джаксон. М. : Наука, 1987. 206 с.
21. Мельникова Е. А. Древнескандинавские географические сочинения (тексты, перевод, комментарий) / под ред. В. Л. Янина. М. : Наука, 1986. 230 с.

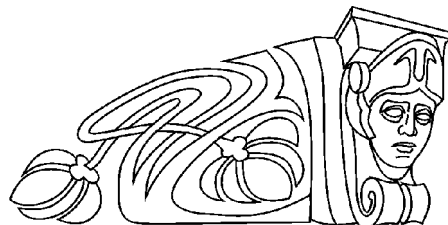
Поступила в редакцию 13.01.2022; одобрена после рецензирования 20.01.2022; принята к публикации 30.06.2022
The article was submitted 13.01.2022; approved after reviewing 20.01.2022; accepted for publication 30.06.2022

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2022. Т. 22, вып. 4. С. 490–496
Izvestiya of Saratov University. History. International Relations, 2022, vol. 22, iss. 4, pp. 490–496
<https://imo.sgu.ru> <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2022-22-4-490-496>, EDN: IFUWWA

Научная статья
УДК 655.26(437.1)|15/16|

Культурно-историческая роль чешского книгопечатания в XVI – начале XVII веков

Е. Н. Многолетняя

Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, Россия, 410012, г. Саратов, ул. Астраханская, д. 83

Многолетняя Елена Николаевна, кандидат исторических наук, доцент кафедры всеобщей истории, Elenamногоletnjaja@rambler.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2079-6080>, Author ID: 386600

Аннотация. В статье рассматривается развитие книгопечатания в Чехии в XVI – начале XVII в., выделяются два периода в развитии чешского книгопечатания: 1501–1547 гг. и после событий 1547 г. до битвы у Белой Горы. Выявляются изменения, произошедшие в условиях работы типографий, отношение королевской власти к книгопечатанию, репертуар чешских печатных книг, количество издаваемой продукции.

Ключевые слова: история Чехии, книгопечатание, типографы, репертуар чешских печатных книг, королевская власть

Для цитирования: Многолетняя Е. Н. Культурно-историческая роль чешского книгопечатания в XVI – начале XVII веков // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2022. Т. 22, вып. 4. С. 490–496. <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2022-22-4-490-496>, EDN: IFUWWA

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

The cultural and historical role of Czech book printing in the XVI–early XVII centuries

Е. Н. Mnogoletnyaya

Saratov State University, 83 Astrakhanskaya St., Saratov 410012, Russia

Elena N. Mnogoletnyaya, Elenamногоletnjaja@rambler.ru, <https://orcid.org/00000002-2079-6080>, Author ID: 386600

Abstract. The article discusses the development of book printing in the Czech in the 16th – early 17th centuries, two periods in the development of Czech book printing are distinguished: 1501–1547 and after the events of 1547 until the Battle of White Mountain. The author reveals the changes that have taken place in the working conditions of printing houses, the attitude of the royal authorities to book printing, the repertoire of Czech printed books, the number of published products.

Keywords: history of the Czech, book printing, printers, repertory of Czech book printing, the Royal power

For citation: Mnogoletnyaya E. N. The cultural and historical role of Czech book printing in the XVI–early XVII centuries. *Izvestiya of Saratov University. History. International Relations*, 2022, vol. 22, iss. 4, pp. 490–496 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2022-22-4-490-496>, EDN: IFUWWA

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC0-BY 4.0)

Период XVI – начало XVII в. был временем динамичного и многопланового развития чешского книгопечатания. Согласно принятой в XIX в. в научной литературе периодизации с 1501 г. начался новый этап истории книги. Этот хронологический рубеж проводится, исходя из изменений, произошедших в оформлении книг, как в полиграфическом, так и в художественном аспекте. Нельзя сказать, что на грани веков произошел какой-либо существенный переворот в оформлении книги, так как в первые годы XVI в. в Западной Европе еще выходили кни-

ги, которые по своему виду почти не отличались от инкунабул. Это в полной мере можно отнести к истории книгопечатания в чешских землях. Три из девяти или десяти типографий, которые действовали в Чехии и Моравии в XV в., продолжали работать и после 1500 г., и характер их продукции значительно не изменился [1, с. 154]. Следует отметить, что и в Германии, на родине книгопечатания, ряд типографов «колыбельного» периода продолжали свою деятельность в первые десятилетия XVI в., сохраняя традиции предшествовавшей поры. В качестве примера можно

назвать имена типографов Иоганна Грюнингера и Иоганна Шеншпергера [2, с. 260]. В Чехии работали Пражская типография, принадлежавшая купцу Северину (действовала до 1506 г. и после перерыва до 1515 г.), пльзенская типография Микулаша Бакаларжа (до 1513 г.), в Оломоуце продолжалась кратковременная типография десятилетиями прибывших из немецких земель типографов Конрада Баумгартена (до 1502 г.) и Либория Фюрстенхайна (до 1504 г.).

Чешское книгопечатание по-прежнему выполняло те же функции, как и в первые десятилетия своего существования. Книгопечатание несло читателям новые знания, повышало уровень их образованности, расширяло его кругозор. Книгопечатание продолжало оставаться главным средством идеологической и религиозной борьбы, которое доносило идеи противоборствующих сторон широкой читательской аудитории.

Однако с начала XVI в. в развитии чешского книгопечатания наблюдаются новые тенденции. Они касаются не только усовершенствований в техническом обустройстве типографий, но и общей организации дела. Типографы перестали изготавливать шрифты, как раньше, а стали покупать готовые матрицы или сами шрифты. Значительно увеличилась торговля типографским материалом, нередко в международном масштабе [3, с. 16]. В этот период стала возникать и книжная торговля. Оформилась специализированная группа книготорговцев. Чешские типографские мастерские не могли полностью обеспечить продукцией читательский спрос, поэтому печатали чешские книги и за границей (главным образом в Германии). Кроме того, издание чешских книг за границей могло иметь и религиозные, и политические причины, которые являлись препятствием их изданию непосредственно в Чехии.

К сожалению, относительно новых экономических тенденций в чешском книгопечатании мы не располагаем достаточными сведениями. Однако общие процессы, которые происходили в этот период в соседних странах [4], позволяют предположить, что в чешском книгопечатании наблюдается переход от типографии в виде ремесленной мастерской к типографии – мануфактуре. Книгопечатание изначально не знало цеховой организации и, следовательно, было свободно от «цехового принуждения». Типографское производство основывалось на широком применении машин и механизмов, хотя и элементарных. Все оборудование изначально принадлежало только хозяину, сотрудники с самого начала были лишены всех средств производства и являлись наемными рабочими. Как следствие были достаточно разнообразны формы, в которые укладывалось книгопечатание – мелкие и средние мастерские и, конечно, типографии – мануфактуры. Следует признать, что такого уровня развития, как в Германии (типография Кобергера) или во Франции (типография

Плантена), чешское книгопечатание не достигло. Несмотря на это, можно утверждать, что в XVI в. в Чехии появились профессиональные типографы, которые способствовали тому, что книгопечатание в стране достигло значительного уровня развития, а во второй половине XVI в., по мнению чешских исследователей, наступает его расцвет.

В течение XVI в. неуклонно расширяются масштабы книгопечатания. Это связано как с появлением новых типографов, так и с расширением спектра издаваемой литературы. В Чехии, по подсчетам современных исследователей, между 1501–1600 гг. работал 91 типограф [1, с. 156]. Их усилиями за этот период было издано примерно 4400 произведений чешских и иностранных авторов [1, с. 155].

Новый период книгопечатания принес изменения и в репертуар издаваемой печатной продукции. Наряду с уже знакомыми нам жанрами литературы «колыбельного периода» появляются новые. Развитие продолжается в рамках двух типов литературы – светской и духовной (религиозной). В религиозной, наряду с библейскими текстами, религиозными трактатами, книгами церковной администрации, полемическими сочинениями, появляются сборники проповедей, молитв, духовных песен, теологические и дидактические сочинения. Светская литература этого периода представлена романами, хрониками, путешествиями, поэтическими сочинениями, календарями, литературой правового характера. Ее репертуар пополняется «научной» литературой, новыми жанрами развлекательной (художественной) литературы, морализирующими и юбилейными изданиями, газетными публикациями. В Чехии появляется новый вид книги, который исследователи называют ренессансной [1, с. 154]. Содержание книг изменялось в соответствии с растущими требованиями к их социальной функции. По своему отношению к современным проблемам общества чешская книга неизменно выступала в качестве одного из главных аргументов и действенного полемического оружия каждого из многочисленных чешских идейных течений XVI – начала XVII в.

Чешское книгопечатание в XVI в., несомненно, послужило стимулом развития литературы и искусства, так как увеличение тиража печатной продукции порождало новую потребность в литературных произведениях, а использование в книгах иллюстраций способствовало развитию гравюры на дереве (ксилографии) и появлению (а во второй половине XVI в. широкому использованию) нового типа гравюры на металле, позволяющей достигнуть недоступной для гравюры на дереве степени детализации рисунка [2, с. 261]. Таким образом, книгопечатание, как в фокусе, концентрировало все стороны развития чешской культуры.

В то же время судьбы чешского книгопечатания в XVI – начале XVII в. складывались неоднозначно и противоречиво. В истории книги достаточно отчетливо отразились важнейшие события и явления, имевшие место в чешских землях в данный исторический период. Попытки периодизации истории развития чешского книгопечатания в указанный период уже неоднократно предпринимались исследователями. Его рубежи, впрочем, как и в других странах, определяло политическое и культурное развитие страны. В научной литературе существуют две точки зрения на этот вопрос. Одна из них была высказана российским историком А. С. Мыльниковым. Она сводится к тому, что за 1501–1620 гг. книгопечатание в Чехии прошло в своем развитии три этапа [5, с. 60]. Первый этап связывается с первой четвертью XVI в., нижняя его грань – 1501 г. Второй этап начинается с середины 20-х гг. XVI в. и завершается 1547 г. [5, с. 62]. Последний этап обрамляют два крупных исторических события: поражение чешских сословий в восстании против Фердинанда I и белогорская катастрофа 1620 г. [5, с. 66]. Именно третий период является кульминационным в истории раннего книгопечатания в Чехии, а также одной из наиболее блестящих эпох в развитии чешской национальной культуры в целом [5, с. 66]. Другая точка зрения представлена в коллективной монографии, подготовленной под руководством чешского исследователя истории книги Мириам Богатцовой. Авторы считают обоснованным выделять два этапа развития книгопечатания в Чехии с 1501 по 1620 гг. [1, с. 154]. В качестве разделительной грани выступают две важные для судеб чешских земель исторические даты: первая – 1547 г. и вторая – 1621 г. И в том и другом случае крупные политические победы правящей династии Габсбургов сопровождались рядом цензурных мероприятий, приводивших к стагнации или даже прекращению существования типографических предприятий [1, с. 154]. Когда же деятельность типографий вновь была разрешена, она происходила уже при других производственных условиях, от нее требовался иной публикационный материал (репертуар), либо вообще предприятия переходили в руки других типографских предпринимателей желаемого идеологического профиля [1, с. 154]. После событий 1547 г., оправившись от гонений, чешское книгопечатание вступило в полосу своего расцвета, а после Битвы при Белой Горе 1620 г. ему был нанесен такой удар, после которого оно фактически угасло.

Обе концепции периодизации построены на основе влияния политических событий страны на развитие культуры и других сфер чешского общества. Нам более обоснованной видится вторая точка зрения. Выделение первого и второго этапов с пограничным 1526 г. имеет некоторые

основания, но все же эта грань представляется менее значительной, нежели 1547 и 1620 гг. Первую и вторую четверть XVI в. в истории чешского книгопечатания вполне органично можно объединить в один этап, который завершается крупным политическим событием в истории Чехии – поражением чешских сословий в восстании против династии Габсбургов в 1547 г.

В 1526 г. произошла смена правящей династии в Чешском королевстве: на чешский трон вступил представитель Габсбургской династии Фердинанд I. Его избрание королем произошло 24 октября 1526 г. на чешском сейме, на котором присутствовали лишь представители чешской шляхты и не были приглашены представители других чешских земель [6, с. 10–11]. Победа Фердинанда была логическим последствием состояния политических сил в Центральной Европе. При вступлении на престол он обещивался сохранить все права и привилегии чешских сословий, не нарушать административных, судебных и других норм и обычаев, сохранить прежний состав владений чешской короны [7, с. 93–94].

Нарушать свои обещания Фердинанд стал сразу, поскольку это требовала проводимая им в жизнь политика централизации и унификации, которая в свою очередь противоречила национально-государственной самобытности чешских земель. Поэтому, несмотря на некоторые изменения, которые все же произошли в Чешском королевстве, говорить о 1526 г. как о важном рубеже в истории Чехии вообще и книгопечатания в частности представляется не совсем правильным. Поэтому более целесообразно придерживаться точки зрения о двух периодах развития чешского книгопечатания, выдвинутой чешскими исследователями. Несомненно, каждый период в истории чешской книги XVI – начала XVII в. имел отличительные черты и особенности, которые касались не только самого книгопечатания, но и самих условий, в которых ему приходилось существовать.

В первый период 1501–1547 гг. книгопечатание в Чехии развивалось в условиях относительной свободы. Печатная продукция не подвергалась всеобщему цензурному просмотру, и возникновение новых типографий не было подчинено регламентации. Этот период чешского книгопечатания явился достаточно уникальным еще и потому, что чешские земли представляли собой страну с наиболее высокой степенью религиозной и идейной свободы в рамках всего христианского мира. Произшедшая еще в XVI в. национальная реформация в форме гуситского движения создала уникальную религиозную ситуацию, при которой могли существовать независимо друг от друга различные конфессии. В Чехии были официально признаны два вероисповедания – католическое и утравкистское, существовали две церкви и множество последователей других реформаторских учений. Их чис-

ло особенно выросло с началом Реформации в Западной Европе. Такая свобода в религиозных воззрениях не могла не способствовать увеличению объема книжной продукции и, несомненно, развитию книгопечатания. Развитие книгопечатания во второй половине XVI в., т. е. во второй период 1547–1620 гг., оказалось в прямой зависимости от политических отношений в Чешском королевстве во второй половине XVI в., которые стали основной причиной подавления восстания чешских сословий против династии Габсбургов в 1547 г.

Поводом к открытому противостоянию стала война против протестантской Шмалькальденской лиги в Германии, в которой Фердинанд I принял участие как главный союзник императора Карла V [6, s. 16–17]. Так как собственные средства для ведения войны у короля были ограничены, он рассчитывал на помощь от земель чешской короны. В Моравии, Силезии и Лужицах Фердинанду удалось получить финансовую поддержку, но довольно скромную, так как чешские сословия согласились создать ополчение в надежде, что в соответствии с чешскими законами король не решится его использовать за пределами государства. Ополчение собиралось медленно, многие вообще игнорировали приказ короля о походе в Саксонию. Решительно выступить против оппозиционных чешских сословий король не мог ввиду неудач Габсбургов и их союзников в Германии. В силу этих обстоятельств король 12 января 1547 г. издал указ о созыве чешского ополчения под предлогом вторжения войск саксонского курфюрста в земли чешской короны [6, s. 17]. Чешские сословия, однако, не желали воевать против немецких протестантов, не без основания опасаясь того, что за подавление протестантизма в Германии может последовать католическая реакция в чешских землях. Поэтому на сборный пункт у города Литомержице явились лишь отряды нескольких шляхтичей и трех городов – Пльзня, Чешских Будейовиц, Усти над Лабой [8, s. 222–223], которые традиционно на протяжении XV – начала XVI в. поддерживали королевскую власть в Чехии.

15 февраля 1547 г. несколько сотен представителей шляхты и городов заявили в Праге протест против незаконных требований короля. В дальнейшем сопротивление королевскому указу переросло в открытую борьбу. Программа объединившихся чешских сословий была сформулирована в марте 1547 г. на земском сейме, созванном в Праге [9, с. 115–132]. В ней выдвигались требования регулярного созыва земского сейма, восстановления областных сеймов и собраний горожан [9, с. 121–122], сохранения за чешскими сословиями права избрания короля [9, с. 123]. Сейм настаивал на том, чтобы чешская монета чеканилась только в Чехии, а серебряные и золотые рудники также принадлежали только чехам [9, с. 122].

Из опасений репрессий со стороны короля сейм принял решение о созыве ополчения и заключении союза с сословиями других земель чешской короны [10, s. 168, 183]. На период открытия нового заседания сейма в апреле 1547 г. был избран комитет из четырех панов, четырех рыцарей и четырех пражских городских советников (коншелов) [8, s. 256]. При появлении королевских войск в Западной Чехии комитет отдал приказ о созыве ополчения, что было равносильно объявлению войны королю. Однако в дальнейшем руководители действовали нерешительно, не сумев объединиться с силами протестантской антигабсбургской оппозиции в Германии.

У Фердинанда тоже не было достаточно сил для вооруженного подавления сопротивления и он избрал тактику запугивания, стараясь расколоть силы восставших. Для того чтобы привлечь на свою сторону панов, в мае 1547 г. король объявил о том, что считает виновниками восстания лишь некоторые города и не собирается ограничивать свободы и привилегии Чешского королевства. По требованию Фердинанда к нему стали съезжаться паны и рыцари. В результате король добился изоляции городов [6, s. 19]. В июле он двинул свои войска против Праги как центра антигабсбургского восстания, несмотря на вооруженное сопротивление городских низов войскам короля, богатые патриции не решились пойти на конфликт с ним. 8 июля состоялся королевский суд над Прагой. Прага, а за тем еще 25 городов, принимавших участие в восстании, были лишены всех своих прав и привилегий, на них налагались огромные штрафы и конфисковывались земельные владения [11, с. 71–73]. Сокрушительный удар был нанесен также по политическому положению городов. Все городское самоуправление попало под надзор королевских чиновников – рихтаржей и гетманов [11, с. 102]. В результате проведения реформы города оказались под строгим контролем королевской власти, политическая деятельность городских сословий была парализована. В городах были распущены цехи, так как они в первой половине XVI в. представляли собой городские организации с определенными правовыми производственными и политическими полномочиями. По указу короля цехи лишались своих привилегий. В дальнейшем к 1560-м годам привилегии были восстановлены [6, s. 21–22].

Из представителей шляхты наказанию подлежали только отдельные лица. Оно было достаточно суровым, чтобы запугать все сословие. Самой серьезной карой считалось конфискация имущества, но она была избирательной. В процессе конфискации король захватил все оловянные рудники и передал их в аренду немецкому торговому дому Майера. Жестокие репрессии обрушились на сторонников Общины чешских

братьев, многие из которых были вынуждены эмигрировать.

22 августа 1547 г. в Праге состоялась казнь двух шляхтичей и двух горожан, после чего Фердинанд I созвал сейм, на котором потребовал аннулировать все решения, принятые им весной 1547 г. После принятия сеймом этих условий король выдвинул целый ряд новых. Они значительно ограничивали привилегии сословий: сеймы впредь должны были созываться только по воле короля, областные сеймы ликвидировались, навсегда запрещалось объединение сословий в союзы, наследники короля могли быть коронованы еще при его жизни, чиновники и судьи должны были приносить присягу не только королю, но и его наследнику.

Победу Фердинанда над сословной оппозицией в Чехии, однако, нельзя считать полной: королю не удалось превратить города, а тем более все сословия в послушное орудие своей политики. Сословия не отказались от оппозиционного отношения к политике двора и от своих политических амбиций. Борьба между королем и дворянской оппозицией составила содержание политической истории Чехии второй половины XVI в.

Столь крупные изменения в политической жизни Чехии не могли не затронуть и судьбы чешского книгопечатания. Вторая половина XVI в. как для политической жизни Чехии, так и для книгопечатного дела, стала новым, своеобразным периодом в их истории, имевшим значительные отличия от предыдущего. Касалось это в первую очередь резко изменившихся условий существования и развития книгопечатания. 9 октября 1547 г. чешский король Фердинанд I издал мандат, который был адресован «... панам, рыцарям, владыкам и городам, и всем другим обывателям и подданным нашим» [12, s. 27]. Книгопечатание в Чехии запрещалось, о чем свидетельствует текст документа: «... Чтобы сразу же в тот же день, как вы получите наш мандат, во всех городах, местечках, поместьях и имениях ваших никаких типографов не было, либо же книг, трактатов и иных вещей, которые не названы, но быть могут, печатать не разрешали и в соответствии с нашим мандатом запретили и нигде издавать не разрешали, лишь только в нашей типографии, которая в Праге...» [12, s. 27]. Причина, по которой вводился этот строгий запрет, объяснялась в самом мандате: «... Потому что допустили оскорбление в прошлое время через различного рода убеждения, печатные трактаты и песни клеветнические не только против Господа Бога, Святой империи, христианских добрых порядков, но и против Римского императора (имеется в виду император Священной Римской империи немецкой нации) и нас короля» [12, s. 25].

Во время восстания 1547 г. печать действительно использовалась противниками Фердинан-

да I в целях антикоролевской агитации, поэтому король сразу после его подавления для ослабления оппозиции и под предлогом борьбы с ересью запретил существование типографий в Чехии [13, s. 10]. Исключение составила лишь типография Бартоломея Нетолицкого из Нетолиц, королевского типографа, находящаяся в Праге и используемая впоследствии для издания печатной продукции официального направления [14, s. 27].

Необходимо отметить, что и в предыдущий исторический период предпринимались попытки со стороны правящих кругов ограничить свободу издательской деятельности в Чехии. Первая была в 1508 г., когда вышел Святоякубский мандат Владислава Ягеллона, свидетельствующий о попытках реставрации католицизма, направленный против Общины чешских братьев. Мандат приказывал сжечь «все братские книги» и запретить дворянству поддерживать издательскую деятельность общины. Вторая попытка была предпринята новой династией Габсбургов. Фердинанд I, став чешским королем и являясь при этом ревностным католиком, стремился ограничить распространение в Чехии некаатолической литературы. Мандат от 18 июля 1526 г. предписывал, чтобы рукописи проходили предварительную цензурную проверку у администратора католической консистории, а затем следовала дополнительная цензура готовой книги у пражского пуркмиистра и коншела. С 1539 г. к этим цензурным мерам прибавилась цензура университета [15, s. 467].

Третьей попыткой ограничения свободы книгопечатания был мандат короля от 3 августа 1537 г., в соответствии с которым запрещалось издание книг во всех городах королевства, кроме Праги: «... Чтобы типографы с нынешнего момента ни где в другом месте никаких книг или трактатов ни чешских, ни латинских, ни немецких в королевстве Чешском не печатали кроме в Местах Пражских ... и только с позволения и бесспорного уведомления администратора Пражского Кремля или второго администратора консистории пражской утраквистов нынешних и будущих ...» [14, s. 25]. Таким образом, полное запрещение книгопечатания в Чешских землях стало звеном в единой цепи мер и ограничений, которые вводились королем с целью ослабления оппозиционных сил. Последняя мера была направлена против городского сословия как мощной и непокорной политической силы. После этого постановления книгопечатание оказалось под систематическим контролем государственных органов. В условиях чешских земель, где с момента своего зарождения книгопечатание приобрело не государственный, а частный характер, это означало создание если не государственной, то официальной типографии.

Однако принятые Фердинандом I меры успеха не имели. Остановить развитие чешского книгопечатания было уже невозможно. Чешские типографы тайно печатали книги в Моравии и за рубежом (в Германии), искажая на титульных листах дату и место издания.

Ситуация заставила короля пойти на уступки и в конечном счете – к постепенному разрешению открывать прежде запрещенные мастерские. Тем не менее контроль над издаваемой продукцией сохранялся. Инструментом упорядочения отношений между типографом и государственной властью стала привилегия. Получивший привилегию типограф мог не предоставлять рукопись к цензуре.

Привилегия носила централизованный характер и предоставлялась для определенного места (пункта), периода времени, типографа или на конкретную книгу. Первая известная такого рода привилегия была выдана Яну Кантору Хаду и Яну Гюнтеру 1 декабря 1549 г. [14, s. 27]. Постепенно все больше типографов стали обладателями таких привилегий.

В 1562 г. Фердинанд I подписал декрет об учреждении цензуры, возложив ее функции на нескольких высших чиновников Чехии и Моравии. Типографы были обязаны предоставлять им на просмотр издаваемые книги [14, s. 35].

Однако несмотря на многочисленные препятствия, чешское книгопечатание именно в 1547–1620 гг. достигает своего наивысшего развития и расцвета. Конечно, развитие происходило постепенно. Произведенный нами анализ печатной продукции свидетельствует о количественном росте с 236 изданий за 1501–1547 гг. до 1150 изданий за период 1547–1620 гг. Сведения о количестве изданий были почерпнуты из монументальной «Библиографии чешских и словацких изданий» [16] и дополнены некоторыми материалами «Описи брненских изданий» составленной В. Докоупилом [17]. Необходимо отметить, что это не все издания, которые вышли в этот период. Мы имели возможность работать лишь с отдельными томами «Библиографии» и анализ произведен на основании выборки из них. Кроме того, в современный период продолжается работа чешских исследователей по выявлению неизвестных ранее изданий, результатом чего стало продолжение публикаций «Библиографии», так называемое «Добавление», само ставшее продолжающимся изданием. Известно, по крайней мере, об одном таком томе [18]. В нем, как уже отмечалось, содержатся сведения о 80 изданиях, относившихся к периоду 1501–1620 гг. Иными словами, рост продукции мог быть еще более внушительным, чем это показывают сделанные по выборке подсчеты.

Увеличение количества издаваемой продукции в столь неблагоприятных условиях свидетельствует о том, что общий уровень жизни

развития чешского общества достиг такого высокого показателя, что книга стала важной составляющей повседневной жизни. Кроме того, исследователи отмечают многие факты литературного меценатства [19]. Из всех изданных за 1526–1620 гг. (предбелогорский период) книг более 200 имели в названиях свидетельство, которое указывает на литературное меценатство чешской шляхты. Финансовая поддержка издания не только оговаривалась в названии книги: в ней помещался герб мецената, особое посвящение автора или издателя. Выяснено, что рыцари финансировали издания книг религиозной (62%), исторической (8%) и естественнонаучной (7%) тематики, все остальные (23%) составляла хозяйственная, правовая, морализирующая, развлекательная, лингвистическая, философская и медицинская литература [19, s. 133]. Таким образом, обойтись только ввозимой книжной продукцией в Чешских землях оказалось невозможно, что еще раз свидетельствует о том, что книгопечатание уже в предыдущий период достигло высокого уровня и вместе с импортом полностью удовлетворяло потребности чешской читающей аудитории.

С другой стороны, уникальность сложившейся ситуации состоит в том, что никакие репрессивные меры не помогли не только остановить книгопечатание, но даже подчинить его регламентации. Книгопечатание как одна из сфер культурной жизни общества оказалось в ситуации, когда им попытались управлять в политических целях. Однако, как это нередко происходит в подобных случаях, реальные результаты оказались противоположны ожидаемым результатам. Те гонения, нажим, которым подвергались чешские сословия и представители различных вероисповеданий, заставляли оттачивать искусство ведения полемических споров, искать новые формы выражения своих чаяний и религиозно-политических требований. В этих условиях книгопечатание стало ареной ожесточенных идеологических споров, главным оплотом свободы мысли и патриотизма. В этом состоит, пожалуй, главная особенность второго периода развития чешского книгопечатания в 1547–1620 гг.

Список литературы

1. Bohatcová M. a kolektiv. Česká kniha v proměnách staletí. Praha : Panorama, 1990. 622 s.
2. Нессельштраус Ц. Г. Немецкая первопечатная книга. Декорировка и иллюстрации. СПб. : Аксиома, 2000. 270 с.
3. Mašek P. Význam Bartoloměje Netolického pro český knihtisk 16 století // Příspěvky ke knihopisu Č. 4. Praha : Státní knihovna ČSR, 1987. 137 s.
4. Ястребицкая А. Л. О формах раннекапиталистических отношений в немецком книгопечатании во второй половине XV – середине XVI века : дис. ... канд. ист. наук. М., 1966. 346 с.

5. Мельников А. С. Чешская книга : очерки истории. М. : Книга, 1971. 208 с.
6. Přehled dějin Československa I/2 : 1526 až 1848. Praha : Academia, 1982. 645 s.
7. Volební revers Ferdinanda I. Habsburského. 1526, 15. prosince // Minulost našeho státu v dokumentech [k vydání připravil Státní ústřední archiv v Praze ; odpovědná redaktorka V. Boudyšová]. Praha : Svoboda, 1971. 333 s.
8. Janáček J. České dějiny : Doba předbělohorská. Kn. 1 : 1526–1547. V 2 : D. 2. Praha : Academia, 1984. 359 s.
9. Дружественное соглашение / пер. и коммент. Г. П. Мельникова // Сикст из Оттерсдорфа. Хроника событий, свершившихся в Чехии в бурный 1547 год / пер. с чеш. и коммент. А. И. Виноградовой, Г. П. Мельникова ; отв. ред. Б. Н. Флоря ; [Вступ. ст. Г. П. Мельникова]. М. : Наука, 1989. С. 115–132.
10. Sněmy české od léta 1526 až po naši dobu : v XI d. D. II. V Praze : nákladem Král. českého zemského výboru, 1880. 831 s.
11. Сикст из Оттерсдорфа. Хроника событий, свершившихся в Чехии в бурный 1547 год / пер. с чеш. и коммент. А. И. Виноградовой, Г. П. Мельникова // Сикст из Оттерсдорфа. Хроника событий, свершившихся в Чехии в бурный 1547 год / пер. с чеш. и коммент. А. И. Виноградовой, Г. П. Мельникова ; отв. ред. Б. Н. Флоря ; [Вступ. ст. Г. П. Мельникова]. М. : Наука, 1989. С. 45–114.
12. Отрывок из мандата // Voit P. Moravské prameny z let 1567–1568 k dějinám bibliografie, cenzury, knihtisku a literární historie. Příspěvek ke knihopisu. Č. 5. Praha : Státní knihovna ČSR 1987. S. 25–27.
13. Pešek J. Jiří Melantrich z Aventýna. Příběh pražského arcitiskaře. Slovo k historii č. 32. Praha : Melantrich, 1991. 40 s.
14. Voit P. Moravské prameny z let 1567–1568 k dějinám bibliografie, cenzury, knihtisku a literární historie. Příspěvek ke knihopisu. Č. 5. Praha : Státní knihovna ČSR, 1987. 248 s.
15. Sněmy české od leta 1526 až po naši dobů. V XI d. D. I. V Praze : nákladem Král. českého zemského výboru, 1877. 645 s.
16. Knihopis českých a slovenských tisků od doby nejstarší až do konce XVII I. století. Díl II., Tisky z let 1501–1800. Č. I–IX. Čis. 32–17631. Praha, 1939–1967 (ссылка на библиографический источник дается на порядковый номер издания, а не на страницу).
17. Dokoupil V. Soupis brněnských tisků : staré tisky do roku 1800. Brno : Státní vědecká knihovna, 1978. 603 s.
18. Knihopis českých a slovenských tisků od doby nejstarší až do konce XVIII století. Dodatku. Praha, 1996. II D. : Tisky z let 1501–1800. Č. III. Čis. 1809–3641 (ссылка на библиографический источник дается на порядковый номер издания, а не на страницу).
19. Bůžek V. Nižší šlechta v politickém systému a kultuře předbělohorských Čech. Praha : Historický ústav, 1996. 239 s.

Поступила в редакцию 04.05.2022; одобрена после рецензирования 16.05.2022; принята к публикации 30.06.2022
The article was submitted 04.05.2022; approved after reviewing 16.05.2022; accepted for publication 30.06.2022

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2022. Т. 22, вып. 4. С. 497–504
Izvestiya of Saratov University. History. International Relations, 2022, vol. 22, iss. 4, pp. 497–504
<https://imo.sgu.ru> <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2022-22-4-497-504>, EDN: GSFWXE

Научная статья
УДК 821.111.09+929Уолпол

Русская тема в восприятии Х. Уолпола

Н. С. Креленко

Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, Россия, 410012, г. Саратов, ул. Астраханская, д. 83

Креленко Наталья Станиславовна, доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры всеобщей истории, krelenkon@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7691-6811>, Author ID: 356277

Аннотация. Проблема межкультурного диалога и формирования образа «другого» в определенной культурной традиции активно разрабатывается в современной историографии на разных уровнях. В написании данной статьи выбран уровень личного восприятия представителем английского Просвещения носителей русской культурной традиции. Хорас Уолпол получил известность в разных сферах культурной жизни. В статье анализируется восприятие Уолполом русской темы; рассматривается, насколько в данном случае личное соответствует национальной традиции.

Ключевые слова: Просвещение, Россия, Англия, Х. Уолпол, Ч. Уитворт, И. Шувалов, образ «Другого»

Для цитирования: Креленко Н. С. Русская тема в восприятии Х. Уолпола // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2022. Т. 22, вып. 4. С. 497–504. <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2022-22-4-497-504>, EDN: GSFWXE
Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

Russian theme in the perception of H. Walpole

N. S. Krelenko

Saratov State University, 83 Astrakhanskaya St., Saratov 410012, Russia

Natalia S. Krelenko, krelenkon@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7691-6811>, Author ID: 356277

Abstract. The problem of intercultural dialogue and the formation of the image of the “other” in a certain cultural tradition is being actively developed in modern historiography at different levels. When writing this article, the level of personal perception by the representative of the English Enlightenment of the carriers of the Russian cultural tradition was chosen. Horace Walpole gained fame in various areas of cultural life. The article analyzes Walpole’s perception of the Russian theme, examines how in this case the personal corresponds to the national tradition.

Keywords: Enlightenment, Russia, England, H. Walpole, Ch. Whitworth, I. Shuvalov, the image of another

For citation: Krelenko N. S. Russian theme in the perception of H. Walpole. *Izvestiya of Saratov University. History. International Relations*, 2022, vol. 22, iss. 4, pp. 497–504 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2022-22-4-497-504>, EDN: GSFWXE

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC0-BY 4.0)

Самосознание любого человеческого общества строится на сравнении себя с другими ближними и дальними общностями. При этом сравнивающая, изучающая сторона рассматривает себя в качестве точки отсчета. Коллективное «мы» формирует психологическую установку на эмоционально-ценностное восприятие «другого» и определяет соответствующий отбор и интерпретацию характера, поведенческих практик, культуры любого иного народа. Англичанам традиционно свойственны высокая самооценка и критическое отношение к ближним и дальним соседям. В английском обществе, одном из первых вступившем на путь модернизационного развития, основными ценностными показателями

стали прогресс, просвещение, цивилизованность. Соответственно «...метафоры развития, прогресса, просвещения, цивилизованности, с одной стороны, и метафоры примитивности, отсталости, дикости, варварства, с другой, легко складываются в парные оппозиции, утверждая превосходство “своих” и неизменную ущербность “других”» [1, с. 280].

Восприятие всего, связанного с Россией, было сформулировано английскими путешественниками, писавшими о посещении Русского государства в период правления Ивана IV. Ключевым при этом стало отношение представителей «цивилизованного» общества к Российскому государству как нуждающемуся в том, чтобы

«цивилизироваться». Обоснование такой позиции меняется в частности в зависимости от времени и политической обстановки, в которой происходит эта оценка.

Изучение диалога культур допускает несколько ракурсов восприятия, т. е. разных граней, а также уровней. В частности, образ «другого» будучи озвучен отдельным конкретным представителем культуры «принимающей стороны» приобретает некоторое своеобразие, хотя в той или иной степени остается в рамках национального стереотипа.

В данном случае речь пойдет о том, как проявилось восприятие России и русских Х. Уолполом, широко известным в кругу британских (и не только британских) интеллектуалов своей разнообразной творческой деятельностью, осуществлявшейся на уровне дилетантских увлечений. Определение английского Просвещения как философии, «сложившейся за кофейным столиком» [2, р. 5], очень подходит для характеристики этого человека.

Хорас Уолпол (1717–1797) происходил из аристократической семьи (его отец Роберт Уолпол 20 лет занимал пост премьер-министра Великобритании). Как сын своего отца он значительную часть жизни числился членом парламента и человеком, близким к придворным кругам. Уолпол много повидал за свою жизнь, многое знал, многим интересовался, оставил о себе память в сферах культуры и политики, предпочитая наблюдать за потоком жизни.

Русская тема неоднократно всплывает в письмах Х. Уолпола, посвященных чаще всего различным политическим эксцессам. Основываясь по большей части на слухах, разговорах, печатной информации разного назначения, он анализирует, дает оценки отдельным представителям русского политического истеблишмента, а также некоторым эпизодам русской общественной жизни. Например, небольшой пассаж, написанный в 1756 г. и посвященный императрице Елизавете, которая характеризуется как добродушная женщина средних способностей. Не отказывает себе автор в том, чтобы объяснить поведение дочери Петра I традициями деспотизма, в которых она выросла: «Она была отстранена от трона, на который претендовала, и провела свою юность в страхе, порожденном порядком деспотической империи, в которой отсутствовали традиции цивилизованной человечности по отношению к сопернику...» [3, р. 62].

Уолпол отмечал, что, став императрицей, Елизавета обещала никого не казнить и сдержала свое обещание. Констатация этого факта сопровождается выразительным комментарием: «...Сибирь и тюрьмы в период ее правления были полны пытаемыми и замученными, но не было казненных...» [3, р. 62].

Особо Уолпол указал на тот факт, что императрица безжалостно поступила с семьей

свергнутого малолетнего императора Ивана Антоновича. Далее следует любопытный пассаж, в котором проводится сравнение между двумя Елизаветами – английской и русской. Ведь в судьбе каждой из них имелся эпизод сведения счетов с теми, кто рассматривался и был их соперником, в случае Елизаветы Тюдор – соперницей на престол. Оценка в отношении ситуации с императрицей Елизаветой очевидна. Касаясь поведения Елизаветы Английской, отмечается неподобающее возрасту жеманство в ситуации, когда решался вопрос о жизни и смерти Марии Шотландской.

Осуждая русские порядки, Уолпол не замечает, что на протяжении XVIII в. английское уголовное законодательство непрерывно ужесточалось, проводились регулярные казни и публичные бичевания, а многих осужденных отправляли в ссылку в американские колонии, где они находились на положении белых рабов. Отказаться от этой практики пришлось в годы, когда разгорелось вооруженное столкновение между Великобританией и ее североамериканскими колониями [4, с. 379].

В целом краткая оценка личности императрицы Елизаветы Петровны, данная Х. Уолполом, соответствует устоявшемуся ее восприятию в отечественной исторической традиции.

Несколько писем, адресованных разным корреспондентам, посвящено дворцовому перевороту, приведшему к власти Екатерину II. В письме Х. Манну от 31 июля в общем контексте внешнеполитических проблем лета 1762 г. (не забудем, еще продолжалась Семилетняя война) больше всего внимания уделяется «русской революции». В первом письме отмечается, что низложение императора Петра видится ему вполне закономерным, поскольку еще со времен его тетушки (т. е. императрицы Елизаветы Петровны) было признано отсутствие у него способностей к управлению, а вот супруга его отличалась умом и проницательностью.

На этом этапе Уолпол прогнозировал возможность воцарения «императора Джона» (Ивана Антоновича). Свои прогнозы автор никак не обосновывает и резюмирует ситуацию в России следующими словами: «Вот такая страна, там Сибирь находится за дверью гостиной» [5, р. 54]. А ведь будучи знатоком истории, Уолпол мог бы припомнить, что двумя столетиями ранее в Англии расстояние от королевского трона до Тауэра или эшафота было очень коротким.

В письме, написанном четырьмя днями позже тому же адресату, Уолпол набросал событийную канву переворота и попытался нарисовать развитие ситуации. Ради сохранения династической преемственности ему казалось желательным воцарение Ивана Антоновича, хотя он и слышал о том, что тот вряд ли был способен править в силу того, что его давно и постоянно приучали к наркотикам. Император Петр,

который, по мнению Уолпола, злоупотреблял горячительными напитками, тоже видится ему мало подходящим вариантом. Что касается новой правительницы царицы Екатерины, он оставляет открытым вопрос: как будет воспринята принцесса Ангальт-Цербстская в качестве правительницы «добрыми москвитами»? Проводя параллель с британскими политическими проблемами своего времени, Уолпол, откровенно ерничая, вопрошает: не будет ли недовольство озвучено в «Северном Русском» («North Russians»)? Тем самым сам намекает на оппозиционные статьи в издании Д. Уилкса «Северный Британец» («The North Briton») [5, р. 58–60].

В другом ключе – не по смыслу, а с точки зрения подачи материала – описывается «русская революция» 1762 г. в августовском письме Д. Монтегю, школьному другу, который вынужден был жить затворником в своем сельском доме, но живо интересовался всем, что происходило «в большом мире» [6, р. 160]. Письмо начинается с жалобы на нестерпимый зной, обрушившийся на Англию и любезную сердцу Уолпола его загородную резиденцию Стрauberри Хилл с прилегающим парком, где в водоеме изнывают от жары золотые рыбки, которые почти расплавились. Затем, автор переходит к описанию экстремальных событий иного рода, замечая, что этот природный жар ничто по сравнению с тем, что произошло в России: «Что вы скажите по поводу того, что Царица садится на коня и мчится во главе четырнадцати тысяч человек, с большим отрядом артиллерии, чтобы свергнуть с престола своего мужа? И все же она не единственная вительница в этой стране; организации заговора способствовала сестра царской любовницы, героиня лет около двадцати. У них не менее двух царей сейчас в заключении, это, если предположить, что кавалерственные дамы никого не убили. Турок можно признать воплощением умеренности; нужно оказаться в холодном климате, чтобы увидеть подинную революцию» [6, р. 160].

Ситуация представляется парадоксальной, ведь «низложенный император владет Московией, считался наследником в Швеции и истинным наследником в Дании; все северные короны сосредоточились на его челе; остается надеяться, что он в темнице, т. е., что он не убит» [6, р. 160].

После этого пассажа Уолпол переносит внимание на отклик, который в английских верхах получили русские события. Причем, начинает он не с правительства или парламента. Он пишет, что миссис Энн Питт, одна из его корреспонденток и сестра ведущего британского политика У. Питта, «немного завидует двадцатилетней героине...» [6, р. 161]. «Двадцатилетней героиней» он называет 19-летнюю «Екатерину маленькую», т. е. Екатерину Дашкову, активную участницу переворота.

Уолпол не отказал себе в удовольствии слегка позлорадствовать, заметив, что теперь перед

самим «великим коммонером» мистером У. Питтом возникла проблема, как помочь свергнутому Петру III, приверженцу прусского короля Фридриха II. В письме присутствует такая фраза: «не верьте, что ее брат, мистер Уильям Питт, чувствует себя сейчас счастливым, поскольку он не может немедленно отправить эскадру на Балтику для восстановления друга короля Пруссии» [6, р. 161].

Содержание этого письма демонстрирует привычку автора говорить о вещах весьма серьезных в подчеркнuto шутилом тоне, перенося на бумагу манеру, свойственную светской беседе, что вполне соответствовало поведенческим практикам эпохи, проявившимся «в игровом поведении» [7, с. 258]. Лучше понять этот культурно-исторический феномен позволит следующее объяснение: «...Эта удивительная культура галантного общения, «политеса». Его цель не коммуникация, не передача информации, а пристойное остроумное времяпрепровождение, включающее в себя проявление мысли – политической, философской, художественной... Изучая XVIII век, необходимо помнить о нем, специфическом и уникальном «языке», объединявшем многих заметных и не очень заметных деятелей той эпохи» [8, с. 251].

Показательно, что ироничная легкость изложения, ценимая в эпоху рококо, стала восприниматься как недостаток на этапе торжества романтизма в культурной жизни. Недоброжелательно настроенный к Х. Уолполу как типичному представителю века рококо самый известный английский историк первой половины XIX в. Маколей так отзывался о нем: «Его ум был связкою несовместимых причуд и аффектов» и далее: «Он желал быть знаменитым автором и, в то же время, вполне праздным джентльменом» [9, с. 164, 169].

Что до политических прогнозов Х. Уолпола относительно перспектив управления Российской империей, то следует признать, что они оказались нереалистичными. Описывая, как решительно «тигрица» (так именовал Уолпол Екатерину Алексеевну) захватила власть, автор задается вопросом: неужели можно допустить, что она сделала это ради Ивана Антоновича?

Русская тема представлена в издательской деятельности Х. Уолпола. Будучи человеком, располагавшим средствами и временем, интересуясь очень многим, развлекаясь вечерами писанием писем или приятными беседами с друзьями, Уолпол искал, где можно реализовать свою энергию. В июне 1757 г. в одном из коттеджей, расположенных на территории парка, окружавшего Стрauberри Хилл, начала работать организованная им частная типография. Около двух недель шло налаживание печатного станка. Процесс протекал в присутствии довольно многочисленной группы зрителей, включавших нескольких

лондонских издателей, а также приятельницу Уолпола очаровательную актрису Китти Клайв.

Отношение к издательскому делу у Уолпола было двойственным, серьезность намерений сочеталась с причудами богатого дилетанта, каковым он себя позиционировал. Владелец типографии следовал такому принципу: издавать то, что ему нравилось, что его интересовало. Единственное условие: выбранные для публикации тексты должны иметь отношение к исторической тематике. В качестве виньетки, украшающей каждую книгу, изданную в его домашней типографии, Уолпол избрал гравюру с изображением Струберри Хилл.

На первом этапе существования домашней типографии определяясь с кругом своих издательских интересов, Уолпол опубликовал книгу английского дипломата, Ч. Уитворта, дважды бывшего послом при дворе Петра I в период между 1704 и 1710 гг. Лорд Уитворт достаточно успешно совмещал дипломатические усилия, посвященные всесторонней поддержке торговых интересов своей страны, и деятельность агентурную, направленную на собирание разнообразных сведений о состоянии доходов и военной силы, т. е. о степени подготовленности России к той войне, которую она тогда вела.

Думается, справедливо следующее замечание Т. Л. Лабутиной: «собирая разведанные о состоянии вооруженных сил России, британский посланник составлял донесения таким образом, чтобы обратить внимание на их слабые стороны, по-видимому, надеясь, что эта информация дойдет до их противников – шведов» [10, с. 131].

Ради получения интересующих его сведений Ч. Уитворт много ездил по стране, старался присутствовать даже там, куда его не приглашали, пользовался услугами платных агентов, а, кроме того, делая разного рода приятности (денежные подарки, веселые застолья) сановникам императора, например «небезучастному к своим выгодам» Шафирову, за сведения самого различного характера.

В небольшом тексте, написанном около 1710 г. и предназначенном для британского правительства, содержится достаточно схематичная картина того, что хотел показать автор, но общий замысел и подход очевидны. Этот небольшой текст привлек внимание Х. Уолпола. Под названием «Россия, какой она была в 1710 году» книга с предисловием Уолпола была издана в количестве 700 экземпляров в 1758 г. В отечественной традиции название книги звучит «Россия в начале XVIII века».

Если рассматривать работу Ч. Уитворта с точки зрения «культурного диалога», то в ней схематично перечисляются непривычные для англичанина нравы «варварской» страны, преподносимые с усмешкой представителя просвещенной нации. Основным, постоянно исполь-

зуемым определением служит слово «невежество», которое применяется к религии, культуре, повседневному быту. Для Уитворта русское православие – это варварский вариант византийского христианства; памятники культуры – неуклюжие постройки и нескладные картины религиозного содержания. Характер народа оценивается следующим образом: «Обладает таким пассивным мужеством, как никакая другая нация в мире» [11, с. 68]. В этой реплике можно усмотреть не только снисходительность представителя цивилизованного общества в отношении «другого», но и оценка возможностей вероятного противника.

По сути автор, пользуясь устоявшимися стереотипами, не пытается показать, раскрыть, тем более, понять, что собой представляет описываемое им общество. Создается впечатление, что писался этот текст не ради создания «портрета чужого». Основное и достаточно развернутое содержание касается данных о степени военной подготовленности страны (вооружение, флот, состав армейских частей) к тому военному конфликту, который поглощал все силы страны.

На этом фоне особенно контрастно изображены личность и деятельность императора Петра I, противостоящего, по мысли Уитворта, своему народу и даже своему окружению и стремящемуся самими жестокими способами вывести на путь цивилизованности управляемую им страну. Характеристика сурового царя-преобразователя дается довольно комплементарная, люди из его окружения оцениваются в зависимости от того, насколько полезны они были самому Ч. Уитворту.

В предисловии, предваряющем собственно работу Ч. Уитворта, Х. Уолпол написал: «Маленькое сочинение лорда Уитворта прольет свет на становление Московской державы и на планы этого необыкновенного гения Петра Великого» [12, р. V]. Самого Уитворта издатель представляет читателю как одного из самых выдающихся британских дипломатов, много сделавшего для своей страны.

А вот далее описывается случай, очень типичный для игровой ментальности рококо, представляющий славные дела лорда Уитворта. После пространного патетического пассажа о том, сколько пользы принес Уитворт собственной стране, следует описание одного эпизода, который отсутствует в тексте Уитворта. Ссылаясь на некоего покойного сэра Люка Шауба, Уолпол написал, что лорд Уитворт «имел личную близость со знаменитой царицей Екатериной» в ту пору, когда она еще не носила на голове диадему. Перед отъездом посла на придворном балу Екатерина танцует с Уитвортом менуэт, будто бы прошептала: «Вы не забудете маленькую Кэт?» Автор предисловия замечает: «Приходится сожалеть, что такой занимательный писатель, как

лорд Уитворт, не оставил нам более подробно-го описания этой примечательной женщины» [12, р. XX–XXI].

Надо признать, что читающая публика уже тогда поставила под сомнение подлинность этого факта, но Х. Уолпол настаивал на своей правоте, ссылаясь на то, что ему известны другие любопытные анекдоты об этой государыне [цит. по: 13, р. 22]. Данный эпизод лишней раз подтверждает своеобразное отношение Уолпола ко всему, что он делал. Наверняка он знал о том, какие обстоятельства привели простолюдинку Марту в окружение царя Петра I и построил на этом знании пикантный анекдот. Уолпол интересовался историческими сюжетами, но позволял себе их достаточно свободно трактовать ради занимательности.

С точки зрения культурного диалога, история публикации сочинения Ч. Уитворта представляет два временных уровня восприятия проблемы. Один из них выражен автором сочинения о России в начале XVIII в., второй – мыслями по этому поводу издателя, изложенными полвека спустя. Написание работы (около 1710 г.) относится к тому периоду, когда британское правительство «стремилось «балансировать» между Швецией и Россией» [цит. по: 14, с. 185], а время публикации сочинения с комментариями издателя – 1758 г. Суть этих комментариев подчинена желанию обыграть и подчеркнуть успехи британских дипломатов.

Все вышесказанное представляет собой, условно говоря, взгляд Х. Уолпола на Россию и русских, не связанный с личным опытом общения и личными впечатлениями. Непосредственные контакты с представителями русского общества приходятся на вторую половину жизни Уолпола, когда он неоднократно бывал в Париже, а также стал довольно известной фигурой в культурной жизни Англии. Стоит отметить, что в 60–70 гг. XVIII в. происходит заметное сближение Великобритании и России, что в значительной степени объясняется взаимной заинтересованностью британского и русского правительств в нормализации международной ситуации после Семилетней войны [14, с. 256–257].

К середине 1760-х гг. Х. Уолпол в глазах общества перестал быть только сыном знаменитого отца, он приобрел известность как автор романа «Замок Отранто», а более всего как владелец «маленького готического замка» Стрauberри Хилл. Эту свою загородную резиденцию (дом с прилегающим парком) Уолпол обустроивал большую часть своей взрослой жизни, с конца 40-х до середины 70-х гг. Уже в 1760-х гг. Стрauberри Хилл обращал на себя внимание окружающих. Во внешнем облике этого «маленького готического замка», украшенного башенками, просматривались вертикали, узнаваемые, но лишённые подлинно готической, сред-

невековой стремительности. Уютные интерьеры, обставленные книжными стеллажами и каминами, стилизованными под старинные гробницы и освещенные стрельчатыми окнами, частично застекленные красочными витражами – вся эта веселая в духе рококо готика привлекала многочисленных посетителей. Способствовало этой популярности то обстоятельство, что находился Стрauberри Хилл неподалеку от столицы.

Уолпол сначала очень радовался популярности, с гордостью писал об этом в своих письмах. Потом неиссякаемый поток гостей стал его тяготить, были разработаны правила посещения: предварительная заявка, определенные часы визита, отсутствие маленьких детей и ряд других ограничений. Среди посетителей Стрauberри Хилл были не только подданные короля Георга III, но и приезжие с континента, среди них – выходцы из России.

Будучи человеком, привыкшим наблюдать и оценивать все несколько со стороны, Уолпол старался составить внешнее впечатление о русских, которых он мог видеть на официальных приемах, на балах, в театрах, наконец, в собственной загородной резиденции, куда можно было попасть, приобретя пригласительный билет.

Контакты Уолпола с некоторыми из этих заморских гостей описаны в первой главе монографии В. Э. Вацура «Готический роман в России» [15, с. 7–35]. Все они были представителями аристократических верхов русского общества. Некоторые приезжали по делам дипломатической службы, другие сопровождали или навещали сыновей, учившихся в европейских университетах, были и такие, кто странствовал из-за того, что оказался невостребованным дома, в России. Если попытаться определить, что объединяло этих людей (Воронцовы, Голицыны, Г. А. Демидов, Е. Р. Дашкова, Н. Б. Юсупов), то всех их можно условно отнести к той категории просвещенной части общества, кого в следующем XIX в. назовут западниками.

Наблюдая за русскими гостями, Уолпол, прежде всего, оценивал внешнее, чисто визуальное впечатление – не только, как выглядит, но и как ведет себя тот или иной человек. И тут своего рода показателем инаковости, а точнее степени соответствия критериям цивилизованности служит для него понятие «татарскость». Это определение используется очень широко, включая не столько внешний облик, сколько манеру поведения. Так К. Разумовского, с которым Уолпол не захотел знакомиться, он называет «последним татарским гетманом». При первом знакомстве Е. Р. Дашкова ему понравилась, но, когда она внезапно приехала в Стрauberри Хилл «со своей татарской свитой», он предпочел спрятаться, оправдываясь тем, что ему нечем было угостить посетителей.

Верный привычке обо всем рассказывать в письмах, Уолпол давал краткие пояснения раз-

ным эпизодам общения с русскими визитерами. Так, в мае 1776 г. он провел экскурсию по своему дому для Н. Б. Юсупова (в будущем создателя усадьбы Архангельское), отметив, что у того был пригласительный билет, но не проявив никакого интереса к самому посетителю. Люди, отличавшиеся от того, что одобрялось в кругу английских леди и джентльменов, будь то русские варвары или причудники французы, не вызывали заинтересованности и одобрения Х. Уолпола. Исключение из этого правила представляет его отношение к И. Шувалову, государственному деятелю и фавориту императрицы Елизаветы Петровны, который был рекомендован лордом Херфордом, британским послом в Париже в 1765 г. Кристофер Сеймур Конвей лорд Херфорд был кузеном и близким другом Уолпола, который в мартовском письме 1765 г. назвал Шувалова «очень приятным человеком». Первоначальное внешнее впечатление Уолпола от нового знакомого было весьма сдержанным. Шувалов показался ему слишком большим и малопривлекательным мужчиной. Об этом он написал в том же марте во Флоренцию Х. Манну, добавив, что его впечатление отличается от позиции императрицы Елизаветы [16, р. 289]. А уже в начале апреля 1765 г. в письме Херфорду, описывающем прием у принцессы Амалии и присутствовавших гостей, среди которых был И. Шувалов, позиция Уолпола кардинально меняется. Упоминание имени Шувалова сопровождается краткой его характеристикой, которая звучит буквально так: «Я в совершенном восторге от Шувалова; никогда не видел я столь любезного человека! Столько воспитанности, столько простоты и скромности, при таком чувстве собственного достоинства! Некоторая меланхоличность, но никакой подавленности...» [17, р. 527].

Для того чтобы понятнее была восторженность оценки, данной Уолполом Шувалову, следует напомнить об этом человеке. Иван Иванович Шувалов (1727–1797) был, несомненно, выдающейся фигурой. Последнее десятилетие правления Елизаветы Петровны он находился у самого кормила власти, не стремясь при этом к почестям, к получению формальных свидетельств высокого положения ни в виде титулов (он отказался от принятия графского титула), ни в виде материальных даров. Шувалов не проявлял властолюбия, не тяготел к активной политической деятельности. В нем соединялось легкое вольнодумство с подчеркнутой набожностью. Стержнем всей его деятельности можно признать желание способствовать просвещению своей страны и любовь к искусствам. Свое влияние он потратил на создание Московского университета и Академии художеств.

В статье, посвященной И. И. Шувалову, Е. В. Анисимов [18, с. 88] объясняет такую манеру поведения, цитируя объяснение, данное Г. А. Гуковским. Согласно этому объяснению она

культивировала тип человека, «презирающего внешние блага, углубившегося в самосовершенствование, в книги, проводящего жизнь среди высоких идей, окруженного избранными и не менее его добродетельными друзьями» [19, с. 31].

После переворота, приведшего к власти Екатерину II, Шувалов оказался не у дел. В 1763 г. он получил разрешение отправиться в заграничное путешествие, «для поправки здоровья», которое в силу ряда обстоятельств продолжалась до 1777 г. За этот период вельможный полуэмигрант сумел оказать русскому правительству несколько услуг. После того, как Шувалов способствовал отстранению агрессивно настроенного к России папского нунция в Польше, Екатерине пришлось изменить свое отношение к нему, хотя по человеческой сути он со своей мягкостью и нерешительностью был ей совершенно чужд.

Оценить, как воспринимали личность просвещенного русского вельможи те, с кем он общался в Париже, Риме, Венеции, Вене, Ферне и других культурных центрах тогдашней Европы, позволяет рукописный альбом, составленный в 1780-х гг. секретарем Шувалова Марайре де Кюсси. Этот написанный каллиграфическим почерком документ, озаглавленный «Утешение в разлуке», объединяет 96 писем известных и не очень представителей культурной жизни эпохи Просвещения. Среди авторов и знаковые фигуры (Вольтер, Гельвеций), и те, кого принято считать «рядовыми» культурной жизни той эпохи (президент Парижского парламента Эно, аббат Галеви, писательница Жанлис и, что в данном случае особенно интересно, Х. Уолпол).

Вот выдержки из писем парижских знакомцев Шувалова. Мадам Жофрей писала ему в Италию: «В Париже вы snискали себе любовь, уважение, успех в обществе... А если бы мы имели честь видеть в вас согражданина, мы бы еще лучше сумели бы вам угодить» [20, с. 278]. Хозяйка другого парижского салона, маркиза дю Деффан выразила сходные чувства несколько иначе: «Вы являетесь одним из праведников, поминаемых в наших молитвах, а в них мы мало кого поминаем» [20, с. 285]. Президент парламента Эно завершил свое письмо следующими словами: «...Репутация, которую вы создали себе у нас и которая повсюду за вами следует, могла бы сделать вас космополитом... Я оставляю вас, однако, за собой – для первой же державы, в которой я буду королем...» [20, с. 277].

Примем во внимание характерную для того времени склонность к витиеватости и высокопарности выражения мыслей, приправленной изрядной долей ироничности, которая свойственна эпохе, но общая суть позиции авторов совершенно очевидна.

Летом 1765 г. И. И. Шувалов посещал Х. Уолпола в Струберри Хилл, а осенью того же года оба они уехали в Париж, где встречались

в салоне маркизы дю Деффан. Место встречи говорит о многом. Хозяйка этого салона, просвещенная, остроумная и обаятельная (невзирая на преклонный возраст и слепоту) дама, придерживалась умеренных взглядов, не поощряла философских (т. е. радикальных в вопросах религии) настроений среди своих гостей. В такой обстановке комфортно себя чувствовали и православный Шувалов, и англичанин Уолпол. Кроме того, если припомнить основные черты характера, отличавшие Х. Уолпола, круг его интересов и манеру его поведения, он почти наверняка увидел в Шувалове то, что принято назвать «родственной душой», – человека, сторонящегося публичности, зато имеющего обширные интересы в сфере культуры.

Показательной можно считать фразу из письма от 25 сентября 1766 г. Х. Манну, который был не только давним и постоянным, но и самым близким, задушевным собеседником в письмах: «Здесь граф Шувалов, фаворит покойной царицы – не этой тигрицы, прошу иметь в виду. Я знавал его по Парижу в его прошлый приезд сюда и очень люблю его как одно из самых человеческих и любезных существ на земле. Он путешествует по Европе, пока не кончится эта тирания, и говорит о поездке в Италию. Обязательно познакомьтесь с ним: вы созданы друг для друга» [16, р. 455–456].

В течение следующих 10 лет связующим звеном между английским аристократом и русским вельможей служила их общая приятельница мадам дю Деффан, которая в своих письмах тому и другому напоминала, что каждый из них помнит и хорошо относится друг к другу.

В сентябре 1775 г. Х. Уолпол приехал в Париж. Вновь местом светского общения для него остается, как и прежде, салон Мари дю Деффан. И. Шувалов тоже в это время находился в Париже и они встречались. Расставаясь с Шуваловым, который собирался возвращаться в Россию, Уолпол просил его портрет, чтобы украсить им галерею Струберри Хилла. Портрет был готов в том же 1775 г. и отослан в Англию. На нем Шувалов представлен держащим в руке эстамп с изображением Хораса Уолпола.

Последнее обстоятельство послужило основной темой письма Уолпола и поводом для любопытства мадам дю Деффан. Она пожаловалась, что Шувалов отказался зачитать ей это письмо. Зная его содержание, зная характер Шувалова, этот отказ вполне объясним. Вот что было написано в апрельском письме 1776 г.: «Большую честь оказали Вы мне, граф, и огромное доставили удовольствие присылкой своего портрета. Вы доказали этим, что цените мои дружеские к вам чувства... по чрезмерной своей доброте и скромности, вы значительно понизили цену портрета, приказав присоединить к нему изображение человека, совершенно недостойного быть рядом с вами...» [20, с. 290].

Подобно другим корреспондентам Шувалова Уолпол обращается к нему – граф, хотя тот в свое время отказался от предложенного Елизаветой Петровной графского титула, и англичанин, скорее всего, об этом знал. Тут проявилось обычное человеческое стремление наделять титулами и званиями тех, кому хочется польститься или просто высказать свою приязнь. Развивая эту тему, англичанин пишет, что не может претендовать на «соседство с философом, в течение двенадцати лет обладавшим полнотой власти и не нажившим ни одного врага» [20, с. 290]; такое под силу только императору Марку Аврелию или английскому премьеру сэру Роберту Уолполу. Завершает письмо просьба прислать гравированный портрет «государыни, которая по достоинству умела вас ценить» [20, с. 291]. И такой портрет был прислан. В настоящее время портрет Шувалова считается пропавшим вместе со многими другими картинами, украшавшими Стоуберри Хилл.

Еще одно письмо Уолпола, относящееся к этому времени (июль 1776 г.), сообщает о посланных Шувалову медальонах: «...Я истратил все ваши деньги, но, зато, ведь и медальонов немало...я, может быть, могу надеяться, что удостоюсь чести сделаться вашим комиссионером?» [20, с. 291].

Деловая информация плавно перетекает в комплементарно-ироническую угрозу: «Если вам угодно будет хранить эстамп с моим изображением в вашей комнате, то уже и это будет для меня незаслуженным почетом, но никогда не хватит у меня дерзости вставить себя в одну с вами раму... Если вы меня рассердите, я заставлю вас держать в руке кардинала де Ришелье, у которого так же мало прав на соседство с вами, граф, как и у – вашего и пр. Ораса Уолпола» [20, с. 291–292].

На первый взгляд, несколько преувеличенной кажется восторженная тональность и нотка самоуничижения в обращении к корреспонденту. Так было принято. Вот как писал Шувалову другой его корреспондент остроумец аббат Галиани: «...Вам все же угодно было бросить свой взор на меня, отчего я и возгордился» [20, с. 286].

Для понимания взглядов Х. Уолпола, делается, совершенно необходимо учитывать, что он был дилетантом в том смысле, который этому понятию придавался: «...в Англии XVII–XVIII столетий, где это слово было почти синонимично слову «виртуоз». Оба они употреблялись как комплимент по отношению к джентльмену, увлекающемуся на досуге науками и свободными искусствами» [21, с. 45]. Тип просвещенного дилетанта был довольно распространен в английском обществе эпохи Просвещения.

Широкий кругозор, умение увлеченно работать сочеталось у джентльменов-дилетантов с переменчивостью интересов, с демонстративно несерьезным, капризным отношением к тому,

чем они занимались. Поведенческая практика Х. Уолпола может служить тому подтверждением, он сам это обыгрывал, давая себе характеристику в третьем лице: «...Противоречиями его характера являлись многочисленные капризы и непобедимое упорство...» [22, р. 254].

Что касается по сути восторженного отношения Х. Уолпола к И. Шувалову, то в этом случае явно возобладали оценка, согласно которой «Другой» по национальной принадлежности может быть «Своим» по культурно-нравственным приоритетам [1, с. 262]. В целом восприятие Уолполом носителей другой культурно-исторической традиции соответствовало устоявшимся в английском обществе снисходительно-критическим оценкам.

Список литературы

1. *Репина Л. П.* Историческая наука на рубеже XX–XXI вв.: социальные теории и историческая практика. М.: Круг, 2011. 560 с.
2. *Porter R.* The English Enlightenment // The Enlightenment in National Content / ed. by R. S. Porter, M. Teich. Cambridge: Cambridge University Press, 1981. P. 1–18.
3. *Walpole H.* Memoires and portraits. New York: B. T. Bedford, 1963. 312 p.
4. *Васильева С., Эрлихсон И.* Преступление и наказание в английской общественной мысли XVIII века. СПб.: Алетейя, 2020. 480 с.
5. *Walpole H.* Correspondence / ed. by W. S. Lewis: in 48 vols. Yale; London: O. U. P., 1937. Vol. 22. 588 p.
6. *Walpole H.* Selected letters of Horace Walpole. London: Bell and sons, 1914. 426 p.
7. *Хейзинга Й.* Homo ludens. Опыт определения игрового элемента культуры. СПб.: Издательство Ивана Лимбаха, 2011. 416 с.
8. *Одесский М. П.* Кантемир и Поуп // Прометей. Историко-биографический альманах. Вып. 16 / сост. Е. Бондарева. М.: Молодая гвардия, 1990. С. 251–261.
9. Гораций Вальполь // *Маколей.* Полн. собр. соч.: в 16 т. СПб.; М.: издание М. О. Вольфа, 1866. Т. 2. С. 163–202.
10. *Лабутина Т. Л.* Британский дипломат и разведчик Чарльз Уитворт при дворе Петра I // Вопросы истории. 2010. № 11. С. 124–135.
11. *Уитворт Ч.* Россия в начале XVIII века. М.: Институт истории СССР, 1988. 222 с.
12. *Walpole H.* Advetisement // Russia as it was in the year 1710, by Charles lord Whitworth. Strawberry Hill, 1758. P. I–XXIV.
13. *Havens M. A.* Horace Walpole and the Strawberry Hill Press. 1757–1789. Canton Pennsylvania: The Kirgate Press, 1901. 86 p.
14. *Соколов А.Б.* Навстречу друг другу. Россия и Англия в XVI–XVIII вв. Ярославль: Верхне-Волжское издательство, 1992. 304 с.
15. *Вацура В. Э.* Готический роман в России М.: Новое литературное обозрение, 2002. 548 с.
16. *Walpole H.* The letters of Horace Walpole earl of Orford: in 6 vols. Vol. 5. London: S. Bently, 1840. 556 p.
17. *Walpole H.* Correspondence / ed. by W. S. Lewis: in 48 vols. Yale; London: O. U. P., 1937. Vol. 38. 578 p.
18. *Анисимов Е. В. И. И. Шувалов – деятель российского просвещения* // Вопросы истории. 1985. № 7. С. 88–104.
19. *Гуковский Г. А.* Очерки по истории русской литературы XVIII века. Дворянская фронда в литературе 1750–1760 годов. М.; Л.: Издательство АН СССР, 1936. 246 с.
20. Литературное наследство. Т. 29/30: Русская культура и Франция / отв. ред. П. И. Лебедев-Полянский. М.: Жур.-газ. объединение, 1937. 764 с.
21. *Соколова М.* Феномен дилетанта в английской художественной жизни XVIII в. // Любительство XVIII–XXI вв. От просвещенных дилетантов до рок-музыкантов / отв. ред. К. Г. Богемская. М.: Государственный институт искусствознания, 2010. С. 46–59.
22. *Horace Walpole: The Critical Heritage* / ed. by P. Sabor. London; New York: Routledge and Kegan Paul, 1987. 372 p.

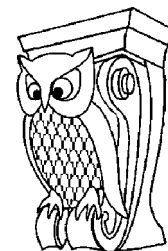
Поступила в редакцию 04.05.2022; одобрена после рецензирования 18.05.2022; принята к публикации 30.06.2022
The article was submitted 04.05.2022; approved after reviewing 18.05.2022; accepted for publication 30.06.2022

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2022. Т. 22, вып. 4. С. 505–509
Izvestiya of Saratov University. History. International Relations, 2022, vol. 22, iss. 4, pp. 505–509
<https://imo.sgu.ru> <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2022-22-4-505-509>, EDN: QLWAWU

Научная статья
УДК 327.51(5-15)|1955/1979|:327.51(100)

Структура Организации Центрального Договора и ее сравнение с другими военно-политическими блоками

А. В. Х. Нухаилави

Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, Россия, 410012, г. Саратов, ул. Астраханская, д. 83

Нухаилави Аббас Валид Хасан (Ирак), аспирант кафедры международных отношений и внешней политики России, iraqabbas82@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-2226-7377>

Аннотация. Созданный в 1955 г. военно-политический блок на Ближнем и Среднем Востоке, получивший название Организация Центрального Договора (СЕНТО), имел явно выраженный прозападный и антисоветский характер. В данной статье рассматривается организационная структура блока, проводится его сравнение с другими региональными военно-политическими организациями, созданными странами Запада в 40-х и 50-х гг. XX столетия.

Ключевые слова: Багдадский пакт, СЕНТО, региональные военно-политические организации, НАТО, СЕАТО

Для цитирования: Нухаилави А. В. Х. Структура Организации Центрального Договора и ее сравнение с другими военно-политическими блоками // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2022. Т. 22, вып. 4. С. 505–509. <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2022-22-4-505-509>, EDN: QLWAWU

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

The structure of the Central Treaty Organization and its comparison with other military-political blocs

A. W. H. Nukhailawi

Saratov State University, 83 Astrakhanskaya St., Saratov 410012, Russia

Abbas Walid Hasan Nukhailawi (Iraq), iraqabbas82@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-2226-7377>

Abstract. Created in 1955, the military-political bloc in the Near and Middle East, called the Central Treaty Organization (SENTO), had a pronounced pro-Western and anti-Soviet character. This article examines the organizational structure of the bloc, and also compares it with other regional military-political organizations created by Western countries in the 40s and 50s of the XX century.

Keywords: Baghdad Pact, SENTO, regional military-political organizations, NATO, SEATO

For citation: Nukhailawi A. W. H. The structure of the Central Treaty Organization and its comparison with other military-political blocs. *Izvestiya of Saratov University. History. International Relations*, 2022, vol. 22, iss. 4, pp. 505–509 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2022-22-4-505-509>, EDN: QLWAWU

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

24 февраля 1955 г. в Багдаде был создан военно-политический блок Организация Центрального Договора (СЕНТО), в который вошли Турция, Ирак, Иран, Пакистан и Великобритания, носивший явный антикоммунистический характер. Блок был призван обезопасить ресурсы Ближнего и Среднего Востока от посягательств со стороны СССР как посредством прямого военного вмешательства, так и вследствие прихода к власти просоветских правительств. Ведущую роль в его создании сыграли США и Великобритания, чьи экономические и политические

интересы были в опасности, поскольку нефтяные месторождения Среднего Востока (которые контролировались компаниями этих стран), могли быть захвачены СССР. Намерение создать подобный альянс возникло практически сразу после Второй мировой войны. Для достижения своих целей США и Великобритания прибегли к смене правительства в Иране в 1953 г. и установлению лояльного им режима.

Актуальность данного исследования обусловлена недостаточной изученностью военно-политических процессов в периферийных ре-

гионах, протекавших в первые годы холодной войны.

Целью исследования являются структура и основные направления деятельности СЕНТО, а также сравнение этого блока с другими аналогичными организациями.

Источниковой базой послужили уставные документы военно-политических блоков, труды арабских, советских, российских и англоязычных исследователей.

В 50-е гг. XX столетия в целях реализации антикоммунистической политики и защиты от распространения сферы влияния СССР, помимо СЕНТО, создавались и другие региональные военно-политические блоки. Наряду с созданным в 1949 г. НАТО существовала и другая организация – СЕАТО (Организация Договора Юго-Восточной Азии). Все они имели много общего с СЕНТО: во-первых, создавались для целей противостояния со странами коммунистического блока; во-вторых, имели военно-политический характер и схожую структуру.

Цели и задачи существования Организации Центрального Договора определяли структуру и текст Багдадского пакта – уставного документа блока.

Согласно ст. 1 пакта СЕНТО создавалось в соответствии со ст. 51 Устава ООН (сотрудничество в целях обеспечения безопасности). Статья 2 закрепляла необходимость создания компетентных органов, которые определяют меры по обеспечению этой безопасности. Все предложенные меры должны были одобряться правительствами стран-участниц. Согласно ст. 3, 4 закреплялся приоритет Устава ООН по отношению к деятельности СЕНТО, а также признавался приоритет уже заключенных международных соглашений. Страны-участницы обязались не заключать международные соглашения, противоречившие Багдадскому пакту. Они отказались от вмешательства во внутренние дела друг друга, а все споры договорились решать мирным путем. Статья 5 пакта закрепляла возможность присоединения к СЕНТО любой другой страны, в том числе стран из Лиги арабских государств – данная норма специально была введена для предполагаемого расширения блока. Статья 7 закрепляла допустимость свободного выхода из СЕНТО, а также срок действия соглашения – 5 лет с возможностью пролонгации на такой же срок. Так как текст составлялся на трех языках (английском, арабском и турецком), было принято решение, что все противоречия в трактовке текста соглашения будут решаться путем обращения к английскому экземпляру [1].

Главным органом СЕНТО согласно ст. VI Устава стал Постоянный совет министров (он же Совет Альянса), который состоял из министров иностранных дел каждой из стран-участниц или представителей министерств. В компетенцию этого органа входили:

постоянные консультации по военным, политическим и экономическим вопросам;

руководство высшей оборонной политикой и определение ее принципов.

Совет должен был регулярно проводить заседания с периодичностью не реже 2 раз в год. Причем одно из этих заседаний должно было проходить совместно с министрами иностранных дел стран-участниц. Второе и последующие можно было проводить при участии представителей. Первое заседание в присутствии министров состоялось в Багдаде в 1955 г. Это заседание возглавил премьер-министр Ирака Нури аль Саид [2, с. 12]. Также в заседании принял участие генеральный секретарь НАТО. Далее руководство Советом Альянса взял на себя министр иностранных дел Ирака [3, с. 40].

Помимо Совета Альянса, постепенно создавались комитеты. К задачам военного комитета, состоявшего из командующих армиями и начальников генеральных штабов стран-участниц, относилось руководство военной деятельностью Альянса. С 1960 г. в Анкаре заседал подкомитет, состоявший из заместителей командующих. С 13 марта 1957 г. в комитет вошли представители США [4, с. 52].

Комитет по борьбе с деструктивной деятельностью состоял из глав служб безопасности стран-участниц. Он был учрежден на заседании Совета Альянса в Анкаре в апреле 1956 г. В его задачи входила разработка планов борьбы с коммунистическими движениями внутри и распространением коммунизма со стороны СССР [5, с. 173].

Комитет по связи и информации занимался обменом информацией между странами-участницами по вопросам, касавшимся целей и задач СЕНТО, а также выполнял публичные функции в виде информирования населения стран-участниц о деятельности Альянса [2, с. 12].

Экономический комитет был призван развивать экономическую интеграцию стран-участниц, обобщать опыт, развивать взаимодействие с международными организациями и корпорациями. В рамках комитета действовали следующие подкомитеты: экономических экспертов, здравоохранения, транспорта, сельского хозяйства [6, с. 128]. К примеру, подкомитет здравоохранения осуществлял взаимодействие с Всемирной организацией здравоохранения.

Постоянно действующим органом, координирующим деятельность всех органов СЕНТО, являлся секретариат, возглавляемый генеральным секретарем. В рамках секретариата действовали департаменты.

Административный департамент, возглавляемый самим генеральным секретарем, обеспечивал деятельность всех органов СЕНТО и деятельность самого секретариата.

Политический департамент, во главе которого стоял заместитель генерального секретаря,

координировал работу альянса по политическим вопросам в перерывах между сессиями работы Совета Альянса.

Экономический департамент, возглавляемый вторым заместителем генерального секретаря, разрабатывал основные вопросы, обсуждаемые экономическим комитетом, и осуществлял обмен информацией по экономическим и научно-техническим вопросам между странами-участницами.

Отдел секретариата по борьбе с подрывной деятельностью обеспечивал работу соответствующего комитета.

Помимо вышеназванных органов, в СЕНТО действовали:

Департамент военного планирования, возглавляемый военачальниками стран-участниц поочередно (первым был генерал пакистанской армии Мохаммад Хабибулла Хан);

Департамент военно-воздушной обороны, состоявший преимущественно из британских и американских специалистов [2, с. 16–19].

Таким образом, структура СЕНТО позволяла выполнять цели и задачи Альянса. Эффективность его деятельности прослеживается в трех направлениях: развитие инфраструктуры и взаимной экономической интеграции стран-участниц; совершенствование научно-технического сектора (к примеру, Иракская атомная программа); борьба с коммунистическим движением внутри стран. Однако непосредственную роль данной структуры в реальных результатах установить сложно, разве что подавление коммунистического движения. Во многом это связано с финансовой зависимостью стран от Запада.

Финансирование деятельности СЕНТО во многом представляло собой перераспределение полученных дотаций от США и Великобритании каждой из стран, которые в свою очередь перенаправляли часть денег на деятельность СЕНТО. Развитие экономик стран напрямую было связано с этим финансированием [7, с. 144]. По сути само участие в блоке рассматривалось Ираном, Ираком, Турцией и Пакистаном как возможность получать дотации.

Наиболее интересным для сравнения представляется СЕАТО – Организация договора о Юго-Восточной Азии / организация Манильского пакта, созданная 8 сентября 1954 г. В его состав вошли следующие страны:

США, Великобритания, Франция, – страны имевшие свои интересы или зависимые территории в данном регионе;

Новая Зеландия и Австралия – страны Британского содружества;

Таиланд, Филиппины и Пакистан (с учетом Восточного Пакистана до его отделения в качестве государства Бангладеш) – страны, непосредственно располагающиеся в Юго-Восточной Азии.

Именно Пакистан являлся связующим звеном между СЕНТО и СЕАТО в оборонительной блоковой политике от угрозы со стороны СССР и Китая [8, р. 338–339]. Также блок сотрудничал с такими странами, как Королевство Лаос, Южная Корея и Южный Вьетнам.

Сходства двух блоков можно проследить на примере их уставных документов. Выше была представлена структура Багдадского пакта. Теперь обратимся к Манильскому пакту – уставному документу СЕАТО. В целом он имеет общие черты с Багдадским пактом: деятельность в соответствии с Уставом ООН, создание единого компетентного органа – Совета, возможность вступления в него других стран-участниц и т. д. Однако имелись и существенные различия. Во-первых, в случае агрессии по отношению к одной из стран-участниц договаривавшиеся стороны брали на себя обязательство оказывать всяческую помощь, в том числе и военную, чего не было в тексте Багдадского пакта, который ограничился сугубо общим термином «содействие в обеспечении безопасности». Стороны, хотя и признавали внешнюю агрессию против страны-участницы общей, но оставляли за собой право действовать согласно своим конституциям, поэтому военное вмешательство в данном вопросе не являлось однозначным, как то прописано в Североатлантическом Договоре. Во-вторых, в Манильском пакте было отражено особое положение США. Они оставляли за собой право невмешательства в случае агрессии со стороны страны, не являвшейся коммунистической [9].

Несмотря на отсутствие в тексте Багдадского пакта столь явной провоенной формулировки, как это имело место в Манильском пакте, в структуру СЕНТО входили: постоянно действовавший военный комитет и постоянно действовавший Департамент военного планирования, совместно осуществлявшие координацию действий вооруженных сил стран-участниц, чего не было в структуре СЕАТО. В последней полностью отсутствовал централизованный постоянно действующий координирующий орган, ведавший вооруженными силами [10, р. 60] (не путать полномочия координирующих органов с единым военным командованием, которое имелось в структуре НАТО, обладающим еще большими полномочиями по руководству вооруженными силами).

В структуре СЕАТО входили Совет министров – главный орган, генеральный секретариат и три комитета: экономический, комитет безопасности, информационный. Комитет безопасности не был связан напрямую с деятельностью вооруженных сил и занимался общими вопросами противодействия внешним и внутренним угрозам (централизованная контрразведывательная деятельность, борьба с коммунистическим движением, анализ военной угрозы в регионе) [11, р. 548].

Таким образом, в основном СЕНТО и СЕАТО имели схожую организационную структуру, за исключением отсутствия в структуре СЕАТО сугубо военных органов планирования и координации.

Сравнение СЕНТО с блоком НАТО также не лишено смысла, поскольку именно НАТО послужило прообразом всех остальных военно-политических антикоммунистических блоков. Идеологическая повестка была главным требованием США к странам-участницам, которые хотели создать единую антикоммунистическую организацию, включавшую в себя страны на всех континентах [12, с. 28]. Начиная с 1949 г., НАТО принимало в свой состав другие страны, а также создавало внутри себя все более и более развитую структуру органов. Поэтому для сравнения стоит рассматривать блок в первые годы его существования. В 1949 г. в НАТО входили: США, Великобритания, Бельгия, Дания, Исландия, Италия, Канада, Люксембург, Нидерланды, Норвегия, Португалия, Франция. В 1952 г. в него вошли Греция и Турция. Именно тогда у США и Великобритании сформировался план, по которому Турция могла стать связующим звеном с аналогичным Средне-Восточным блоком. В 1955 г. в НАТО вошла ФРГ.

Главным политическим органом принятия решений в НАТО и единственным комитетом, чье образование было закреплено в учредительном договоре, являлся Североатлантический совет (САС). Предусматривалось создание трех основных органов и пяти региональных групп планирования (каждый региональный орган планирования также имел военные подразделения). В частности, был создан Комитет оборонного планирования, объединивший глав военных ведомств стран НАТО и отвечавший непосредственно перед САС за обеспечение безопасности в зоне ответственности альянса. Созданный тогда же Военный комитет состоял из начальников генеральных штабов и их представителей. Он проводил консультирование Комитета обороны (и других структурных подразделений НАТО) и предоставлял ему рекомендации о мерах, необходимых для обороны североатлантической зоны. В рамках Военного комитета была образована постоянная группа, состоявшая только из представителей США, Великобритании и Франции. Она стала играть важнейшую, если не ключевую, роль в функционировании военной системы НАТО, поскольку координировала и интегрировала военные планы региональных групп планирования, а также передавала их вместе со своими рекомендациями в Военный комитет. Такая структура блока существенно отличалась от СЕНТО и СЕАТО, которые, хотя и имели военную составляющую, но она не доминировала над другими.

Уставной документ НАТО – Североатлантический договор. Именно он стал прообразом

для уставных документов вышеупомянутых блоков. Однако, исходя из некоторых статей этого договора, можно сделать вывод о большей императивности договора и военной ориентации. К примеру, согласно ст. 5 нападение на одну из стран признается нападением на все остальные страны-участницы. В отличие от Багдадского пакта, в котором закреплен приоритет уже заключенных международных договоренностей стран-участниц, Североатлантический договор подразумевает в ст. 1 и 8 единственный приоритет – устав ООН. В ст. 13 прописана возможность выхода из НАТО, но только по истечении 20-летнего срока с предварительным уведомлением США о выходе. Допускается вступление в НАТО других стран североатлантического региона. В Договоре уделено большое внимание консультациям по военным и иным вопросам [13]. Руководящая роль США в блоке прослеживается исходя из текста договора.

Подводя итог сравнению блоков, можно заключить:

руководящая роль какой-либо из стран-участниц формально прослеживается лишь в НАТО, в СЕНТО США и вовсе отсутствует в качестве страны-участницы, а лишь присутствует в блоке на иных основаниях (консультации и наблюдение);

только НАТО признает военное нападение на страну-участницу нападением на всех стран-участниц. СЕАТО в этом вопросе занимал промежуточное положение – страны-участницы брали обязательство оказывать всяческую помощь претерпевшей агрессию стране, а США и вовсе имели право не вмешиваться в конфликт в случае, если в нем отсутствовала коммунистическая угроза. СЕНТО в этом вопросе представляется наименее определенным с точки зрения гарантии предоставления военной взаимопомощи;

НАТО имело большую военную ориентированность с точки зрения организационной структуры и направлений деятельности в отличие от других блоков. СЕНТО в отличие от СЕАТО включало сугубо военные органы;

возможность выхода из блока НАТО ограничивалась, по сравнению с другими блоками, выход из которых был свободен.

Также в системе антикоммунистической обороны стран Запада в 1950-х гг. был создан военный союз АНЗЮС – «Тихоокеанский пакт безопасности». Он включал в себя США, Австралию и Новую Зеландию. Пакт был подписан в Сан-Франциско в 1951 г. Однако союз не оформился в блок, поскольку страны-участницы на тот момент уже обладали тесными связями, а многие вопросы решались путем заключения двусторонних соглашений. В рамках деятельности союза в основном проводились консультации и разрабатывались планы взаимодействия на случай войны [14, р. 348].

На наш взгляд, именно НАТО и СЕНТО являлись наиболее развитыми структурами в системе блоков, созданных в 50-х гг. XX столетия. На то есть ряд предпосылок.

Во-первых, географическое положение блоков. НАТО, несмотря на то, что между Северной Америкой и Европой находится Атлантический океан, разделяющий две основные ее части (европейскую и американскую), расположено компактно, между странами существовала тесная экономическая и логистическая интеграция. СЕНТО в этом плане также имело компактно расположенное ядро в виде стран Среднего Востока (у Великобритании не было границ с этим регионом).

Во-вторых, политическая направленность НАТО была очевидна. Именно она непосредственно соприкасалась с наиболее сильной страной социалистического блока – СССР и государствами, находившимися под прямым его влиянием. Данный факт диктовал необходимость налаживания большей взаимной интеграции стран. СЕНТО стремилось при поддержке США организовать сближение экономик стран, что и обусловило наличие развитой организационной структуры.

В-третьих, важность региона Среднего Востока, с точки зрения нефтяных месторождений и противопоставления его странам Арабского союза (которые в связи с Суэцким кризисом и поддержкой Израиля США, не могли рассматриваться последними в качестве надежных союзников [15, с. 13–14]), диктовало необходимость развивать блоковые отношения.

Подводя итог, стоит отметить, что образованию СЕНТО способствовали США и Великобритания. СЕНТО должно было стать связующим звеном между НАТО и СЕАТО через Турцию и Пакистан соответственно. Цель данных блоков заключалась в защите указанных стран и их интересов в охватываемых блоками регионах от влияния СССР и Китая. Страны СЕНТО имели ряд внутренних противоречий и не обладали развитыми экономиками. Их объединение требовало не только создание военного блока, но и сотрудничества по ряду других направлений: экономическому, политическому, деятельности по защите от внутренних угроз. Таким образом, организационная структура СЕНТО отвечала ее целям и задачам. Она представляется достаточно развитой в сравнении с другими военно-политическими блоками.

Список литературы

1. Багдадский пакт от 04.02.1955 г. Проект «Авалон» юридического факультета Йельского университета. URL: <https://web.archive.org/web/20070222110942/http://www.yale.edu/lawweb/avalon/mideast/baghdad.htm> (дата обращения: 27.01.2022).
2. ابن عبد العزيز خالد بن سلطان ، ميثاق بغداد ، 2006 ، صفحة . (Ибн Абдул Азиз Халид бин Султан. Багдадский пакт. 2006). URL: www.l.com/Lbroth/monznot2002 (дата обращения: 29.01.2022).
3. مصطفى أحمد أبو الخير ، النظرية العامة للتحالفات العسكرية ، القاهرة ، 2006 ، ص 40 (Мустафа Ахмед Абу Аль-Хайр. Общая теория военных союзов. Каир : Фатх, 2006. 62 с.).
4. محمد عزيز شكري، الأتحاف والتكتلات في السياسة العالمية ، القاهرة ، 1974 ، ص 52 (Мохаммед Азиз Шукри. Альянсы и блоки в мировой политике. Каир : Фатх, 1974. 326 с.).
5. فكرت ناميق عبد الفتاح ، سياسة العراق الخارجية في المنطقة العربية . 173 صفحة 1991 ، بغداد (1953–1958) (Фикрет Намик Абдель Фаттах. Внешняя политика Ирака в арабском регионе (1953-1958). Багдад : Мехо, 1991. 320 с.).
6. النعمي أحمد نوري ، السياسة الخارجية لتركيا بعد الحرب العالمية الثانية ، بغداد 1975 ، ص. 228 (Наими Ахмед Нури. Внешняя политика Турции после Второй мировой войны. Багдад : Мехо, 1975. 228 с.).
7. كريم مطر حمزه العبيدي ، سياسات الولايات المتحدة الامريكه اتجاه تركيا . ص 144 ، 1970 ، الأردن ، عمان ، والتوزيع للنشر الرضوان دار ، (Карим Матар Хамза аль Обайди. Политика Соединенных Штатов Америки в отношении Турции. Амман, Иордания : Издательство Дар аль Радван, 1997. 508 с.).
8. Southeast Asia: A historical encyclopedia from Angkor Wat to East Timor / ed. Ooi Keat Gin. Santa Barbara, CA : ABC-CLIO, 2004. Vol 3. 1790 p.
9. Манильский пакт от 08.09.1954 г. Проект «Авалон» юридического факультета Йельского университета. URL: https://avalon.law.yale.edu/20th_century/usmu003.asp (дата обращения: 11.03.2022).
10. Encyclopaedia Britannica (India). Students' Britannica India / eds. Dale Hoiberg, Indu Ramchandani. New Delhi : Popular Prakashan, 2000. Vol. 5.
11. Colonialism: An International Social, Cultural, and Political Encyclopedia / ed. Melvin E. Page. ABC-CLIO, 2003. 1208 p.
12. Пилько А. В. У истоков «холодной войны»: создание НАТО и его последствия // Вестник Московского университета. Сер. 8 История. 2008. № 2. С. 22–34.
13. Североатлантический договор от 04.04.1949 г. URL: https://www.nato.int/cps/ru/natohq/official_texts_17120.htm (дата обращения: 07.03.2022).
14. William David McIntyre. Background to the Anzus Pact: Policy-Makers, Strategy and Diplomacy, 1945–55. London : Palgrave Macmillan, 1995. 464 p.
15. Румянцев В. П. Ближневосточная политика США и Великобритании в 1956–1960 гг. Томск : Издательство Томского государственного университета, 2010. С. 13–14.

Поступила в редакцию 11.04.2022; одобрена после рецензирования 25.04.2022; принята к публикации 30.06.2022
The article was submitted 11.04.2022; approved after reviewing 25.04.2022; accepted for publication 30.06.2022

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2022. Т. 22, вып. 4. С. 510–514
Izvestiya of Saratov University. History. International Relations, 2022, vol. 22, iss. 4, pp. 510–514
<https://imo.sgu.ru> <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2022-22-4-510-514>, EDN: RQDRTZ

Научная статья
УДК [94+284](567)|19|+929Саддам Хусейн

Проблема взаимоотношений власти и шиитских улама в Ираке при Саддаме Хусейне (1970–1980-е годы)

М. С. Хамид

Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, Россия, 410012, г. Саратов, ул. Астраханская, д. 83

Хамид Мариам Салман, аспирант кафедры всеобщей истории, mariyam22sm@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-5363-0909>

Аннотация. В статье предпринята попытка проанализировать специфику положения шиитского духовенства в Ираке, связанную с традиционным исламским мировоззрением шиитов, исторически занимавших подчиненное положение в суннитской политической иерархии. Основное внимание уделяется периоду складывания и укрепления единоличной власти Саддама Хусейна, когда он выступил с инициативой по умиротворению шиитов и улама, сочетая политику «кнута и пряника», рассматривая шиитов как потенциальную угрозу его светской власти.

Ключевые слова: Ирак, Саддам Хусейн, ислам, шииты, улама, секуляризм, исламизм, Ад-Даваа

Для цитирования: Хамид М. С. Проблема взаимоотношений власти и шиитских улама в Ираке при Саддаме Хусейне (1970–1980-е годы) // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2022. Т. 22, вып. 4. С. 510–514. <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2022-22-4-510-514>, EDN: RQDRTZ

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

The problem of the relationship between the government and Shiite Ulama in Iraq under Saddam Hussein (1970–1980s)

M. S. Hamid

Saratov State University, 83 Astrakhanskaya St., Saratov 410012, Russia

Maryam Salman Hamid, mariyam22sm@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-5363-0909>

Abstract. The article attempts to analyze the specifics of the position of the Shiite clergy in Iraq, associated with the traditional Islamic worldview of Shiites, who traditionally occupied a subordinate position in the Sunni political hierarchy. The article focuses on the period of the formation and strengthening of Saddam Hussein's sole power, when he took the initiative to appease Shiites and Ulama, combining the policy of "carrot and stick", considering Shiites as a potential threat to his secular power.

Keywords: Saddam Hussein, Islam, Shiites, Ulama, secularism, Islamism, Al-Dawaa

For citation: Hamid M. S. The problem of the relationship between the government and Shiite Ulama in Iraq under Saddam Hussein (1970–1980s). *Izvestiya of Saratov University. History. International Relations*, 2022, vol. 22, iss. 4, pp. 510–514 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2022-22-4-510-514>, EDN: RQDRTZ

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC0-BY 4.0)

Шииты представляют собой одну из трех государствообразующих обществ Ирака, сформировавшихся на основе конфессионального признака. По данным на 2002 г., из 24 млн населения Ирака 60% верующих (арабы и курды) были шиитами, 35% (арабы и курды) – суннитами, и около 3% – христианами. Подавляющую часть арабов (около 80%) составляли шииты, а арабов-суннитов было 18% [1, с. 23]. Географически шииты доминируют в южных районах Ирака – от Басры до Багдада на севере.

Шииты, являясь статистическим большинством населения страны, фактически долгое вре-

мя находились в подчиненном и угнетаемом положении по сравнению с суннитами. Исторически сложилось, что до образования британского протектората Ирак в 1920-е гг. территория страны входила в состав Османской империи, где правящая династия халифов исповедовала ислам суннитского толка. Английские колониальные власти и пришедшая им на смену власть Партии «Баас» продолжили политику третирования шиитов. Парадокс заключался в том, что одним из основателей Партии был шиит Фуад ар-Рикаби, и вначале большинство членов партии были шиитами, но к 1970 г. сунниты состав-

ляли уже более 80% ее членов. Как отмечают эксперты, светская власть Партии «Баас» строилась на родственных и клиентальных связях, присущих общинам северных арабов-суннитов, у которых сформировались собственные нормы политического поведения [2, с. 169], что и вылилось в укрепление власти клана Саддама Хусейна в будущем.

Шииты, таким образом, традиционно рассматривались как потенциальный источник оппозиции по отношению к действующей власти. Идея противостояния властям и идея угнетенного положения действительно составили основу шиитской концепции мироощущения.

Если углубиться в историю вопроса формирования шиизма, который официально именуется «иснаа шария», или «двунадесятники», так как они признают только двенадцать праведных имамов, начиная с имама Али ибн Абу Талиба и заканчивая имамом Мухаммедом аль-Махди, больше известного как «Сокрытый имам», то мы найдем подтверждение данного факта. Убийство имама Али в январе 661 г. у дверей мечети Куфы в Ираке разделило мусульман окончательно на сторонников Али – «шиаа», веривших в то, что халифом могут быть только потомки пророка Мухаммеда, и тех, кто ориентировался на традицию «Сунны», в которой якобы пророк описал избрание халифа из наиболее достойных представителей мусульман. Символично в данном случае то, что местом захоронения имама Али стал город Неджеф в Ираке, который и возник вокруг мавзолея и мечети имама Али [3, с. 7].

Куда большее значение для оформления шиитской идеологии имела трагедия при Кербеле 680 г. Согласно шиитской традиции младший сын имама Али Хосейн ибн Али выступил против сына халифа Муавии ибн Омейя Йязида, обвинив его в узурпации места халифа, так как никакого «избрания» не было, и отец просто передал трон своему сыну. Знаменитая битва, в которой 4 000 солдат армии Омейядов противостоял отряд имама Хосейна из 72 бойцов, продлившаяся 10 дней, закончилась смертью имама 10 мухарама 48 года хиджры или 10 октября 680 г. Все жертвы кровавой бойни были похоронены тут же, где позднее появится город Кербела [4, р. 9]. Отрубленная голова имама Али была отправлена в столицу Омейядского халифата – Дамаск, где она хранилась до захвата города крестоносцами, после чего была вывезена от поругания в Каир, где и хранится в мечети Аль-Азхар.

Как отмечает Майкл Оксворти, трагедия при Кербеле стала центральным, определяющим событием в ранней истории шиитского ислама. Могила Хосейна на том месте, где произошло убийство, является самым почитаемым священным местом для шиитов. После Кербелы шииты оказались связаны кровью мученической смерти Хосейна, она стала символом, который должен был воспитывать чувство сожаления, утраты

и стыда [5, р. 125]. Вокруг имама Хосейна в дальнейшем возник целый культ, а поминание гибели имама в месяц мухаррам, в особенности десятый день – «ашура», стало основополагающим мифом для закрепления в ментальности шиитов идеи самопожертвования во имя веры, во имя ислама, то, что стало известно как традиция «шахадата».

В связи с тем, что потомки пророка Мухаммада были отстранены Омейядами, стало рассматриваться шиитами как непризнание ими светских правителей, узурпировавших место халифа. Легитимной властью для шиитов стал обладать их имам – глава общины (уммы). Пока сохранялась преемственность власти имама, не возникало вопросов о том, как управлять уммой, но после того, как двенадцатый имам таинственным образом исчез в 874 г., сокрылся – «аль-курба» [4, р. 88], шииты столкнулись с проблемой управления. Выход был найден в том, что до момента возвращения имама Махди шиитами должны управлять «доверенные» лица, знатоки шариата (право) и фикха (закон) – улама («ученые», от араб. al-ulamа; ед. ч. – al-alim). В отличие от суннитских улама шиитские обладают большей самостоятельностью как в правовом, так и в финансовом смысле от государственной власти.

К XX в. внутри шиитских улама сложилась целая система или иерархия, делившая богословов на высших и низших. На верху этой системы находились *марджаа таглид* (образец для подражания), признававшийся высшим авторитетом для верующих и обладавший правом выносить свои суждения по злободневным вопросам дня – «фетва». Особенность заключалось в том, что никогда у шиитов не было одного такого лица и, как правило, одновременно могло существовать до десятка таких марджаа таглид, или лиц, претендовавших на этот титул из среды *аятолль-оль-озма* (великий знак бога).

Важную особенность в положении таких богословов имел фактор независимого финансового положения, которое основывалось на добровольных пожертвованиях в пользу имама общины – это так называемая «доля имама» (сахм-е имам), которая восходит к традиции пророка на получение «пятой части» (хумс) от военной добычи. Шиитские муллы разработали градацию лиц, имевших право на получение своей доли от хумса. Таких насчитали шесть, каждая категория получает 1/6 хумса: первые три категории – бог, пророк и его потомки, т. е. имамамы – получают 3/6 хумса. Эта часть налога называется «доля имама» (sahm-e imam). Оставшиеся три доли хумса идут в пользу сирот, неимущих и паломников. Ввиду отсутствия «Сокрытого имама» его долей распоряжаются улама, тратя средства на благотворительность, социальную поддержку неимущих, содержание образовательных центров и малоимущих учащихся–талабов. Фактически это было «государство внутри государства».

Бесспорными центрами шиизма в Ираке были города Неджеф и Кербела, которые являлись признанными центрами науки и паломничества к могилам имамов Али ибн Абу Талиба и Хосейна ибн Али. По влиянию и авторитетности иракские улама превосходили даже своих коллег из соседнего Ирана, где шиизм являлся официальной религией. Ведущие марджаа таглид – аятоллы Мухсин ат-Табатабаи аль-Хаким и Абу аль-Касим аль-Хои – проживали в Неджефе. Однако в этот период – 1960-е гг. – среди иракских улама превалировала идея о невмешательстве в политические дела государства. Тем более, что после краха монархии в 1958 г. новые власти республиканского Ирака проводили ярко выраженную политику на секуляризацию общества и были больше погружены во внутривластные разборки, не уделяя пристального внимания религии и положению улама. В принципе такое состояние дел устраивало и улама.

Ситуация начала меняться после очередного переворота 17 июля 1968 г., когда к власти пришел Ахмад Хасан аль-Бакр, сделавший своей «правой рукой», а фактически и соправителем, своего родственника Саддама Хусейна. Сосредоточив в своих руках контроль над силами безопасности, Саддам начал проводить жесткую политику по устранению любой оппозиции. Уже осенью 1968 г. были проведены первые массовые аресты коммунистов, нассеристов (сторонников Гамала Абдель Насера в Египте), диссидентов внутри Баас, бывших политических деятелей, прозападных бизнесменов. Одновременно прошли чистки от неугодных в гражданской службе и офицерском корпусе [6, р. 188]. Состоявшийся в 1969 г. очередной партийный съезд Баас провозгласил серию социалистических лозунгов и инициатив – коллективизация в сельском хозяйстве, защита прав крестьян [1, с. 90].

«Левый» уклон новых властей вызвал ожидаемые опасения со стороны шиитских улама во главе с Мухсином аль-Хакимом. В итоге в 1968 г. улемами Неджефа на базе «Ассоциации улама Неджефа» была образована «Партия исламского призыва» (Хизб ад-даваа аль-исламийя), которая чаще фигурировала под названием «Ад-Даваа» (Призыв). Эта партия была создана как связующее звено между хаузой (богословской школой) и шиитскими верующими [7, с. 503]. Уже из самого названия было видно, что ее сторонники выступают за мирные средства отстаивания своих прав быть мусульманами перед лицом светского государства. И до 1970 г. партия действительно выступала за поиск компромисса и диалог с властью, пока не умер аятолла Мухсин аль-Хаким. Новым лидером «Ад-Даваа» стал молодой аятолла Мухаммад Бакир ас-Садр, симпатизировавший взглядам аятоллы Рухоллы Мусави Хомейни и его концепции «веляят-е факих» (правления богослова), который с 1965 г. находился в изгнании

в Неджефе за свою антиправительственную деятельность в соседнем Иране.

Мухаммад Бакир ас-Садр был лидером «Ад-Даваа» и ее духовным наставником, автором нескольких работ, посвященных вопросам построения исламского государства – «Наша философия» (Falsafatuna, 1959) и «Наша экономическая система» (Iqtisaduna, 1960), в которых он выдвинул контраргументы проводимой властью страны политике [8, р. 137]. Вторая книга была особенно популярной, так как в ней он попытался дать обоснование исламского экономического порядка, исходя из норм шариата. Свою задачу он видел в повышении самосознания шиитов, в их сплочении с целью эффективного противостояния таким светским идеологиям, как марксизм, материализм, атеизм, которые, по его представлению, не только ведут к ослаблению шиитского сообщества, но и создают угрозу отрыва людей от ислама как такового [2, с. 164].

За свои взгляды ас-Садр неоднократно подвергался арестам и преследованиям. Саддам Хусейн, целенаправленно шедший к единоличной власти на протяжении 1970-х гг., не мог не видеть и не ощущать опасность со стороны шиитских улама и радикального аятоллы ас-Садра. В 1974–1975 гг., когда произошло обострение отношений между Ираком и Ираном вокруг русла пограничной реки Шатт эль-Араб, аятолла отказался издавать фетву с осуждением Ирана. Мало того, в день ашура 1974 г. прошли акции протеста с требованием прекращения боевых действий. В ответ власти провели аресты шиитских лидеров, свыше 30 были арестованы, а пятеро из них были казнены. Все арестованные были членами «Ад-Даваа» [6, р. 204].

Отношения между улама и властями Ирака серьезно обострились под воздействием начавшихся в конце 1970-х гг. массовых антишахских протестов в Иране, в результате которых в феврале 1979 г. там победила Исламская революция во главе с аятоллой, который принял титул имама, Хомейни. В Ираке в феврале 1977 г. в траурные дни ашура, 5–6 февраля, тысячи паломников собрались у святынь в Кербеле и Неджефе под руководством улама. Прошли антиправительственные акции с критикой политики «Баас» за его светский характер реформ, систему патронажа и фаворитизма. Лидеры «Ад-Даваа» решили использовать ашуру для демонстрации массового недовольства. Традиционный марш (зиарат) 30 000 верующих из Неджефа в Кербелу стал манифестацией антиправительственных настроений шиитов [6, р. 208]. В священные города были введены войска, несколько паломников были убиты в ходе столкновений, около 2 000 чел. арестовали, включая улама, в частности аятоллу Мухаммеда Бакира аль-Садр [9, р. 58]. По решению специального суда, куда были назначены и два шиита, министры правительства, приговорили 8 улама

к смерти, а остальных – к различным тюремным срокам.

Аятолла Мухаммед Бакир ас-Садр фактически находился под домашним арестом у себя дома в Неджефе, не имея возможности прямого участия в событиях, охвативших южный Ирак под воздействием революционных событий в Иране. Это стало причиной массовых акций протеста со стороны шиитов в поддержку аятоллы ас-Садра, которые смешивались с антиправительственными лозунгами. Акции прошли в Неджефе, Кербеле, Куфе и Мадинат аль-Таура – шиитском районе Багдада. Это заставило Саддама и руководство «Баас» серьезным образом опасаться реализации иранского сценария в Ираке [1, с. 112].

По приказу Саддама на улицы городов были выведены силы нацбезопасности, которые и арестовали около 5 000 чел., включая большое число шиитских богословов и даже нескольких суннитских. Многие были казнены, а некоторые наиболее влиятельные шиитские улама были вынуждены покинуть пределы страны. Ас-Садр, находясь под домашним арестом, стал обращаться к верующим посредством магнитофонных записей своих проповедей, как это делал и аятолла Хомейни, находясь в изгнании в Ираке [3, с. 112].

Саддам воспользовался обострением внутриполитической ситуации в стране для укрепления личной власти. В середине июля 1979 г. Хасан аль-Бакр внезапно заявил о своей отставке, и через несколько часов присягу принес Саддам Хусейн. Став президентом, он назначил своего доверенного помощника Иззата Ибрахима аль-Дури на пост вице-президента, который ранее он занимал лично. В конце июля служба нацбезопасности объявила о раскрытии заговора, направляемого Сирией. Было арестовано свыше 60 высокопоставленных чиновников, в результате последовавшей чистки арестовали и казнили около 500 чел. [9, р. 76].

Активизация шиитских группировок, во главе которых находилась «Ад-Даваа», направляемая аятоллой Мухаммадом Бакиром ас-Садром, заставила Саддама после уничтожения своих противников внутри «Баас» и руководства страны заняться «шиитской проблемой». Вслед за неудачным покушением боевиков из шиитской группировки «Исламская партия действия» на МИД Ирака Тарика Азиза в начале апреля 1980 г. Мухаммед Бакир ас-Садр и его сестра Бинт Худа были арестованы и доставлены в Багдад из Неджефа, где 9 апреля их казнили [2, р. 174]. Из страны были депортированы около 40 000 так называемых иранских шиитов, и это только в 1980 г. Их собственность конфисковывалась и распродавалась. Те же из шиитов, кто не был казнен, арестован или выслан из страны, попали под жесткий контроль со стороны нацбезопасности [6, р. 221].

Режим прошелся жестким катком и по фамилии аль-Хаким, потомкам основателя «Ад-

Даваа», так как представители фамилии продолжали доминировать в хаузе Неджефа и на протяжении 1980-х гг. 6 членов семьи аль-Хаким были казнены и более 100 арестованы к 1983 г. В 1985 г. 10 членов фамилии были убиты, а в 1989 г. был убит Махди аль-Хаким, внук аятоллы Мухсина аль-Хакима, умершего в 1970 г.

Сотни членов «Ад-Даваа» также были казнены в массовой кампании репрессий режима, а тысячи шиитов по подозрению в симпатиях к Ирану депортированы [9, р. 76]. По данным «мухабарата», органа национальной безопасности Ирака, на 1989 г. активных членов «Ад-Даваа» в Ираке насчитывалось 3 299 чел., причем 221 из них находился на службе у режима [3, с. 117]. Это означало, что к концу 1980-х гг. силы режима фактически смогли ликвидировать активную часть партии «Ад-Даваа» в Ираке, заставив многих из оставшихся сторонников либо уйти в глубокое подполье, скрывая свои истинные взгляды, или выехать в Иран, где формировались боевые силы шиитской оппозиции, воевавшие на стороне Тегерана в ирано-иракской войне 1980–1988 гг.

Режим не случайно уделял такое пристальное внимание фамилии аль-Хаким, так как сын покойного аятоллы Мухсина аль-Хакима Мухаммад Бакир аль-Хаким, укрывшись в Иране, возглавил там вооруженную шиитскую оппозицию. Под его руководством в 1982 г. в Тегеране был образован «Высший совет Исламской революции Ирака» (ВСИРИ), куда вошел целый ряд шиитских группировок во главе с «Ад-Даваа»: «Исламское действие», «Исламское движение в Ираке», «Исламское движение в Курдистане», «Воины ислама», «Движение иракских моджахидов», «Исламский блок», «Иракская исламская партия» и др. Штаб-квартира ВСИРИ находилась в Тегеране, кураторами выступали советники из элитного Корпуса стражей Исламской революции ИРИ (КСИР) [2, р. 177]. При ВСИРИ было создано и боевое подразделение «Бригада Бадр» при поддержке Ирана из иракских военнопленных, которое сыграло ограниченную роль в нескольких кампаниях, главным образом в Иракском Курдистане [6, р. 238].

Объявив радикалов из «Ад-Даваа» предателями иракского народа и марионетками Ирана, режим Саддама Хусейна попытался сделать ставку на умеренного улама, соратника Мухсина аль-Хакима, аятоллу Абу аль-Касима аль-Хои. Аятолла держался аполитично, дистанцировался от ирано-иракской войны, не поддерживая и не критикуя иракские власти. Аль-Хои должен был своим авторитетом содействовать политике государства по сближению власти и религии.

Основные положения этой политики были утверждены еще в марте 1979 г. на заседании Высшего совета нацбезопасности по инициативе Саддама Хусейна. Было реорганизовано «Министерство пожертвований и религии» во главе

с Абдаллой Фадилем, доверенным лицом Садама Хусейна. В 1981 г. был принят «Закон о работе благотворительных и религиозных институтов», по которому теперь должны были работать все подобные организации под контролем государства. Имамы мечетей назначались с одобрения государства в лице «Министерства пожертвований и религии». По всей стране были созданы государственные комитеты по религиозному наставлению (*taw'iyu diniyu*), состоявшие из лояльных государству мулл.

Мало того, режим пытался легализовать свою политику и на мировой арене, когда при поддержке Саудовской Аравии в апреле 1983 г. в Багдаде состоялась 1-я Международная исламская конференция, в которой приняли участие 280 улама из 50 стран. В 1985 г. состоялась 2-я конференция с участием уже более 300 улама из разных стран мира [9, р. 42]. Первоначально власти предложили возглавить это мероприятие аятолле аль-Хои, однако тот, сославшись на аполитичность своего реноме, отказался принимать участие в работе конференции, чем вызвал серьезное неудовольствие и подозрение в своей лояльности. Поэтому привлекались менее влиятельные улама, такие как Али Кашиф аль-Гита, чья семейная история улама уходит в XIX в. Именно аль-Гита, кстати говоря, обнародовал в 1981 г. фетву, объявляющую Хомейни еретиком, а в 1983 г. он председательствовал на конференции.

Политика умиротворения улама отразилась и на образовательном процессе, в частности подготовке мулл, выступавших с проповедями в мечетях. С одной стороны, режим пытался национализировать пожалованное в вакф имущество, чтобы уменьшить независимое финансирование, а с другой стороны, государство само начинало финансировать хауза, чтобы ослабить их зависимость от иностранных спонсоров, т. е. Ирана, в первую очередь. После 1988 г. оно стало контролировать приток иностранных студентов из-за границы. Чтобы получить разрешение на пребывание в стране, спецслужбы заставляли студентов сотрудничать с ними. Подобные манипуляции за право учиться в хаузе проводились и с иракскими студентами. Наиболее «способных» отбирали для продолжения работы на правительственных постах в провинциях юга страны, чтобы таким образом нести в массы «правильный вариант» шиитского ислама. Режим много сделал, чтобы ослабить иранское влияние в иракских хаузах.

Подводя итоги, можно заключить, что активизация государственной политики в отношении шиитских улама, в особенности то, что касается 1980-х гг., сочетание «кнута и пряника», определенно имело успех. Политика преследований

шиитских улама и институтов привела к серьезному подрыву их влияния в иракском обществе. За 1980-е гг. количество мадресе в Неджефе сократилось с 19 до 2, а в Кербеле были закрыты все мадресе [1, с. 83]. Численность шиитских улама в Ираке сократилась с 1970 г. с 8 000–9 000 до 2 000 в 1980 г. и до 800 в 1991 г. Улама уже не выступали открыто оппонентами режима «Баас». На первые роли режим выдвинул лояльных себе шиитских улама, фактически поставив под свой контроль и деятельность хауза в Неджефе.

Необходимо отметить важную деталь, проявившуюся в ходе войны. Значительная часть шиитов, мобилизованная в иракскую армию, сохранила верность правящему режиму. Можно говорить о том, что уровень дезертирства среди солдат-шиитов был сопоставим с уровнем дезертирства среди солдат-суннитов и в разы ниже, чем среди солдат-курдов. Это свидетельствует о том, что проводимая политика режима на раскол шиитской уммы и ее секуляризация давали определенные плоды. К сожалению, в дальнейшем это сыграло не в пользу противников Саддама Хусейна в лице США, которые, при планировании своей операции по вторжению и свержению режима в 2003 г., явно недооценили «шиитский фактор», сделав ставку не на религиозных лидеров, а на выходцев из прозападной эмигрантской элиты.

Список литературы

1. *Нана М.* Мустакбаль эль-Ирак сийяси вобина ад-даоле (Политическое будущее Ирака и государственное строительство). Багдад : Дар аль-Муртаза, 2013. 186 с. (на араб. яз.)
2. Конфликты на Востоке : этнические и конфессиональные / под ред. А. Д. Воскресенского. М. : Аспект Пресс, 2008. 512 с.
3. *Хасан Х.* Аль-салтат ад-Дини ва сиясат аль-аукаф аль-исламийя фи эль-Ирак. (Религиозная власть и политика в отношении вакуфа в Ираке). Бейрут : Муассасат гарни аль-эссалам ад-Дуи, 2019. 260 с. (на араб. яз.)
4. *Halm H.* Shi'a Islam: From religion to revolution. Princeton : Markus Wiener Publishers, 1997. 210 p.
5. *Axworthy M.* A history of Iran: Empire of the mind. New York : Basic Books, 2010. 376 p.
6. *Tripp C.* A History of Iraq. Cambridge : Cambridge University Press, 2007. 387 p.
7. *Степанова Н. В.* История Ирака. XX век. М. : ИВ РАН, 2016. 663 с.
8. *Nakash Y.* The Shi'is of Iraq. Princeton : Princeton University Press, 1994. 331 p.
9. *Helfont S.* Compulsion in Religion: Saddam Hussein, Islam, and the Roots of Insurgencies in Iraq. Oxford : Oxford University Press, 2018. 305 p.

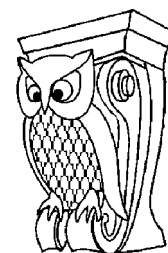
Поступила в редакцию 08.05.2022; одобрена после рецензирования 25.05.2022; принята к публикации 30.06.2022
The article was submitted 08.05.2022; approved after reviewing 25.05.2022; accepted for publication 30.06.2022

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2022. Т. 22, вып. 4. С. 515–521
Izvestiya of Saratov University. History. International Relations, 2022, vol. 22, iss. 4, pp. 515–521
<https://imo.sgu.ru> <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2022-22-4-515-521>, EDN: QXGYUS

Научная статья
УДК [94+327](497.16+4)|20]

Роль Европейского Союза и евроинтеграционного процесса в становлении независимости Черногории

Д. Р. Исламов

Институт международных отношений Казанского (Приволжского) федерального университета, Россия, 420008, г. Казань, ул. Пушкина, д. 1/55

Исламов Дамир Римович, аспирант кафедры международных отношений, мировой политики и дипломатии, dam1948@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1338-3277>, Author ID: 1148947

Аннотация. В статье рассматриваются характерные черты развития независимости Черногории и процесса евроинтеграции в стране после провозглашения независимости в 2006 г. Показано, что после распада Югославии новые независимые государства на Западных Балканах стали представлять интерес для Европейского Союза (ЕС). Автор приходит к выводу о том, что для некоторых западно-балканских государств, в частности для Черногории, европейская интеграция и вступление в ЕС стали превращаться не только в главную внешнеполитическую задачу, но и в фактор формирования суверенитета, особенно после приобретения независимости.

Ключевые слова: Европейский Союз, Черногория, Западные Балканы, европейская интеграция, процесс присоединения, переговорный процесс, Мило Джуканович

Для цитирования: Исламов Д. Р. Роль Европейского Союза и евроинтеграционного процесса в становлении независимости Черногории // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2022. Т. 22, вып. 4. С. 515–521. <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2022-22-4-515-521>, EDN: QXGYUS

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

European integration as a factor in the process of the Montenegrin state-building

D. R. Islamov

Institute of International Relations, 1/55 Pushkina St., Kazan 420008, Russia

Damir R. Islamov, dam1948@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1338-3277>, Author ID: 1148947

Abstract. The article deals with the peculiarities of the development of the Montenegrin state-building and Montenegro's prospects for the European integration after the referendum in 2006. In the wake of the demise of the SFRY and the occurrence of new sovereign states, the Western Balkans became a sphere of interest to the European Union. The author concludes that the European integration and the EU accession process commenced to turn into a major foreign policy goal. Furthermore, in Montenegro this tendency transformed into a key factor in the creation of political sovereignty.

Keywords: European Union, Montenegro, Western Balkans, European integration, accession process, negotiation process, Milo Djukanovic

For citation: Islamov D. R. European integration as a factor in the process of the Montenegrin state-building. *Izvestiya of Saratov University. History. International Relations*, 2022, vol. 22, iss. 4, pp. 515–521 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2022-22-4-515-521>, EDN: QXGYUS

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC0-BY 4.0)

В начале 1990-х гг. произошел распад Югославии, на месте которой образовалось несколько независимых государств, включая Союзную Республику Югославию (далее – СРЮ), как союз Сербии и Черногории. Однако обе союзные республики – Сербия и Черногория – в рамках СРЮ были не совсем удовлетворены новым устройством государства. Например, согласно Конституции СРЮ от 1992 г. Скупщина (парламент) СРЮ делилась на две палаты – Совет Граждан и Совет Республики. Депутаты Совета Граждан избирались на прямых, тайных выборах,

при этом на 1 федерального депутата приходилось 65 тыс. избирателей. Кроме того, от каждой союзной республики должно было избираться не менее 30 депутатов. Что касается Совета Республики, то данная палата состояла из 20 депутатов от каждой союзной республики [1, с. 8]. При этом численность населения Черногории была почти в 16 раз меньше, чем население Сербии. Поэтому представители сербских властей выражали по данному поводу особое недовольство. В свою очередь, часть элит в союзной республике Черногория выражала свое неудовольствие

тем, что в начале 1990-х гг. Совет Безопасности ООН ввел экономические санкции против СРЮ, в результате которых Черногория как часть СРЮ потеряла около 6 млрд долл. в 1991–1995 гг. [2, с. 64]. В связи с этим часть политической элиты в союзной республике Черногория в лице Мило Джукановича взяла курс на построение независимой Черногории и скорейшей интеграции в ЕС.

Исходя из этого, важно рассмотреть процесс формирования независимой Черногории в контексте ее евроинтеграционного пути. Предпринимаемый анализ требует решения следующих задач:

изучить роль М. Джукановича в процессе обособления Черногории от Сербии в 1990-х гг. и в начале 2000-х гг.;

выявить факторы, обусловившие желание правящей элиты в Черногории во главе с М. Джукановичем отделиться от Союза с Сербией для ускорения евроатлантической интеграции;

охарактеризовать евроинтеграционный курс Черногории после 2006 г., т. е. после провозглашения независимости этого государства.

Бывшие черногорские коммунисты, переименовавшись в Демократическую партию социалистов (далее – ДПС), в 1990-е гг. продолжали оставаться у власти в союзной республике Черногория в рамках СРЮ. С другой стороны, в середине 1990-х гг. в рядах ДПС образовался раскол, когда часть правящей элиты Черногории в лице М. Булатовича ратовала за сохранение единого государства с Сербией, а другая часть в лице М. Джукановича избрала путь отделения от СРЮ и создания независимого государства. ЕС и США более импонировала кандидатура Джукановича по причине того, что он заявлял о необходимости более активного сотрудничества с НАТО и ЕС. В итоге при поддержке части правящей элиты Черногории, а также внешних акторов (США, страны-члены ЕС) он одержал победу во внутрипартийной борьбе. Вследствие этого М. Джуканович и ДПС монопольно правили в Черногории с начала 1990-х гг. вплоть до парламентских выборов 2020 г. Следует отметить, что сам Джуканович неоднократно менял занимаемые высокие государственные посты (премьер-министра на президента и обратно), что давало ему возможность оставаться при власти долгое время.

Кроме того, укреплению позиций Джукановича в союзной республике Черногория потворствовали союзные органы власти в лице президента СРЮ С. Милошевича. В 1998 г. союзное правительство не признало результаты президентских выборов в Черногории, победу на которых одержал М. Джуканович. В самой Черногории параллельно происходило экономическое обособление региона от Сербии, когда в 1999 г. в качестве основной валюты была введена немецкая марка вместо динара, а с 2002 г. – евро [2, с. 147]. Черногорские власти также

начали создавать независимую таможенную и налоговую системы, вводить безвизовый режим для иностранцев без согласования с общесоюзными властями. Широко развернулся процесс приватизации крупных отраслей промышленности.

Во взаимоотношениях двух союзных республик в рамках СРЮ обострилась проблема Косово. В 1999 г. начались бомбардировки СРЮ со стороны НАТО, в ходе которых М. Джуканович отметил, что «... это не наша война» [2, с. 69]. Более того, он разрешил косовским албанцам найти убежище в Черногории. Необходимо отметить, что в последующем в Черногории возникнет вопрос о правах албанского меньшинства. К этому добавится и проблема урегулирования границы с частично признанным Косово¹.

В начале нового тысячелетия стали формироваться предпосылки для распада СРЮ. Одной из причин этого следует назвать поправки к Конституции СРЮ от 1992 г., принятые союзным парламентом СРЮ Скупщиной в 2000 г., согласно которым президент СРЮ и верхняя палата Скупщины (Совет Республики) должны были избираться на всенародных выборах [3, с. 246–247]. Таким образом, С. Милошевич планировал увеличить представительство депутатов от Сербии, так как ее население преобладало над населением Черногории². К тому же действующий на тот момент президент СРЮ С. Милошевич получил возможность переизбираться на новый срок. В ответ на это руководство Черногории де-факто объявило бойкот союзным выборам, прошедшим в сентябре 2000 г. [3, с. 247].

Политическая обстановка в СРЮ стала меняться в сентябре – октябре 2000 г. Начавшиеся акции протеста по итогам досрочных выборов президента СРЮ, названные в российской печати «бульдозерной революцией», привели к уходу с поста президента СРЮ С. Милошевича. Для черногорской элиты и Джукановича настал момент окончательного отделения от СРЮ и обретения независимости для Черногории. Однако против этого шага выступили США и Евросоюз, которые опасались «эффекта домино» и дальнейшего неконтролируемого распада территории бывшей Югославии. Кроме того, новый президент СРЮ В. Коштуница сразу заявил о необходимости преодоления изоляции страны и интеграции в мировое сообщество [3, с. 247]. Следовательно, М. Джукановичу стало сложнее играть на черногорско-сербских противоречиях, так как в Сербии пришли к власти оппозиционные политические силы, поддерживаемые Евросоюзом и США.

Впоследствии в период 2002–2003 гг. Брюссель в лице Верховного представителя ЕС по внешней политике и политике безопасности Х. Соланы содействовал трансформации СРЮ в государственное образование Сербии и Черногории (СиЧ), где два субъекта уравнивались в правах, считаясь уже государствами-членами.

Стоит отметить, что Евросоюз де-факто «угорворил» М. Джукановича и правящую элиту Черногории принять участие в этом государственном образовании. В итоге в феврале 2003 г. Союзный парламент утвердил Конституционную хартию СиЧ. Таким образом, СРЮ официально перестала существовать.

Новый союз Сербии и Черногории был аморфным и слабым, формулировки в Конституционной хартии были расплывчатыми. Черногорские власти игнорировали общесоюзные власти и их решения. Это по сути ставило крест на жизнеспособности данного объединения.

Во-первых, черногорская элита воспринимала этот союз как временный, рассматривая его образование как промежуточный этап для дальнейшей независимости. Во-вторых, сохранение союза с Сербией, по их мнению, являлось тормозом для Черногории на пути к более тесной интеграции с ЕС и НАТО, так как у Белграда имелись проблемы с ЕС по вопросу взаимодействия с Международным трибуналом по бывшей Югославии (далее – МТБЮ). Следовательно, черногорская правящая элита и сторонники Джукановича избрали путь независимости. Такие действия сопровождалась и соответствующей риторикой с его стороны: «Черногория в течение этого периода была заложником Сербии.... Черногория страдает из-за последствий тех решений, ответственной за которые она сама не является» [4, с. 94].

Согласно ст. 60 Конституционной хартии СиЧ по истечении 3 лет государство-член имело право изменить свой государственный статус вплоть до отделения из Союза [5]. Этим пунктом и воспользовалась правящая черногорская элита, проведя референдум о независимости в 2006 г. Главным идеологом референдума был, несомненно, М. Джуканович, занимавший в то время пост премьер-министра Черногории. Одним из условий со стороны ЕС была необходимость преодоления порога в 55%. В итоге, 55,5% жителей Черногории проголосовали за независимость, 44,5% были против [6, р. 2]. Нужную долю в 55,5% удалось получить преимущественно благодаря высокой явке со стороны национальных меньшинств в лице местных албанцев, боснийцев-мусульман, хорватов.

Спустя несколько дней, в июне 2006 г. Черногория объявила о своей независимости. Уже в сентябре 2006 г. начались переговоры между Брюсселем и Черногорией по поводу Соглашения о стабилизации и ассоциации (ССА), что являлось базовым документом евроинтеграционного процесса [7, р. 8]. В отчете Еврокомиссии от 2006 г. указывалось, что черногорским властям необходимо повысить уровень исполнения управленческих функций с целью последующего выполнения положений данного Соглашения [7, р. 8], а в декабре 2006 г. Черногория стала

участником программы НАТО «Партнерство ради мира».

Таким образом, правящая черногорская элита (партия ДПС и лидер М. Джуканович) одержала победу в борьбе за суверенизацию Черногории. Плацдарм для независимости стал создаваться еще на рубеже XX–XXI вв., в первую очередь в экономической сфере. Когда в качестве основного платежного средства вводилось евро, формировались независимые от общесоюзных властей налоговые и таможенные службы. Как ни старался ЕС в начале XXI в. гармонизировать экономики Сербии и Черногории, эта задача не была выполнена.

Первоначально Брюссель предпринимал попытки объединить Сербию и Черногорию с целью приостановки хаотичного распада Югославии в начале 2000-х гг., который выходил из-под контроля. Но после некоторого «успокоения» региона Западных Балкан Евросоюз стал считать, что независимая Черногория является более приемлемым вариантом. На это были причины.

Известно, что переговоры между Государственным образованием Сербии и Черногории и ЕС о подписании Соглашения о стабилизации и ассоциации начались в 2005 г. Но существенными преградами в отношении подписания этого документа являлись вопросы не только гармонизации экономик двух субъектов, но и сотрудничества с МТБЮ. Поэтому в 2006 г. Еврокомиссия приостановила переговоры «из-за неспособности» властей СиЧ арестовать и передать под контроль МТБЮ генерала Р. Младича, разыскиваемого за военные преступления [4, с. 94]. Следовательно, Евросоюз не был против отделения Черногории от СиЧ, чтобы проводить переговорный процесс отдельно как с Черногорией, так и с Сербией, «не обременяя» одну сторону проблемами другой.

Став независимым государством, Черногория избавилась от нескольких факторов, которые, по мнению правящей черногорской элиты, мешали тесной интеграции с ЕС и НАТО:

противоречие Сербии и ЕС по поводу сотрудничества с МТБЮ;

после отделения фактор Косово и его последствия больше не относились к Черногории. Сербия оставалась один на один с этой проблемой. При этом проблема албанского меньшинства в Черногории и вопросы границы с Косово все равно сохраняли актуальность;

по мнению черногорской элиты в лице М. Джукановича, без Сербии удалось бы быстрее стать полноправным членом ЕС и НАТО, так как экономика Черногории была ближе к общеевропейской, чем сербская;

личные интересы М. Джукановича: известно, что у итальянского и швейцарского правосудия имелись вопросы к лидеру Черногории по поводу контрабандной продажи сигарет и наркотиков в эти страны через Черногорию, а неза-

висимость Черногории – один из способов уйти от наказания [8].

Казалось, путь для евроинтеграции Черногории был открыт, но, как известно, евроинтеграция является долгим и неоднозначным процессом.

Переговоры по поводу Соглашения о стабилизации и ассоциации, начавшиеся в 2006 г., привели к тому, что итоговый документ был подписан в октябре 2007 г. [9]. Данный тип Соглашения Еврокомиссия выработала еще в 1999 г. для всех западно-балканских государств как один из этапов евроинтеграционного процесса по вступлению стран региона в ЕС. В рамках Соглашения были обозначены следующие задачи:

поддержка усилий Черногории по укреплению демократии и верховенства права;

содействие политической, экономической и институциональной стабильности в Черногории, а также стабилизация Западных Балкан в целом;

создание основы для политического диалога, позволяющего развивать тесные политические отношения между ЕС и Черногорией;

поддержка усилий Черногории по развитию ее экономического и международного сотрудничества, в том числе путем гармонизации ее законов с законодательством ЕС;

завершение перехода к функционирующей рыночной экономике;

формирование гармоничных экономических отношений и постепенное развитие зоны свободной торговли между ЕС и Черногорией;

стимулирование регионального сотрудничества во всех областях, охватываемых настоящим соглашением [10].

Достаточно быстро в 2008 г. черногорские власти подали заявку на вступление в ЕС, а в 2010 г. Европейский совет дал согласие на предоставление Черногории статуса страны-кандидата. Кроме того, в 2011 г. Европейская комиссия вынесла положительное заключение и рекомендовала начать переговорный процесс о вступлении в ЕС. В конце концов в июне 2012 г. на заседании Европейского совета было принято решение об одобрении начала переговорного досье с Черногорией [11]. Такой итог можно было считать большим авансом, который Черногория получила со стороны Брюсселя. Известно, что у власти в Черногории уже с 1990-х гг. находилась ДПС как правящая партия во главе со своим лидером М. Джукановичем. Это не соответствовало «принципам демократии», которые всегда ставились во главу со стороны Евросоюза. Поэтому в переговорном досье 2013 г. особое место было отведено Главе 23 – Суд и основные права и 24 – Правосудие, свобода и безопасность. Кроме того, европейский комиссар по вопросам расширения и политики добрососедства Ш. Фюле отмечал, что «... поставленная первой на повестку дня

переговоров глава будет закрыта в последнюю очередь» [12, с. 252].

Вероятно, что Евросоюз остался не совсем доволен стандартами черногорской демократии, однако высказывания М. Джукановича находились в рамках общей риторики ЕС и НАТО по поводу кризиса на Украине в 2013–2014 гг., санкций против России. Более того, он позиционировал себя в качестве главного выразителя проатлантических и проевропейских идей в стране и в регионе в целом. Ввиду этого Брюссель де-факто закрывал глаза на недостатки существовавшего на тот момент политического режима в Черногории.

Особым событием в истории Черногории стали парламентские выборы, состоявшиеся в октябре 2016 г. Возникла ситуация, при которой М. Джуканович и его партия могли не получить достаточного количества голосов. Крупным оппонентом считался Демократический фронт, объединявший несколько политических сил, при этом имевших разные точки зрения по поводу вступления в НАТО [13]. Демократический фронт был за активизацию отношений с Москвой и снятие санкций. Несмотря ни на что, преимущество над оппозицией партия Джукановича получила, удержавшись у власти. Никто не заметил массовых фальсификаций выборов (подкуп и подвоз избирателей из соседних республик (формально являвшихся гражданами Черногории), карусели и т. п.) [14]. ЕС и НАТО снова закрыли глаза на некоторые нарушения в рамках избирательного процесса ради того, чтобы удержался проевропейский и пронатовский политический деятель М. Джуканович и его Демократическая партия социалистов. И «политика» Джукановича дала свои результаты – 5 июня 2017 г. Черногория стала официальным членом НАТО. Премьер-министр Черногории Душко Маркович (после политических баталий Джуканович решил уйти на время в тень) заявил о том, что вступление в НАТО – это историческое событие [15]. Очевидно, что включение Черногории в НАТО не усилило этот военно-политический блок. Скорее, это был способ давления на Сербию, которая пыталась сохранить военный нейтралитет. Об этом следующим образом высказался министр иностранных дел РФ С. Лавров: «Это геополитический проект, очевидно, не укрепляющий безопасности НАТО. Вероятно, это повлечет за собой увеличение расходов стран-членов НАТО, потому что будет необходимо развивать военную и техническую оснащенность Черногории» [15].

После вступления в НАТО Черногория продолжила процесс вступления в ЕС. Еще во время своего визита на Западные Балканы в 2018 г. председатель Еврокомиссии Ж. Юнкер заявил о том, что «никогда Еврокомиссия и я лично не говорили о том, что Сербия и Черногория обязательно станут членами ЕС в 2025 г.»

[16]. В Стратегии по Западным Балканам, опубликованной в феврале 2018 г., Еврокомиссия отмечала, что Черногория и Сербия смогут присоединиться к ЕС к 2025 г. Но при этом указывалось, что данная перспектива является «чрезвычайно амбициозной» [17, р. 5], т. е. ее реализация все равно выглядела маловероятной. Однако прогресс Черногории в переговорном процессе был очевиден: 33 из 35 глав³ переговорного процесса с ЕС были открыты, а 3 из них уже временно закрыты. После открытия последней главы в июне 2020 г. приоритетом для дальнейшего общего прогресса в переговорах о присоединении и до перехода к временному закрытию других глав остается выполнение промежуточных показателей (бенчмарков) в сфере верховенства права, установленных в главах 23 и 24 [18, р. 7].

Выборы, состоявшиеся в августе 2020 г., стали важным этапом политического процесса в Черногории. М. Джуканович и его ДПС проиграла на выборах оппозиционным силам. Значимый вклад в поражение ДПС внесла Черногорско-Приморская митрополия Сербской православной церкви (СПЦ). Это произошло из-за того, что в 2019 г. Скупщина Черногории, где большинство имела ДПС и ее союзники, приняла Закон о свободе вероисповеданий, который ставил под вопрос имущественные права СПЦ в Черногории вплоть до возможности изъятия ее собственности. Церковные иерархи Черногорско-Приморской митрополии СПЦ смогли объединить разрозненные оппозиционные политические силы и предложить эффективную политическую платформу, объединившую про-сербских и проевропейских противников режима Джукановича [19, с. 50].

Кроме того, заслуживает внимание реакция со стороны Евросоюза, который выразил надежду на то, что новые власти продолжают движение страны по проевропейскому пути [19, с. 49]. Стоит вспомнить, что М. Джуканович стремился показать себя главным проевропейским и пронаатовским политиком в стране. Подобная реакция Брюсселя вполне объяснима, так как в сентябре 2020 г. лидеры трех одержавших победу оппозиционных блоков заявили о том, что Черногория продолжит исполнять все взятые на себя международные обязательства, включая продолжение переговорного процесса с ЕС [19, с. 47].

Таким образом, М. Джуканович сыграл значимую роль в отделении Черногории от Государственного Союза с Сербией и формировании черногорской независимости. Он и правящая партия ДПС были главными инициаторами сепаратистских тенденций в союзной республике Черногория с середины 1990-х гг. до 2006 г. Ключевым событием в политической карьере М. Джукановича являлось проведение референдума о независимости Черногории в мае 2006 г. В итоге, результат был получен, а необходимая

доля⁴ в 55,5% была достигнута благодаря активному голосованию со стороны национальных меньшинств Черногории – албанцев, босняков-мусульман и хорватов. Вероятно, что мотивация по голосованию за независимость Черногории данных этнических групп базировалась на «антисербских позициях», исходящих от наследия Югославских войн 1990-х гг. Подобные настроения в своих политических целях использовал М. Джуканович, так как по разным опросам сторонников и противников независимости Черногории до референдума было примерно поровну [20, р. 3]. Поэтому национальные меньшинства сыграли ведущую роль в преодолении порога в 55%.

После провозглашения независимости в июне 2006 г. черногорская правящая элита и М. Джуканович смогли отбросить факторы, связанные с Сербией и мешавшие более быстрой интеграции с Евросоюзом и НАТО. Отчасти это отразилось на конкретных результатах. По состоянию на декабрь 2021 г. Сербия открыла 22 из 35 глав переговорного процесса [21], в то время как Черногория уже 33 из 35. Это свидетельствовало о том, на данном этапе Черногория двигалась быстрее в рамках евроинтеграции, чем Сербия.

Есть ли вероятность того, что Черногория может вступить в ЕС быстрее, чем Сербия? В некоторой степени ответ может быть утвердительным по ряду причин. Во-первых, в Черногории уже с 2002 г. в качестве основного платежного средства используется евро. Поэтому черногорская экономика более тесно переплетена с экономикой Евросоюза. Во-вторых, население Черногории составляет чуть более 600 тыс. чел. Соответственно для Брюсселя будет легче предоставить членство для Черногории, чем для Сербии с населением около 7 млн чел. В-третьих, с 2017 г. Черногория является членом НАТО. Как известно, до этого процесс интеграции в Евросоюз шел по следующему принципу: сначала вступление в НАТО, а затем уже в ЕС. Например, подобное произошло с рядом европейских стран (Польша, Венгрия, Чехия, Хорватия и др.).

Необходимо отметить, что заявления М. Джукановича о важности евроатлантического пути для Черногории, предоставили ему серьезную поддержку со стороны Брюсселя. Вопреки тому, что черногорская демократия имела серьезные изъяны в вопросах верховенства права, независимости судебной власти, правосудия, борьбы с организованной преступностью и т. п., Евросоюз был готов продолжать контакты с М. Джукановичем, так как он явно отстаивал проевропейский путь, поддерживал антироссийские санкции и в свое время встал на сторону новой украинской власти после событий на Майдане.

С другой стороны, имеются преграды для того, чтобы ЕС мог предоставить членство для Черногории. Например, в 2007 г. Болгария и Румыния стали членами Евросоюза, при этом они не соответствовали выдвинутому Брюсселем критериям, в частности в сфере верховенства права. Поэтому ЕС ввел Механизм сотрудничества и верификации, чтобы довести эти страны-члены до желаемого уровня. Следовательно, было сразу определено, что для западно-балканских государств главы 23 (Суд и основные права) и 24 (Правосудие, свобода и безопасность) должны быть полностью имплементированы еще до их вступления в ЕС. По оценкам Еврокомиссии, Черногория имеет «ограниченный прогресс» в этих главах и необходимо проделать значительный объем работы для реализации промежуточных критериев (бенчмарков) [22].

Некоторые эксперты, в частности Ф. Бибер, описывают «полуавторитарные режимы» на Западных Балканах как «стабиллокрапии». Это режим, который имеет недостатки с точки зрения демократического управления, но при этом пользуется внешней легитимностью от стран-членов и институтов ЕС, предлагая взамен некоторую стабильность [23]. Отдельные эксперты классифицировали режим Джукановича именно таковым [24]. Скорее всего, вхождение «стабиллокрапических» западно-балканских государств в состав ЕС нанесет ущерб политическому имиджу организации. Известно, что Брюссель позиционирует себя в качестве «объединения демократических европейских стран» [25, р. 9].

Помимо этого, введенный в 2002 г. в качестве платежного средства евро может стать также проблемой для вступления Черногории в ЕС. Европейский центральный банк считает, что одностороннее применение евро является несовместимым с Маастрихтским договором и не может быть способом обойти процесс конвергенции⁵, предусмотренный Договором о введении евро [26]. Вероятно, данный вопрос не будет проигнорирован в рамках дальнейшего переговорного процесса.

Таким образом, фактор евроинтеграции в 2000-е гг. помог сформировать в Черногории политическую элиту во главе с М. Джукановичем, нацеленную на суверенизацию Черногории и ускорение евроинтеграционного процесса. Как итог в 2006 г. при негласной поддержке со стороны Брюсселя М. Джуканович смог добиться нужных результатов на референдуме о независимости и удерживать в своих руках ключевые рычаги управления в стране вплоть до парламентских выборов 2020 г.

Примечания

¹ Урегулирование вопроса о границе между Черногорией и частично признанным Косово произошло только

в 2018 г. с ратификацией соответствующего Соглашения о границе. Однако по сей день сохраняется желание косовской стороны пересмотреть данное Соглашение.

² Население Союзной Республики Югославия (без учета автономного края Косово и Метохия) составляет 8,373 млн чел. 1999 г.: Сербия без учета автономного края Косово и Метохия – 7,722 млн чел., Черногория – 651 тыс. чел.). URL: https://istmat.info/files/uploads/47417/statistical_yearbook_of_yugoslavia_2001.pdf с. 78 (дата обращения: 15.02.2022).

³ Кроме Главы 34 – Институты и Главы 35 – Другие вопросы, которые рассматриваются только на последнем этапе переговоров.

⁴ По требованию ЕС для выхода Черногории из состава Государственного союза с Сербией необходимо, чтобы за это проголосовало более 55% от числа принявших участие в референдуме (квалифицированное большинство).

⁵ Критерии конвергенции – набор экономических показателей для вхождения в еврозону, которым государства-члены ЕС должны соответствовать.

Список литературы

1. Ustav Savezne Republike Jugoslavije, 1992. URL: <https://data.globalcit.eu/NationalDB/docs/MON%20FRY%20ustav%20srj%201992.pdf> (дата обращения: 15.02.2022).
2. Докучаева Н. А. Формирование суверенного государства и гражданского общества в Черногории во второй половине 1990-х – 2000-е гг. : дис. ... канд. ист. наук. Иваново, 2013. 235 с.
3. Соколов А. В. Процессы нормализации отношений между бывшими республиками СФРЮ на современном этапе (внешние и внутренние факторы) : дис. ... канд. ист. наук. М., 2008. 261 с.
4. Буланникова Ю. А. Стратегия интеграции балканских государств в ЕС и НАТО : сравнительный анализ (1989–2007 гг.) : дис. ... канд. ист. наук. М., 2011. 209 с.
5. Ustav napovelja držav nezajednice Srbijai Crna Gora, 2003. URL: http://mojustav.rs/wp-content/uploads/2013/04/ustavna_povelja_scg.pdf (дата обращения: 15.02.2022).
6. Montenegro, Referendum, 21 May 2006: Final Report // Organization for Security and Co-operation in Europe. URL: <https://www.osce.org/files/f/documents/f/0/20098.pdf> (дата обращения: 15.02.2022).
7. Trauner F. EU Justice and Home Affairs Strategy in the Western Balkans // CEPS Working Document No. 259/February. 2007. URL: <http://aei.pitt.edu/7383/2/7383.pdf> (дата обращения: 15.02.2022).
8. В полушаге от НАТО: зачем Черногория обвиняет Россию в попытке переворота. URL: <https://ria.ru/analytics/20161122/1481887120.html?inj=1> (дата обращения: 15.02.2022).
9. Report on the implementation of obligations under the Stabilization and Association Agreement. URL: <https://www.monstat.org/eng/page.php?id=1023&pageid=15> (дата обращения: 15.02.2022).
10. Stabilisation and Association Agreement with Montenegro. URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/>

- EN/TXT/HTML/?uri=LEGISSUM:4314909 (дата обращения: 16.02.2022).
11. EU candidate country. Montenegro. URL: <https://www.consilium.europa.eu/en/policies/enlargement/montenegro/> (дата обращения: 16.02.2022).
12. Бабынина Л. О., Борко Ю. А., Герасимова Р. Г., Говорова Н. В., Журкин В. В., Кандель П. Е., Канунников А. А., Кузнецов В. А., Кулькова О. С., Мироненко В. И., Носов М. Г., Тимошенко Е. П., Шлыков П. В., Щербак И. Н., Язькова А. А. Европейский союз в поиске глобальной роли: политика, экономика, безопасность / под общ. ред. Ал. А. Громыко и М. Г. Носова. М. : Весь мир, 2015. 592 с.
13. В Черногории парламентские выборы могут поменять политику страны. URL: <https://ria.ru/world/20161016/1479321539.html> (дата обращения: 15.02.2022).
14. После скандальных выборов Черногории грозит «украинский майдан с кавказским колоритом». URL: <http://www.mk.ru/politics/2016/10/18/posle-skandalnykh-vyborov-chernogorii-grozit-ukrainskiy-maydan-s-kavkazskim-koloritom.html> (дата обращения: 16.02.2022).
15. Montenegro Resorts to 'Russian Threat' to Prove 'NATO is Paradise' to Its People. URL: <https://sputniknews.com/politics/201706111054524670-nato-accession-montenegro/> (дата обращения: 15.02.2022).
16. Юнкер рассказал, когда страны Западных Балкан смогут вступить в Евросоюз. URL: <https://ria.ru/world/20180226/1515298383.html> (дата обращения: 16.02.2022).
17. The Western Balkans // Fact Sheets on the European Union – 2021. URL: https://www.europarl.europa.eu/ftu/pdf/en/FTU_5.5.2.pdf (дата обращения: 16.02.2022).
18. Application of the revised enlargement methodology to the accession negotiations with Montenegro and Serbia // Council of the European Union. URL: <https://data.consilium.europa.eu/doc/document/ST-8536-2021-INIT/en/pdf> (дата обращения: 15.02.2022).
19. Кандель П. Е. Черногорское чудо: демонтаж режима М. Джукановича // Современная Европа. 2021. № 1. С. 41–51. <https://doi.org/10.15211/soveurope120214151>
20. Montenegro's Referendum. Europe Briefing № 42 Podgorica/Belgrade/Brussels, 30 May 2006 // Crisis Group. URL: https://www.files.ethz.ch/isn/18060/b042_montenegro_s_referendum.pdf (дата обращения: 17.02.2022).
21. Serbia Opens Another Four Chapters in EU Accession Negotiations. URL: <https://www.ekapija.com/en/news/3514077/serbia-opens-another-four-chapters-in-eu-accession-negotiations> (дата обращения: 17.02.2022).
22. The Report of European Commission on Montenegro. URL: <https://institut-alternativa.org/en/the-report-of-european-commission-on-montenegro/> (дата обращения: 17.02.2022).
23. Bieber F. What is a stabilitocracy? // BiEPAG. URL: <https://biepag.eu/article/what-is-a-stabilitocracy/> (дата обращения: 17.02.2022).
24. Bieber F. The Rise (and Fall) of Balkan Stabilitocracies // Center for International Relations and Sustainable Development (CIRSD). URL: <https://www.cirsd.org/en/horizons/horizons-winter-2018-issue-no-10/the-rise-and-fall-of-balkan-stabilitocracies> (дата обращения: 17.02.2022).
25. Đurović G. Evropska unija i Crna Gora: Process pristupanja. Podgorica : EU Info centar. 2017. 138 p. URL: <http://euic.me/wp-content/uploads/2017/12/EU-i-Crna-Gora-proces-pristupanja-WEB.pdf> (дата обращения: 17.02.2022).
26. Nikolova M. Will Montenegro have to drop the euro to join the EU? URL: <https://emerging-europe.com/news/will-montenegro-have-to-drop-the-euro-to-join-the-eu/> (дата обращения: 17.02.2022).

Поступила в редакцию 13.03.2022; одобрена после рецензирования 14.04.2022; принята к публикации 30.06.2022
The article was submitted 13.03.2022; approved after reviewing 14.04.2022; accepted for publication 30.06.2022

РЕГИОНАЛЬНАЯ ИСТОРИЯ И КРАЕВЕДЕНИЕ

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2022. Т. 22, вып. 4. С. 522–528

Izvestiya of Saratov University. History. International Relations, 2022, vol. 22, iss. 4, pp. 522–528

<https://imo.sgu.ru> <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2022-22-4-522-528>, EDN: TSKVDH

Научная статья

УДК [94+394.46](470.4)|1913|+929Романовы

Празднование 300-летия Дома Романовых в городах Поволжья

Я. В. Моргунов

Самарский национальный исследовательский университет имени академика С. П. Королева, Россия, 443086, г. Самара, Московское шоссе, д. 34

Моргунов Ярослав Вадимович, аспирант кафедры всеобщей истории, международных отношений и документоведения, d1a2r3k41995@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-4584-6339>, Author ID: 1034803

Аннотация. На материалах государственных архивов Самары, Казани, Чебоксар и опубликованных исторических источников в статье рассматривается процесс подготовки к торжественным мероприятиям, посвященным 300-летию династии Романовых. Констатируется, что подготовка к празднику приняла широкий размах, все слои населения в независимости от сословной, национальной, вероисповедной принадлежности были вовлечены в этот процесс. Анализируются программы торжеств, которые зависели от конкретного города, его материальных возможностей и состава населения. Праздничная программа могла включать дополнительные элементы, отличающиеся в разных городах на Волге. Формулируется вывод, согласно которому столь масштабные праздничные мероприятия, охватившие все слои населения, были попыткой консолидировать российское общество после революционных событий 1905–1907 гг. и в условиях начавшегося нового общественного подъема вокруг монархии и фигуры императора Николая II.

Ключевые слова: Россия в начале XX в., историческая память, исследования памяти, мемориативные практики, 300-летие Дома Романовых, революционное движение, история Поволжья

Для цитирования: Моргунов Я. В. Празднование 300-летия Дома Романовых в городах Поволжья // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2022. Т. 22, вып. 4. С. 522–528. <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2022-22-4-522-528>, EDN: TSKVDH

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

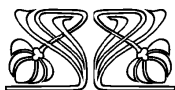
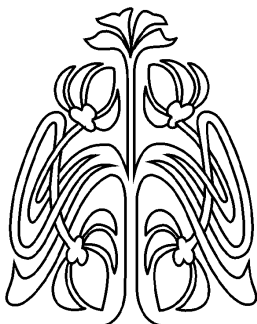
Celebration of the 300th Anniversary of the House of Romanov in the cities of the Volga region

Ya. V. Morgunov

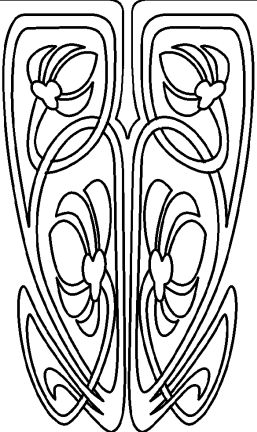
Samara National Research University, 34 Moskovskoye shosse, Samara 443086, Russia

Yaroslav V. Morgunov, d1a2r3k41995@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-4584-6339>, Author ID: 1034803

Abstract. On the materials of the state archives of Samara, Kazan, Cheboksary and on published historical sources the article analyzes the preparations for the celebrations dedicated to the 300th anniversary of the Romanov dynasty. It is shown that preparations for the holiday took on a universal

НАУЧНЫЙ
ОТДЕЛ

character, all segments of the population, independent of class, national, religious affiliation, were involved in the process of this preparation. Programs of celebrations are analyzed, they depended on a specific city, its material capabilities and the composition of the population. The festive program could include additional elements that differ in cities on the Volga. The author concludes that such large-scale festive events covering all segments of the population were an attempt to consolidate Russian society around the monarchy and the figure of Emperor Nicholas II after the revolutionary events of 1905–1907 and in the context of the beginning of a new social rise.

Keywords: Russia at the beginning of the 20th century, historical memory, memory studies, commemorative practices, the 300th anniversary of the Romanov House, the revolutionary movement, the history of the Volga region

For citation: Morgunov Ya. V. Celebration of the 300th Anniversary of the House of Romanov in the cities of the Volga region. *Izvestiya of Saratov University. History. International Relations*, 2022, vol. 22, iss. 4, pp. 522–528 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2022-22-4-522-528>, EDN: TSKVDH

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Политические кризисы в Российской империи начала XX в. сказались на общем состоянии российского общества отрицательно, с точки зрения властей, которые, понимая это, начали широкие преобразования различных сфер жизни, наиболее заметными из которых стали реформы П. С. Столыпина и созыв Государственной Думы. Они были нацелены на изменение социальных отношений, подъем хозяйства, повышение уровня благосостояния населения, политическое реформирование государственного устройства. Не оставалось без внимания и культурное состояние общества.

Начало XX столетия было ознаменовано несколькими юбилейными событиями, который следовали друг за другом. Среди них следует выделить 50-летие Великих реформ Александра II (1911), 100-летие Отечественной войны 1812 года (1912) и 300-летие Дома Романовых (1913), которое отличалось особой торжественностью и стало темой данного исследования. На примере городов Поволжья рассмотрим, каким образом в российской провинции власти и общественность участвовали в конструировании исторической памяти, используя юбилейные даты, и в каких интересах осуществлялась «политика памяти» в то время. Достижению данной цели способствует наличие в историографии работ, использованных в статье, о юбилейных торжествах в ряде городов Поволжья и других регионах России.

Рассматриваемые праздничные мероприятия нашли отражение в документах органов власти и самоуправления. В данной статье были использованы материалы, сохранившиеся в государственных архивах Самары, Казани, Чебоксар и Томска, а также газетные публикации.

Главным отличительным признаком обозначенных юбилейных торжеств стал их поистине всероссийский масштаб. Торжественные мероприятия проходили во всех губерниях Российской империи. Программы праздников были разработаны таким образом, чтобы охватить как можно большую аудиторию [1, с. 220].

Программы празднования юбилеев составлялись центральными органами власти и рекомендовались местным властям. Они носили типовой характер, но могли быть дополнены разнообразными действиями на усмотрение местных

юбилейных комитетов [1, с. 220]. Большие надежды возлагались на широкое вовлечение учеников начальных и средних учебных заведений, на чем следует остановить особое внимание [2, 3].

Типовой план проведения торжества предполагал включение следующих мероприятий:

1. Праздничные богослужения с произнесением проповедей с разъяснением важности торжественных мероприятий.
2. Организация крестных ходов во всех населенных пунктах (города, села, деревни).
3. Организация тематических чтений на базе учебных заведений.
4. Печать и последующая раздача тематической литературы (брошюр).
5. По возможности устраивание военных парадов [1, с. 222].

21 февраля 1913 г. было объявлено выходным днем для всей империи. Учреждались и вручались государственные награды в связи с торжествами. Так, Манифестом от 21 февраля 1913 г. была учреждена бронзовая медаль для ношения на груди в ознаменование 300-летней годовщины царствования Дома Романовых для лиц, состоящих на государственной службе. Священнослужители были исключены из списка лиц, кто мог быть представлен к награде. Медаль должна была приобретаться за собственные средства. Тем же Манифестом объявлялись различные «монаршие милости», в частности прощение долгов по выплате некоторых займов и ссуд [4, с. 373–374].

Празднование 300-летия Дома Романовых отражено документально в фонде Самарского учительского института в Центральном государственном архиве Самарской области в деле под названием «О выдающихся днях, о случаях в жизни института и праздновании 300-летнего юбилея Царствования Дома Романовых» [5]. В деле содержатся докладные записки, повестки, письма, список служащих Самарского учительского института для дальнейшего представления к награждению памятными медалями, программа торжественного акта и различные телеграммы [5, л. 5].

Самарским губернатором был предложен для реализации план проведения торжественного мероприятия. Начало плана выглядело следующим

образом: «Его Преосвященством, Епископом Симеоном будут совершены в Кафедральном Соборе церковные службы: накануне юбилея, 20 февраля после панихиды, по почивающим Членам Царствующего Дома Романовых, а в сам день юбилея, 21 февраля, торжественное богослужение с молебствием, на котором возглашаются многолетие ныне благополучно царствующему государю Императору Николаю II и всему Царствующему Дому» [5, л. 6].

Подъезд к Собору производился только по Соборной улице из-за перекрытия других маршрутов к храму. На праздничном богослужении, кроме гражданских и военных чинов, предполагалось обязательное присутствие депутатов от всех средних мужских и женских учебных заведений [5, л. 8].

Программу торжеств в учебном заведении разработали 15 января 1913 г. на заседании Педагогического совета учительского института в соответствии с программой, предложенной самарским губернатором. Определены с расходами на проведение праздника [5, л. 8]. Данная программа, изложенная в докладном письме попечителю Казанского учебного округа, предусматривала следующие мероприятия:

1. 20 февраля 1913 г. полный состав института присутствовал на торжественном всенощном бдении.

2. 21 февраля 1913 г. учащиеся присутствовали на литургии, а часть учеников (10 чел.) с классным наставником К. С. Аксеновым – на торжественном молебне в Кафедральном соборе.

3. 21 февраля 1913 г. в 3 ч дня учащиеся собрались в актовом зале института для торжественного акта [5, л. 10].

Программа торжественного акта включала: исполнение гимна;

речь преподавателя истории П. И. Иванова «Начало династии Романовых»;

юбилейную кантату «Была пора»;

«Исторический очерк царствования дома Романовых до Петра Великого»;

«В бурю, во грозу» – интродукция из оперы «Жизнь за царя»;

«Исторический очерк царствования дома Романовых после Петра Великого»;

хор «Славься, славься, наш русский царь» из оперы «Жизнь за царя»;

исполнение «Многие лета».

Важно отметить, что все музыкальные номера из изложенной программы исполнялись хором воспитанников [5, л. 10].

Чтобы попасть на богослужение 21 февраля, директор института Н. П. Кильдюшевский отправил письменный запрос на имя самарского полицмейстера с просьбой о выделении для него, а также для учителя истории П. И. Иванова и 10 сопровождавших его учеников билетов в храм. Остальные учащиеся также должны были

посетить праздничные богослужения в храме при Самарском Первом городском училище [5, л. 11].

Уже позже, после согласования с полицией города, в учительском институте был организован бесплатный музыкально-вокальный ученический вечер. На нем по поручению Директора института преподаватель истории выступил с подготовленным докладом «Начало Династии Романовых», в котором подчеркивалась важность событий 1613 г. и избрания Михаила Романова на царство [6, с. 212].

Актовый зал декорировался портретом Николая II и Михаила Федоровича. Вечером здание института иллюминировалось [6, с. 213]. Иллюминация учебных заведений и все происходившие в них события были включены в общий план украшения города, официальных мероприятий и народных гуляний.

Прошедшие мероприятия обошлись Самарскому учительскому институту в 150 руб. при общем годовом бюджете 512 руб. Однако при столь значительных собственных тратах к торжеству институт за счет различных источников финансирования и благотворителей получил приборы, химические реактивы, книги, пособия по химии и естествознанию, что отражено в соответствующих списках [6, с. 214].

Необходимо отметить, что официальные торжества не ограничились февральскими днями. До конца учебного года учащиеся и преподавательский состав посетили праздничные богослужения, приуроченные к различным знаменательным датам августейшей фамилии:

1) 23 апреля 1913 г. – молебен в институте по случаю тезоименования Александры Федоровны;

2) 6 мая 1913 г. – молебен по случаю дня рождения Николая II;

3) 14 мая 1913 г. – молебен по случаю коронования Императора Николая II;

4) 25 мая 1913 г. – литургия и молебен по случаю дня рождения Императрицы Александры Федоровны [6, с. 214].

Церковная составляющая празднеств все же являлась первостепенной для православного населения. Об этом свидетельствует сравнение таких русских городов, как Самара, с поликонфессиональными поселениями.

Один из крупнейших регионов Поволжья – Казанская губерния – также не осталась в стороне от юбилейных мероприятий. Особый интерес в чреде происходивших здесь событий вызывает то обстоятельство, что в государственные торжества было вовлечено все население независимо от вероисповедания, хотя на рассмотренном выше примере Самары наблюдалась их подчеркнута православная направленность [7, с. 10]. Остановимся на «мусульманской» стороне празднования.

Татарская (мусульманская) общественность Казани прагматично подошла к подготовке к участию в юбилейных торжествах 1913 г. Наряду

с претензией на демонстрацию центральной власти своего патриотизма мусульманские идеологи могли преследовать иные цели. Таким приемом не пренебрег богослов и духовный лидер казанских мусульман Г. М. Галиев (Галеев). Среди «подарков», приуроченных к юбилею Романовых, можно отнести передачу в дар мусульманской общине Казани его личной библиотеки вместе с двухэтажным зданием, где она располагалась. Подобный пример был не единичным. В Астрахани было принято решение об открытии бесплатной библиотеки для мусульман с последующим наречением ее Романовской [7, с. 15].

Мусульманская интеллигенция (в лице Г. Газиза) факт участия в праздничных мероприятиях обосновывала причастностью своих предков к избранию Михаила Фёдоровича Романова на престол в 1613 г. Концептуальная статья в казанской газете «Кояш» от 21 февраля 1913 г. провозглашала, что «любовь к великой России не противоречит собственным национальным особенностям» и любовь к общей Родине свойственна как русским, так и татарам [7, с. 17].

Мусульманское население губернии и раньше принимало активное участие в празднованиях, проводившихся накануне 300-летнего юбилея правящей династии. Это были 100-летие Отечественной войны и 50-летие отмены крепостного права. В связи с последним из названных событий во многих городах Казанской губернии были открыты памятники царю-освободителю [7, с. 24].

С конца 1912 г. на страницах местных мусульманских газет началась подготовка к предстоящим торжественным мероприятиям. Примечательно, что в заметках и статьях, посвященных российским самодержцам, одним их самых запомнившихся и популярных монархов среди татарского населения был Петр Великий [7, с. 30].

Такое масштабное мероприятие, как 300-летие Дома Романовых, которое отмечалось через год после не менее масштабного праздника 100-летия Отечественной войны, требовало чрезвычайного напряжения сил и средств государственного аппарата. Очевидно, подобное мероприятие требовало тотального контроля над каждым этапом подготовки торжества, которое не всегда могло быть проведено должным образом [7, с. 35].

Порядок подготовки мусульманской общины к торжествам, а также план проведения были утверждены на ее общем собрании 27 января 1913 г. Из присутствовавших на нем 400 чел. был избран председатель – мулла Г. М. Галиев (Баруди), который вынес на обсуждение следующие вопросы: порядок празднования; утверждение состава комиссии для подготовки торжественных мероприятий; увековечивание самих юбилейных торжеств [8, л. 124].

На собрании не ставилась под сомнение целесообразность участия татарского населения

Казанской губернии в празднованиях. На обсуждение был вынесен вопрос о совместной организации с русским населением торжеств, однако в ходе дискуссии было принято решение сосредоточиться на проведении торжеств исключительно среди мусульман [8, л. 124].

В комиссию по подготовке юбилейных мероприятий были включены 15 наиболее известных мусульманских религиозных деятелей и промышленников. Средства планировалось собирать среди прихожан, для чего на мулл возлагалась обязанность по разъяснению прихожанам важности события [8, л. 126].

Самые интересные и оживленные дискуссии велись по поводу увековечивания юбилейной даты. На обсуждение был вынесен вопрос об устройстве для девочек-мусульманок либо приюта, либо образовательного учреждения (речь шла либо о начальной школе, либо гимназии). Стоит отметить, что дискуссия велась по канонам ислама, но никак не в русле уместности и взаимосвязи между открываемым учреждением и 300-летним юбилеем Дома Романовых. Единственным связующим мостиком между юбилеем и мусульманской гимназией должно было стать ее название – «Романовская» [8, л. 124].

Единогласного мнения не было среди казанской мусульманской общественности. Часть религиозных деятелей отвергали вообще идею о женском образовании, ссылаясь на Коран, у других скепсис вызвал языковой вопрос, а именно на каком языке должно вестись обучение. Негласно к дискуссии присоединились и государственные органы власти. Казанский губернатор М. В. Стрижевский направил запрос на имя попечителя Казанского учебного округа Н. К. Кульчицкого с просьбой дать разъяснения по следующим вопросам:

1. В какой степени желание мусульманской общественности Казани об открытии собственного учебного заведения согласуется с действующим законодательством.
2. Насколько актуален вопрос об открытии мусульманской женской гимназии в Казане, где установленный порядок не препятствует женскому образованию в существующих русских школах.
3. Насколько актуален вопрос об открытии женской гимназии с точки зрения государственных интересов.
4. Как отразится открытие гимназии на культурном объединении русского и мусульманского населения города.
5. Как будет взаимосвязано открытие женской мусульманской гимназии и 300-летний юбилей Дома Романовых [8, л. 130].

Стоит отметить, что все указанные вопросы были вполне уместны и отражали реалии начала XX в. В ходе обсуждения в итоге было все-таки решено открыть приют для девочек-мусульманок и назвать его «Романовским».

Во время празднования юбилея было высказано также пожелание создать в Казани мусульманскую учебную ремесленную мастерскую, однако Первая мировая война внесла свои коррективы. Из-за нехватки денежных средств ремесленное училище для мусульманских детей так и не смогли открыть [8, л. 126].

Торжественные мероприятия в Казани в честь юбилея правящей династии в своих кварталах татарское население организовало собственными силами. Для достижения наиболее массового вовлечения было принято решение о разделении города на районы. Сосредоточением торжественных мероприятий должны были стать Екатерининская улица и Юнусовская площадь. В дальнейшем предлагалась идея возвести в мусульманской части города памятный монумент в честь 300-летия Дома Романовых. Как предложение прозвучала идея о строительстве памятной мечети по аналогии с православными храмами, посвящаемыми памятным событиям. Приблизительная стоимость мечети варьировалась в размере 4–5 тыс. руб. Разработкой проектной документации на безвозмездной основе вызвался заниматься архитектор К. С. Олешкович [8, л. 124].

Финансовая составляющая торжественных мероприятий складывалась из частных сборов среди мусульманского населения, пожертвованных различных мусульманских организаций. Она также включала сборы в мечетях после соответствующих проповедей [8, л. 135].

В честь торжества было принято решение о раздаче беднейшим семьям Казани одной тысячи горячих обедов. Согласно постановлению собрания, проходившего на Сенной площади, помощь была распределена в следующих пропорциях: 800 обедов было принято к раздаче городскому населению, 200 – беднейшим жителям Ново-Татарской слободы. Одновременно с этим было принято решение о раздаче беднейшим мусульманам 60 сажень дров, предоставленных Казанской городской управой [8, л. 124].

Совет старшин постановил в рамках торжественных мероприятий устроить показ бесплатно спектакля «Герои Отечества», повествующего об участии башкир в войне 1812 г. Первоначально представление планировалось к показу учащимся русско-татарских школ, однако данное решение не удалось согласовать с местными чиновниками от образования. В дальнейшем было принято решение о распределении 200 билетов на спектакль среди жителей-татар, причем четверть из них были направлены младшим военным чинам мусульманского вероисповедания. Помимо местных торжеств, татарская депутация была представлена в числе представителей от Казанской губернии, направленных в Зимний Дворец для личного поздравления императора Николая II по случаю 300-летия царствования Дома Романовых [8, л. 137].

Мусульманские торжественные мероприятия в Казани проводились с 21 по 23 февраля 1913 г. По степени подготовленности, размаху и национальному колориту праздничные мероприятия не только не уступали аналогичным торжествам мусульманского населения других частей Российской империи, но и превосходили их. Так же, как и в других городах, особое место занимали религиозные мотивы: 21 и 22 февраля торжества начинались с молитвы – в первый день за упокоение всех почивших монархов Дома Романовых, во второй – за здоровье Николая II и его семьи [8, л. 138].

В первый день торжеств после молебна был зачитан императорский манифест на двух языках – русском и татарском. После прочтения манифеста всем присутствующим была роздана брошюра «Трёхсотлетие Дома Романовых» на татарском языке (3000 шт.). Депутация казанских мусульман приняла активное участие в торжественном заседании в здании Казанского губернского дворянского собрания [8, л. 140].

Центром мусульманских торжеств города стала, как и планировалась, Юнусовская площадь. Местные газеты сообщали о больших скоплениях городских жителей, пришедших сюда. Массовые гуляния сопровождалась подвижными играми, конкурсами. Деятельное участие в мероприятии принимал военный оркестр. Как отмечала местная пресса, улицы мусульманской части города отличались особой торжественностью и красотой праздника. Оригинальные украшения и иллюминация из электрических лампочек были размещены на Юнусовской и Сенной площадях, а также на прилегающих к ним улицах. Были возведены деревянные ворота с подсвеченными вензелями «М» и «Н». К праздничным событиям были украшены все городской мечети, особое внимание было уделено Белой соборной «Галеевской» мечети [8, л. 140].

Газета «Камско-Волжская речь» сообщала о наличии большого музыкального сопровождения мусульманской части торжества. На площади не утихала музыка, национальный гимн исполнялся как на русском, так и на татарском языке. Вечером, были запущены фейерверки (около 1000 ракет) под несмолкаемый возглас «ура». По сообщениям «Камско-Волжской речи», татарское население повсеместно и деятельно принимало участие в торжественных мероприятиях. В мусульманских кварталах каждый дом был богато украшен и подготовлен к празднику [7, с. 33].

Мусульманские городские газеты в праздничный день вышли с публикациями, посвященными царствующему Дому Романовых, в них были напечатаны портреты царей и императоров, исторические статьи и очерки. Кроме того, к 300-летию юбилею Дома Романовых приурочили выход первого татарского научно-педагогического журнала

«Мектеб». Юбилейный номер открывался стихотворением Г. М. Тукаева, в котором содержались строки, посвященные царствованию Романовых [7, с. 34].

В другом крупном городе Казанской губернии – Чебоксарах – праздничные мероприятия начались 20 февраля с литургии во Введенском соборе по первому царю Михаилу Федоровичу Романову. Примечательным фактом для юбилея стало предположительное нахождение в склепе Николаевского собора могилы Марии Шестовой, бабушки первого царя династии Романовых. Данное захоронение не могло быть не выделено при подготовке памятных мероприятий, в программу была включена заупокойная литургия в Николаевском соборе по инокине Марии Шестовой [3].

Учебные заведения города были заняты подготовкой к организации праздничных мероприятий (чтений, спектаклей и т. д.). Торжественное заседание было решено провести на Чебоксарском уездном съезде в присутствии представителей различных ведомств и государственных служащих [3].

Позднее, 21 февраля, в здании, где проходил уездный съезд, были проведены тематические чтения с последующей раздачей исторических портретов и тематических картин, посвященных Дому Романовых. В школах города также были устроены тематические чтения с последующей раздачей ученикам юбилейных брошюр и сладких подарков [3].

Официальная часть празднования сочеталась с массовыми народными гуляниями. Центром праздника стала городская площадь, где, по свидетельствам архивных документов, были устроены на бесплатной основе катания с ледяных горок, карусели, разнообразные подвижные игры с призами. К данному списку можно отнести организацию бесплатного катка, а также фейерверк вечером 21 февраля 1913 г. На площади все время играл оркестр духовых инструментов. Приветствовалось повсеместное украшение зданий электрической иллюминацией, флагами, транспарантами, портретами императора и лиц, принадлежавших к царствующему дому [9, л. 1].

Специальная программа, разработанная комитетом, который занимался организацией подготовки к проведению торжества, включала полный перечень следующих праздничных мероприятий:

1. Катание с гор, возведенных на базарной площади.
2. Карусель с призами для детей.
3. Игры с призами.
4. Фейерверк в трех частях города.
5. В перерывах между фейерверком освещение города прожектором, зажжение на базарной площади смоляных бочек и труб.
6. Организация иллюминации городских зданий (государственных учреждений).
7. Выступление оркестра духовой музыки [9, л. 2].

Естественно, все мероприятия были бесплатными для посещающих их горожан. Аналогичные мероприятия, различающиеся только масштабом, проходили во всех поволжских городах, например, в Царевокошкайске, празднование в котором уже получило освещение в историографии [10].

В Саратове праздничную программу торжественных мероприятий 21 февраля 1913 г. открывал благодарственный молебен в зале консерватории. Однако основные торжественные мероприятия разворачивались на Соборной площади, где были совершены крестный ход, литургия и торжественный молебен в Александро-Невском соборе. Протоиерей Преображенский выступил с речью, где разъяснил всем собравшимся на площади историческое значение династии Романовых на судьбу России. Площадь, на которой возвышался памятник Александру II, была украшена стягами, зеленью, надписями «1613» и «1913», портретом царя Михаила Романова. На площади под белыми шатрами размещались бюсты Петра I и царствующего императора Николая II, также можно было видеть часовых в исторических костюмах эпох Михаила Федоровича, Петра Первого и в современной военной форме [11, с. 28].

Торжества в этом городе отличались активным участием местных ученых, любителей старины и краеведов, благодаря их сотрудничеству с Саратовской ученой архивной комиссией, которая с середины 1880-х гг. успешно объединяла всех заинтересованных лиц, «чьи интересы были связаны с историей» [12, с. 265]. На ее торжественном заседании в зале консерватории были заслушаны доклады директора гимназии В. Б. Каттерфельда «Исторический очерк празднуемых событий», членов комиссии В. О. Жеребцова «Об отношении Августейших членов царствующего Дома Романовых к русской старине» и Н. Ф. Хованского «О посещении г. Саратова Августейшими Особами Дома Романовых». Последний доклад сопровождался демонстрацией диапозитивов («световых картин») [11, с. 28].

Праздничный день в Саратове завершился выступлением артиста императорского театра А. М. Давыдова и балом в здании Коммерческого собрания. В течение нескольких дней в городе демонстрировалась кинокартина «300-летие царствующего Дома Романовых», шел спектакль «Избрание Михаила Романова на царство», играла музыка и запускались фейерверки на конькобежных катках [11, с. 29].

Повсеместное празднование в Поволжье 300-летия Дома Романовых свидетельствовало о масштабности проводимых мероприятий. Стоит еще раз отметить, что проводились они по всей территории страны. Например, в сибирских городах также подготовились к проведению торжеств, о чем говорят сохранившиеся документы. Из них явствует, что Томское мещанское общество постановило к празднику украсить электрической

иллюминацией здание городской управы, разместив на нем портрет первого царя династии Романовых. На городской набережной было решено провести запуск фейерверков [13, л. 36].

Таким образом, подготовка к 300-летию Дома Романовых приняла широкий масштаб, все слои населения в независимости от сословной, национальной, вероисповедной принадлежности были вовлечены в процесс подготовки этого мероприятия. Программы торжеств при всей их схожести зависели от конкретного города, его материальных возможностей, культурных традиций и состава населения. Такие программы могли включать дополнительные элементы, отличавшиеся в разных городах на Волге, например, торжественное заседание научного общества, как это было в Саратове, где имелись условия для проведения данного мероприятия.

В литературе отмечалось, что именно на рубеже столетий «часто и происходит актуализация многих составляющих исторической памяти» [14, с. 38], когда сознание социумов, коллективов, индивидов завершает удобный для расстановки столетних маркеров «цикл развития этой памяти» [15, с. 31]. Однако в России начала XX в. столь масштабные праздничные торжества, охватывавшие все слои населения, имели конкретную политическую цель, а потому могут быть признаны в первую очередь проявлениями определенной «политики памяти» царских властей различного уровня.

Выдвижение на первый план православных мотивов на «романовских» торжествах в большинстве городов не должно вводить в заблуждение. На самом деле власти действовали более гибко с учетом конфессионального и этнического состава жителей, что ярко проявилось в Казани. Становится ясно, что конструирование исторической памяти вокруг событий 1613 г. в выгодном для пошатнувшейся монархии свете было, прежде всего, попыткой консолидировать российское общество после революционных событий 1905–1907 гг. и в условиях начавшегося нового общественного подъема. Центром этой консолидации и символом монархии, благодетельной для России, должен был стать император Николай II со своим семейством как живой представитель трехвековой правящей династии.

Список литературы

1. Дмитриева О. О. Региональный уровень празднования 300-летнего юбилея царствующего Дома Романовых на примере г. Чебоксары // Вестник Марийского государственного университета. Серия Исторические науки. Юридические науки. 2021. Т. 7, № 3 (27). С. 217–223. <https://doi.org/10.30914/2411-3522-2011-7-3-217-223>

2. Иценко О. В. Участие воспитанников учебных заведений Сибири в праздновании 300-летия Дома Романовых // Вестник Томского государственного университета. История. 2014. № 1 (27). С. 32–35.

3. Козлов Ф. Н. Празднование 300-летия дома Романовых в учебных заведениях Чувашского края // Государственный исторический архив Чувашской Республики. Чебоксары, 2013. URL: http://www.gia.archives21.ru/text/2013_03_13.doc (дата обращения: 26.05.2022).

4. История Самарского Поволжья с древнейших времен до наших дней : в 2 т. Т. 2 : Самарское Поволжье во второй половине XIX – начале XX века. 2-е изд., испр. и доп. / науч. ред. П. С. Кабытов, Л. Б. Леонтьева. Самара : ООО «Слово», 2020. 480 с.

5. Центральный государственный архив Самарской области (ЦГАСО). Ф. 106 Самарский учительский институт. Оп. 1. Д. 35.

6. Артамонова Л. М. Провинциальные особенности общероссийского торжества : Романовский юбилей 1913 года в Самаре // Архивы и история Российской государственности : сборник научных докладов. СПб. : Институт истории Санкт-Петербургского государственного университета, 2015. Вып. 5. С. 210–215.

7. Алексеев И. Е. Празднование татарами Казани и Казанской губернии 300-летия царствования Дома Романовых // Мусульманский мир. 2014. № 1. С. 8–44.

8. Национальный архив Республики Татарстан (НА РТ). Ф. 199 Казанское губернское жандармское управление. Оп. 2. Д. 1397.

9. Государственный исторический архив Чувашской Республики (ГИА ЧР). Ф. 6 Уездный предводитель дворянства. Оп. 1. Д. 73.

10. Бажин В. В. Празднование 300-летия дома Романовых в г. Царевококшайске // Архивы Марий Эл. Йошкар-Ола, 2013. URL: <http://arh-mari.ru/doc/vestmari-el/2007/4.doc> (дата обращения: 26.05.2022).

11. Жукова И. Августейшие визиты // Памятники Отечества : иллюстративный альманах Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры / гл. ред. С. Н. Розгонов. Т. 39, вып. 39 : Вся Россия. Сердце Поволжья. М. : [б. и.], 1998. С. 22–29.

12. Майорова А. С. История Саратовского края в трудах А. Н. Минха // Историографический сборник : межвузовский сборник научных трудов. Вып. 27 / отв. ред. С. А. Мезин. Саратов : Саратовский источник, 2020. С. 256–266.

13. Государственный архив Томской области (ГАТО). Ф. 130 Томская мещанская управа. Оп. 1. Д. 65.

14. Смирнов Ю. Н. Навсегда рядом в исторической памяти и на площади волжского города: ракета и ее создатель // Центр и периферия. 2021. № 4. С. 37–43.

15. Артамонова Л. М. Использование методов «истории повседневности» и «устной истории» в реконструкции прошлого вузов культуры (на примере СГАКИ) // Культура и образование. 2008. № 1 (1). С. 31–34.

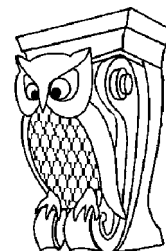
Поступила в редакцию 31.05.2022; одобрена после рецензирования 10.06.2022; принята к публикации 30.06.2022
The article was submitted 31.05.2022; approved after reviewing 10.06.2022; accepted for publication 30.06.2022

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2022. Т. 22, вып. 4. С. 529–533
Izvestiya of Saratov University. History. International Relations, 2022, vol. 22, iss. 4, pp. 529–533
<https://imo.sgu.ru> <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2022-22-4-529-533>, EDN: UXTSSA

Научная статья
УДК 94(470.40/.43):930(470+571)|17/19|+929

Обобщающие труды о Самарской Луке и Усольской вотчине XVIII – начала XX века как опыт современных исследовательских практик «локальной истории»

Л. М. Артамонова^{1✉}, Ю. Н. Смирнов²

¹Самарский государственный институт культуры, Россия, 443010, г. Самара, ул. Фрунзе, д. 167

²Самарский национальный исследовательский университет имени академика С. П. Королева, Россия, 443086, г. Самара, Московское шоссе, д. 34

Артамонова Людмила Михайловна, доктор исторических наук, профессор кафедры культурологии, музеологии и искусствоведения, artamonovoi@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4584-6339>, Author ID: 647783

Смирнов Юрий Николаевич, доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой всеобщей истории, международных отношений и документоведения, smirnov195503@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4584-6339>, Author ID: 647784

Аннотация. В статье анализируются комплексные исследования уникальной по своим природным и культурно-историческим особенностям территории на Средней Волге – Самарской Луки и одного крупнейших помещичьих владений в России – Усольской вотчины Орловых и Орловых-Давыдовых. На данном примере показана роль историков и современных методов «local history» в междисциплинарном изучении прошлого российских регионов, в том числе процесса заселения и освоения земель на юго-востоке Европейской России.

Ключевые слова: Россия в XVIII – начале XX в., история Поволжья, историография, методы исторического исследования, «локальная история», колонизация, землевладение

Для цитирования: Артамонова Л. М., Смирнов Ю. Н. Обобщающие труды о Самарской Луке и Усольской вотчине XVIII – начала XX века как опыт современных исследовательских практик «локальной истории» // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2022. Т. 22, вып. 4. С. 529–533. <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2022-22-4-529-533>, EDN: UXTSSA
Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

Generalizing works on the Samara Luka and the Usolskaya Patrimony of the XVIII – early XX centuries as an experience of modern research practices of “local history”

L. M. Artamonova^{1✉}, Yu. N. Smirnov²

¹Samara State Institute of Culture, 167 Frunze St., Samara 443010, Russia

²Samara National Research University, 34 Moskovskoye shosse, Samara 443086, Russia

Ludmila M. Artamonova, artamonovoi@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4584-6339>, Author ID: 647783

Yuri N. Smirnov, smirnov195503@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4584-6339>, Author ID: 647784

Abstract. The article analyzes comprehensive studies of the unique natural and cultural-historical territory on the Middle Volga – Samara Luka and one of the largest landlords in Russia – the Usolsky Patrimony of the Orlovs and Orlov-Davydovs. This example shows the role of historians and modern methods of “local history” in interdisciplinary studying the past of Russian regions, including the processes of the colonization and the development of the South-East of European Russia.

Keywords: Russia in the 18th – early 20th centuries, the history of the Volga region, historiography, methods of historical research, “local history”, colonization, land ownership

For citation: Artamonova L. M., Smirnov Yu. N. Generalizing works on the Samara Luka and the Usolskaya Patrimony of the XVIII – early XX centuries as an experience of modern research practices of “local history”. *Izvestiya of Saratov University. History. International Relations*, 2022, vol. 22, iss. 4, pp. 529–533 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2022-22-4-529-533>, EDN: UXTSSA

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC0-BY 4.0)

Важной задачей для коллективных междисциплинарных исследований является изучение примечательной в историческом отношении тер-

ритории в те периоды времени, в которых проявились ее основные культурные особенности и сложился узнаваемый образ. Междисциплинар-

ность в данном случае означает учет данных и привлечение специалистов из различных областей научного знания. В результате такой совместной работы может достигаться достоверная реконструкция (в определенных географических и временных рамках) культурного и исторического ландшафта с его основными компонентами-достопримечательностями. Для Самарского края, несомненно, одним из самых привлекательных объектов для изучения прошлого и переживания настоящего является Самарская Лука с входящей в нее и прилегающей к ней исторической Усольской вотчиной.

От намерения использовать в заголовке данной работы термины «культурно-историческая территория» или «уникальная историческая территория» пришлось отказаться. Эти термины в отечественной литературе последних лет оказались связаны с работами преимущественно в сфере социально-культурной и музейной деятельности, охраны культурного наследия, туризма [1]. Часто ими просто обозначаются памятные места и достопримечательности, создающие «существенную мотивацию посещения того или иного региона или города» [2, с. 50].

Как правило, в такой литературе, несмотря на употребление производных от «истории» слов, не содержится элементов исторического исследования, нет обращения к трудам историков, отсутствует понимание необходимости научной кооперации со специалистами в области исторических дисциплин. Справедливости ради отметим, что есть и обратные примеры активного и полезного участия историков вместе с другими учеными-гуманитариями в исследованиях о складывании, состоянии, особенностях культурной ситуации и повседневности городов Среднего Поволжья [3] или территории региона в целом [4].

В настоящей работе речь идет об опыте комплексного изучения особой природной и культурной территории в хронологических рамках, охватывающих несколько веков. Комплексность в данном случае учитывает, прежде всего, данные исторического и смежных с ним областей научного знания. Все это не лишает избранную как объект исследования Самарскую Луку значения «культурно-исторической территории» в том смысле, который сейчас оказался самым распространенным. Достаточно сказать, что здесь расположены две особо охраняемых природных территории – Жигулёвский государственный природный заповедник им. И. И. Спрыгина и Национальный парк «Самарская Лука» [5, с. 12].

В старинных селениях создано несколько музеев. Самым большим и посещаемым из них является Историко-музейный комплекс в с. Ширяево – филиал Самарского областного художественного музея, включающий мемориальные дома художника И. Е. Репина и поэта А. Ширяевца. Упомя-

нем также музей истории сел Ставропольского района в с. Большая Рязань и муниципальный музей им. И. Н. Ульянова в с. Усолье, не перечисляя другие самодеятельные музеи, выставочные и информационно-туристические центры.

Однако перенесем внимание с экологических, музееведческих, экономических аспектов изучения «уникальной исторической территории», о которых чаще всего пишут при использовании данного термина, на труды по реконструкции собственно исторического прошлого. Ключевым при таком подходе становится не юридический статус или туристический потенциал территории, а ее «локальная история», которая, по справедливому мнению специалистов, удовлетворяет желание людей на получение знания о месте, где они живут. Оставаясь частью научной историографии, «local history» конструирует местную историческую память, формирует локальное отношение к образу данного места [6, р. 4].

Следует согласиться с подходом, уравнивающим в правах «локальную историю» традиционного типа (историю «малой родины»), которая «примыкает к краеведению или вообще включается в него», с историей страны, континента, мира [7, с. 452, 468–469]. Прав Д. С. Лихачев, который видел достоинство краеведения в комплексности и междисциплинарности, в том, что оно «соединяет в себе сведения природоведческие (в свою очередь комплексные), исторические, искусствоведческие, по истории литературы, науки и т. д.» [8, с. 159].

Понятна и не требует дополнительных обоснований заинтересованность в подобном изучении сложившихся административно-территориальных образований (республик, областей, районов, городов и т. д.), тем более, когда она поддерживается и стимулируется местными органами власти и самоуправления. Вместе с тем объектами подобного исследовательского внимания могут становиться уникальные местности, не имеющие особого административного статуса и выделяемые исключительно в силу своих природных и культурно-исторических особенностей. К их числу относится Самарская Лука.

В истории Самарской Луки с окрестностями самым примечательным, а потому и самым изучаемым периодом стало время от вхождения в состав Российского государства в конце XVI в. до революции 1917 г. Внимание к этому своеобразному полуострову, образованному излучиной в среднем течении Волги, проявилось с самого начала историко-краеведческих исследований в России, если согласиться с С. О. Шмидтом в том, что «у истоков нашего краеведения как сферы комплексного научного знания» стояли «знаменитые “академические” экспедиции XVIII в.» [9, с. 21]. Сразу несколько экспедиционных отрядов под руководством П. С. Палласа,

И. И. Лепехина, И. П. Фалька изучали рассматриваемую территорию в 1768–1769 гг. [10, с. 410].

Накопление работ краеведов и профессиональных историков продолжалось в XIX–XX вв. В результате усилий нескольких поколений специалистов и любителей сложились условия для создания обобщающего труда, удовлетворявшего не только традиционным, но и современным требованиям к работам по «локальной истории». В 1995 г. вышла книга «Самарская Лука в XVI – начале XX вв.», подготовленная специалистами в сферах «локальной истории» и топонимии [11]. Вскоре материалы по Самарской Луке были повторены, дополнены и расширены, когда к специалистам-историкам и филологам подключились этнографы и музыканты-фольклористы [12].

При создании коллективного труда «Самарская Лука в XVI – начале XX вв.» была расширена источниковая база по Самарской Луке. Она включила не только письменные документы, но и данные топонимики, фольклорные материалы, а также те сведения об исторических событиях, которые передавались вербально из поколения в поколение (устная история). Богатый материал был собран в ходе проводившейся в те годы инвентаризации памятников истории и культуры Самарской области, в которой принимали участие и авторы книги. Ученым удалось выявить основные этапы заселения и освоения территории, выделить характерные черты ее культурно-исторического облика, показать своеобразие хозяйственного уклада и быта населения, раскрыть уникальность прошлого Самарской Луки, которая стала своеобразным плацдармом для освоения Степного Заволжья.

Данная книга была написана в качестве учебного пособия, что вовсе не лишало ее научной новизны, а лишь придавало более доступную для читателя форму изложения, которая определялась учебными целями. Эти цели заключались в том, чтобы на конкретном примере показать будущим специалистам-историкам возможность комплексного изучения отдельных территорий, продемонстрировать пути и методы решения задач исторического краеведения, приложимых к иным уникальным объектам и ландшафтам. В ходе анализа отдельных вопросов истории и культуры Самарской Луки была представлена методика исследования различных сторон хозяйственного, общественно-политического и духовного развития подобных уникальных и примечательных территорий в Самарском крае или за его пределами.

Основополагающая задача при комплексном исследовании в рамках «локальной истории» заключается в выявлении сущностных черт исторической территории. Наиболее полные результаты были получены в ходе изучения следующих сторон событийной истории и повседневной жизни Самарской Луки:

становление аграрного комплекса;
ее промыслово-торговое и индустриальное значение;

формирование и организация здесь крупного аграрного и промыслово-аграрного хозяйства;
развитие в пределах этой территории культуры, здравоохранения, просвещения;
социальные, демографические, этнические, конфессиональные факторы освоения;
складывание исторической топонимики Самарской Луки.

Освоение новых земель на Самарской Луке как одном из плацдармов освоения Поволжья, Заволжья и Приуралья инициировало процесс адаптации крестьянина, предпринимателя, вотчинника к природным условиям, отличавшимся от климата и почв центральных районов России. Исследование основных особенностей исторического развития данной территории на протяжении длительного хронологического периода показало направления эволюции сложившейся здесь системы хозяйствования, общественных взаимоотношений и культурной среды.

Углубление научных знаний по истории и культуре Самарской Луки происходило в два последующих десятилетия по нескольким направлениям. Главными из них, во-первых, стали углубление сведений о ее прошлом в последней трети XVIII – начале XX в., когда основная часть данной территории входила во владения графов Орловых и их наследников, а, во-вторых, изучение культурного наследия Самарской Луки, в значительной мере сохранившегося в музеях и библиотеках.

Результаты, полученные при накоплении знаний по двум этим направлениям, становились доступными научной и педагогической общественности, всем любителям родной старины разными путями. Кроме использования в музейных и книжных выставках или информации в местной периодике и популярных краеведческих изданиях, эти результаты находили отражение в диссертациях по истории [13], библиотековедению [14], искусствоведению [15]. Они публиковались в профессиональных журналах по историческим [16] и филологическим наукам [17], библиотечному [18] и музейному делу [19]. Их можно также встретить в различных научных журналах и сборниках конференций.

Существующие направления изучения Самарской Луки и Усольской вотчины были объединены в новой комплексной коллективной работе об этой уникальной территории. Ее инициатором стала Н. Ф. Бессонова, а главным связующим звеном послужил каталог реконструированной усадебной библиотеки Орловых и Орловых-Давыдовых [20]. В этом издании были воспроизведены наиболее интересные отрывки из церковно-приходской летописи с. Усолья, написанной еще в XIX столетии, помещены исторические очерки о землях и населении вотчины, о развитии

в ней просвещения, здравоохранения, духовной жизни, об истории библиотеки. Здесь же помещен генеалогический справочник, описание вотчинных собраний декоративно-прикладного и живописного искусства, вышеупомянутый обширный библиотечный каталог.

В результате сложился комплексный и детальный научно-документированный обзор истории заселения, экономики, управления, народного образования, медицины, религиозной и других сторон культурной жизни на этой территории. Важное место в книге в целом и в каждом ее разделе было уделено личностям владельцев Усолья.

Показано, что начало истории этой вотчины восходит к 1768 г., когда по просьбе братьев Орловых их отдельные малоземельные вотчины в разных уездах и губерниях были обменены на огромное компактное владение в районе Самарской Луки. Образовалась одна из крупнейших и богатейших дворянских лагифундий в России. Ее с полным правом можно было считать настоящим «графством», если обыграть титул ее владельцев.

После смерти старших из братьев и осуществления разделов основная часть некогда общих владений по Средней Волге с центром в Усолье сосредоточилась в руках В. Г. Орлова, а затем его внука – В. П. Орлова-Давыдова. С их именами в первую очередь связана история Самарской Луки и Усолья в крепостную эпоху и первые пореформенные десятилетия XIX в.

Это было время расцвета культурной, общественной и научной жизни в Усолье. Тогда же была создана «Усольская летопись» краеведа-священника С. М. Преображенского. Его экскурсии в прошлое из-за отсутствия профессиональной исторической подготовки содержат некоторые неточности и требуют тщательной проверки другими документами. Однако наиболее интересные и достоверные записи «Летописи» относятся к 1830–70-м гг., когда автор сам являлся очевидцем и участником событий, им описываемых. «Летопись» интересна как источник не только для истории Усольского имения, но и для изучения того, что помнили и знали обитатели Самарской Луки о своем прошлом, далеком и недавнем. Представления об истории «малой родины» были зафиксированы в том виде, в каком они сложились в начале последней трети XIX в., являя собой уникальное свидетельство об исторической памяти жителей Поволжья той эпохи.

В 1874 г. на средства графа Орлова-Давыдова в Усолье было построено новое здание для школы, которое сохранилось и используется под местный музей. 1 октября 1874 г. в Усолье было торжественно открыто образцовое народное училище, находящееся на содержании Министерства народного просвещения с общественным пособием от селений Усольской волости. На открытии с речью выступил много сделавший для

создания и обустройства этого учебного заведения И. Н. Ульянов, директор народных училищ Симбирской губернии [21]. Он выразил благодарность В. П. Орлову-Давыдову за щедрое пожертвование.

Много времени хозяева Усолья и их гости проводили в замечательной библиотеке, которую собирали десятилетиями, пополняя ее книгами на русском и многих западноевропейских языках. В 1882 г. Усольское имение унаследовал А. В. Орлов-Давыдов. При новом хозяине здесь работали искусные мебельщики, резчики, позолотчики. В 1905 г. этот владелец умер и оставил процветающее хозяйство Усольской вотчины сыну А. А. Орлову-Давыдову. После революции 1917 г. тому пришлось бежать за границу. На этом история помещицкой вотчины в Усолье завершилась.

Память о ней осталась в разрушающихся постройках, в отдельных предметах быта и произведениях искусства, попавших в музей Самары и Сызрани. Особо ценной и лучше других сохранившейся частью культурного наследия семьи Орловых и Орловых-Давыдовых как владельцев Усолья осталось их книжное собрание, оказавшееся в основном в Самарской областной универсальной научной библиотеке.

Авторы и составители книги «Самарская Лука в XVI – начале XX в.» постарались выделить характерные черты облика Усольской вотчины, показать своеобразие уклада жизни здешнего населения, напомнить об интересных людях, здесь обитавших. Думается, что эта и другие публикации, описанные в данной статье, представляют собой ценный опыт комплексного изучения уникальной исторической территории Среднего Поволжья – Самарской Луки. Он доказывает, что современное регионоведение может успешно решать задачи по расширению историографической и источниковой базы исследований в области исторических и других гуманитарных дисциплин. Особый интерес вызывают выявленные возможности применения приемов «локальной истории» и других современных методов новой социальной истории в реконструкции цельной картины уникальных культурных ландшафтов прошлого.

Список литературы

1. *Дмитрук Н. Г.* Сохранение уникальных исторических территорий как объектов культурно-познавательного туризма // Вестник Новгородского филиала РАНХиГС. 2017. Т. 6, № 1–1 (7). С. 241–247.
2. *Ермишин С. П., Якунин В. Н.* Проблема повышения роли туризма в развитии Самарской области и г. Тольятти // Вестник Национальной академии туризма. 2008. № 2(6). С. 47–51.
3. *Бирюкова А. Б.* Социокультурное пространство и повседневная жизнь поволжских городов первой половины XIX века (историографический аспект) // Исторические,

философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2009. № 1 (2). С. 15–20.

4. Алехина Н. В., Анучин О. И., Ганина О. Н., Краснощекоев В. А., Лепешкина Л. Ю., Макарова Н. В., Овсянников В. П., Овсянникова Н. В., Селиванов В. М., Суворова П. Е., Якунин В. Н. Особенности повседневной культуры Средневолжского региона. Рязань : ООО «Издательство “Концепция”», 2015. 428 с.

5. Волков С. К. Зарубежный и российский опыт развития туристских кластеров // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия : Экономика. Информатика. 2016. № 16 (237). С. 5–15.

6. Amato J. A. Rethinking Home : A Case for Writing Local History. Berkeley : University of California Press, 2002. 245 p.

7. Савельева И. М., Поletaев А. В. Знание о прошлом : теория и история : в 2 т. СПб. : Наука, 2003. Т. 1. 632 с.

8. Лихачев Д. С. Русская культура М. : Искусство, 2000. 481 с.

9. Шмидт С. О. Вступительное слово на Первом всероссийском съезде историков-регионоведов в Санкт-Петербурге (11–14 сентября 2007 г.) // Вестник РГГУ. Серия : История. Филология. Культурология. Востоковедение. 2012. № 6 (86). С. 15–24.

10. Кабытов П. С., Артамонова Л. М., Баринаева Е. П., Дубман Э. Л., Елисеев А. И., Завальный А. Н., Кабытова Н. Н., Казарин В. Н., Кобозева З. М., Леонов М. И., Леонов М. М., Леонтьева О. Б., Матвеев М. Н., Савельев П. И., Смирнов Ю. Н., Тагирова Н. Ф., Турганова О. В., Тюрин В. А. История Самарского Поволжья с древнейших времен до наших дней : в 2 т. Самара : Слово, 2020. Т. 1. 480 с.

11. Смирнов Ю. Н., Дубман Э. Л., Барашков В. Ф., Артамонова Л. М. Самарская Лука в XVI – начале XX вв. Самара : Самарский университет, 1995. 200 с.

12. Ведерникова Т. И., Фокин П. П., Ягафова Е. А. Этнография Самарской Луки. Топонимика Самарской Луки. Самара : ПО «СамВен», 1995. 150 с.

13. Кремер Н. Б. Социальные отношения и организация управления в крепостной Усольской вотчине Орловых, Орловых-Давыдовых (1768–1861 гг.) : дис. ... канд. ист. наук. Самара, 2004. 231 с.

14. Бессонова Н. А. Частные книжные коллекции в фондах библиотек Самаро-Симбирского региона (в период с 30-х гг. XVIII в. по 20-е гг. XX в.) : дис. ... канд. пед. наук. Самара, 2003. 298 с.

15. Баюра Л. П. Художественные коллекции Симбирского края. Собиратели. Мастера. Хронисты. Конец XVIII – первая треть XX века : дис. ... канд. искусствоведения. М., 2005. 354 с.

16. Смирнов Ю. Н. Владения Орловых на Самарской Луке и в окрестностях: территория и наследники в последней трети XVIII – первой половине XIX в. // Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы. 2012. № 1. С. 210–222.

17. Беленов Н. В. Топонимия Самарской Луки в этноисторическом контексте // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2016. № 11–3 (65). С. 72–74.

18. Бессонова Н. А. Усольская библиотека // Библиография. 2000. № 6. С. 48–52.

19. Алексушина Т. Ф. Портреты из Усоля. «Усольская» коллекция графов Орловых-Давыдовых // Мир музея. 1999. № 6. С. 22–28.

20. Усольское собрание графов Орловых и Орловых-Давыдовых в историческом и культурном ландшафте Самарской Луки / сост. Н. А. Бессонова ; науч. ред. Ю. Н. Смирнов ; ред. Л. Г. Завальная, О. В. Клипикова, Т. В. Князева ; отв. за вып. А. В. Лычева. Самара : Офорт, 2015. 548 с.

21. Ульянов И. Н. Речь директора г. Ульянова при открытии в Усолье образцового училища. 1 октября 1874 г. // Ученые записки Ульяновского государственного педагогического института. 1963. Т. 18, вып. 4. С. 57–59.

Поступила в редакцию 11.06.2022; одобрена после рецензирования 15.06.2022; принята к публикации 30.06.2022
The article was submitted 11.06.2022; approved after reviewing 15.06.2022; accepted for publication 30.06.2022

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2022. Т. 22, вып. 4. С. 534–541
Izvestiya of Saratov University. History. International Relations, 2022, vol. 22, iss. 4, pp. 534–541
<https://imo.sgu.ru> <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2022-22-4-534-541>, EDN: VDVGGGE

Научная статья
УДК [94+[355/359.07:355.4]](470.44)|1919|

Деятельность Военного совета Аткарско-Ртищевского укрепрайона в июле – начале августа 1919 года

С. В. Гнидо

Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, Россия, 410012, г. Саратов, ул. Астраханская, д. 83

Гнидо Сергей Владимирович, аспирант кафедры отечественной истории и историографии, gsv.1996@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9751-4136>, Author ID: 1148426

Аннотация. В статье исследуется малоизвестный эпизод Гражданской войны – деятельность Военного совета Аткарско-Ртищевского укрепленного района с момента создания укрепрайона 19 июля 1919 г. и до его расформирования 8 августа 1919 г. Проведенные Военным советом мероприятия способствовали отражению наступления Кавказской армии Вооруженных сил Юга России на Саратов.

Ключевые слова: Гражданская война в России, Южный фронт, Аткарско-Ртищевский укрепленный район, Авров В. И., Красная армия, Военный совет

Для цитирования: Гнидо С. В. Деятельность Военного совета Аткарско-Ртищевского укрепрайона в июле – начале августа 1919 года // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2022. Т. 22, вып. 4. С. 534–541. <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2022-22-4-534-541>, EDN: VDVGGGE

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

Activities of the Military council of the Atkarsk-Rtishchevo fortification area in July – August 1919

S. V. Gnido

Saratov State University, 83 Astrakhanskaya St., Saratov 410012, Russia

Sergey V. Gnido, gsv.1996@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9751-4136>, Author ID: 1148426

Abstract. The article examines a little-known episode of the Civil War – the activities of the Military Council of the Atkarsk-Rtishchevo fortified region from the moment the fortified area was created on July 19, 1919, until it was disbanded on August 8, 1919. The activities of the Military Council contributed to the repulse of the attack of the Caucasian Army of the Armed Forces of the South of Russia on Saratov.

Keywords: Russian Civil War, Southern Front, Atkar-Rtishchevsky fortified area, V. I. Avrov, Red Army, Military Council

For citation: Gnido S. V. Activities of the Military council of the Atkarsk-Rtishchevo fortification area in July – August 1919. *Izvestiya of Saratov University. History. International Relations*, 2022, vol. 22, iss. 4, pp. 534–541 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2022-22-4-534-541>, EDN: VDVGGGE

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC0-BY 4.0)

Деятельность Военного совета Аткарско-Ртищевского укрепленного района является одним из многих примеров успешной организации укрепления тыла в условиях прифронтовой полосы, когда Кавказская и Донская армии Вооруженных сил Юга России пытались прорваться к Саратову.

Данная проблема затрагивается всего лишь в нескольких научных работах. Упоминается она в основном в общих трудах по Гражданской войне, таких как «Гражданская война в СССР» [1]. Впервые эта тема освещается в кандидатской диссертации О. А. Васковского «Советы Саратовской губернии в борьбе за организа-

цию тыла в период первого и второго походов Антанты» [2], написанной в 1953 г. В этой работе деятельность Военного совета Аткарско-Ртищевского укрепрайона рассмотрена вскользь, основное внимание уделяется созданию Саратовского укрепленного района. В труде саратовских историков А. В. Гончарова и В. Н. Данилова «Саратовское Поволжье в период Гражданской войны (1918–1921 гг.)» [3], изданном в 2000 г., эта тема освещалась обзорно, внимание авторов уделялось в основном военно-политическому положению региона.

Таким образом, до сегодняшнего дня отсутствуют специальные обобщенные и систематизи-

рованные научные работы по данной проблеме. Дополнить имеющиеся материалы позволили не публиковавшиеся ранее документы из регионального Государственного архива новейшей истории Саратовской области (ГАНИСО) [4]. Неопубликованные архивные источники помогли раскрыть информацию о составе и дислокации группировки воинских частей укрепрайона, раскрыть их повседневную деятельность, осветить проблему дезертирства и в целом реконструировать процесс подготовки укрепрайона к обороне. Использование всех имеющихся материалов позволило обобщить информацию и сделать выводы о роли Военного совета Аткарско-Ртищевского укрепленного района в деле организации обороны тыла 10-й и 9-й армий вооруженных сил РСФСР.

Продвижение войск Деникина на саратовском направлении заставило местные органы власти усилить размах оборонительных работ и в первую очередь строительство защитных сооружений вокруг Саратова, Камышина, Аткарска и других городов губернии, имевших большое транспортное и промышленное значение. Положение на фронте становилось напряженным. 30 июня 1919 г. войска генерала Врангеля заняли Царицын. Части 10-й Красной армии, упорно обороняясь, медленно отходили на север, к Камышину. Одновременно усилились атаки белых на балашовском направлении против 9-й армии Южного фронта.

Чрезвычайные обстоятельства, вызванные приближением фронта к Саратову и активизацией контрреволюционных сил в тылу 10-й и 9-й армий, побудили Саратовский исполком 3 июля по согласованию с Реввоенсоветом 4-й армии и Советом укрепрайона объявить Саратовскую губернию на осадном положении [5, с. 136]. Полнота власти сосредотачивалась в руках созданного губернского и уездных военно-революционных комитетов. Ревкомы были образованы также в уездных городах Покровске, Вольске, Сердобске, Кузнецке, Аткарске, Балашове, Камышине. В их задачу входило проведение чрезвычайных мероприятий по борьбе с контрреволюцией в тылу. Одним из первых к реализации этого решения приступил Аткарский ревком. Аткарский уезд был объявлен на осадном положении, а все жители города и прилегающих районов, как мужчины, так и женщины от 16 до 35 лет, были мобилизованы на работу по его укреплению [5, с. 138–139]. В большом кольце Саратова, Камышинского и Аткарского уездов проводились строительные работы по возведению военно-полевых оборонительных сооружений.

Губернский комитет РКП(б) объявил всю партийную организацию военно-мобилизованной и предложил уездным и районным комитетам немедленно создать вооруженные отряды из коммунистов. В короткое время в районных

партийных организациях Саратова, в Аткарском, Камышинском, Балашовском, Петровском и других уездах коммунисты были организованы в отряды особого назначения, переведенные на казарменное положение [6, с. 127].

Приказом Аткарского уездного Военно-революционного комитета от 8 июля 1919 г. № 7 отделу социального обеспечения предписывалось без задержки обеспечивать пособиями семьи бойцов Красной Армии. Также в этом приказе особое внимание уделялось поведению красноармейцев: «Выясняется, что расквартированные в Пригородной Слободе красноармейцы пьянствуют в неуказанное время, собирают вокруг себя хороводы, поют песни, арестованных милицией и караулом пьяных и праздничных освобождают и таким образом дают повод для обывателей не исполнять приказы Военно-революционного комитета, кроме того, наблюдается, что после указанных часов масса народа, в том числе и солдаты, шатаются без разрешения начальника гарнизона. Предлагается немедленно устранить эти явления, причем лишний раз подчеркивается, что все приказы должны выполняться неукоснительно. К не подчинившимся будет применена высшая мера наказания» [7, с. 10].

Приказом командования Южного фронта Российской республики от 19 июля 1919 г. № 1197/оп был создан Аткарско-Ртищевский укрепленный район. Этим же приказом командантом этого укрепленного района был назначен Авров Дмитрий Николаевич. 25 июля он вступил в командование укрепрайоном [8, л. 1]. 26 июля Саратовский губревком постановил упразднить Сердобский и Аткарский ревкомы и ввести в состав командования укрепленного района Сергея Ивановича Загуменного от Аткарска и Василия Евграфовича Костерина от Сердобска [7, л. 5].

По особому распоряжению Реввоенсовета Южного фронта 30 июля Аткарско-Ртищевский, Курский, Воронежский, Тамбовский укрепленные районы были объявлены на военном положении [9, л. 2; 7, л. 5]. Камышинский укрепрайон был объявлен на осадном положении [7, л. 7].

На основании «Положения об управлении укрепрайонами Южного фронта» для управления Аткарско-Ртищевским укрепрайоном был учрежден Военный совет в составе: команданта укрепрайона Аврова, члена уездного ревкома г. Аткарска Загуменного и бывшего председателя Петровского уездисполкома Костерина [9, л. 1]. Всем учреждениям и лицам предписывалось обращаться по делам службы в Военный совет, который обосновался по адресу: г. Аткарск, Базарная площадь, дом Рыбакина, комната № 2 [10, л. 8].

31 июля вся милиция, а также почтово-телеграфные учреждения с телефонными станциями Аткарского и Сердобского уездов поступили в полное подчинение Военному совету

укрепленного района. Сердобскому и Аткарскому укрепрайонам предписывалось немедленно поставить в штаб укрепленного района (в архивных документах – «штаукрайон») сведения об имеющихся в городе и уезде помещениях для размещения войск и занятия их под учреждения, заведения и склады [3, л. 9].

Военным советом проводилась работа по комплектованию укрепрайона гарнизоном. Приказом по войскам Аткарско-Ртищевского укрепрайона от 28 июля 1919 г. № 4 предписывалось во исполнение приказа командования Южного фронта от 19 июля № 1197/оп для гарнизона Аткарско-Ртищевского укрепрайона сформировать две бригады двухполкового состава каждая. Этим бригадам присваивались наименования: 6-я и 7-я отдельные бригады. Полкам 6-й отдельной бригады присваивались наименования 615-й и 616-й стрелковые полки 6-й отдельной бригады, командиром бригады был назначен Болткевич. Кадром для формирования 6-й отдельной бригады послужил запасный полк из г. Сердобска и все местные караульные и отдельные команды из г. Ртищево, для формирования 7-й отдельной бригады кадром должен был послужить запасный полк из г. Саратова, все местные караульные части и отдельные команды г. Аткарска.

Переформирование Саратовского и Сердобского запасных полков по штатам приказа Реввоенсовета Республики от 13 ноября 1918 г. № 320 без специальных полковых и батальонных пулеметных, конно-разведывательных, минометных и бомбометных команд и сокращенными до пределов обозами возлагалось на соответствующие военные комиссариаты. Для производства работ по укреплению позиций приказом Реввоенсовета № 469 предписывалось немедленно приступить к формированию военно-рабочих батальонов: по одному в Ртищево и Аткарске. Сердобскому и Аткарскому уездным военным командам предписывалось произвести формирование и пополнение военно-рабочих батальонов, доставлять в штаб Аткарско-Ртищевского укрепрайона сведения о ходе формирования рабочих батальонов через каждые 5 дней, начиная с 25 июля.

Кроме того, на основании телеграммы начальника штаба Южного фронта от 26 июля № 7356/укр. для состава гарнизона Аткарско-Ртищевского укрепрайона приказывалось приступить к формированию при укрепрайоне кавалерийского дивизиона. Также отделу снабжения укрепрайона предписывалось немедленно затребовать от соответствующих органов снабжения для частей 6-й отдельной бригады и кавалерийского дивизиона интендантское обозное инженерное и артиллерийское имущество из расчета: для 615 и 616 полков – на 7374 чел., 1158 лошадей и 426 повозок; для кавалерийского дивизиона – на 446 чел. 486 лошадей и 32 повозки [8, л. 4]. Кроме того, Военный совет

укрепрайона предписал всем советским учреждениям и гражданам, находящимся в расположении укрепрайона, сдать в пятидневный срок имеющиеся у них седла всех образцов, как годные, так и неисправные, и принадлежности к ним в отделы снабжения Аткарского и Сердобского уездных военкоматов [9, л. 3].

При штабе Аткарско-Ртищевского укрепленного района были созданы 4 комиссии по закупке лошадей в Аткарском, Сердобском, Балашовском и Петровском уездах. В соответствии с телеграммой Начальника штаба Уральского военного округа № 304/моб. комиссиям при закупке лошадей приказывалось определять стоимость таковых не по сортам, а по качествам, а именно: очень хорошие, хорошие и удовлетворительные. Комиссии должны были закупать лошадей по ценам: очень хорошие – 25 тыс. руб. хорошие – 18 тыс. руб. и удовлетворительные – 15 тыс. руб. [8, л. 20].

Едва начавшись, работа по формированию 6-й и 7-й отдельных бригад Красной Армии подверглась существенным корректировкам.

Приказом по войскам Аткарско-Ртищевского укрепленного района от 1 августа 1919 г. № 13 во исполнение телеграммы Начальника штаба Южного фронта от 27 июля № 7918/оп. отменялись некоторые положения приказа по войскам от 28 июля № 4: предписывалось сформировать не две, а одну бригаду, но теперь уже в составе 3-х полков с присвоением ей наименования 9-й отдельной бригады. Входившие в нее полки получали наименования 625, 626, 627 стрелковых полков. Кадром для формирования 9-й Отдельной бригады должны были послужить все местные караульные и отдельные команды Сердобска, Аткарска и Ртищево. Командир бывшей 6-й отдельной бригады Болткевич назначался командиром 9-й отдельной бригады [8, л. 13].

В тот же день – 1 августа 1919 г. – в распоряжение Военного совета Аткарско-Ртищевского укрепрайона из Сарапульского укрепленного района (Приуралье) прибыла 2-я Казанская крепостная бригада [10, л. 15].

Также приказом по войскам Аткарско-Ртищевского укрепрайона от 5 августа 1919 г. № 19 предписывалось дополнительно сформировать для состава Аткарско-Ртищевского укрепленного района крепостную саперную роту, отдельную роту связи и перевязочный отряд 9-й отдельной бригады. Командиру 9-й отдельной бригады предписывалось немедленно приступить к формированию этих частей по штатам приказа Революционного Совета Республики от 19 ноября 1918 г. № 220. Также на основании распоряжения Начальника штаба Южного фронта от 1 августа № 8165/оп. при полках 9-й отдельной бригады приказывалось начать формирование полковых и батальонных команд по штатам приказа Ревво-

енсовета Республики от 19 ноября 1918 г. [8, л. 19].

31 июля приказом по войскам укрепрайона Аткарско-Ртищевский укрепленный район разделялся на 2 группы: Ртищевская укрепленная группа и Аткарская укрепленная группа [8, л. 12].

Для более рационального использования оружия приказом по войскам Аткарско-Ртищевского укрепрайона от 30 июля объявлялась для руководства и точного исполнения копия телеграммы Начальника штаба Южного фронта от 23 июля № 7739/оп., которая передавала приказ Главкома от 21 июля за № 3128/арм. «Ввиду поступающих сведений о продолжающемся в войсках преступно-небрежном отношении красноармейцев к хранению и расходованию оружия и огнеприпасов подтверждается обязанность комсостава и комиссаров наблюдения за бережным отношением к оружию. Впредь виновных красноармейцев и соответствующих комсостав и комиссаров предавать суду Ревтрибунала». Во исполнение этого приказа комендант укрепрайона обязал всех командиров частей Аткарско-Ртищевского укрепленного района установить осмотр оружия во вверенных им частях не менее двух раз в месяц ротными командирами [8, л. 6].

Также начальнику Управления снабжений укрепрайона приказывалось немедленно сформировать по штату бригадного склада, объявленному в приказе Реввоенсовета Республики 1918 г. № 220 один полевой склад и именовать его «Полевой склад при штабе Аткарско-Ртищевского укрепрайона» [8, л. 5].

Примерно в то же время для материальной и продовольственной поддержки красноармей-

цев приказом по войскам Аткарско-Ртищевского укрепленного района от 27 июля 1919 г. № 3 объявлялась для сведения и руководства копия телеграммы Начальника штаба Южного фронта № 7716/оп: «Козлов. 23 июля. Передается для исполнения копия телеграммы. Совет Оборон в заседании 18 июля постановил разрешить Реввоенсоветам Южного и Восточного фронтов давать тыловой паек работающим по возведению укреплений и окопов в Укрепрайонах Южфронта». Кроме того, в приказе указывалось, что Совет Народных Комиссаров 22 июля постановил увеличить с 1 августа 1919 г. красноармейцам жалованье в тылу с 260 до 300 руб. и на фронте с 356 до 400 руб. в месяц [8, л. 5]. Приказом по войскам Аткарско-Ртищевского укрепленного района от 4 августа 1919 г. № 17 а объявлялся для сведения и руководства обновленный табель норм продовольственных продуктов в резервных отрядах, отрядах действующих, объявленный в приказе Реввоенсовета Республики № 481 (табл. 1).

Телеграммой в г. Козлов Реввоенсовету Южного фронта от 1 августа Военный Совет укрепрайона просил запретить въезд в Аткарско-Ртищевский укрепрайон всем гражданам, кроме лиц, которые планируют посетить укрепрайон в связи со служебными командировками. Просьба обосновывалась тем, что населенные пункты укрепрайона были переполнены беженцами, переселенцами голодающих губерний, расквартированными красноармейскими частями и предполагающимся новым размещением войск.

Скученность, антисанитарные условия существования в населенных пунктах вызывали у руководства укрепрайона опасения пе-

Таблица 1

Табель норм продовольственных продуктов в резервных и действующих отрядах Аткарско-Ртищевского укрепленного района с 4 августа 1919 года, фунты и золотники [8, л. 5]

Наименование продуктов	Суточная дача	
	в тыловых и резервных отрядах	в действующих отрядах
Хлеб или	1 фунт	2 фунта
Мука ржаная	72 золотника	1 фунт 48 золотников
Крупа	18 золотников	24 золотника
Мясо или рыба	1/4 фунта	1/2 фунта
Или консервы	1/3 банки	3/4 банки
Соль	6 золотников	6 золотников
Овощи сушеные	4 золотника	4 золотника
Или свежие	60 золотников	60 золотников
Масло или сало	5 золотников	8 золотников
Подболтная мука	4 золотника	4 золотника
Чай	0,24 золотника	0,24 золотника
Сахар	6 золотников	8 золотников
Перец	1/2 золотника	1/6 золотника
Мыло	1/2 фунта	1/2 фунта
Табак	3 золотника	3 золотника
Спички	5 коробок	5 коробок

Примечание. 1 русский фунт равен 0,40951241 кг. В 1 фунте – 96 золотников. 1 золотник равен 4,2657 г.

ред возможностью эпидемиологических заболеваний [10, л. 5]. 2 августа Реввоенсовет Южного фронта удовлетворил эту просьбу [10, л. 24]. 4 августа 1919 г. приказом Военного совета Укрепрайона была создана комиссия из 6 человек для «разгрузки Аткарска от излишка населения». Комиссии указывалось на необходимость «разгрузки» в первую очередь от «нетрудового элемента», а затем от пришлых, но не имеющих работы. Также комиссии поручалось произвести учет населения, жилых помещений и мебели, для чего город разделялся на 6 районов и в каждом из них создавалась отдельная комиссия в составе заведующего жилищным районом, представителя от профсоюза и одного из членов комиссии [9, л. 5].

3 августа приказом Военного совета Укрепрайона № 3 волостным исполкомам указывалось на необходимость организации комиссий по борьбе с дезертирством в пятидневный срок в волостях, не имевших таких комиссий: Аткарско-Пригородной, Земляно-Хуторской, 2-й Лопуховской, Даниловской, Мало-Осиновской, Березовской, Варыпаевской, Шереметьевской, Галаховской, Маринской, Переездинской, Сосновской и Коленской [9, л. 4].

Телеграммой Реввоенсовета Южного фронта от 4 августа 1919 г. указывалось на необходимость создания Ревтрибунала для борьбы с массовым дезертирством, контрреволюционным движением, бандитизмом дезертиров и отдельных красноармейских групп [10, л. 23]. Всем командирам частей, входящих в состав Аткарско-Ртищевского укрепленного района, приказывалось обо всех дезертирующих из войск красноармейцев сообщать почтотелеграммами и телефонограммами о месте рождения и призыва в уездную комиссию по борьбе с дезертирством («Укомбордез») для ее осведомления о числе дезертировавших из частей гарнизона [8, л. 25].

Из табл. 2 видно, что ежедневное число дезертиров из красноармейских частей Аткарско-Ртищевского укрепрайона в конце июля – начале августа 1919 г. достигало внушительных размеров и находилось примерно на одном уровне (от 564 до 731 чел.), колеблясь в пределах нескольких десятков человек в день.

Приказом по войскам Аткарско-Ртищевского укрепленного района от 6 августа 1919 г. № 21 на основании телеграммы Начальника штаба Южного фронта № 8229/оп. 2-я Казанская бригада переименовывалась во 2-ю бригаду 5-й Стрелковой дивизии с нумерацией полков

40-й, 41-й, 42-й. Комбригу приказывалось самым срочным порядком довести дивизию до полного штата, сформировав все недостающие части, учреждения и заведения, которых до этого времени в бригаде не имелось, так как она была крепостной. О ходе формирования предписывалось доносить по средам и субботам.

В документе указывалось, что Командующий Южным фронтом приказал безотлагательно и всемерно напрячь все силы к приведению в кратчайший срок в полную боевую готовность 2-й бригады 5-й Стрелковой дивизии, так как ей в ближайший срок предстояло выполнение важнейших оперативных задач. Ввиду вышеизложенного комендант укрепрайона приказал:

1) командиру бригады с командным и административным составом проявить полную энергию в приведении бригады в боевое состояние штатного состава;

2) управлению укрепрайона позаботиться о пополнении бригады всем необходимым, удовлетворяя требования управления бригады в первую очередь. Недостающее следовало срочно затребовать от Южного фронта;

3) командиру бригады приказывалось к 7 августа доставить в штаб укрепрайона план доформирования бригады;

4) попутно с доформированием в бригаде вести самым усиленным порядком занятия с командным составом и с частями по подготовке их к выполнению боевых задач [8, л. 21].

Содержание этих занятий и их продолжительность были определены приказом Коменданта укрепленного района Аврова (табл. 3).

Все эти стрельбы и занятия предполагалось выполнять в течение недели, производя в первом полку стрельбы попеременно с тактическими занятиями, а во втором полку – только тактические занятия. Вести эти занятия поручалось комбригу с привлечением оперативных работников штаба бригады. Принимать участие в стрельбах и учениях полагалось частям и подразделениям в полном составе, включая даже санитарную часть. Для тренировок последней устанавливалась практика раздачи во время занятий красноармейцам записок с обозначением конкретного ранения или заболевания. Красноармейцев с такими записками необходимо было эвакуировать с «поля боя» или из расположения части. Занятия с боевыми подразделениями предполагалось завершать атакой или обороной какого-либо местного объекта. Расположение противника обозначалось флажками [8, л. 11].

Таблица 2

Сведения Аткарской уездной комиссии по борьбе с дезертирством о количестве дезертиров в укрепрайоне в период с 30 июля по 7 августа 1919 г. [13, л. 1–10]

Даты	29.07	30.07	31.07	03.08	04.08	05.08	06.08	07.08
Кол-во дезертиров	564	724	655	573	682	576	630	731

Таблица 3

Стрельбы и занятия в полках 2-й бригады 5-й стрелковой дивизии [8, л. 21]

Части бригады	Занятия и стрельба	Части и подразделения бригады, задействованные в учениях
40-й полк	Стрельба. Практическая отработка устава: переход из походного порядка к расположению на отдых и из последнего в боевой порядок; переход от распоряжения на отдых в походный порядок и из последнего в боевой порядок	Полк
41-й полк	Практическая отработка устава: походный порядок; переход из походного порядка к расположению на отдых и из последнего в боевой порядок; переход от распоряжения на отдых в походный порядок и из последнего в боевой порядок	Батальоны роты Батальоны, полк

В приказе от 5 августа комендант укрепрайона Авров напомнил комендантам воинских зданий квартирного отдела г. Аткарска, что в административном отношении они подчиняются коменданту города, оставаясь во всех остальных отношениях в подчинении квартирному отделу. Кроме того, он призвал соблюдать дисциплину в воинских частях, напомнив, что все лица воинского звания должны иметь при себе, если они не находятся в помещениях своих частей, учреждений и заведений, удостоверения личности и увольнительные записки, выданные соответствующими начальниками. При этом Авров, ссылаясь на Устав внутренней службы РККА (§ 234 и 235 и приложение 10), приказал задерживать и препровождать для выяснения личности к коменданту города лиц, не имевших при себе документов.

За несоблюдение красноармейцами приказа ответственность возлагалась как на провинившихся, так и на их начальников. Комендант Укрепрайона в этом приказе объявил также, что он лично заметил небрежное несение караульной службы и призвал комендантов населенных пунктов, где таковые имеются, и командный состав обратить внимание на точное исполнение при несении караульной службы Устава гарнизонной и караульной службы РККА. Все указанные должностные лица перед отправлением караульного наряда на службу должны были теперь проверять знания караульными своих обязанностей. Командирам рабочих батальонов Авров приказал установить в своих подразделениях строгий распорядок, указанный в воинских уставах и в телеграмме Начальника штаба Южного фронта № 7470/оп, копии которой имелись у командиров батальонов.

В ротах, которые еще не были отправлены на работы по укреплению позиций, комендант укрепрайона приказал вести ежедневно занятия,

включающие обучение грамоте, культурно просветительные и политические беседы, а также строевые занятия. В этих ротах устанавливался следующий распорядок дня:

6.00. Подъем.
7.30–8.00. Утренний осмотр и поверка.
8.00–10.00. Строевые занятия и гимнастика.
10.00–11.00. Словесность.
11.00–12.00. Подготовка к обеду («вымыться и оправиться»)
12.00–13.00. Обед.
13.00–16.00. Отдых.
16.00–18.00. Грамота и беседы.
18.00–20.00. Строевые занятия.
20.00–21.00. Поверка, чтение приказов и распоряжений.
23.00. Отбой.

Анализ распорядка дня позволяет сделать следующие выводы и предположения:

1. Бросается в глаза общая ненапряженность дневной повседневности красноармейцев, что в условиях военного времени выглядит достаточно странным. В частности, красноармейцы предоставлены самим себе 1,5 ч после подъема, 1 ч перед обедом, 3 ч после обеда и 2 ч перед сном, всего – 7,5 ч. Даже в современных строительных частях и подразделениях в мирных условиях военнотружущие имеют гораздо меньше свободного времени.

2. В распорядке не уделено времени завтраку и ужину, что позволяет предположить, что эти мероприятия в ротах не организовывались, и каждый военнотружущий должен был сам себе добывать пропитание.

Вполне возможно, что приведенные особенности обуславливались именно временным характером статуса отмеченных рот. По прибытии на место основных работ мог ужесточиться и распорядок дня.

Распорядок дня рот, уже находившихся в местах постоянных работ, устанавливался соответственно производимым работам, рекомендовалось ликвидировать неграмотность красноармейцев и проводить с ними политические беседы. Эти мероприятия допускались в течение дня, если они не мешали выполнению основной их задачи [8, л. 18].

Дальнейшие действия руководства Аткарско-Ртищевского укрепленного района, как и неожиданность, стремительность и определенная противоречивость последовавших в начале августа событий, связанных с укрепрайоном, свидетельствуют о том, что командование Южным фронтом Красной армии, по крайней мере с начала августа, не посвящало Военный совет укрепрайона в свои намерения. Скорее всего, данный факт объясняется падением интереса к укрепрайону в связи с благоприятным для Красной Армии изменением военной обстановки на восточном фланге фронта Вооруженных Сил Юга России, где деникинские войска во второй половине июля потерпели серьезное поражение.

Приказом по войскам Аткарско-Ртищевского укрепленного района от 6 августа 1919 г. № 22 командиру 9-й отдельной бригады предписывалось немедленно принять от соответствующих военкомов Сердобскую караульную роту и 1-ю и 2-ю Аткарские караульные роты, которые влить: Сердобскую роту в 625-й полк, а Аткарские роты – в 626-й полк, распределить их людской состав по ротам как кадр. Роты принять от военкомов по спискам и описям назначенным комбригом комиссиям. Военкоматы, передающие обозначенные роты, должны передать их полностью со всем имуществом, которое в них числится и, если чего не достает, пополнить из своих средств и запасов. Этому же комбригу необходимо было в самый кратчайший срок подготовиться к принятию в свою бригаду около 5 тыс. человек пополнения, для чего подготовить необходимые командные кадры рот, батальонов, полков и учреждений, «которые могли бы сразу влить в себя прибывающих, удовлетворить их потребности и приступить к немедленному обучению и воспитанию» [8, л. 22].

Однако уже на следующий день – 7 августа – приказом по войскам Аткарско-Ртищевского укрепленного района № 23 9-я Отдельная стрелковая бригада расформировывалась и весь ее личный, конский состав, а также материальная часть передавались во 2-ю бригаду 5-й стрелковой дивизии. Командиру 9-й отдельной стрелковой бригады предписывалось составить ликвидационную комиссию с членом от 2-й бригады 5-й стрелковой дивизии, которой немедленно приступить к работе и передать всех людей, лошадей и материальную часть во 2-ю бригаду 5-й стрелковой дивизии, а документацию – в штаб Южного фронта [8, л. 23]. Этим же приказом комендант Аткарско-Ртищевского укрепленного райо-

на предписывал при полном содействии рабочей силой и подводами от Аткарского и Сердобского уездных военкоматов продолжить работы по инженерному оборудованию узлов сопротивления Аткарска и Ртищево западнее, южнее и восточнее этих населенных пунктов. Комендант указывал, что для усиления технических средств Аткарско-Ртищевского укрепленного района ему в помощь направляется специальная военно-строительная часть, непосредственно подчинявшаяся начальнику инженерной службы Южного фронта [8, л. 23].

Окончательная судьба Аткарско-Ртищевского укрепленного района стала известна 8 августа. Приказом № 24 по войскам укрепрайона его комендант информировал личный состав о том, что на основании приказа Реввоенсовета Республики, переданного телеграммой штаба Южного фронта, Аткарско-Ртищевский укрепленный район упраздняется, а Военный совет распускается [9, л. 6]. Имущество и часть личного состава штаба укрепрайона передавались на укомплектование 2-й бригады 5-й стрелковой дивизии, дела и отчетность – в штаб Южного фронта [8, л. 24].

Таким образом, нависшая в июле 1919 г. над Саратовской губернией угроза захвата войсками белых (Кавказской армией Вооруженных Сил Юга России) заставила большевистское руководство принять самые экстренные меры, в том числе и к обороне важных железнодорожных узлов – Аткарска и Ртищева. Итогом стало объявление 3 июля 1919 г. Саратовской губернии на осадном положении и создание 19-го июля Аткарско-Ртищевского укрепленного района.

В связи с продвижением Кавказской армии к Саратову и нахождением ее передовых частей в 50–60 верстах от города, одной из мер противодействия наступлению стало объявление 30-го июля 1919 г. Аткарско-Ртищевского укрепрайона на военном положении. Военный совет укрепрайона провел большую работу по доукомплектованию воинских частей, входящих в состав Аткарско-Ртищевского укрепленного района, по укреплению позиций в тылу, по борьбе с дезертирством. Эти и другие его действия, отраженные в настоящей статье, способствовали заметному усилению сопротивления частей Красной Армии наступлению белых войск. После того, как продвижение войск Кавказской армии было остановлено и она понесла существенные потери, командованию белых стала понятна бесперспективность наступления на саратовском направлении. Как известно, главный удар Вооруженные Силы Юга России стали осуществлять на Московском направлении, где им удавалось добиваться успехов еще свыше двух месяцев [1, с. 157, 159–160].

Список литературы

1. Гражданская война в СССР : в 2 т. Т. 2 : Решающие победы Красной Армии. Крах империалистической

- интервенции (март 1919 г. – октябрь 1922 г.) / гл. ред. Н. Н. Азовцев. М. : Воениздат, 1986. 447 с.
2. Васильковский О. А. Советы Саратовской губернии в борьбе за организацию тыла в период первого и второго походов Антанты : дис. ... канд. ист. наук. Саратов, 1953. 227 с.
3. Гончаров А. В., Данилов В. Н. Саратовское Поволжье в период Гражданской войны (1918–1921 гг.). Саратов : Издательство Саратовского педагогического института, 2000. 156 с.
4. Государственный архив новейшей истории Саратовской области (далее – ГАНИСО). Ф. 807. Штаб Аткарско-Ртищевского укрепленного района Реввоенсовета Южного фронта.
5. Саратовская партийная организация в годы Гражданской войны: документы и материалы, 1918–1920 гг. / под ред. Н. Полянцева [и др.]. Саратов: Книжное издательство, 1958. 384 с.
6. Очерки истории Саратовской организации КПСС : [в 3 ч.]. Ч. 2. Саратов: Приволжское книжное издательство, 1965. 398 с.
7. ГАНИСО. Ф. 807. Оп. 1. Ед. хр. 5.
8. ГАНИСО. Ф. 807. Оп. 1. Ед. хр. 3.
9. ГАНИСО. Ф. 807. Оп. 1. Ед. хр. 7.
10. ГАНИСО. Ф. 807. Оп. 1. Ед. хр. 2.
11. ГАНИСО. Ф. 807. Оп. 1. Ед. хр. 8.
12. ГАНИСО. Ф. 807. Оп. 1. Ед. хр. 10.
13. ГАНИСО. Ф. 807. Оп. 1. Ед. хр. 9.

Поступила в редакцию 02.05.2022; одобрена после рецензирования 25.05.2022; принята к публикации 30.06.2022
The article was submitted 02.05.2022; approved after reviewing 25.05.2022; accepted for publication 30.06.2022

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2022. Т. 22, вып. 4. С. 542–549

Izvestiya of Saratov University. History. International Relations, 2022, vol. 22, iss. 4, pp. 542–549

<https://imo.sgu.ru>

<https://doi.org/10.18500/1819-4907-2022-22-4-542-549>, EDN: VPVUFX

Научная статья

УДК [338.45:622.331](470.44+470.40)|1919/1921|

Торфоразработки Саратовской губернии в 1919–1921 годах

Е. В. Воейков

Пензенский филиал Финансового университета при Правительстве Российской Федерации, Россия, 440052, г. Пенза, ул. Калинина, д. 33 Б

Воейков Евгений Владимирович, доктор исторических наук, профессор кафедры «Менеджмент, информатика и общегуманитарные науки», evgenijvoeikov@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3971-8960>, Author ID: 289593

Аннотация. История торфяной промышленности как в масштабе России, так и в региональных рамках Саратовской губернии, является слабо изученной темой. В статье исследуются различные аспекты функционирования торфоразработок в Кузнецком, Сердобском, Петровском уездах. При написании статьи использовались не введенные в научный оборот материалы архивных фондов Главторфа Российского государственного архива экономики, губернского совнархоза Государственного архива Саратовской области, Сердобского уездного совнархоза Государственного архива Пензенской области и публикации в периодической печати 1920-х гг.

Ключевые слова: торфоразработки, топливный кризис, Саратовская губерния, губторфком, губсовнархоз, резка торфа, торфяные машины

Для цитирования: Воейков Е. В. Торфоразработки Саратовской губернии в 1919–1921 годах // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2022. Т. 22, вып. 4. С. 542–549. <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2022-22-4-542-549>, EDN: VPVUFX

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

Peat processing of the Saratov province in 1919–1921

E. V. Voeikov

Penza branch of the Financial University under the Government of the Russian Federation, 33B Kalinina St., Penza 440052, Russia

Evgenij V. Voeikov, evgenijvoeikov@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3971-8960>, Author ID: 289593

Abstract. The history of the peat industry both on the scale of Russia and in the regional framework of the Saratov province is a poorly studied topic. The article examines various aspects of the functioning of peat mining in Kuznetsk, Serdobsky, Petrovsky counties. When writing the article, the materials of the archival funds of the Glavtorf of the Russian State Archive of Economics, the provincial Council of the State Archive of the Saratov Region, the Serdobsky County Council of the State Archive of the Penza Region and publications in the periodical press of the 1920s were not used in scientific circulation.

Keywords: peat processing, fuel crisis, Saratov Province, gubtorfcom, gubsovnarchoz, peat cutting, peat machines

For citation: Voeikov E. V. Peat processing of the Saratov province in 1919–1921. *Izvestiya of Saratov University. History. International Relations*, 2022, vol. 22, iss. 4, pp. 542–549 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2022-22-4-542-549>, EDN: VPVUFX

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Историков при изучении периода 1918–1920-х гг. в Саратовском Поволжье в последние десятилетия чаще всего привлекают различные аспекты противостояния красных и белых [1], экономический кризис и голод начала 1920-х гг. [2], преступность, быт различных социальных слоев [3], история повседневности [4]. При этом незаслуженно забытыми региональными историками оказались отрасли топливной промышленности, в частности добыча торфа.

Торфяная промышленность сыграла в XX в. значительную роль в топливоснабжении СССР.

От уровня 1,68 млн т в 1913 г. добыча торфа выросла до 2 млн т уже в 1921 г. и 4,9 млн т в 1927 г. «Золотой век» торфяной отрасли топливной промышленности СССР начался в 1930-е гг.: 13,5 млн т в 1932 г., 24 млн в 1937 г., 33,2 млн т в 1940 г. После спада в годы Великой Отечественной войны добыча была доведена до 50,8 млн т в 1955 г. [5, с. 268–269]. Затем переход в 1980-е гг. потребителей на более дешевое и экономичное газовое топливо и смена в 1990-е гг. централизованного типа экономики на рыночный привели к кризису торфяной отрас-

ли топливной промышленности, что, вероятно, и обусловило определенное забвение современными историками исследований отечественной торфяной промышленности. В начале XXI в. по запасам торфяных месторождений, оцениваемых в диапазоне от 40% до 60% мировых, Россия занимает первое место. Однако мировым лидером добычи торфа является Финляндия, активно разрабатывают свои торфяные месторождения Ирландия, Белоруссия [5, с. 7]. В ближайшие десятилетия в России можно ожидать повышение интереса к данному экологически чистому и возобновляемому виду энергоресурсов. В этой связи изучение исторического опыта освоения торфяных месторождений, особенно с учетом региональной специфики, представляется актуальным и перспективным.

Сильнейший топливный кризис 1919–1921 гг. привел к закрытию многих предприятий, повлиял в худшую сторону на распространение эпидемий тифа и гриппа. В Саратовской губернии простаивали вольские цементные и кирпичные заводы [6, с. 194]. Серьезные трудности из-за недостатка дров для отопления испытывали госпитали Саратова [7]. Заметки саратовской губернской газеты с ноября 1920 г. по март 1921 г. буквально пестрят заметками о неблагоприятном положении с топливом.

В статье на примере Саратовской губернии рассматривается недостаточно изученный в отечественной и зарубежной историографии сюжет о попытках использования в годы топливного кризиса торфяного топлива, которое могло стать заметной альтернативой древесному. История торфяной промышленности в XX в. как России, так и отдельных регионов, остается незаслуженно забытой историками, имеются только немногочисленные статьи, характеризующие торфоразработки отдельных регионов страны [8] в различные периоды истории [9]. Из обобщающих работ по истории торфяной промышленности СССР периода 1917–1920-х гг. можно назвать только изданный в 1957 г. сборник статей [10] и монографии преподавателя Тверского государственного технического университета Л. В. Копенкиной по истории торфяного дела [11, 12]. Однако автор – кандидат технических наук – исследует торфяную промышленность с позиций развития технологий торфодобычи, поэтому источниковой базой ее работ послужили преимущественно опубликованные статьи и монографии специалистов торфяного дела. Между тем в Российском государственном архиве экономики (РГАЭ) и Государственном архиве Российской Федерации (ГАРФ) имеются информационно насыщенные материалы по истории торфяной промышленности СССР. Кроме того, в фондах ряда региональных архивов содержатся малоизвестные подробности истории функционирования местных торфяных хозяйств. Эти документы еще ждут своего исследователя.

Значительный массив информации представлен также и в опубликованных отчетах по истории торфяной промышленности и журнальных статьях 1920–1930-х гг.

При написании данной статьи для реконструкции истории торфоразработок Саратовской губернии 1919–1921 гг. использовались преимущественно не введенные в научный оборот материалы архивных фондов Главторфа–Союзторфа Российского государственного архива экономики (РГАЭ. Ф. 758), губернского совнархоза Государственного архива Саратовской области (ГАСО. Ф. Р. 48. Оп. 26. Губторфком), Сердобского уездного совнархоза Государственного архива Пензенской области (ГАПО. Ф. Р. 2334).

В Саратовской губернии резко возросшая в 1919–1921 гг. эксплуатационная нагрузка на леса несла серьезную экологическую и экономическую опасность [13]. В опубликованном отчете по ситуации с топливом подчеркивалось: «Саратовская губерния чрезвычайно бедна лесной площадью. Топливный кризис вызвал усиленное истребление лесов, и мы вплотную подошли к тому моменту, когда дрова окончательно должны быть вычеркнуты из нашего бюджета» [14].

Между тем Саратовская губерния располагала запасами топлива, которое могло при определенных условиях стать альтернативой дровам. По теплотворной способности торф примерно соответствовал древесному топливу и при использовании рядом с местом добычи мог успешно заменять дрова. В техническом отчете по Саратовскому губернскому торфяному комитету за сентябрь 1919 г. приводились следующие сведения: «Основываясь на данных лабораторных исследований по теплотворной способности торф выше стоит средних дров, а именно Сердобский торф – 4800 калорий, дрова – 3800 калорий» [15, л. 8 об.].

В Саратовской губернии в районе уездных городов Петровска и Сердобска в 1904–1905 гг. производились торфоразработки [16, л. 4]. Добычу торфа осуществляли также отдельные землевладельцы Сердобского уезда и накануне Первой мировой войны. Например, помещик Берков на месторождении «Мещерское» в районе с. Секретарка Сердобского уезда разрабатывал торф в качестве топлива для винокурного завода. Там же вел добычу торфа машинным способом землевладелец Эллис. В имении помещицы Еникеевой того же уезда в 1914–1915 гг. торф добывался в районе с. Дубасовка [15, л. 8 об., 63; 17, л. 67].

В 1918 г. был создан Главный торфяной комитет (Главторф) при ВСНХ. Его структурами на местах стали районные и губернские торфяные комитеты (райторфкомы и губторфкомы).

Летом 1917 г. дрово-торфяной отдел Волготопы (местная структура Особого совещания по топливу в Поволжье) провел анкетирование

с целью сбора сведений о торфяных месторождениях Казанской, Симбирской, Самарской, Саратовской и Астраханской губерний. Полученные данные показали почти полное отсутствие информации о торфяном фонде региона. В докладе инженера Макарова на заседании топливного отдела Саратовского губсовнархоза 25 января 1919 г. указывалось, что «торфяные болота имеются в уездах: Петровском, Сердобском и Кузнецком». Автором доклада было предложено «начать с весны 1919 г. выработку торфа на болоте «Дубасовское» Сердобского уезда и части болот близ с. Ивановского Петровского уезда» [18, с. 35].

В 1918–1920 гг. попытки обследований отдельных торфяных месторождений предпринимались губсовнархозом Саратовской губернии. Так, в 1918 г. дрово-торфяной подотдел Топливного отдела губсовнархоза изучал болото «Моховое» и болото около с. Дубасовка [19, с. 14]. В 1919 г. обследовались торфяные месторождения в Сердобском, Петровском, Кузнецком, Саратовском уездах [17, л. 66 об.]. В докладе Саратовского губтопа от 19 ноября 1921 г. приводились данные, согласно которым в губернии имелось 119 торфяных болот площадью 1642 десятины, в том числе, в Кузнецком уезде – 22 болота (278 десятин), Петровском – 27 (249 десятин), Аткарском – 26 (362 десятины), Балашовском – 17 (547 десятин). Неизученными оставались месторождения Саратовского уезда [20, л. 5]. Таким образом, острый топливный кризис 1919–1921 гг. не только положил начало регулярной добыче торфяного топлива в Саратовской губернии, продолжавшейся и в 1930-е, и в 1940-е гг., но и активизировал работы по изучению полезных ископаемых региона.

На протяжении столетий торф добывался ручным способом. Перед началом работ для осушения торфяного месторождения рыли водоотводную канаву. Затем поверхность болота очищали от леса и кустарника, снимали верхний слой травы и мха (очес). В ходе добычи происходила нарезка специальным резаком торфяных плиток (кирпичей), которые переносились на поле сушки [21, с. 30–31, 235].

Торфяная промышленность, по сравнению с другими отраслями топливной индустрии, имеет ярко выраженный сезонный характер. Торфяной сезон в целом по стране обычно начинался в апреле – мае и заканчивался в августе – сентябре. Непосредственно добыча торфа производилась с мая по июль, конец лета и начало осени отводились для сушки торфа [22, с. 247]. Вывоз готового торфяного топлива с болот осуществлялся в зимний период. В губерниях Поволжья в 1918–1921 гг. острый топливный кризис вынудил пойти на некоторое изменение традиционных сроков. Из-за сложностей с наймом рабочей силы, снабжением продовольствием

и инструментами начать торфяной сезон удавалось не ранее последней декады мая; были случаи, когда работы открывались в июне и даже июле. Поэтому срок окончания добычи в большинстве губерний продлевался до конца августа или до начала сентября, что затрудняло сушку заготовленного торфа [23, с. 105–111].

Саратовский губернский торфяной комитет был образован решением Главного торфяного комитета в мае 1919 г. В апреле–мае 1919 г. в губторфкоме был только один управляющий без технического персонала, инструментов и средств [15, л. 1; 17, л. 63]. В отчете Саратовского губторфкома за май – октябрь 1919 г. Иван Яковлевич Эзеркалн отметил: «Ввиду отсутствия в распоряжении Главторфа специалиста по торфяному делу с многолетней практикой, было предложено мне, как работавшему и знающему Саратовскую губернию, должность управляющего губторфкомом» [17, л. 63].

Руководитель губернского торфяного комитета писал в отчете о работе в 1919 г.: «На все запросы в разные учреждения... и публикации в газетах с приглашением техников и десятников на вновь организуемые разработки не последовало ни одного удовлетворительного ответа, даже не было интересующихся этим вопросом» [15, л. 56, 59]. В середине лета из Главторфа был прислан квалифицированный специалист – техник Ф. Ф. Павлов, но кадровую проблему это не решило.

Саратовский губторфком в 1919 г. передал работы по торфодобыче уездным совнархозам, снабжая их денежными средствами, продовольствием и инструментами [15, л. 1, 55–56, 63–67]. Работы производили местные усовнархозы и отдел коммунального хозяйства г. Саратова (коммунхоз). Подобная ситуация заранее губторфкомом не планировалась и стала результатом стечения обстоятельств. Так, Саратовский коммунхоз, располагая служащими временно неработающих кирпичных заводов, «обратился к губторфкому с просьбой разрешить добычу торфа на обследованном губторфкомом Дубасовском торфянике при условии технического руководства со стороны торфкома». В ситуации недостатка рабочих, инструментов и специалистов для организации добычи торфа губернский торфяной комитет «охотно пошёл навстречу» высказанному предложению [15, л. 63]. Поэтому, несмотря на наличие губторфкома, торфоразработки 1919–1921 гг. оказались децентрализованы и велись уездными совнархозами. В результате создалось двойное подчинение торфоразработок губторфкому и уездному совнархозу, что не могло не вызвать определенных сложностей в организации производственного процесса. Так, в сезоне 1919 г. в Петровском уезде совнархоз отказался координировать свои действия с губторфкомом и предоставлять отчетность [15,

л. 61]. Кроме того, уездные совнархозы также не располагали специалистами по торфодобыче.

Недостаток квалифицированных руководителей торфоразработок и десятников в Саратовской губернии вызвал многочисленные проблемы торфяной промышленности в данном регионе. В адресованном Главному торфяному комитету докладе руководителя Саратовского губторфкома И. Я. Эзеркална подчеркивалось, что в сезоне 1919 г. работа «началась очень поздно, на некоторых даже в июле месяце, без всякой предварительной осушки, при полном отсутствии технического персонала и специального инструмента» [24, л. 10]. Объезжавший летом 1919 г. торфяные месторождения губернии руководитель Саратовского губторфкома заметил, что на большинстве участков «руководили десятники, никогда не выдавшие, как производится резка, сушка и укладка торфа» [15, л. 60].

На торфянике № 1 Дубасовских торфоразработок добычу торфа вел Саратовский коммунхоз. В отчете губторфкома отмечалось: «Ввиду излишней дожливости лета, произведенной ранее осушки торфяника № 1 оказалось недостаточно, а время для проведения осушительных канав было упущено, пришлось излишнюю воду откачивать конным и ручным насосами... Сердобскому совнархозу был отведен торфяник № 2 в том же районе в $\frac{1}{2}$ версты к северу от № 1. Условия работы на данном торфянике были хуже, чем на № 1 по причине большой залитости водою. Первоначально пришлось вырубать мелкорослую болотную сосну, а потом поверхностную воду откачивать насосами. К работам было приступлено в июле месяце» [17, л. 64 об., 65].

На Ивановских торфоразработках Петровского уезда в сезоне 1919 г. валовая канава была проведена таким образом, что отведена оказалась только поверхностная вода, сама же торфяная залежь осталась «заполненной водой», поэтому «вырабатываемый торф получался излишне влажный» [24, л. 1].

На Кузнецкой (Евлашевской) разработке, как отметил И. Я. Эзеркалн при посещении производственного участка, «торфяники стараются больше массы сваливать в карьер вместе с очесом, чтобы меньше выбрасывать на берег карьера и таскать на поле стилки» [24, л. 11 об.].

В отчете заведующего отделом топлива Сердобского уездного совнархоза за июнь 1920 г. приводилась следующая информация: «На болоте при с. Дубасове в июне производилась сушка и выкладка прошлогоднего торфа. Вырезка нового торфа невозможна ввиду обилия воды, залившей все болото, вследствие неправильной разработки в прошлом году» [25, л. 23 об.]. На съезде заведующих торфоразработками Саратовской губернии 5 ноября 1920 г. главной причиной невыполнения планового задания заведующий Дубасовской торфоразработкой указал «загроможденность болота выработанным,

но еще не уложенным в штабеля торфом выработки 1919 года, который приходилось оттаскивать на дальнее расстояние» [26, л. 16].

Перечисленные производственные сложности могли возникнуть только при недостаточно компетентном руководстве на торфоразработках.

В 1920 г. заведующий Давыдовскими торфоразработками С. А. Феопентов, не имея знаний по торфяному делу, допустил ряд серьезных ошибок при разработке месторождения. По результатам проверки работ 1920 г. по торфодобычанию в Пензенской и Саратовской губерниях контролер Главторфа А. К. Власов отметил, что на Давыдовском торфяном болоте отсутствовала водоотводная канава, что было грубейшим нарушением технологии торфодобычи, размер кирпичей рабочими не соблюдался, наблюдались случаи развала штабелей заготовленного торфа. В итоге С. А. Феопентов был освобожден от занимаемой должности в октябре 1920 г. [25, л. 28 об., 31 об., 33 об.; 27, л. 133 об.–134].

В 1919 г. в Саратовской губернии добыча торфа велась в Сердобском, Кузнецком и Петровском уездах около сел Дубасовка, Евлашево, Ивановское, соответственно¹. В Сердобском уезде работы начались в конце июня и июле; в Кузнецком – в июне; в Петровском – в августе. Позднее начало работ объяснялось недостаточной осушенностью болот и трудностями найма рабочих. Наибольшее количество рабочих – до 300 чел. – было зафиксировано на Евлашевских торфоразработках; наименьшее – 58 чел. – на Ивановских [15, л. 63–67].

В 1920 г. в Саратовской губернии было 4 торфоразработки. К Дубасовской, Евлашевской, Ивановской торфоразработкам добавилась Давыдовская в Сердобском уезде². Наиболее крупным торфяным хозяйством по количеству рабочих в июле 1920 г. было Дубасовское, где находилось 190 чел.; на Ивановском было 160 чел., на Давыдовском – 120 чел. Меньше всего рабочих – 110 чел. – было на Евлашевской торфоразработке [15, л. 110; 28, с. 21]. В августе 1920 г. на Дубасовских торфоразработках работали 120 чел., на Давыдовских – 140, на Ивановских – 330 [15, л. 113; 28, с. 21].

В 1921 г. появилась новая торфоразработка Мещерская в Сердобском уезде³. По объемам добычи в сезоне 1921 г. лидировали Ивановские разработки Петровского уезда, где на двух месторождениях было добыто 144 070 и 110 810 пудов торфа. На втором месте были Евлашевские разработки Кузнецкого уезда – 119 700 пудов. Меньше всего удалось добыть на Мещерской разработке – 4640 пудов [29, л. 301].

Всего в Саратовской губернии в 1919 г. было добыто 291 700 пудов торфа (4778 т⁴), в 1920 г. – 494 428 пудов (8099 т), в 1921 г. – 444 393 пудов (7279 т) [29, л. 301; 30, с. 159, 161]. Представляется интересным сравнить результаты торфозаготовок Саратовской губернии

с другими регионами Поволжья. Они были заметно меньше, чем в расположенных севернее Саратова Пензенской (1 282 285 пудов в 1920 г. и 654 524 пуда в 1921 г.) и Симбирской губерниях (816 400 пудов в 1920 г. и 815 750 пудов в 1921 г.). В то же время показатели саратовской торфодобычи превышали результаты Казанской губернии в 1919 и 1920 гг. (17 890 и 133 816 пудов) и Самарской губернии в 1920 и 1921 гг. (42 000 и 20 000 пудов) [23, с. 108, 111].

Состав рабочих торфоразработок Саратовской губернии был очень пестрым. М. В. Морозов, один из руководящих работников Главторфа, писал о значении квалификации рабочих на добыче торфа: «Торфяники требуют трехлетнего стажа и вербуются только из некоторых уездов Рязанской, Калужской, Владимирской и Тульской губерний. Число их вследствие войн и мобилизаций не увеличивалось, а сократилось последние годы» [27, л. 301].

В июле 1919 г. руководитель губторфкома И. Я. Эзеркалн совершил поездку по местам добычи торфа в Кузнецком и Петровском уездах. Выяснилось, что на Ивановских торфоразработках находились «бывшие военнопленные, а также знакомые с резкой торфа местные крестьяне» [24, л. 1].

В отчете о деятельности губторфкома за 1919 г. констатировалось: «Кадры рабочих-торфяников ввиду позднего времени пришлось набирать из окрестных крестьян и только в некоторых уездах попадались беженцы. Рабочие из местных крестьян на работах положенное время работали как на барщине, остальное время усиленно работая на своих полях. Такой способ вербовки нельзя признать целесообразным с точки зрения борьбы с топливным кризисом – необходимо вербовать в губерниях с резным торфяным промыслом» [15, л. 60].

На отдельных участках добычи торфа в 1919 г. находились жители Владимирской губернии. В 1920 и 1921 гг. торфяники из Владимирской губернии были в Сердобском уезде [15, л. 60, 62; 25, л. 19].

В целом производительность труда профессионалов из торфодобывающих районов была выше. В отчете губторфкома за первую половину 1920 г. рабочие, завербованные из местных крестьян, назывались «дезертирами», поскольку работали на добыче торфа из-за получаемой отсрочки от призыва в армию. При этом подчеркивалось: «Так партия из 26 человек владимирских рабочих за неделю вырабатывала 127 тысяч кирпичей, за такой же срок местные дезертиры числом 160 человек вырабатывали лишь 133 тысячи кирпичей» [15, л. 112].

1920 г. стал временем использования в народном хозяйстве трудовых армий. Кроме этих частей, применялись отряды из призванных в Красную армию молодых людей (трудоармейцев), которые использовались на различ-

ных работах. В Саратовской губернии дружина трудоармейцев численностью 250 чел. находилась на Ивановских торфоразработках Петровского уезда. На добыче торфа, исключая больных и отпущенных, работали около 200 чел. [15, л. 113].

В годы Гражданской войны вместе с денежной частью зарплаты выдавались натуральные пайки. В адресованном Главному торфяному комитету докладе руководителем Саратовского губторфкома И. Я. Эзеркална о ходе работ в 1919 г. отмечалось: «На продуктивность работы большое влияние оказывало наличие или отсутствие продовольствия, создавая... безвыходное положение для пришлых рабочих-беженцев⁵, которых работало до 50% от всего числа рабочих» [24, л. 10]. В 1919 г. в Кузнецком уезде добыча торфа шла более успешно из-за того, что местный уездный совнархоз выдавал продовольствие и мануфактуру сверх установленных норм [15, л. 67].

В Саратовской губернии в 1920 г. недостаток продуктов фиксировался на Дубасовских, Евлашевских и Ивановских торфоразработках [15, л. 110, 113; 26, л. 16–16 об.]. В отчете Саратовского губторфкома за июль 1920 г. отмечалось, что селедку приходилось доставлять «за несколько сот верст», так как на месте получить было нельзя, и давалась характеристика сложившейся ситуации: «Тем временем с мест разработок поступают телеграммы о происходящих беспорядках и волнениях на почве получения продовольствия» [15, л. 110].

В следующем сезоне добычи торфа в Поволжье ситуация со снабжением продуктами усугублялась голодом 1921–1922 гг. В Сердобском уезде торфоразработки функционировали только до 22 июня 1921 г.; в результате торф добывался около 20 рабочих дней [20, л. 1; 31, л. 17]. За весь сезон 1921 г. торфоразработки Сердобского уезда (Дубасовские, Давыдовские и Мещерские) получили 283 пуда муки вместо запланированных 1350 пудов и 402 пуда сельдей вместо 750 пудов. В целом продуктов было получено в 4,5 раза меньше запланированного [31, л. 17 об.].

Механическое оборудование применялось при добыче торфа еще в дореволюционной России. Наиболее типичным видом техники была элеваторная машина, которая приводилась в движение двигателем. Машинный способ добычи торфа позволял повысить производительность труда и получить торфяные кирпичи лучшего качества по сравнению с ручным способом. Наибольшее количество торфяных машин в сезоне 1919 г. работало в Московской (300), Владимирской (269), Тверской (67), Петроградской (55), Нижегородской (50) губерниях [32, с. 10].

Поволжье существенно отличалось от этих торфодобывающих регионов: в Казанской, Пензенской, Симбирской губерниях количество тор-

фяных машин не превышало одной – двух единиц [23, с. 108].

Саратовская губерния в отношении механического оборудования для добычи торфа была типичной для Поволжья. В августе 1919 г. в районе с. Секретарка Мещерской волости Сердобского уезда была обнаружена неисправная торфяная элеваторная пресс-машина. В докладе Саратовского губторфкома отмечалось: «При обследовании Мещерского торфяника на нём был обнаружен остов от двухвального торфяного пресса системы Анрепа с элеватором в полуразрушенном состоянии. При опросе местных крестьян установлено, что машина перестала работать в начале войны... и долгое время находилась на болоте в полной исправности; только после революции крестьяне начали расхищать мелкие части, откатные переносные рельсовые пути и вагонетки» [15, л. 72].

В течение 1920 г. машина была перевезена на винокурный завод в с. Мещерское [25, л. 5 об.]. В опубликованном отчете по топливу 1920 г. упоминалось, что машинная разработка Мещерского торфяного месторождения не начата не только из-за неоконченного ремонта пресс-машины, но и «из-за отсутствия откатных путей» [33, с. 13]. В отчете за первое полугодие 1920 г. приводилась информация, что работниками Саратовского губторфкома на станции Ртищеве были найдены рельсы узкоколейной железной дороги, но получить их для Мещерской торфоразработки не удалось [15, л. 111].

Еще в 1919 г. Саратовский губторфком отправил заявку на 7 торфяных прессов и 15 кадушечных машин, которые, по мнению саратовских товарищей, могли быть получены из других губерний [15, л. 74]. В 1921 г. в губернию поступила партия оборудования для добычи торфа. В опубликованном отчете Саратовского губернского экономического совещания приводилась следующая информация: «В разгар сезона в начале июня получены из Московской губернии части другой паровой машины и с бывших... разработок Калужской губернии 7 конных кадок, которые пустить в ход также не удалось ввиду срыва торфяной кампании за недостатком продовольствия» [34, с. 172]. В сохранившемся в архиве докладе Саратовского губтопа, датированном ноябрем 1921 г., имеются некоторые расхождения в количестве полученного оборудования: паровая машина указана одна, но конных машин – восемь [20, л. 5–5 об.].

Таким образом, основным видом добычи торфа в Саратовской губернии стала ручная. Однако для успешной работы были нужны специальные инструменты – резак для получения торфяных кирпичей, лопаты для их погрузки. Как отмечалось в отчете руководителя Саратовского торфяного комитета 1919 г., вместо необходимых инструментов в распоряжении губторфкома «первое время были одни добрые пожелания»

[15, л. 59]. Еще до Первой мировой войны в Самаре завод Саланчикова производил специальные торфяные лопаты. Однако выполнить заказ Саратовского губторфкома на изготовление торфяных инструментов в Самаре отказались: на предприятии не было железа. Неудачей закончилась и попытка достать инструменты в Тамбове. И. Я. Эзеркалн отмечал в отчете: «Вся переписка... кончилась паломничеством по складам губпродукта» [17, л. 63 об.]. Настойчивому руководителю губторфкома удалось получить в июле 1919 г. предназначенные для военного ведомства 120 обычных лопат и 20 колес для тачек [15, л. 1, 59]. Командированный коммунхозом г. Саратова заведующий Дубасовскими торфоразработками указывал в докладе, что «для резки торфа было взято 100 лопат железных» и «все привезённые... лопаты для вырезки не являлись годными, и их пришлось переделывать и делать специальные резцы» [24, л. 24].

В сезоне 1920 г. 45 обычных лопат переделали на резцы для ручной разработки. Кроме того, на торфоразработках из старого котельного железа изготовили еще 50–60 шт. аналогичных инструментов [15, л. 111; 25, л. 27 об.]. Несмотря на принятые меры, на съезде заведующих торфоразработками в ноябре 1920 г. недостаток инструментов фиксировался на Давыдовских, Дубасовских, Ивановских торфоразработках. В частности, заведующий Дубасовской разработкой отметил «полное отсутствие орудий производства» и просил отпустить на следующий сезон стальные резцы [26, л. 16].

В Саратовской губернии торфяное топливо использовали 9 кожевенных заводов, кирпичный и химический заводы, мельницы в Кузнецком уезде; 4 винокуренных завода, спичечная фабрика, школы и больницы в Петровском уезде; кожевенный завод, школы, больницы, учреждения в Сердобском уезде [20, л. 5 об.; 35, с. 60]. Основными потребителями торфяного топлива, полученного на Давыдовских разработках Сердобского уезда, были 9 мельниц, которым с марта по сентябрь 1921 г. было отпущено 24,5 тыс. пудов, или 401 т; еще 1953 пуда, или 31,9 т, торфа отправили детскому санаторию. Более мелкими потребителями являлись Давыдовские сельсовет и волисполком, Колышлейское зернохранилище и Колышлейская 1-я трудовая артель, получившие соответственно 295, 317, 856 и 473 пуда [36, л. 43 об.–44]. Благоприятным обстоятельством для транспортировки торфяного топлива с Дубасовских торфоразработок была близость к расположенной в 6 верстах железнодорожной станции Беково [24, л. 11].

Однако не весь заготовленный торф в Саратовской губернии удавалось своевременно доставить потребителям. Так, за осенне-зимний период 1920–1921 гг. было вывезено 134 234 пуда (2198,7 т) из 494 728 пудов (8103,6 т) добычи

сезона 1920 г. С 1 сентября 1921 г. по 1 апреля 1922 г. удалось вывезти только 105 102 пуда торфа (1721,5 т) из 444 393 пудов (7279,2 т) добычи сезона 1921 г. [30, с. 159, 161; 37, с. 158]. Перечень проблем доставки торфяного топлива потребителям был охарактеризован в отчете Саратовского губернского экономического совещания: «На вывозку торфа центром должно быть отпущено, кроме дензнаков, продовольствие и, главное, фураж. Между тем, наряды на продовольствие местным губпродкомом выполнялись не аккуратно и не полностью, а на некоторые продукты совершенно не выполнены» [37, с. 158].

Перевод на рыночные отношения в 1922 г. прекратил на несколько лет развитие работ по добыче торфа в Саратовской губернии [38, с. 38]. В 1926 г. возобновилась добыча торфа Сердобским промышленным комбинатом в районе с. Давыдовка и Секретарка Сердобского уезда [39, л. 7, 11; 40, с. 64, 66, 68, 71]. Однако на новый уровень добычи торфа Саратовская область вышла в 1930-е гг. – 15 тыс. т в 1932 г., 34,3 тыс. т в 1937 г. [41, с. 99].

Многочисленные торфоразработки губерний Европейской части страны позволили существенно ослабить топливный кризис 1919–1921 гг., обеспечить бесперебойную работу значительного количества промышленных предприятий и учреждений, частично сберечь от хаотичной вырубки леса. В Саратовской губернии благодаря энергии руководителя губернского торфяного комитета в условиях экономического кризиса в трех уездах с нуля была создана система функционирующих торфяных хозяйств, в значительной степени решена проблема инструментов, при остром дефиците кадров налажено изучение торфяных месторождений. Наряду с несомненными успехами Саратовского губторфкома следует отметить непродуманную систему двойного подчинения торфоразработок, ошибки в подборе управленцев на торфоразработках, неудачу с восстановлением торфяной машины и срыв сезона торфодобычи летом 1921 г. Однако, несмотря на ошибки и неудачи, торфяное топливо сыграло свою роль в обеспечении функционирования целой группы промышленных предприятий и учреждений Саратовской губернии в 1920–1921 гг., когда топливный кризис вынуждал останавливать заводы и вырубать ценные лесные массивы вблизи городов и рек. История торфоразработок на уровне отдельных регионов в 1919–1920-е гг. требует дальнейшего изучения.

Примечания

¹ Дубасово, Евлашево, Ивановка – населенные пункты в Сердобском, Кузнецком и Лопатинском районах современной Пензенской области.

² Давыдовка – населенный пункт в Кольшлейском районе современной Пензенской области.

³ Мещерское – населенный пункт в Сердобском районе современной Пензенской области.

⁴ Перевод из пудов в тонны сделан автором статьи, в пуде принято 16,38 кг.

⁵ Переселенцы из голодающих губерний.

Список литературы

1. Посадский А. От Царицына до Сызрани: очерки Гражданской войны на Волге. М. : АИРО-XXI ; ГПИБ, 2010. 412 с.
2. Помоголова О. И. Медицинская помощь иностранных благотворительных организаций в период голода в Поволжье в 1921–1922 гг. // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия : История. Международные отношения. 2013. Т. 13, вып. 3. С. 87–91.
3. Блонский Л. В. Уровень и качество жизни в советском городе периода нэпа (на материалах г. Саратова) // Общество : философия, история, культура. 2019. № 8 (64). С. 119–122.
4. Чолахян В. А. Жилищные условия и благоустроенность городов Нижнего Поволжья в 1920–1930-х годах // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия : История. Международные отношения. 2009. Т. 9, вып. 2. С. 64–73.
5. Воейков Е. В. Торфяная и сланцевая промышленность Поволжья. 1930–1941 гг. Самара : Издательство Самарского научного центра РАН, 2011. 404 с.
6. Очерки истории Саратовского Поволжья (1917–1941) / под ред. Ю. Г. Голуба. Саратов : Издательство Саратовского университета, 2006. Т. 3, ч. 1. 496 с.
7. Состояние эпидемического фронта в Саратове // Известия. Саратов. 1920. 5 февр.
8. Родионов Н. А. Мобилизация торфяных ресурсов Урала на нужды военного производства (1941–1945 гг.) // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2015. № 1 (51). С. 168–172.
9. Пиксайкин В. К. Добыча торфа предприятиями местной топливной промышленности Мордовской АССР в 1940–1990-е гг. // Экономическая история. 2011. № 3. С. 37–46.
10. 40 лет торфяной промышленности СССР / под ред. А. Ф. Баусина. М. ; Л. : Государственное энергетическое издательство, 1957. 296 с.
11. Копенкина Л. В. История торфяного дела : в 2 ч. Ч. 1. Тверь : Издательство Тверского государственного технического университета, 2011. 160 с.
12. Копенкина Л. В. История торфяного дела в России. Тверь : Издательство Тверского государственного технического университета, 2015. 228 с.
13. Воейков Е. В. Лесной фонд Саратовской губернии в 1920-е годы // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия : История. Международные отношения. 2019. Т. 19, вып. 1. С. 116–121. <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2019-19-1-116-121>
14. Топливный вопрос (на торфяном фронте) // Известия. Саратов. 1921. 29 нояб.

15. Государственный архив Саратовской области (ГАСО). Ф. Р. 48. Оп. 26 (Саратовский губсовнархоз – объединенный архивный фонд, Губторфком). Д. 6.
16. ГАСО. Ф. Р. 521 (Саратовский губисполком). Оп. 1. Д. 2517.
17. Российский государственный архив экономики (РГАЭ). Ф. 758 (Главторф, Цуторф, Союзторф). Оп. 1. Д. 131.
18. Топливный отдел. Ближайшие задачи торфяного подотдела // Бюллетень Саратовского губернского совета народного хозяйства. 1919. № 3–4. С. 35.
19. По уездам. Разработка торфа в Сердобском уезде // Бюллетень Саратовского губернского совета народного хозяйства. 1918. № 9. С. 14.
20. ГАСО. Ф. Р. 48. Оп. 26. Д. 16.
21. Зюзин В. А., Крюков М. Н. Разработка торфяных месторождений на топливо. М. ; Л. : Государственное энергетическое издательство, 1947. 344 с.
22. Словарь-справочник по торфяному делу / под ред. И. И. Радченко. М. : Издание НТУ ВСНХ, 1928. 544 с.
23. Воейков Е. В. Торфоразработки Среднего Поволжья в годы Гражданской войны и их роль в преодолении топливного кризиса 1918–1921 годов (по материалам Казанской, Пензенской, Самарской и Симбирской губерний) // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. 2009. Т. 11, № 2. С. 105–111.
24. ГАСО. Ф. Р. 48. Оп. 26. Д. 7.
25. Государственный архив Пензенской области (ГАПО). Ф. Р. 2334 (Сердобский уездный совнархоз). Оп. 1. Д. 65.
26. ГАСО. Ф. Р. 48. Оп. 26. Д. 28.
27. РГАЭ. Ф. 758. Оп. 1. Д. 495.
28. Экономическая хроника. Топливо. Торф // Экономическая жизнь. 1920. № 1–2. С. 21.
29. РГАЭ. Ф. 758. Оп. 1. Д. 550.
30. Добыча и заготовка топлива в 1920 и 1921 гг. Вып. III : К отчету ГУТа за 1921 г. М. : [б. и.], 1923. 170 с.
31. ГАПО. Ф. Р. 2334. Оп. 1. Д. 106.
32. Отчет Главного торфяного комитета. Добыча торфа в 1919 г. и снабжение продовольствием торфяников за тот же период. М. : Издание ВСНХ, 1920. 38 с.
33. Топливо. Торф // Народное хозяйство Нижнего Поволжья. 1920. № 4. С. 13–14.
34. Отчет Саратовского губернского экономического совещания за июль – сентябрь 1921 г. Саратов : Издание Саратовского губисполкома, 1921. 194 с.
35. Бузык А. Залежи торфа в Саратовской губернии // Нижнее Поволжье. 1924. № 6. С. 55–60.
36. ГАПО. Ф. Р. 2334. Оп. 1. Д. 117.
37. Отчет Саратовского губернского экономического совещания за период времени с 1 октября 1921 г. по 1-е апреля 1922 г. Саратов : Издание Саратовского губернского экономического совещания, 1922. 188 с.
38. Торфяная промышленность по данным 1921–22 операционного года. М. : Издание Цуторфа, 1923. 120 с.
39. ГАСО. Ф. Р. 48. Оп. 24. Д. 872.
40. Отчет Балашовского окружного исполнительного комитета второму Балашовскому окружному съезду советов. 1927 и 1928 г. Балашов : Издание окрисполкома, 1928. 204 с.
41. Пробст А. Е. Основные проблемы географического размещения топливного хозяйства СССР. М. ; Л. : Издание АН СССР, 1939. 404 с.

Поступила в редакцию 18.01.2022; одобрена после рецензирования 11.03.2022; принята к публикации 30.06.2022
The article was submitted 18.01.2022; approved after reviewing 11.03.2022; accepted for publication 30.06.2022

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2022. Т. 22, вып. 4. С. 550–555
Izvestiya of Saratov University. History. International Relations, 2022, vol. 22, iss. 4, pp. 550–555
<https://imo.sgu.ru> <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2022-22-4-550-555>, EDN: WUWKXA

Научная статья
УДК 322(470.43)|19|

Религиозные практики духовенства в дискурсе реализации антирелигиозной политики в середине 1920-х гг. (на материалах Самарской губернии)

П. С. Кабытов[✉], А. В. Протасова

Самарский национальный исследовательский университет имени академика С. П. Королева, Россия, 443086, г. Самара, ул. Московское шоссе, д. 34

Кабытов Петр Серафимович, доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой Российской истории, don.kabytov2012@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2359-2125>, Author ID: 591236

Протасова Алина Владимировна, аспирант кафедры Российской истории, intelegentna@rambler.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4733-0301>, Author ID: 1107097

Аннотация. Процесс конструирования советского общества затронул все сферы общественной жизни, формируя особую модель взаимодействия народа и власти. В настоящей статье осуществлена реконструкция повседневных практик представителей религиозных организаций Самарской губернии, которые использовали всевозможные способы противодействия реализации проводимой властными структурами антирелигиозной политики. На основе анализа докладов и информационных сводок ОГПУ рассмотрены различные практики, применяемые священнослужителями различных конфессий против проводимой антирелигиозной политики советской власти, с тем чтобы остановить процесс разрушения религиозного мировоззрения у населения и консолидировать своих сторонников. Эти практики стали одним из необходимых средств к сохранению религиозной целостности и дали возможность религиозным конфессиям вступить в борьбу с партийным руководством за сохранение традиционного сознания формирующегося советского общества.

Ключевые слова: повседневные практики, религиозность, власть, духовенство, священнослужители, религия, Самарская губерния

Для цитирования: Кабытов П. С., Протасова А. В. Религиозные практики духовенства в дискурсе реализации антирелигиозной политики в середине 1920-х гг. (на материалах Самарской губернии) // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2022. Т. 22, вып. 4. С. 550–555. <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2022-22-4-550-555>, EDN: WUWKXA

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

Religious practices of the clergy in the discourse of the implementation of anti-religious policy in the mid-1920s (based on the materials of the Samara Province)

P. S. Kabytov[✉], A. V. Protasova

Samara National Research University, 34 Moskovskoye shosse, Samara 443086, Russia

Piotr S. Kabytov, don.kabytov2012@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2359-2125>, Author ID: 591236

Alina V. Protasova, intelegentna@rambler.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4733-0301>, Author ID: 1107097

Abstract. This article is motivated to study the process of constructing Soviet society and reconstructing the everyday practices of representatives of religious organizations of the Samara province, who used various ways to counteract the implementation of anti-religious policy pursued by the authorities. The results of the study illustrate various practices used by representatives of various faiths against the anti-religious policy of the Soviet government in order to stop the process of destruction of the religious worldview of the population and consolidate their supporters. These practices became one of the necessary means of preserving religious integrity and allowed religious denominations to join the struggle with the party leadership for the preservation of the traditional consciousness of the emerging Soviet society.

Keywords: everyday practices, religiosity, power, clergy, religion, Samara province

For citation: Kabytov P. S., Protasova A. V. Religious practices of the clergy in the discourse of the implementation of anti-religious policy in the mid-1920s (based on the materials of the Samara Province). *Izvestiya of Saratov University. History. International Relations*, 2022, vol. 22, iss. 4, pp. 550–555 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2022-22-4-550-555>, EDN: WUWKXA

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC0-BY 4.0)

В различные периоды истории нашего государства духовенство всех конфессий оказывало огромное влияние на своих прихожан, транслируя в их сознание религиозные нормы, сопровождая повседневный быт верующих и уделяя большое внимание духовному воспитанию каждого члена общества. Несомненно, любой священник обладал социальными практиками, которые он исполнял для того, чтобы «защитить» свою паству от неожиданных событий, природных катаклизмов и прочих нежелательных явлений, прибегая к молитвам, проповедям и освещению домов. Безусловно, велики роль и значимость духовенства в совершении ритуальных повседневных обрядов, сопровождающих жизненный путь любого человека от рождения, вступления в брак, рождения детей и до смерти. Все эти обряды священнослужители различных конфессий выполняли на законных основаниях на протяжении многовековой русской истории. Однако в начале XX в. в эту устойчивую церковную жизнь были внесены существенные коррективы. С приходом к власти большевиков и принятием ряда декретов советской власти религия перестала занимать доминирующее положение в российском обществе. Советская власть стала видеть в церкви потенциального противника, что сказалось и на ее представителях – священниках, муллах и т. д.

Цель настоящей статьи – изучить повседневные практики представителей духовенства и показать их роль в сохранении уровня религиозности населения региона. В этой связи обращается внимание на исследование распространения среди верующих убеждений в реальности того или иного «чуда», способствующих сохранению у крестьян религиозного сознания. Большое внимание уделяется анализу форм противодействия священнослужителей и крестьян реализации антирелигиозной политики власти.

Исследование обозначенной проблемы базируется на новейшей историографии. В связи с изменением историографической ситуации в Российской Федерации появилось большое количество научных трудов, в которых рассматривается начальный этап формирования нового облика советского человека. На основе современного исследовательского инструментария изучаются проблемы власти и общества. Более глубоко рассматривается антирелигиозная работа различных властных структур по отношению к верующему населению. В трудах М. Н. Одинцова [1], С. Л. Фирсова [2] анализируются как ключевые проблемы взаимоотношений власти и религии, так и локальные вопросы вскрытия мощей святых, участие комсомола в антирелигиозной работе и т. д. В ходе научных разработок историки стали формировать совершенно иное видение религиозно-государственных отношений.

К числу новейших исследований следует отнести книгу В. Смолкин, в которой прослежен весь путь становления атеизма в СССР [3]

и реконструируется процесс становления атеизма в качестве официальной идеологии советского общества. Уделено внимание изучению повседневных религиозных практик в обществе. Были опубликованы научные труды, в которых исследуется история ислама в дискурсе религиозной трансформации. Так, в коллективной монографии под редакцией Р. И. Беккина [4] рассматривается дискурс о традиционном исламе в среде тюрок-мусульман европейской части России и Крыма.

Анализ взаимоотношений властных структур и советского общества, несомненно, предусматривает изучение деятельности центральных органов власти, в ведении которых осуществлялась реализация религиозной политики. Опираясь на программные положения коммунистической партии, Всероссийский центральный исполнительный комитет (ВЦИК) разрабатывал и принимал законодательные акты, инструкции и циркуляры, которые должны были исполняться местными властями. Он принимал законодательные и нормативные акты по таким вопросам, как регистрация и снятие с регистрации обществ и групп, закрытие и дальнейшее использование молитвенных зданий и культового имущества. Народному комиссариату внутренних дел (НКВД) вменялось вести общий надзор за деятельностью религиозных организаций, их регистрацию и учет, осуществлять контроль за исполнением декрета об отделении церкви от государства, принимать решения о проведении съездов, пресекать нарушения представителями духовенства законодательства о религиозных культах. На Объединенное государственное политическое управление (ОГПУ) возлагались функции контроля за деятельностью духовенства и органов церковного управления. Отметим, что в 1924–1927 гг. наблюдалось примерное равновесие функциональных обязанностей между этими организациями, одинаковой была и степень их ответственности за реализацию церковной политики [1, с. 29]. Однако именно материалы ОГПУ содержат ценнейшую историческую информацию о взаимоотношениях власти и церковных организаций, а потому при их реконструкции мы опирались на доклады и информационные сводки Самарского губернского отдела ОГПУ за 1923–1927 гг., которые имеются в Самарском областном государственном архиве социально-политической истории.

Курс на проведение в стране антирелигиозной пропаганды был принят на XII съезде РКП (б). Его решение от 25 апреля 1923 г. «О постановке антирелигиозной пропаганды» [5, с. 61–63] содержало основные направления религиозной политики советского государства и коммунистической партии. Суть ее сводилась к тому, чтобы максимально удалить религию из общественной жизни. В социальную практику органов власти разных уровней внедрялись формы и методы работы с религиозными организациями и представителями духовенства, атеистические идеологемы. В этой

связи религиозные организации, находясь под жестким контролем со стороны власти, стремились выстоять в новых политических условиях, а потому они уходили в подполье. Вместе с тем отдельные священнослужители в деревнях селах и городах советской России продолжали выполнять свои духовные функции, призывали верующих сохранять традиции, отвергать новшества и тем самым оказывали огромное влияние на население. Информационные сводки пестрили сообщениями такого рода, что свидетельствует как о массовости данного явления, так и о страхе большевиков перед священнослужителями – «народными миссионерами».

Большой блок информационных сводок сохранил сведения об отдельных выступлениях священников, которые они озвучивали в проповедях и нравоучениях. В информационной сводке № 12 с 22 по 30 апреля 1924 г. сообщалось, что священники Троцкого района Пугачевского уезда в с. Васильевка, Владимировка, Преображенка и Мордовские Липяги при всяком удобном случае стремились указать крестьянам на «безбожность» советской власти. При этом они подчеркивали, что «существующая власть ведет к гибели как духовно, так и материально» [6, л. 42]. Отмечалось также, что крестьяне с. Дмитриевка Пугачевского уезда верят каждому слову священника, который, пользуясь их доверием, на общем собрании «иногда выступал с громкими речами против Волостного исполнительного комитета (ВИКа) и стремился выгнать его представителей из помещения, которое предполагалось отдать под религиозную школу» [6, л. 55]. В Инфосводке № 29 с 13 по 20 мая 1924 г. сообщалось, что в Бузулукском уезде миссионерской деятельностью занимались монашки, которые в селах и деревнях вели религиозную пропаганду [6, л. 115 об.].

Информационные сводки содержали сведения и о случаях поминания царской семьи и прочих представителей дореволюционной аристократии. Власти подчеркивали, что эти действия священников имеют антисоветскую направленность. Инфосводка № 4 с 22 по 31 января 1925 г. сообщала о поминании священником Смирновым во время церковной службы императора Николая с семьей [7, л. 18]. Священник с. Б. Исакла Березовской волости Пугачевского уезда Смирнов во время богослужения стал поминать о здравии царя Николая II, родоначальников, градоначальников и пр. Кроме того, он же в своем приходе разрешил постороннему человеку гр. Бананову выступить с проповедью, в которой содержался призыв к родителям не пускать своих детей в школы, народные дома и клубы. В расследовании этого случая принял участие уездный уполномоченный ГО ОГПУ по Пугачевскому уезду, который опросил крестьян. Смирнов был арестован и привлечен к ответственности по ст. 73 Уголовного кодекса (Инфосводка № 17 с 8 по 16 мая 1925 г.) [9, л. 13].

Некоторые речи и высказывания представителей духовенства носили явно выраженный антисоветский характер. В Инфосводке № 20 с 25 по 31 мая 1926 г. сообщалось о том, что священник с. Ст. Ибряйкино Аверкинской волости с амвона призывал «“православных” верить в бога, говоря, что “Бог есть”» [8, л. 9]. Также он открыто противопоставлял верующих, т. е. хороших людей, против коммунистов – хулиганов: «... Вот, например, солнышко сотворено Богом, есть неверующие, которые говорят, что «бога нет», это не люди, а хулиганы, верующий человек никогда не хулиганит и плохого не делает, боится бога и греха...» [8, л. 9]. Священник под хулиганами подразумевал коммунистов. ОГПУ сообщало, что такие речи священник произносил не впервые. Его сын – псаломщик в этом же селе, также недоброжелательно относился к коммунистам и говорил: «Нам не нужен Ленин...» [8, л. 9].

Священник с. Бурдыгино Сухоринской волости Бузулукского уезда был неоднократно замечен в агитации против компартии и ее членов. Во время богослужения он выступил с проповедью, в которой произнес: «Православные не попадайте под влияние коммунистов и не слушайте их, ибо они последователи евреев, идут против бога, а также не ходите в Нардом, где витает “дух сатаны” и не пускайте туда своих детей...» (Инфосводка № 21 с 8 по 18 июня 1926 г.) [8, л. 16]. Под влиянием агитации священника 1 мая крестьяне принимали в демонстрации весьма слабое участие.

Священник с. Верхне-Санчелеево Сангелевской волости Самарского уезда П. К. Потрясенский в проповедях призывал граждан не отдавать своих детей в комсомол и не пускать их в Народный дом смотреть спектакли, так как «весь комсомол – шайка хулиганов, если у кого и имеются дети комсомольцы, то их надо взять обратно...» [7, л. 95]. Под влиянием этой проповеди родители заставляли детей уходить из комсомольской организации. Подобной агитацией среди населения занимался и попечитель церковного совета гр. Полозов (Инфосводка № 9 с 8 по 15 марта 1925 г.) [7, л. 95].

Под контролем ОГПУ находилась деятельность и других религиозных организаций. Ислам – вторая по численности сторонников религия в России – также активно пыталась оградить своих приверженцев от «безбожия». Следует констатировать идентичность форм борьбы против безбожия как среди православных, так и среди мусульман. Например, мухтасиб г. Мелекесса гр. Губайдуллин 15 марта 1925 г. созвал собрание крестьянок в д. Теплый-стан Елховской волости, на котором агитировал открыть религиозные школы. Он призывал крестьян принять участие «... в борьбе за религию, кто против Корана, тот против представителей культа вообще... крепко стоять за религию с оружием, борясь с неверующими...» [7, л. 96]. На собрании присутствовало около

400 гражданок. Затем Губайдуллин в этой же деревне созывал собрания женщин-магометанок.

В с. Андреевка Мелекесского уезда мулла Сафендинов Шакир осуждал «мусульманское учительство, которое ... продает религию Ислама соввласти за какие-то 12 рублей. Соввласть накладывает непосильные налоги на верующих граждан за содержание муллов, мечетей и т. п., чего при старом режиме не было» [9, л. 8]. В информационной сводке отмечалось, что каждую неделю по четвергам Сафендинов собирал в мечети женщин и внушал им, что на этом свете не нужно трудиться, а думать надо о небесных благах. Брат Сафендинова – также мулла в д. Уразгельдино, как и его брат, также агитировал население против советской власти. Кроме того, он приехал в д. Лобатовку, где призывал «мусульман принять религиозные клятвы об отдаче всех своих сил на борьбу за религию ислама и против всех, кто не верует» (Инфосводка № 17 с 8 по 16 мая 1925 г.) [9, л. 8].

В другой сводке № 18 с 16 по 23 мая 1925 г. содержалась информация о негативном влиянии советских школ на мусульманских детей. Так, в д. Бакаево Сок-Кармалинской волости Бугурус-ланского уезда муллы Хабибуллин Шамгардин и Абдрахманов Абдул в мечети и у себя на дому собирали крестьян и призывали их не отдавать детей учиться в советские школы, мотивируя это тем, что там дети портятся нравственно и делают-ся безбожниками. Муллы агитировали крестьян не «выбирать в советы коммунистов и демобилизованных красноармейцев, ибо они отступили от религии» [9, л. 8].

Агитация среди населения проводилась муллами и во время праздника «Сабантуй». Так, в д. Сантимир Малыклинской волости Мелекес-ского уезда 22 мая во время праздника после доклада инструктора Укома РКП (б) на тему о религии выступил мулла из д. Тюгальбуга Мафтахутдинов, который после нескольких слов о религии Ислама призвал присутствующих вести открытую борьбу против коммунистов и совслужащих, которые «бросают в религиозное духовенство грязью». В том же духе Мафтахутдинов агитировал и в мечети, что порождало отрицательное отношение крестьян к существующему строю (Инфосводка № 21 с 8 по 16 июня 1925 г.) [9, л. 56 об.].

В сообщениях инфосводок содержались сведения о выступлениях и действиях отдельных граждан, которые носили антисоветский характер. В инфосводке № 6 с 7 по 22 февраля 1925 г. зафиксировано эмоциональное состояние кладовщицы эпидемического госпиталя Хохловой, которая выкрикивала: «...Скоро я отмучаюсь от проклятых коммунистов...» [7, л. 45]. Другая сотрудница госпиталя кастелянша Сухова при всяком удобном случае старалась очернить советскую власть. Будучи женой попа, она вела беседы среди рабочих о религии, что отрицательно влияло на служащих.

В с. Большая Сакля Пугачевского уезда с разрешения попа Смирнова один гражданин призывал население, чтобы «все малые и старые ходили в церковь, и чтобы родители не пускали своих детей в избу-читальню и в народом, а посылали их в храм» [7, л. 45].

На частной мельнице Буреш и Ко в Самаре один из служащих, бывший член ВКП (б), вместе со своим помощником вел антисоветскую агитацию среди рабочих, особенно молодежи. Под его влиянием два комсомольца вышли из комсомола. Он говорил: «Скоро соберётся вселенский собор, на котором будут представители всех вероисповеданий, которые будут представлять из себя «священную лигу наций», на этом соборе будет решаться вопрос о Советской России, на котором постановят, чтобы Соввласть разрешила свободно распространять священное писание и вообще, чтобы не было гонения на христианскую церковь если Соввласть на это не согласится, то ей объявят войну все державы...» (Инфосводка № 26 с 19 по 27 июля 1926 г.) [8, л. 72].

Имело место и косвенное влияние священнослужителей на население. Представляет интерес случай, описываемый в инфосводке № 5 с 1 по 7 февраля 1925 г. В с. Филипповка Утевской волости в 1924 г. был организован политический кружок, который вел борьбу с местным попом Павловым за Народный дом. В конечном счете поп был выселен, и дом был отдан избечитальне. Тогда поп посоветовал молодому парню Прокофьеву стать селькором. После получения заветной должности Прокофьев под руководством попа начал вести работу, направленную на срыв деятельности избы-читальни. Когда же его попытались приструнить, то тот заявил, что в случае притеснения со стороны администрации он будет расценивать этот факт как покушение на должностное лицо [7, л. 25 об.].

Степень влияния священнослужителей на простых граждан было трудно переоценить. Повседневные религиозные обряды, которые выполнял каждый конкретный священник в начальный период распространения антирелигиозной пропаганды, еще не могли вытеснить новые советские ритуалы. Когда верующий человек вступал в полемику со священником, то он мог стать «изгоем» среди пока еще религиозного общества. Например, показателен случай, зафиксированный в Инфосводке № 18 с 16 по 23 мая 1925 г. Священник с. Баклановка Бузулукского уезда при обходе верующих граждан по домам с молебном на пасху увидел у гр. Миленьева в доме около иконы карикатуру на попов, опубликованную журналом «Безбожник». Рядом с ней находился портрет В. И. Ленина. Священник возмутился, сорвал портреты и бросил на пол. Затем он спросил Миленьева: «Ты разве коммунист? Если еще раз узнаю об этом, то к вам больше ходить не стану» [6, л. 32]. В инфосводке № 19 с 24 по 31 мая 1925 г. говорилось

о том, что в с. Скворцовка Лобазинской волости Бузулукского уезда священник местной церкви Миронов в конце апреля во время молебна на дому у гр. Родионовой стал искать у ее сына крест на шею. Когда же Родионова попыталась противостоять этому, то Миронов в грубой форме заявил: «Я знаю, что делаю и имею на это право» [6, л. 43]. Далее в сводке сообщалось, что Миронов часто запугивал крестьян тем, что не будет причащать тех, кто будет воспитывать детей в советском духе. В итоге он был привлечен СГО ОГПУ к судебной ответственности.

Из-за дефицита семейного бюджета крестьяне не могли заплатить священникам нужную сумму за проведение обрядов. Поэтому многие священнослужители вместо денег брали то, что они хотели. Крестьяне вынуждены были соглашаться с их требованиями. Так, в с. Старая Тепловка Сухореченской волости Бузулукского уезда местный поп Голубев за запись в поминание умершего предложил гр. Исламовой за отсутствием денег у последней, состричь ее волосы и принести ему. Исламова согласилась это сделать (Инфосводка № 6 с 7 по 22 февраля 1925 г.) [6, л. 45].

Анализ информационных сводок позволяет выявить влияние духовенства на население в период кризисных явлений. В неурожайный 1924 г. «темные личности среди таковых сеют разнообразные слухи религиозного толка» [6, л. 88]. Так, в информационной сводке № 18 с 10 по 17 июня 1924 г. крестьяне в период засухи стали проводить обряд призыва дождя: «Духовенство, пользуясь отсутствием дождя, – сообщалось в сводке, – играет на религиозной струнке темного крестьянства, упрекая в этом безбожников коммунистов. В целом ряде деревень проводятся молебны, дабы Бог дал дождя. В этих компаниях принимают участие старики и старухи, молодежь относится отрицательно. В некоторых деревнях власти запрещали молебствовать, но по партийной линии дано распоряжение не притеснять их в этом отношении» [6, л. 66]. В с. Красовка Марьевской волости верующие крестьяне молились за хороший урожай: «Мы стоим перед голодом как в 1921 году, одна надежда на Бога, мы все в его руках; позабыли Бога, послушались дурных людей и попали в соблазн не соблюдать законов...» (Инфосводка № 22 с 13 по 21 июля 1924 г.) [6, л. 87]. Всплеск настроений у крестьян произошел из-за дефицита сахара в Мелекесском уезде. Сразу же среди населения стали распространяться слухи о том, что скоро прекратится торговля всеми ходовыми товарами по причине промышленного кризиса. Сотрудники ОГПУ возлагали ответственность за распространение слухов на попов и церковных старост. Особенно ярко этот процесс шел в с. Сосновое Ставропольской волости с подачи священника Дмитриева (Инфосводка № 30 с 21 по 28 сентября 1924 г.) [6, л. 118].

В то же время имела место тенденция к росту атеистических настроений в крестьянской среде. Изменения религиозного настроения были связаны с попытками населения «отмолить» дождливую погоду и пережить засуху. Так, в конце мая 1926 г. в Тростянской волости Самарского уезда не было дождей. И у крестьян возникли опасения за урожай. По инициативе некоторых стариков крестьянами были организованы крестьянские ходы. Через 2 дня пошли проливные дожди, да к тому же почти каждый день. Крестьяне, видя это, возмущенно стали роптать, что «...мол молили Бога, чтобы он дал дождя, а он рад стараться и льет, видно придется снова идти отмаливать, чтобы прекратил, а то, пожалуй, переборщит, плохо будет...» [8, л. 98]. Составители сводки информировали о снижении уровня религиозности среди населения данного уезда. По их мнению, это свидетельствовало о том, что при «неудачном» прошествии события, отмаливаемого у Бога, общество могло отвернуться от веры, так же, как и от священника, уличенного в открытой лжи (Инфосводка № 27 с 28 июля по 6 августа 1926 г.) [8, л. 98].

Значительный интерес представляет блок информационных сводок, в которых фиксируется историческая информация о распространении смуты и паники среди верующих граждан. Так, в г. Пугачеве в период 13–21 июля 1924 г. (инфосводка № 22) архиерей Павел под видом чисто семейных и узко-церковных дел выезжал по селам и в сельских церквях во время проповеди умышленно сеял среди населения панику [6, л. 87]. В сводках приводились случаи, когда священники говорили о скором «конце света» или о «плохой весте или событии». В другой инфосводке № 21 с 8 по 16 июня 1925 г. описывался случай, когда 3 июня среди населения в с. Ибряйкино Средне-Аверкинской волости Бугурусланского уезда распространились слухи о том, что 6 июня с. Ибряйкино должно провалиться сквозь землю. Сведения об этом грядущем катаклизме вызвали панику среди стариков и старух. Но это предсказание не сбылось. И тогда все успокоилось, а слухи прекратились [9, л. 59]. Та же сводка сообщала о распространении слухов накануне праздника Троицы. В Таллинском монастыре Бузулукского уезда перед празднованием Троицы разнесся слух, что «якобы Богом, вблизи монастыря была брошена записка с предупреждением, что в субботу под первый день Троицы пойдет каменный и огненный дождь, который пойдет и пожжет людей, неугодных богу». Об этом чуде сообщали крестьянам монашки данного монастыря, которые поехали по селам. Одна из них побывала в поселках Осиновском, Бренчаниновке и в с. Воздвиженка, где собирала женщин и стариков и передавала им сведения об этом письме. Религиозное население было встревожено, люди начали топить бани, мыться и надевать чистое белье,

а некоторые даже прекратили всякую работу. Принятые сотрудниками ОГПУ к задержанию меры оказались тщетными, монашки сумели скрыться [9, л. 59].

С известиями о предстоящих «бедах» общал крестьянам с. Наумовка Пригородской волости священник Соловьев. После богослужения 31 июня он произнес с амвона проповедь, в которой заявил: «Вы, христиане, под Троицу вымойтесь, иначе на праздник у нас в селе, или же в селе Троицкое, что-нибудь случится» [9, л. 59]. Это сообщение Соловьева посеяло панические настроения среди верующих, и они «стали готовить себя к смерти: мылись в бане и одевали чистое белье. В праздник Троицы в селе как раз была гроза, и попу после этого стали верить еще больше». Соловьев, по сообщениям сводки, имел большое влияние на детей и родителей, запрещал родителям пускать их в школу, петь частушки из журнала «Безбожник». Накануне Троицы священник Средне-Аверкинской волости Бугурусланского уезда Рябов Василий распространял среди верующих граждан слухи о предстоящем накануне Троицы светопреставлении. Это предсказание и разразившаяся в этот день гроза перепугали крестьян. Они стали собираться у родственников и молиться богу, чтобы он предотвратил беду. «Сам Рябов тоже сделал вид, что молится богу и советовал крестьянам, также усиленно молиться» [9, л. 91].

Аналогичные формы и методы использовались муллами среди мусульманского населения. Так, в Инфосводке № 25 с 15 по 31 июля 1925 г. говорилось о действиях мoulлы Валиахметова Шагира в с. Борское Мелекесского уезда. Он 1 июля 1925 г. во время празднования «Курбан-Гаида», читая верующим книгу «Хут-балык», стал запугивать собравшихся: «...Настала пора, нами царствует враждебная кампания, признак конца мира...» [9, л. 90]. При чтении муллой этих слов среди присутствующих, особенно среди женщин, раздавался плач.

В информационных сводках содержатся описания совершенно невероятных событий, по слухам произошедших в различных областях губернии. Например, в с. Чекалинка Бугурусланского уезда демобилизованный красноармеец будто заставил свою жену истопить баню иконами за неимением дров, после чего стал париться, и к этой чудодейственной бане якобы никто не мог подойти [6, л. 118]. А в Мелекесском уезде одна коммунистка «прилипла к стулу». (Инфосводка № 22 с 13–21 июля 1924 г.) [6, л. 118].

Таким образом, в условиях проведения советской властью антирелигиозной политики представители религиозных организаций Самарской губернии стремились использовать традиционные

формы воздействия на прихожан. В их проповедях содержалась как критика советской власти, так и призыв сохранять традиционное мировоззрение. В формировании антиправительственных настроений принимали участие и священнослужители, и представители различных слоев населения. Несмотря на все меры по дискредитации большого количества священнослужителей, оставшиеся при своих должностях духовные наставники самых разных вероисповеданий продолжали оказывать сопротивление антирелигиозной политике советской власти, используя традиционные повседневные практики. Кроме того, они применяли формы, и методы давления на сознание крестьян, придавали своим проповедям эмоциональную окраску. В этой связи духовные наставники учитывали особое отношение крестьян ко всему скрытому, необъяснимому и невероятному, как например, мгновенное восприятие ими различных слухов. Эмоции вызывали у крестьян и прогнозы священников о грядущих катаклизмах и чудесах. Сохранению традиционного мировоззрения способствовали и проповеди, носившие нравоучительный характер, в которые органично включалась критика советской власти. Данный процесс шел параллельно с усилением идеологического контроля и во многом препятствовал быстрой организации советского атеистического общества.

Список литературы

1. Одинцов М. И. Государство и церковь. 1917–1938 гг. М. : Знание, 1991. 63 с.
2. Фирсов С. Л. Власть и огонь: Церковь и советское государство: 1918 – начало 1940-х гг.: очерки истории. М. : Православный Свято-Тихоновский гуманитарный университет, 2014. 474 с.
3. Смолкин В. Свято место пусто не бывает: история советского атеизма / пер. с англ. О. Б. Леонтьевой, науч. ред. М. Ю. Смирнов. М. : Новое литературное обозрение, 2021. 552 с.
4. «Ислам, имеющий мирную и добрую сущность»: курс о традиционном исламе в среде тюрок-мусульман европейской части России и Крыма / под ред. Р. И. Беккина. М. : Новое литературное обозрение, 2021. 280 с.
5. XII съезд РКП(б). 17–25 апреля 1923 г. Резолюция от 25 апреля 1923 г. «О постановке антирелигиозной агитации и пропаганды» // Известия ЦК РКП (б). М., 1923. № 6. С. 61–63.
6. Самарский областной государственный архив социально-политической истории (СОГАСПИ). Ф. 1 (Самарский губернский комитет Всесоюзной коммунистической партии большевиков, г. Самара). Оп. 1. Д. 1389.
7. ГБУСО СОГАСПИ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1708.
8. ГБУСО СОГАСПИ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 2062.
9. ГБУСО СОГАСПИ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1707.

Поступила в редакцию 27.04.2022; одобрена после рецензирования 05.05.2022; принята к публикации 30.06.2022
The article was submitted 27.04.2022; approved after reviewing 05.05.2022; accepted for publication 30.06.2022

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2022. Т. 22, вып. 4. С. 556–561

Izvestiya of Saratov University. History. International Relations, 2022, vol. 22, iss. 4, pp. 556–561

<https://imo.sgu.ru>

<https://doi.org/10.18500/1819-4907-2022-22-4-556-561>, EDN: WWJRTV

Научная статья

УДК [322+061.2](470.44)|19|+929Ярославский

Роль Емельяна Михайловича Ярославского в антирелигиозной кампании 1930-х гг. (на примере Саратовского Поволжья)

Ж. В. Яковлева

Саратовский областной институт развития образования, Россия, 410031, г. Саратов, ул. Большая Горная, д. 1

Яковлева Жанна Владимировна, кандидат исторических наук, доцент кафедры гуманитарного образования, zhanna.yakovleva2015@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5054-803X>, Author ID: 907393

Аннотация. В статье на основе архивных материалов анализируются деятельность Союза воинствующих безбожников в Саратовском Поволжье и роль руководителя данной организации в 1930-е гг. Е. М. Ярославского. Приводятся примеры деятельности организации как в рамках антирелигиозной агитации и пропаганды коммунистической идеологии, так и в качестве инициатора закрытия церквей и молитвенных домов всех вероисповеданий. Дается характеристика Емельяна Ярославского как главного идеолога государственного атеизма. Рассматривается практика закрытия церквей и молитвенных домов с нарушением советского законодательства, а также действия партийных и советских структур, которые шли вразрез с заявленными директивами. Опираясь на архивные материалы, автор формулирует вывод о том, что власть, приостановив легальную деятельность всех конфессий в Саратовском Поволжье к началу 1940-х гг., не смогла подавить религиозную жизнь, которая приобрела новые формы, а агитация и пропаганда, в том числе, организациями Союза воинствующих безбожников, внесли существенный вклад в формирование атеистического мировоззрения населения.

Ключевые слова: Союз воинствующих безбожников, антирелигиозная кампания, Емельян Ярославский, Саратовское Поволжье, церковь, антирелигиозная агитация и пропаганда

Для цитирования: Яковлева Ж. В. Роль Емельяна Михайловича Ярославского в антирелигиозной кампании 1930-х гг. (на примере Саратовского Поволжья) // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2022. Т. 22, вып. 4. С. 556–561. <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2022-22-4-556-561>, EDN: WWJRTV

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

The role of Emelyan Mikhailovich Yaroslavsky in the anti-religious campaign of the 1930s (By the example of the Saratov Volga region)

J. V. Yakovleva

Saratov Regional Institute for the Development of Education, 1 Bolshaya Gornaya St., Saratov 410031, Russia

Zhanna V. Yakovleva, zhanna-yakovleva2015@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5054-803X>, Author ID: 907393

Abstract. Based on archival materials, the author of the article analyzes the activities of the Union of Militant Atheists in the Saratov Volga region and the role of the leader of this organization in the 1930s. Examples of the activities of the organization are given, both within the framework of anti-religious agitation and propaganda of the communist ideology, and as an initiator of the closure of churches and prayer houses of all faiths. Emelyan Yaroslavsky is characterized as the main ideologist of state atheism. The practice of closing churches and prayer houses in violation of Soviet legislation, as well as the actions of party and Soviet structures that were contrary to the declared directives, are analyzed. Based on archival materials, the author of the article concludes that the authorities, having suspended the legal activities of all confessions in the Saratov Volga region by the beginning of the 1940s, could not suppress religious life, which took on new forms, and agitation and propaganda, including organizations of the Union of Militant Atheists, made a significant contribution to the formation of an atheistic worldview of the population.

Keywords: Union of militant atheists, anti-religious campaign, Emelyan Yaroslavsky, Saratov Volga region, church, anti-religious agitation and propaganda

For citation: Yakovleva J. V. The role of Emelyan Mikhailovich Yaroslavsky in the anti-religious campaign of the 1930s (By the example of the Saratov Volga region). *Izvestiya of Saratov University. History. International Relations*, 2022, vol. 22, iss. 4, pp. 556–561 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2022-22-4-556-561>, EDN: WWJRTV

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC0-BY 4.0)

К концу 1920-х гг. Саратовское Поволжье представляло собой сложный и уникальный конгломерат многих народов, религий и культур, взаимовлияние которых вносило существенный вклад в хозяйственный и культурный облик региона [1].

Несмотря на антирелигиозную политику советского государства, после 1917 г. уровень религиозности населения оставался высоким. Антирелигиозным воспитанием занимались многие структуры: коммунистическая партия, комсомол, профсоюзы. Эта работа должна была проводиться на производстве, в школе и вузах. Однако главная роль антирелигиозного флагамена отводилась специальной организации – Союзу безбожников.

Союз безбожников оформился в 1925 г. на основе общества друзей газеты «Безбожник», основанной в 1922 г. Во второй половине 1920-х гг. происходит его становление, образуются структуры в регионах, создаются первичные организации [2].

Деятельность Союза воинствующих безбожников (далее – СВБ) и Постоянной комиссии по вопросам религиозных культов при Президиуме Всероссийского ЦИК (с 1934 г. – ЦИК СССР) нашла отражение в современной историографии. Наибольший интерес представляют труды Б. Н. Коновалова [3], С. В. Покровской [2], А. С. Кочетовой [4], О. Б. Приказчиковой [5]. Среди работ, посвященных региональным исследованиям, можно выделить монографию В. С. Батченко [6] и диссертацию А. В. Проскуриной [7].

С 1929 г. начался новый виток антирелигиозной кампании, который требовал усиления антирелигиозной пропаганды и агитации. Поэтому перед Союзом безбожников ставятся новые задачи. II съезд Союза безбожников переименовал «Союз безбожников» в «Союз воинствующих безбожников СССР» (далее – СВБ), принял новую редакцию Устава СВБ СССР. Руководителем этой организации долгие годы был Емельян Михайлович Ярославский.

С 1929 г. СВБ существенно активизирует работу по пропаганде атеизма, созданию антирелигиозных музеев и выставок, выпуску научной и научно-популярной литературы, а также ряда периодических изданий (газета «Безбожник», журналы «Безбожник», «Антирелигиозник», «Воинствующий атеизм», «Юные безбожники» и другие печатные издания на различных языках народов СССР). Издательство «Безбожник» (впоследствии – Государственное издательство антирелигиозной литературы (ГАИЗ)) выпускало большое количество пропагандистской антирелигиозной литературы. СВБ ставил своей целью идейную борьбу с религией во всех ее проявлениях [8]. Не последнюю роль местные организации СВБ играли в агитации за закрытие церквей и молитвенных домов всех вероисповеданий. Так, например, планами Нижневолжского краевого совета СВБ и СВБ Немреспублики на 1931 г. преду-

сматривались сбор подписей за закрытие церквей, проведение в резолюциях постановлений за снятие колоколов, прекращение колокольного звона, снятие икон в избах, усиление агитации и пропаганды в канун религиозных праздников [9, л. 2].

Следует, однако, отметить, что как СВБ в целом, так и его организации в регионах и на местах, в своих действиях не были самостоятельны, они подчинялись партийным организациям и директивам. Сам СВБ замыкался на ЦК ВКП (б), а его организации – на региональные и местные парторганизации соответствующего уровня. СВБ являлся лишь инструментом партийной политики.

Уже с середины 1920-х гг. в советском государстве красной линией стал проходить тезис о контрреволюционной роли всякой религии, ее враждебности социалистическому строительству и единству «церковников» как класса угнетателей в борьбе за социализм [10, л. 43; 11, л. 107; 12, л. 19]. В Поволжской правде за 1929 г. была опубликована статья о засоренности классово-чуждыми элементами педагогического состава школы-девятилетки г. Покровска – из 38 педагогов 20 человек были «безусловно, не советскими». Среди таких «не советских» были дети священнослужителей, священнослужители, бывший эсер, бывшие крупные торговцы и землевладельцы и другие «классово-чуждые» элементы, не вписывающиеся в советскую систему. За это директор школы И. И. Корман был снят со своей должности, а педагогический состав в дальнейшем должен был подвергнуться обновлению. При обследовании школы оказалось, что четвертая часть учащихся религиозна. Статья завершается обличительным призывом: «Вас судим, гр. Корман, – встаньте и отвечайте советской общественности!» [13, с. 3].

В беседе с американской делегацией профессоров 13 июля 1932 г. Е. М. Ярославский на вопрос «какие успехи имеет ваша антирелигиозная кампания в массах крестьянства?» ответил: «Мы не ведем антирелигиозной кампании сейчас. Кампания предполагает, что мы поставили себе какую-нибудь временную задачу и проводим ее особыми средствами. Мы же ведем систематически, изо дня в день, антирелигиозную пропаганду и организацию тех масс, которые хотят вести эту антирелигиозную пропаганду» [14, л. 19].

Слова лидера Центрального Совета СВБ служат доказательством правомерности постановки знака равенства между действиями государства в отношении церкви и веры в 1930-е гг., когда с помощью особых средств – административного нажима и массовой агитации и пропаганды – достигалось построение атеистического общества, и понятием *антирелигиозная кампания*.

Профессор Дэвис из делегации профессоров в 1932 г. (видимо, речь в архивном документе идет

о Роберте Уильяме Дэвисе, британском историке, профессоре экономической советологии. – Ж. Я.) задал главному безбожнику страны Ярославскому вопрос: «Не думаете ли Вы, что борьба против религии, не так важна, как против капитализма?» Ярославский ответил: «Мы не отделяем борьбы против капитализма от борьбы против религии» [15, л. 25].

Кроме активной антирелигиозной агитации и пропаганды, структуры СВБ вместе со всей советской журналистикой принимали активное участие в формировании в общественном сознании мифа о прозорливости, мудрости, справедливости, безграничной любви и близости к народу первых лиц государства. Однако, несмотря на агитацию и пропаганду, ропот в народе присутствовал. Вот что пишет о приезде 6 июля 1930 г. в г. Саратов М. И. Калинина типичный обыватель Саратова М. Д. Соколов. Калинин должен был выступить перед народом с речью, но он вышел на балкон городского театра (на месте городского театра г. Саратова теперь находится современный академический театр оперы и балета. – Ж. Я.), раскланялся, извинился за то, что не может ничего сказать и ушел обратно в театр [16, с. 134–135]. «Сволочь, и говорить с нами не хочет» [11, с. 135], – выразили свое недовольство многие присутствующие на площади. На следующий день в «Поволжской правде» была опубликована статья о том, что прошла встреча трудящихся с мужиком из Тверской губернии – М. И. Калининым, но главным во встрече было то, что «толпа приветствовала партию за ее успехи» [16, с. 135]. Таким образом, М. И. Калинин был не только близким к народу – «своим в доску», но и олицетворял собой ВКП (б).

Насаждавшееся атеистическое мировоззрение давало свои плоды, однако за столь короткий в истории промежуток времени существования советской власти новые ценностные ориентиры среди представителей всех вероисповеданий невозможно было устойчиво привить, точно так же, как и опрокинуть и уничтожить старые религиозные традиции и устои.

24 января 1929 г. появляется подписанное Л. М. Кагановичем циркулярное письмо ЦК ВКП (б) «О мерах по усилению антирелигиозной работы» [17, л. 1–2], в котором прямо указывалось, что «религиозные организации являются единственной легально действующей контрреволюционной организацией, имеющей влияние на массы». Таким образом, был четко определен главный враг, с которым партийным организациям надо вести непримиримую борьбу в ближайший период «социалистического строительства».

Постановление ВЦИК и СНК РСФСР от 8 апреля 1929 г. «О религиозных объединениях» стало результатом определенной кодификационной работы, систематизации ранее изданного антирелигиозного законодательства. 20 октября

1929 г. на заседании Президиума ВЦИК РСФСР был утвержден перечень ранее существовавших нормативно-правовых актов, утративших свою силу в связи с введением в действие постановления от 8 апреля 1929 г. [18, л. 1] (Постановления Президиума ВЦИК РСФСР: от 13 июня 1921 г. «Об использовании здания культа группами верующих по договору и для других не богослужбных целей»; от 8 декабря 1921 г. «О разрешении производства сборов религиозными объединениями в пользу голодающих». Циркуляры Президиума ВЦИК: от 19 апреля 1923 г. № 02814 «О порядке разрешения дел по закрытию церквей и монастырей»; от 22 августа 1927 г. «О пользовании печатями и бланками»; от 22 августа 1927 г. № 260/с о недопущении особых привилегий для религиозных сектантских организаций по сравнению с другими организациями; от 11 февраля 1928 г. № 22/с «Разъяснение циркуляра ВЦИК от 22 августа 1927 г. № 260/с о недопущении особых привилегий для религиозных сектантских организаций по сравнению с другими организациями»).

12 апреля 1929 г. (на 4-й день после появления постановления «О религиозных объединениях») прошло заседание агитационно-пропагандистского отдела Нижневолжского крайкома ВКП (б), на котором отмечалось, что факт массового закрытия церквей в Нижневолжском крае уже имеет место. Отдел указал, что «неправильно», когда партийные органы дают директивы советским органам с требованием «о сплошном закрытии всех церквей», что, по мнению агитпропотдела, «облегчает работу религиозников по распространению провокационных слухов». «Считать нецелесообразным закрытие в короткий промежуток времени пачками (15 церквей по Саратову), точно так же одновременное закрытие церквей перед Пасхой. Поручить Саратовскому окружному ВКП (б) наметить несколько церквей, подлежащих закрытию к 1 Мая, учитывая результаты массовой работы» [11, л. 10].

Итак, к выходу постановления «О религиозных объединениях» кампания закрытия церквей и молельных домов в Нижневолжском крае и, в частности в Саратовском округе, уже носила массовый характер, а ее инициаторами были местные партийные органы.

Данный факт подтверждают и документы Антирелигиозной комиссии ЦК ВКП (б) (в 1922–1929 гг. – Комиссия по проведению декрета об отделении Церкви от государства), выработанные и принятые на ее заседании 23 мая 1929 г. Особое внимание привлекает разработанный комиссией проект циркулярного письма, который после заседания Е. М. Ярославский направил заведующему отделу пропаганды и агитации ЦК ВКП (б) А. И. Криницкому (занимал эту должность с 03.05.1928 по 19.11.1929 гг.) с предложением рассмотреть проект на заседании оргбюро ЦК ВКП (б).

Лейтмотив заседания Антирелигиозной комиссии и содержание проекта протокола сводятся к тому, что партийные работники на местах часто недооценивают религиозность населения (в проекте она оценивается как 80%) и они закрывают церкви без учета общественного мнения. Имеют место случаи стрельбы по иконам, по толпе из ракет и другие перегибы на местах. Закрытие церквей и молитвенных домов происходит ненормально, хаотически, без соблюдения партийных и советских директив. Отношение к делу носит формальный характер, не обращается внимание на то, что «абсолютное большинство верующего населения настроено против закрытия... Ссылки на то, что против закрытия выступают лишь одни кулаки, нэпманы и попы не только неправильны, но и вредны, т. к. они нередко обостряют отношения с верующей массой, родственной нам по своему социальному положению» [19, л. 2].

В проекте циркулярного письма отмечалось, что в течение последних 4–5 мес., особенно начиная с кампании по перевыборам Советов, происходили волнения верующих на почве закрытия церквей, переходящие в вооруженные столкновения. В письме делается вывод о том, что нельзя подменять идеологическую борьбу с церковью административными мерами. Необходимо соблюдать осторожность в деле закрытия церквей в районах хлебозаготовок, так как перегибы могут привести к их срыву [19, л. 2–15].

Проект циркулярного письма был рассмотрен высшим руководством партии и принят к сведению. Сделать такой вывод дает основание издание 5 июня 1929 г. специальной директивы ЦК ВКП (б), обращенной ко всем ЦК компартий союзных республик, крайкомам, обкомам, губкомам и окружкомам ВКП (б) за подписью секретаря ЦК ВКП (б) В. М. Молотова.

В указанное время в РСФСР проводилась реформа административно-территориального деления, поэтому кое-где еще существовали губернии, но в основном территория России была уже разбита на огромные по размерам края (например, уже упоминавшийся Нижневолжский край) и области, которые, в свою очередь, делились на округа. Подавляющее большинство автономных республик вошли в состав вновь образованных краев наравне с округами, имея, однако, при этом более высокий статус (АССР немцев Поволжья с 1928 по 1934 г. входила в Нижневолжский край, затем до 1937 г. – в Саратовский край).

В директиве в значительной части воспроизводится текст проекта циркулярного письма, подготовленного Антирелигиозной комиссией ЦК: «Многие партийные организации недооценивают численность верующего населения, степень его неизжитых религиозных суеверий» [20, л. 69.]. Основной акцент в документе сделан на усиление идеологической борьбы с религиозными предрассудками, недопустимость подмены ее адми-

нистративными мероприятиями и недопущение нарушения соответствующих советских законов.

Директива требовала осуществлять закрытие храмов только после проведения серьезной агитационной и антирелигиозной работы, при этом должны учитываться интересы всех слоев населения. В ней говорилось о недопустимости закрытия церквей, если это встречало недовольство со стороны значительной части местного населения из среды верующих, о том, что ни в каком случае недопустимы малейшие издевательства над верующими. Указывалось на необходимость учета общей политической обстановки в районе, ведения осторожной политики в деле закрытия церквей и молитвенных домов особенно в районах хлебозаготовок, так как неосторожность таких действий может привести к массовым недовольствам и активизации «определенных прослоек крестьянства» и как следствию – срыву поставок хлеба. В документе подчеркивалось, что за нарушение советских законов необходимо привлекать виновных к судебной и партийной ответственности, ликвидацию молитвенных домов, церквей, синагог, мечетей и костелов по мотивам неисполнения распоряжений о регистрации, по мотивам неуплаты налогов нужно прекратить. Кроме того, предписывалось запретить аресты по религиозным мотивам, если они не связаны напрямую с явной контрреволюционной деятельностью со стороны церковников и верующих. Все закрытые культовые сооружения необходимо использовать рационально: под антирелигиозные музеи, избы-читальни, библиотеки, клубы и другие культурно-массовые объекты [20, л. 69].

К сожалению, этот документ сыграл формальную роль и не оказал серьезного влияния на снижение радикализма антирелигиозной кампании. Летом и осенью 1929 г. на фоне развернувшейся сплошной коллективизации и в непосредственной связи с ней радикализм лишь усилился.

В одном из дел фонда Е. М. Ярославского хранится проект циркулярного письма ЦК ВКП (б) о закрытии церквей и протокол № 1 от 23 мая 1929 г. заседания Антирелигиозной комиссии ЦК по этому вопросу с правками Е. М. Ярославского [19, л. 8]. Документы он направил А. И. Криницкому, на полях протокола № 1 красными чернилами Ярославский просит Криницкого обсудить на заседании Оргбюро проект циркулярного письма, которое он прилагает [19, л. 2]. Там же, в деле хранится любопытная записка Ярославского Криницкому о том, что ее автор «в спешке послал Вам постановление АРК вместо циркулярного письма» [19, л. 8]. К сожалению, не удалось установить, переслал Ярославский Криницкому впоследствии подлинный текст циркулярного письма или нет. Но, поскольку в содержание директивы Молотова вошел текст постановления АРК, данный факт уже не имеет принципиального значения.

Представляется, что «ошибка» Ярославского все же носит не случайный характер. Как показывает сравнение двух документов, протокол Антирелигиозной комиссии, подготовленный Тучковым, Красиковым и Толмачевым, даже после редактирования Ярославским содержит более радикальные выводы и связанные с ними решения. Таким образом, Емельян Михайлович, возможно, пытался застраховать себя от попадания в число «отклонившихся от генеральной линии партии».

Итак, новое наступление на религию было связано с общим курсом советского руководства на «развернутое наступление социализма по всему фронту», включая сплошную коллективизацию. Первым шагом стало циркулярное письмо ЦК ВКП (б) от 24 января 1929 г., где все религиозные организации оценивались как единственно легальная контрреволюционная сила и ставилась задача непримиримой борьбы с ними. Законодательно новые отношения с церковью были закреплены в постановлении ВЦИК и СНК РСФСР от 8 апреля 1929 г. «О религиозных объединениях», существенно усиливавшем дискриминацию церквей и верующих. Оба документа стали мощным импульсом к развязыванию массовой агрессивной антирелигиозной кампании, выразившейся главным образом в грубом и административном закрытии церковных храмов, мечетей и молельных домов. Та часть вышеназванных документов, где говорилось о необходимости кропотливой атеистической пропаганды и агитации, практически везде игнорировалась.

Предостерегающее циркулярное письмо ЦК ВКП (б) от 5 июня 1929 г. не сыграло своей роли. На фоне «бешеных темпов» сплошной коллективизации и в непосредственной связи с ней радикализм лишь усилился, что привело к массовому выступлению крестьянства, и это заставило центр смягчить свою политику как в отношении темпов коллективизации, так и изъятия храмов у верующих. В позднейших документах партийного и советского руководства проблема перегибов в антирелигиозной работе постоянно присутствует.

Одним из важнейших исполнителей агитационно-пропагандистской составляющей антирелигиозной кампании стал СВБ. Работа его организаций во многом не удовлетворяла центральное руководство, он подвергался постоянной критике за низкую эффективность своей деятельности. И все же, несмотря на множество недостатков в работе, СВБ сыграл значительную роль в разрушении религиозного мировоззрения, замене традиционной веры коммунистическим, зачастую эклектическим мировоззрением [1]. Власть смогла на территории Саратовского Поволжья к началу 1940-х гг. приостановить легальную деятельность всех конфессий, однако подавить религиозную жизнь не удалось. Она приняла полужурегальный

и нелегальный характер, шли процессы ее трансформации.

В результате настойчивой и постоянной пропаганды и агитации, реальных успехов в строительстве нового общества, особенно в экономике и социально-культурной политике, на смену старой религии и суевериям приходило коммунистическое мировоззрение, успех которого, особенно среди молодежи, в немалой степени объяснялся догматичностью и упрощенностью основных положений, что существенно сближало его с религией.

Список литературы

1. Яковлева Ж. В. «Марш отсюда... церковь закрыта! Верующие теперь неверующие!»: Антирелигиозная кампания в Саратовском Поволжье (конец 1920-х – начало 1940-х гг.). Саратов : Техно-Декор, 2020. 252 с.
2. Покровская С. В. Союз воинствующих безбожников СССР: организация и деятельность : 1925–1947 гг. : дис. ... канд. ист. наук. М., 2007. 195 с.
3. Коновалов Б. Н. Союз воинствующих безбожников // Вопросы научного атеизма : в 39 вып. Вып. 4 : Победы научно-атеистического мировоззрения в СССР за 50 лет / отв. ред. А. Ф. Акулов. М. : Мысль, 1967. С. 63–93.
4. Кочетова А. С. Роль Комиссии по вопросам религиозных культов при Президиуме (ВЦИК) ЦИК СССР в разработке религиозного законодательства 1930-х гг. // Молодой ученый. 2011. № 9. С. 155–160.
5. Приказчикова О. Б. Деятельность постоянной центральной комиссии по вопросам культов (1929–1938 гг.) // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Серия 2 : История. История Русской Православной Церкви. 2009. Вып. 2 (31). С. 41–76.
6. Батченко В. С. Власть и вера: антирелигиозная политика и ее восприятие населением Западной области, 1929–1934 гг. СПб. : Петроглиф, 2019. 334 с.
7. Проскура А. В. Политика советской власти в отношении религии и церкви в деревне Северо-Запада России в конце 1920-х – 1930-е гг. : дис. ... канд. ист. наук. Псков, 2002. 249 с.
8. Союз воинствующих безбожников // Атеистический словарь / под общ. ред. М. П. Новикова. 2-е изд., испр. и доп. М. : Политиздат, 1985. С. 240–241.
9. Государственный архив Саратовской области. Ф. Р-522 (Нижневолжский краевой исполнительный комитет Советов рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов). Оп. 3. Д. 166.
10. Государственный архив новейшей истории Саратовской области (далее – ГАНИСО). Ф. 55 (Нижневолжский крайком ВКП (б)). Оп. 1. Д. 111.
11. ГАНИСО. Ф. 55. Оп. 1. Д. 113.
12. Государственный исторический архив немцев Поволжья (далее – ГИАИП). Ф. Р-336 (Областной совет союза воинствующих безбожников (СВБ) народного комиссариата просвещения АССР НП). Оп. 1 о/д. Д. 1.
13. Очистить школу от классового врага // Поволжская правда. 1929. 23 апр. № 91.

14. Российский государственный архив социально-политической истории (далее – РГАСПИ). Ф. 89 (Фонд Е. Ярославского). Оп. 4. Д. 39.

15. РГАСПИ. Ф. 89. Оп. 4. Д. 132.

16. Мишин Г. А. Были города Покровска: краеведческие очерки. Саратов : Приволжское книжное издательство, 2001. 160 с.

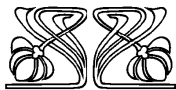
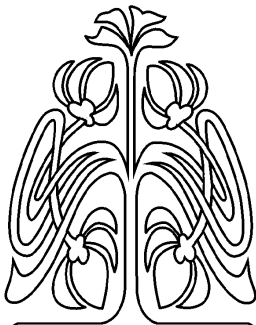
17. Государственный архив Российской Федерации. Ф. Р-5263 (Комиссия по вопросам культов при Президиуме ВЦИК). Оп. 2. Д. 7.

18. ГИАИП. Ф. Р-336. Оп. 1 о/д. Д. 740.

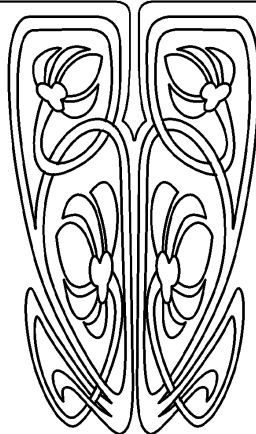
19. РГАСПИ. Ф. 89. Оп. 4. Д. 125.

20. ГАНИСО. Ф. 55. Оп. 1. Д. 64.

Поступила в редакцию 12.05.2022; одобрена после рецензирования 16.05.2022; принята к публикации 30.06.2022
The article was submitted 12.05.2022; approved after reviewing 16.05.2022; accepted for publication 30.06.2022

ПОДПИСКА

Подписка на печатную версию

Журнал выходит 4 раза в год
Подписной индекс издания 36018
Цена свободная

Оформить подписку на печатную версию можно
в Интернет-каталоге
ГК «Урал-Пресс» (ural-press.ru)

Электронная версия журнала находится
в открытом доступе (imo.sgu.ru)

Адрес Издательства

Саратовского университета (редакции):

410012, Саратов, Астраханская, 83

Тел.: +7(845-2) 51-29-94, 51-45-49, 52-26-89

Факс: +7(845-2) 27-85-29

E-mail: publ@sgu.ru, izdat@sgu.ru

Адрес редколлегии серии:

410012, Саратов, Астраханская, 83

СГУ имени Н. Г. Чернышевского

Институт истории и международных отношений

Тел.: +7(845-2) 21-06-32

Факс: +7(845-2) 21-06-51

E-mail: larisachernova@mail.ru

Website: <https://www.sgu.ru/structure/imimo>

ISSN 1819-4907

22004

9 771819 490702

ISSN 1819-4907 (Print). ISSN 2542-1913 (Online)
Известия Саратовского университета. Новая серия.
Серия: История. Международные отношения. 2022.
Том 22, выпуск 4

ИЗВЕСТИЯ САРАТОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА Новая серия

Серия: Акмеология образования. Психология развития

Серия: История. Международные отношения

Серия: Математика. Механика. Информатика

Серия: Науки о Земле

Серия: Социология. Политология

Серия: Физика

Серия: Филология. Журналистика

Серия: Философия. Психология. Педагогика

Серия: Химия. Биология. Экология

Серия: Экономика. Управление. Право

